

ШЕДЕВРЫ ПУСТЫКИ ШЕДЕВРЫ ПУСТЫКИ ШЕДЕВРЫ

АЙРА ЛЕВИН

КУЛЬТОВАЯ
МИСТИЧЕСКАЯ
ДИЛОГИЯ

АЙРА
ЛЕВИН

РЕБЕНОК
РОЗМАРИ

ВО ВЛАСТИ
КНЯЗЯ
ТЬМЫ

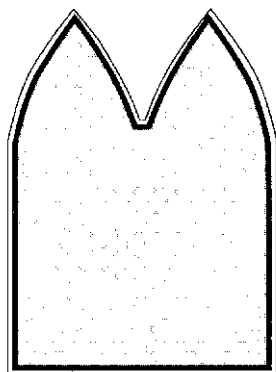
РЕБЕНОК РОЗМАРИ

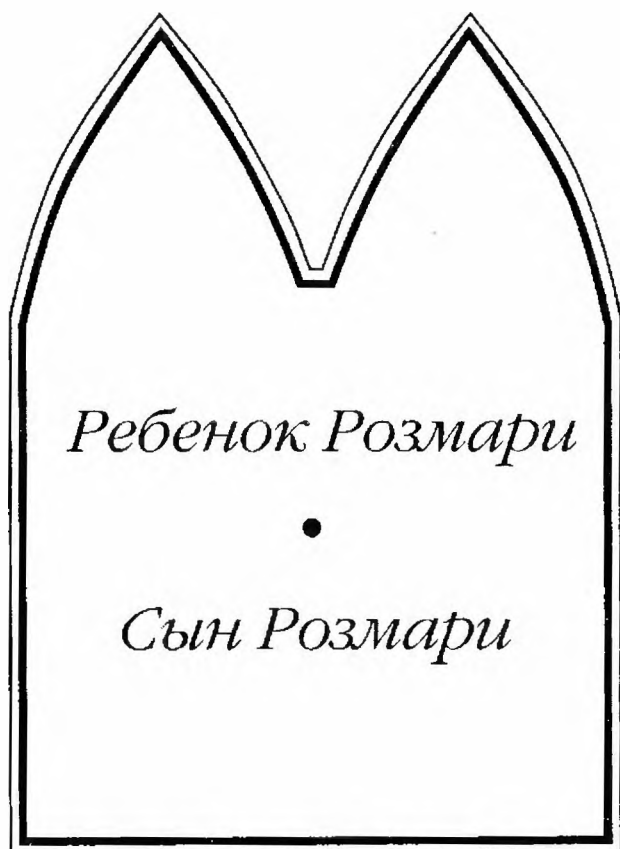

ШЕДЕВРЫ ПУСТЫКИ ШЕДЕВРЫ ПУСТЫКИ ШЕДЕВРЫ

АЙРА
ЛЕВИН

*Ребенок
Розмари*

МОСКВА

Санкт-Петербург

«ДОМИНО»

2005

АЙРА
ЛЕВИН

*Ребенок
Розмари*

МОСКВА

Санкт-Петербург

«ДОМИНО»

2005

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)
Л 36

Ira Levin

ROSEMARY'S BABY
Copyright © 1969 by Ira Levin

SON OF ROSEMARY
Copyright © 1997 by Ira Levin

Составитель серии *А. Жикаренцев*

Оформление серии художника *А. Саукова*

Серия основана в 2003 году

Левин А.

Л 36 Ребенок Розмари: Романы / Пер. с англ. — М.: Изд-во Эксмо; СПб.: Изд-во Домино, 2005. — 464 с. — (Шедевры мистики).

ISBN 5-699-13800-5

Диалогия А. Левина и фильм, снятый одним из наиболее известных американских режиссеров Джоном Кассаветесом по роману «Ребенок Розмари», давно стали культовыми. И с каждым годом число их поклонников среди любителей жанра неизменно растет.

Розмари Вудхаус не могла пожаловаться на судьбу: красивый, талантливый и, главное, любящий муж, друзья, новая квартира... Все так... Если бы не одно «но»: страстная мечта о ребенке.

И вот наконец свершилось!

Но кто мог предположить, что милые соседи по дому окажутся сатанистами, мечтающими о поимке Антихриста, и что именно в Розмари увидят они ту, которая достойна стать его матерью. Слишком поздно женщина узнала, что стала избранницей Князя Тьмы и что долгожданное дитя отмечено Знаком Зверя.

Какое начало победит в тяжелой битве за душу нового обителя мира — человеческое или дьявольское?

И какая судьба уготована миру?

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)

© Перевод. С. Адукард, В. Терещенко, В. Задорожный,
Г. Корчагин, 2005

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2005

ISBN 5-699-13800-5

РЕБЕНОК
РОЗМАРИ

*Завершено в августе 1966 года в Уилтоне, штат
Коннектикут, и посвящается Габриэле*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава первая

Розмари и Ги Вудхаус уже подписали договор об аренде пятикомнатной квартиры в белом блочном доме на Первой авеню, когда им позвонила миссис Кортес и сообщила, что освободилась четырехкомнатная квартира в Брэмфорде. В старом огромном черном доме Брэмфорда квартиры были с высокими потолками и славилась своими каминами и викторианскими украшениями. Розмари и Ги стояли в списке ожидающих со дня свадьбы и в конце концов почти потеряли надежду.

Ги сообщил новость Розмари, прижав телефонную трубку к груди.

— Не может быть! — прорычала Розмари. Она чуть не расплакалась.

— Слишком поздно, — сказал Ги в телефон. — Мы вчера подписали договор.

Розмари схватила его за руку.

— А нельзя от него отказаться? — спросила она. — Придумать что-нибудь?

— Подождите, пожалуйста, минуточку, миссис Кортес. — Ги снова закрыл телефонную трубку. — Что им сказать?

Розмари запуталась в словах и беспомощно развела руками.

— Не знаю... Может быть, правду — что у нас появилась возможность поселиться в Брэмфорде.

— Дорогая, им это не важно.

— Ну придумай что-нибудь, Ги. Давай просто посмотрим, ладно? Скажи ей, что мы приедем посмотреть. Пожалуйста. Пока она не повесила трубку.

— Но ведь мы подписали договор, Ро. Теперь у нас руки связаны...

— Пожалуйста! Она повесит трубку!

С мученическим выражением на лице Розмари оторвала трубку от его груди и прижала ему к уху.

Ги засмеялся и не стал противиться.

— Миссис Кортез? По-моему, у нас появилась возможность въехать в другой дом, однако то, что мы там подписали, не было договором. У них кончились бланки, и мы подписали одно только соглашение... Можно нам посмотреть квартиру?

Миссис Кортез дала инструкции. Нужно было подойти в Брэмфорд в одиннадцать или в полдвенадцатого, отыскать там мистера Микласа или Джерома и сказать, что их прислали посмотреть квартиру 7Е. После этого следовало позвонить ей — номер она оставила.

— Видишь, как у тебя хорошо получается,— сказала Розмари, надевая желтые туфли.— Ты прирожденный обманщик.

Стоя у зеркала, Ги воскликнул:

— Боже мой, прыщ!

— Не дави его.

— Но там же только четыре комнаты, ты знаешь? Без детской.

— Лучше жить в четырех комнатах в Брэмфорде,— ответила Розмари,— чем иметь целый этаж в этом... в этом белом скопище клетушек.

— А вчера ты была влюблена в этот дом.

— Да, он мне нравился, но я не любила его по-настоящему. По-моему, даже сам архитектор его не любил. Мы будем обедать в гостиной, а когда станет необходимо, сделаем из столовой прекрасную детскую комнату.

— Наверное, это произойдет очень скоро, — сказал Ги.

Он водил изад-вперед электрической бритвой над верхней губой и рассматривал свои глаза. Глаза у Ги были огромные, карие. Розмари надела желтое платье и ловко застегнула молнию на спине.

До сих пор они ютились в одной комнате — бывшем холостяцком жилище Ги. На стенах висели плакаты с видами Парижа и Вероны, а из венжей здесь были лишь большая кровать да крохотная кухня в нише стены.

Было третье августа, вторник.

Мистер Миклас оказался маленьким энергичным человеком. На обеих кистях у него не доставало пальцев, и от этого вид его трясущихся рук приводил в замешательство всех, но только не самого мистера Микласа.

— О, так вы актер! — воскликнул мистер Миклас, вызывая лифт средним пальцем. — У нас здесь очень много актеров.

Он назвал четверых, живущих в Брэмфорде, и все они оказались известными.

— Я вас мог где-нибудь видеть?

— Давайте подумаем, — начал Ги. — Недавно я играл Гамлета. Правда, Ализ? Потом...

— Он шутит, — перебила его Розмари. — Он играл в «Лютере» и «Никто не любит альбатроса» и еще во многих телеспектаклях и рекламных роликах.

— Вот где можно хорошо заработать, да? — сказал мистер Миклас. — В телерекламе.

— Да, — ответила Розмари, а Ги добавил:

— Только там чувствуешь себя настоящим актером.

Розмари умоляюще посмотрела на него, но Ги ответил ей самым невинным взглядом, а затем изобразил вампира прямо за спиной мистера Микласа.

Лифт был обит дубовыми панелями, весь в медных заклепках, со множеством ручек и поручней. Управлял им негритенок с застывшей улыбкой и в униформе.

— Седьмой,— сказал ему мистер Миклас и обратился к Розмари и Ги: — В этой квартире четыре комнаты, две ванные и пять встроенных шкафов. Раньше в доме были очень большие квартиры — самая маленькая состояла из девяти комнат,— а теперь почти все они разбиты на четырех-, пяти- и шестикомнатные. Квартира 7Е раньше составляла заднюю часть десятикомнатной. Там осталась бывшая кухня и главная ванная комната — они громадны, вы скоро увидите. Бывшая спальня сейчас служит гостиной, еще одна спальня так и осталась спальней, а две комнаты для прислуги спарены в одну столовую или вторую спальню. У вас есть дети?

— Скоро будут,— сказала Розмари.

— Это идеальная комната для ребенка: рядом большая ванна и встроенный шкаф. Вся квартира предназначена как раз для молодой пары с ребенком.

Лифт остановился, и негритенок, улыбаясь, прогнал его немного вниз, затем вверх и снова вниз, чтобы точнее выровнять кабину с наружным полом. Потом, все так же улыбаясь, открыл внутреннюю медную дверь и отодвинул в сторону внешнюю. Мистер Миклас поосторонился, и Розмари и Ги вышли в тускло освещенный коридор, где и стены, и ковры были темно-зеленого цвета. Возле зеленой двери, украшенной скульптурами и имевшей табличку 7Б, стоял рабочий. Он быстро взглянул на них и снова занялся глазком, который пытался вставить в вырезанное отверстие.

Мистер Миклас повел их направо, потом налево по коротким переходам темного зеленого коридора. Следуя за

ним, Розмари и Ги заметили вытертые места на обоях, перегоревшую лампочку под стеклянным колпаком и даже бледно-зеленую заплатку на темном ковре.

Ги удивленно посмотрел на Розмари.

— Залатанный ковер?

Она отвернулась и улыбнулась.

— Мне здесь нравится абсолютно все!

— Предыдущая хозяйка, миссис Гардиния, — пояснил мистер Миклас, не оборачиваясь, — умерла всего несколько дней назад, и вещи из квартиры еще не увезли. Ее сын просил передать всем, кто будет смотреть квартиру, что ковры, кондиционеры и кое-что из мебели продается.

Мистер Миклас завернул в следующий проход, где стены только недавно были оклеены зелеными обоями с золотыми полосами.

— Она умерла в квартире? — спросила Розмари. — Конечно, это не...

— Нет-нет, в больнице. Это была очень старая женщина. Она несколько дней находилась в состоянии комы и умерла, так и не придя в себя. Я бы и сам хотел так умереть, когда настанет время. Но миссис Гардиния до конца держалась молодцом: сама готовила еду, ходила по магазинам... Она была одной из первых женщин-адвокатов в штате Нью-Йорк.

Коридор заканчивался лестницей. Слева от нее располагалась дверь квартиры 7Е — без скульптур и меньше тех, мимо которых они проходили. Мистер Миклас нажал на перламутровую кнопку звонка — над ней белыми буквами по черному пластику было выбито: «А. Гардиния» — и повернул ключ в замке. Несмотря на недостающие пальцы, он очень ловко справился с ручкой и открыл дверь.

— Только после вас. — Стоя на цыпочках, мистер Миклас весь подался вперед и распахнул дверь на всю длину вытянутой руки.

Узкий центральный коридор, патиनावшийся от входа, делил квартиру пополам: по две комнаты с каждой стороны. Первая комната направо — кухня, при виде которой Розмари хихикнула: она была такая же, если не больше, чем вся их нынешняя квартира. В кухне стояли плита с шестью газовыми конфорками и двумя духовками, огромный холодильник, внушительных размеров раковина и десятки шкафов. Окно выходило на Седьмую авеню, а потолок был очень высоким. Если мысленно убрать хромированный стол и стулья, принадлежавшие миссис Гардинии, а также связанные пачки подписок «Фортуны» и «Музыкальной Америки», то как раз освободится необходимая площадь для углового дивана — например, того синего, со вставками из слоновой кости, фотографию которого Розмари вырезала из последнего номера журнала «Красивый дом».

Напротив кухни — столовая, бывшая вторая спальня, которую миссис Гардиния, очевидно, использовала одновременно как кабинет и оранжерею. Сотни горшков с различными растениями, завядшими и увядающими, размещались на сделанных кое-как, на скорую руку полках под незажженными лампами дневного света. В центре комнаты стоял стол — так называемое шведское бюро — с выдвижной крышкой на роликах, заваленный бумагами и книгами. Это был очень красивый стол, широкий и, вероятно, очень дорогой. Розмари оставила Ги разговаривать с мистером Микласом у двери, а сама подошла поближе, перешагнув через ящик с сухими коричневыми стеблями. Такие столы выставлялись обычно в витринах антикварных магазинов. Потрогав его, Розмари подумала: хорошо, если этот стол есть в списке вещей, предназначенных для продажи. На столе лежал лист розовой бумаги, на котором синими чернилами очень красиво было выведено следующее: «Я думала, что это не более чем интересное времяпрепровождение. Теперь я не могу больше считать себя...»

Розмари вдруг почувствовала, что сует нос не в свое дело, и в этот момент мистер Миклас поднял голову.

— А этот стол сын миссис Гардинии будет продавать? — дсловито осведомилась Розмари.

— Я не в курсе, — ответил мистер Миклас. — Но специально для вас могу узнать.

— Он очень красивый, — заметил Ги.

— Тебе он тоже понравился? — Розмари, улыбнувшись, принялась рассматривать стены и окна. Эту комнату она представляла себе идеальной детской. Она была немного темновата, так как окна выходили в маленький дворик, но бело-желтые обои конечно же сделают ее значительно светлее. Ванная комната была маленькой, но обладала бесспорными достоинствами: огромным стенным шкафом и нишей, заполненной горшками с различными растениями.

Уже возле двери Ги спросил:

— А что это за растения?

— В основном травы, — объяснила Розмари. — Вот это мята, это базилик, а это... сама не знаю что.

Дальше по коридору, по левую сторону, они увидели шкаф для одежды гостей, а по правую руку — широкую арку, за которой была гостиная. Большие окна с широкими подоконниками располагались друг против друга. Камин с мраморными резными украшениями был у правой стены, а слева виселись дубовые книжные полки.

— О, Ги, — вздохнула Розмари, отыскивая и сжимая его руку.

— М-м-м, — неопределенно промывал Ги, но на ласку ответил.

Мистер Миклас стоял рядом.

— Камин, разумеется, работает, — сообщил он.

Спальня находилась сзади и была такая же большая — примерно двенадцать на восемнадцать футов, — а окнами выходила на тот же дворик, что и столовая (или вторая спальня, или детская). Рядом с гостиной — огромная ванная комната, отделанная белой пластмассой и украшенная медными ручками.

— Какая чудесная квартира! — воскликнула Розмари, когда они вернулись в гостиную. Она раскинула руки и закружилась, будто хотела обнять все комнаты разом. — Мне здесь очень нравится!

— На самом деле она пытается заставить вас снизить плату, — шутиливо пояснил Ги.

Мистер Микаас улыбнулся.

— Мы бы ее еще подняли, если бы нам разрешили. Ведь такие неповторимые и очаровательные квартиры сейчас исключительно редкость. Новые... — Тут он зашлулся и устался на секретер из красного дерева, стоящий в самом конце коридора. — Странно... — удивленно начал он. — За этим секретером есть стенной шкаф. Я просто уверен. Их всего пять: два в спальне, один во второй спальне и два в коридоре — здесь и вон там.

Он подошел к секретеру.

Ги встал на цыпочки.

— А вы правы. Я вижу дверь.

— Его передвинули, — сказала Розмари. — Он раньше стоял вон там.

Она указала на призрачный силуэт секретера, оставшийся на обоях. На красном ковре просматривались четыре глубоких следа от ножек. Тоненькие полоски, извиваясь, пролегли от этих вмятин через всю комнату — к тому месту, где стоял теперь секретер.

— Помогите мне, пожалуйста, — попросил мистер Микаас, обращаясь к Ги.

Понемногу они водворили секретер на прежнее место.

— Теперь понятно, отчего у нее наступила кома, — произнес Ги, толкая секретер.

— Она не смогла бы передвинуть его сама, — сказал мистер Микаас. — Ей было восемьдесят девять лет.

Розмари подозрительно взглянула на представшую их глазам дверь.

— Посмотрим, что там внутри? — спросила она. — Или лучше пусть откроет ее сын?

Секретер легко встал на прежнее место. Мистер Миклас начал массировать свои покалеченные руки.

— Я уполномочен показать квартиру целиком,— произнес он, а потом подошел к двери и распахнул ее.

Шкаф оказался почти пустым: там стояла только пылесос и лежали три или четыре деревянные доски. Верхняя полка была забита синими и зелеными полотенцами.

— Если она запирала здесь призрака, то он вышел на свободу,— сострил Ги.

— Наверное, ей не нужны были пять шкафов,— неуверенно заметил мистер Миклас.

— Но зачем ей понадобилось запирать пылесос и полотенца? — удивилась Розмари.

Мистер Миклас пожал плечами.

— Мы этого уже никогда не узнаем. Может быть, она начала терять рассудок от старости.— Он улыбнулся.— Чем еще могу быть полезен?

— А как у вас тут насчет стирки? — поинтересовалась Розмари.— Стиральные машины в подвале есть?

Поблагодарив мистера Микласа, который проводил их до подъезда, они медленно побрели по Седьмой авеню.

— Эта квартира немного дешевле,— сказала Розмари, будто только и думала, что о практической стороне дела.

— Но, милая, здесь на одну комнату меньше,— возразил Ги.

Розмари некоторое время шла молча.

— Зато она расположена в хорошем районе,— высказала она новый довод.

— Это точно,— согласился Ги.— Отсюда можно пешком дойти до любого театра.

Расчувствовавшись, Розмари забыла про свою практичность.

— Ги, давай согласимся! Пожалуйста! Ну пожалуйста! Такая чудеснейшая квартира! Миссис Гардиния ею просто

не занималась! Эту гостиную можно сделать... можно сделать такой красивой и уютной, и еще... Ги, ну давай согласимся, ладно?

— Ну разумеется, — ответил Ги, — если сумеем отвертеться от первой.

Розмари быстро схватила его за локоть.

— Сумеем! Ты что-нибудь придумаешь, я знаю, у тебя выйдет.

Из телефонной будки Ги позвонил миссис Кортез, а Розмари стояла рядом и пыталась по губам догадаться, о чем он говорит. Миссис Кортез дала им срок до трех часов. Если до этого времени они не подтвердят свое решение, она предложит квартиру следующим из списка очередников.

Они зашли в русскую чайную и заказали «Кровавую Мэри» и жареного цыпленка с зеленью и черным хлебом.

— Скажи, что я заболела и должна лечь в больницу, — предложила Розмари.

Но это звучало неубедительно и казалось не слишком серьезным поводом для отказа от квартиры. Вместо этого Ги придумал целую историю о том, что его пригласили играть в пьесе «Хвастун» и он должен отправиться вместе со всей труппой во Вьетнам и Корею. Актер, занятый в роли Плана, сломал бедро, и если Ги не сможет его заменить (а Ги случайно знает эту роль наизусть), то турне придется отложить по крайней мере на две недели. А это будет позором: в то время как наши славные ребята сражаются с погаными коммунистами и умирают... Жена же его переедет к своим родственникам в Омаху...

Он повторил легенду дважды и отправился искать телефон.

Медленно потягивая напиток, Розмари под столом скрестила пальцы левой руки — на удачу. Она думала о квартире на Первой авеню, которая ей не нравилась, и мысленно перебирала все ее преимущества: новая светлая кухня, ма-

шина для мытья посуды, окна на речку, центральное кондиционирование.

Официантка принесла цыпленка и хлеб.

Мимо прошла беременная женщина в ярко-синем платье. Розмари внимательно посмотрела на нее. Женщина была уже на шестом или седьмом месяце. Она весело переговаривалась через плечо с пожилой дамой, нагруженной свертками, очевидно со своей матерью.

Кто-то помахал Розмари из противоположного угла. Она увидела рыжую девушку, которая пришла работать на радиостанцию незадолго до того, как Розмари уволилась. Розмари отвестила ей. Девушка что-то сказала, выразительно вытягивая губы, потом, видя, что Розмари не поняла, повторила еще раз. Мужчина, стоявший рядом с девушкой, оглянулся на Розмари. У него было худое бледное лицо.

И вот появился Ги, высокий и красивый. Он пытался скрыть улыбку, но удача сквозила в каждом его движении.

— Да? — спросила Розмари, как только он сел.

— Да! — выдохнул он. — Соглашение ликвидировали, вступительный взнос нам вернут. Миссис Кортез ждет нас в два часа.

— Ты ей позвонил?

— Да.

Рыжая девушка подошла к ним. Она покраснелась, глаза ее сияли.

— Я всегда знала, что вы будете прекрасной парой, — сказала она. — Выглядите просто замечательно.

Розмари, пытаясь вспомнить ее имя, засмеялась.

— Спасибо. У нас сейчас праздник. Мы только что получили квартиру в Брэмфорде!

— В Брэме? — изумилась девушка. — Я схожу по нему с ума! Если когда-нибудь вы будете оттуда съезжать, то я первая на очереди, и не забудьте об этом! Я мечтаю об этих ужасных горгульях и прочих кошмарах, сползающих прямо с окон.

Глава вторая

Как ни странно, Хатч попытался убедить их не переезжать в Брэмфорда, который, по его словам, был «опасной зоной».

Когда Розмари впервые оказалась в Нью-Йорке в июне 1962 года, она поселилась в квартире на Лексингтон-авеню с подругой из Омахи и еще двумя девушками из Атланты. Хатч был их соседом и, хотя всячески отпирался от роли названного отца всем четверым («Уже, слава Богу, вырастил своих двоих, и хватит с меня»), неизменно приходил на помощь в самые ответственные моменты. Например, когда начался пожар и Дженни чуть не задохнулась в дыму. Звали его Эдвард Хатчинс, был он англичанином пятидесяти четырех лет и под тремя разными псевдонимами написал три приключенческих романа для детей.

Для Розмари он стал не только другом, но и духовным наставником. Из шестерых детей в семье Розмари была самая младшая; остальные уже женились или вышли замуж и поселились неподалеку от родителей. В Омахе Розмари оставила молчаливую мать, сердитого, вечно что-то подозревающего отца и возмущенных ее поведением братьев и сестер. (Только второй по старшинству брат, Брайан, который изрядно выпивал, сказал: «Валяй, Рози, делай все, что взбредет тебе в голову», — и незаметно передал ей пакет, в который вложил восемьдесят пять долларов.) В Нью-Йорке Розмари сразу почувствовала себя виноватой и эгоистичной, и именно Хатч «встряхнул» ее при помощи крепкого чая и разговоров о родителях, детях и чувстве долга перед самим собой. Она задавала ему даже такие вопросы, которые никогда бы не осмелилась произнести в церкви. Хатч направил ее в университет прослушать вечерний курс по философии. «Я сделаю герцогиню из этой цветочницы», — сказал он тогда, и Розмари довольно остроумно ответила ему: «Валайте!»

Теперь раз в месяц Розмари и Ги обедали с Хатчем либо у них дома, либо, когда наступала его очередь приглашать, в ресторане. Ги считал Хатча довольно скучным человеком, но старался быть с ним на дружеской ноге: ведь Розмари помимо всего прочего была двоюродной сестрой писателя-драматурга Раттигана, с которым и сам Хатч переписывался. А Ги знал, что такие родственные связи иногда играют решающую роль в карьере актеров.

В четверг после осмотра квартиры Розмари и Ги обедали с Хатчем «У Клюбс» — в небольшом немецком ресторанчике на Двадцать третьей улице. Миссис Кортез попросила их достать три рекомендации, и Хатч оказался одним из рекомендующих. Он уже получил от миссис Кортез письмо-запрос и успел ответить на него.

— Меня так и подмывало написать, что вы наркоманы или любите копаться в помойках, — сказал он, — или что-нибудь подобное, что приводит в ужас владельцев домов.

Они спросили почему.

— Не знаю, — задумчиво произнес Хатч, намазывая маслом булочку, — но в начале века у Брэмфорда была плохая репутация.

Он посмотрел на них и, поняв, что они ничего об этом не знают, продолжил (у него было широкое светлое лицо, выразительные голубые глаза и жидкие черные волосы, зачесанные наискосок поверх проплешины):

— Кроме Айседоры Дункан и Теодора Драйзера в Брэмфорде жила еще целая плеяда менее симпатичных людей. Именно там сестры Тренч проводили свои невинные диетические опыты, а Кит Кеннеди собирал, так сказать, вечеринки. Там же жили Адриан Маркато и Пера Эймс.

— А кто такие сестры Тренч? — спросил Ги.

А Розмари добавила:

— И кто был этот Адриан Маркато?

— Сестры Тренч, — ответил Хатч, — это две чисто викторианские дамочки, которые временами занимались кан-

нибализмом. Они сварили и съели нескольких детей, в том числе и свою племянницу.

— Прелестно,— только и смог вымолвить Ги.

Хатч повернулся к Розмари.

— Адриан Маркато занимался колдовством. И в девятых годах прошлого столетия произвел сенсацию: заявил, что ему удалось вызвать живого Сатану. В качестве доказательства Маркато выставила напоказ клок шерсти и обрезки когтей, и люди, очевидно поверив ему, чуть не убили колдуна прямо в вестибюле Брэмфорда.

— Вы шутите,— прошептала Розмари.

— Нет, все это вполне серьезно. А через несколько лет началось знаменитое дело Кита Кеннеди, и к двадцатым годам дом наполовину опустел.

— Я слышал про Кита Кеннеди и Перл Эймс, но не знал, что там жил еще и Адриан Маркато,— сказал Ги.

— И эти сестры...— Розмари передернуло.

— Только из-за тягот Второй мировой войны и нехватки жилья,— продолжал Хатч,— в дом снова начали вселяться жильцы, и постепенно он вернул себе былой престиж. А в двадцатые годы его называли «Черный Брэмфорд» и разумные люди старались держаться от него подальше. А дыня у нас для дамы, да, Розмари?

Официант расставил закуски. Розмари вопросительно посмотрела на Ги, тот нахмурил брови и неопределенно потряс головой.

— Ерунда, пусть это тебя не пугает.

Официант ушел.

— На протяжении многих лет,— рассказывал Хатч,— в Брэмфорде происходили ужасные события. И, к сожалению, не все они относятся к далекому прошлому. В тысяча девятьсот пятьдесят девятом году, например, в подвале нашли мертвого младенца, завернутого в газеты.

— Но ведь ужасные вещи происходят время от времени и в других домах,— заметила Розмари.

— Время от времени,— согласился Хатч.— Но дело в том, что в Брэмфорде это случается куда чаще, чем «время от времени». Есть и еще кое-какие несоответствия. Там, например, произошло значительно больше самоубийств, чем в других таких же домах.

— В чем же дело, Хатч? — спросил Ги, притворяясь очень серьезным и озабоченным.— Должно же быть какое-то объяснение.

Хатч несколько секунд молча смотрел на него.

— Не знаю...— наконец проговорил он.— Может быть, дурная слава сестер Тренч привлекла туда Адриана Марката, а его слава, в свою очередь,— Кита Кеннеди, и постепенно дом стал... вроде как местом обитания людей, склонных к разным извращениям. А может быть, существует нечто иное, нам пока не известное: магнитные поля, или какие-то электроны, или что-нибудь подобное,— и место от этого становится злоецим. Но вот что я знаю наверняка: Брэмфорд в этом отношении не уникален. В Лондоне на Прэд-стрит был дом, в котором в течение шестидесяти лет произошло пять жестоких убийств, ничем между собой не связанных: разные убийцы, разные жертвы, разные мотивы преступлений. И тем не менее факт остается фактом: пять жесточайших убийств в одном и том же доме всего лишь за какие-то шестьдесят лет. Дом представлял собой небольшое строение с магазином внизу и квартирами на верхних этажах. В тысяча девятьсот пятьдесят четвертом году его снесли без особых на то причин, и это место пустует до сих пор.

Розмари рассеянно водила ложкой по дыне.

— Но, может быть, есть и хорошие дома,— предположила она.— Дома, в которых люди постоянно влюбляются, женятся, растят детей...

— И становятся знаменитыми,— вставил Ги.

— Наверное, есть,— согласно кивнул Хатч.— Но только никто об этом не знает. Обычно ведь лишь плохое становится явным.— Он улыбнулся, глядя на Розмари и Ги.—

Как бы то ни было, мне бы очень хотелось, чтобы вы подыскали себе другой дом, хороший, вместо этого Брэмфорда.

Розмари собиралась съесть кусочек дыни, но ее рука с ложкой застыла на полпути ко рту.

— Вы серьезно решили нас отговорить? — спросила она.

— Милая моя девочка, — ответил Хатч. — На сегодняшний вечер у меня было назначено свидание с очаровательной женщиной, но я его отменил только ради того, чтобы встретиться с вами и высказать свое мнение. Я в самом деле пытаюсь вас переубедить.

— Бог ты мой, Хатч, но... — начал было Ги.

— Я не утверждаю, — перебил его Хатч, — что, как только вы переедете в Брэмфорд, вам на голову свалится рояль, или вас съедят старые девы, или кто-нибудь обратит вас в камень. Я просто сообщаю факты, с которыми, по-моему, следует считаться так же, как с размером квартплаты или наличием камина: в доме происходило множество неприятных вещей. Зачем же сознательно входить в столь опасную зону? Можно ведь переехать в Дакоту или в Осборн, если уж вы так помешались на красотах девятнадцатого века.

— Дакота — кооперативный дом, — возразила Розмари, — а Осборн собираются сносить.

— Хатч, а вы, часом, не преувеличиваете? — спросил Ги. — Разве за последние годы там произошли какие-нибудь «ужасные события», не считая, конечно, того ребенка в подвале?

— Прощлой зимой там убили лифтера, — сказал Хатч, — при обстоятельствах, которые не принято обсуждать за столом. Я сегодня специально ходил в библиотеку, изучал подборки статей из «Таймс» и три часа просматривал микрофильмы. Вы еще хотите послушать?

Розмари взглянула на Ги. Тот отложил вианку и вытер рот.

— Все это глупости! Даже если там и произошло много неприятных событий, это вовсе не значит, что так будет

продолжаться и дальше. Я не понимаю, чем Брэмфорд опаснее любого другого дома в городе. Можно бросать монетку и получить пять «решек» подряд, но из этого совсем не следует, что и следующие пять тоже будут «решки» или что моя монетка чем-то отличается от других. Только лишь совпадение, и все.

— Если там что-то по-настоящему неладно, — поддержала мужа Розмари, — то его бы снесли. Как тот дом в Лондоне.

— Домом в Лондоне, — уточнил Хатч, — владела семья последней жертвы. А Брэмфордом владеет соседняя церковь.

— Ну вот, — оживился Ги, прикуривая сигарету, — значит, у нас будет божественное покровительство.

— Его не всегда достаточно, — хмуро возразил Хатч.

Официант унес пустые тарелки.

— Я и не знала, что домом владеет церковь, — сказала Розмари.

Ги тут же добавил:

— По правде говоря, она владеет всем городом.

— А вы пробовали снять квартиру в Вайоминге? — осведомился Хатч. — Он ведь находится в том же районе, что и Брэмфорд, насколько я помню.

— Хатч, — взмолилась Розмари, — мы перепробовали все. И нигде ничего нет, абсолютно ничего, кроме новых домов, где все комнаты похожи одна на другую, а в лифтах установлены телекамеры.

— Неужели это так страшно? — спросил Хатч, улыбаясь.

— Да, — кивнула Розмари.

— Мы чуть не въехали в такой дом, но, к счастью, удалось поменять на этот, — добавил Ги.

Хатч молча посмотрел на них, потом откинулся на спинку стула и хлопнул ладонями по столу.

— Все! Достаточно. Буду заниматься своими делами. Я должен был понять это с самого начала. Разводите себе

на здоровье огонь в камине; я вам подарю дверной засов и с сегодняшнего дня буду держать рот на замке. Я настоящий идиот, простите меня.

Розмари улыбнулась.

— На двери уже есть один засов. И ценочка тоже есть, и глазок.

— Тогда пользуйтесь всем этим сразу, — посоветовал Хатч. — И не стоит шататься по коридорам и знакомиться со всеми подряд. Это вам не Айова.

— Не Омаха, — с улыбкой поправила Розмари.

Официант подал горячее.

На следующий день, в понедельник, Розмари и Ги подписали договор об аренде квартиры 7Е в Брэмфорде сроком на два года. Они дали миссис Кортез чек на пятьсот восемьдесят три доллара — месячную ренту и залог за месяц вперед. Им сказали, что переехать можно, даже не дожидаясь первого сентября, — как только вывезут вещи в конце недели; ремонт начнут делать в среду, восемнадцатого.

В этот же день им позвонил Мартин Гардиния, сын прежней хозяйки квартиры. Они договорились встретиться в Брэмфорде в восемь вечера во вторник.

Это был высокий мужчина, веселый и открытый, лет шестидесяти. Он показал вещи, которые собирался продавать, и назвал свою цену — довольно невысокую. Розмари и Ги посоветовались и купили два кондиционера, трюмо из красного дерева с вышитым пуфиком, персидский ковер для гостиной, железные подставки для дров, каминный экран и кое-какие инструменты. К сожалению, письменный стол миссис Гардинии не продавался. Пока Ги выписывал чек и привязывал бирки к вещам, которые должны были остаться в квартире, Розмари принялась обмеривать гостиную и спальню шестифутовой складной линейкой, купленной утром.

Еще в марте Ги дали роль в дневном телесериале «Другой мир», и теперь его герой должен был снова на три дня вернуться на экран, поэтому всю неделю Ги был занят на съемках. Розмари перебрала папку с фотографиями различных комнат, которые она собирала еще со школы, нашла две подходящие для новой квартиры и вместе с Джоан Джеллико, девушкой из Атланты, вместе с которой Розмари снимала квартиру на Лексингтон-авеню, по соседству с Хатчем, отправилась по магазинам. У Джоан было удостоверение дизайнера по интерьерам, и их пускали во все дома, предназначенные для продажи, а также на выставки мебели. Розмари делала стенографические заметки и зарисовывала для Ги обстановку комнат. Потом, нагруженная всевозможными образцами обивки и обоев, побежала домой и как раз успела к началу очередной серии «Другого мира», дождалась выхода Ги, а затем пошла за продуктами к обеду. В этот день она опять пропустила занятия в кружке скульптуры и, к своему удовольствию, не успела посетить зубного врача.

В пятницу вечером квартира уже принадлежала им и встретила новых хозяев пустотой высоких потолков и непривычной темнотой, в которую они вступили с включенным фонариком и магазинными пакетами, прислушиваясь к эху, несущемуся из дальних комнат. Они включили кондиционеры и отдались наслаждению красотой ковра, каминов и трюмо, долго восхищались кранами в ванной, дверными ручками, петлями, карнизами, полами, плитой, холодильником, подоконниками и видом из окон. Поужинав прямо на ковре бутербродами и пивом, продумали, что куда ставить, при этом Ги производил замеры, а Розмари рисовала. Потом, закрыв тряпкой лампу, они разделись и занимались любовью — снова на ковре, в ночном свете незашторенных окон.

— Ш-ш-ш! — громко шипел Ги, широко раскрыв глаза от притворного ужаса. — Я слышу, как жуют сестры Тренч!

Розмари больно стукнула его по голове.

Они купили диван и огромную кровать, кухонный стол и два стула с изогнутыми ножками. По телефону договорились с рабочими о перевозке.

Маляры пришли в среду, восемнадцатого. Они штукатурили, грунтовали, красили, замазывали трещины и ушли только в пятницу, двадцатого, оставив на стенах ровные слои красок, точь-в-точь совпадающих с образцами Розмари. Позже пришел один-единственный обойщик, долго чем-то гремел и оклеил спальню.

Они звонили по разным магазинам, затем рабочим, дозвонились и до матери Ги, в Монреаль. За неделю им удалось приобрести красивый старинный сервант, обеденный стол, тумбочки для аппаратуры, новые тарелки и столовое серебро. Они были в упоении. Год назад Ги снялся в целой серии телерекламы, и ролики все еще показывали каждый день. Доход от них уже составил восемнадцать тысяч долларов, и источник не иссякал.

Повесив шторы и оклеив пленкой полки, Розмари и Ги расстелили ковер в спальне и белую виниловую дорожку в коридоре. Провели телефон с тремя дополнительными розетками, оплатили счет за старую квартиру и оставили на почте свой новый адрес.

И 27 августа, в пятницу, они переехали. Джоан и Дик Желлико прислали в подарок большой цветок в горшке, а агент Ги — такой же, но поменьше. От Хатча пришла телеграмма: *«Брэмфорд превратился из дурного дома в хороший, потому что одна из табличек на его дверях гласит: "Р. и Г. Вудхаус"»*.

Глава третья

Теперь Розмари стала очень занятой и была этим счастлива. Она купила и повесила занавески, отыскала для гостиной люстру в викторианском стиле, красиво разместила на

кухне многочисленные кастрюльки и сковородки. Как-то она обнаружила, что доски, лежащие в стенном шкафу коридора, это полки, которые легко вставляются на деревянные птыри. Она оклеила доски полосатой бумагой и, когда Ги вернулся домой, продемонстрировала ему аккуратный шкаф для белья. Рядом с домом, на Шестой авеню, находились супермаркет и китайская прачечная, куда можно было отдавать простыни и рубашки Ги.

У Ги тоже хватало дел, и он уходил на работу каждый день, как и подобает мужчине. После Дня труда* вернулся в город его наставник по вокалу. Ги занимался с ним каждое утро, а днем ходил на пробы для реклам и телеспектаклей. За завтраком он особенно нервничал, читая театральные объявления в газетах: все разъезжались на съемки; тот играл в «Небоскребе», этот — в «Черт побери, кошка!». А еще снимали «Невозможные годы» и «Жаркий сентябрь». И только он один-одинешенек остался здесь со своими рекламами. Но Розмари верила, что очень скоро и Ги предложат что-нибудь стоящее, и спокойно ставила перед ним кофе и так же спокойно просматривала страницы газеты.

Будущая детская пока что представляла собой рабочий кабинет с пустыми стенами и мебелью, привезенной со старой квартиры. Бело-желтые обои решено было заказать позже. Их образец лежал в альбоме Пикассо вместе с рекламой комодов и детских кроваток.

Розмари написала письмо брату Брайану, чтобы поделиться своим счастьем. Никто больше в семье не оценил бы этого. Все они казались Розмари врагами — родители, братья, сестры никогда не простят ей брака с протестантом. И тем более не простят того, что она не венчалась в

* День труда — официальный праздник, отмечаемый в США и Канаде в первый понедельник сентября. (Прим. пер.)

церкви, что у ее свекрови было два развода, а теперешний муж, с которым она живет в Кападе, — еврей.

Приготовив цыпленка, Розмари испекла кофейный торт и целое блюдо сливочного печенья.

Задолго до встречи с одной из соседок, Минни Кастивет, Розмари и Ги слышали ее громкий голос со среднезападным акцентом — он отчетливо звучал и в их спальне: «Роман, подойди к кровати! Уже двадцать минут двенадцатого!» И через пять минут снова: «Роман! Принеси мне попить, когда придешь!»

— Не знал, что кто-то до сих пор еще снимает кино про мамашу и папашу Кеттл, — сказал Ги, и Розмари неуверенно рассмеялась. Она была на девять лет моложе мужа и не всегда понимала, что он хочет сказать.

Они познакомились с Гоульдами из квартиры 7F, приятной пожилой парой, потом с Брюнами и их сыном Вальтером — все они говорили с легким немецким акцентом и жили в квартире 7C. Они здоровались также с Келлогами из 7J, с мистером Стайном из 7H и господами Дубином и де Вором из квартиры 7B. (Розмари быстро узнала фамилии соседей, читая их на табличках возле дверных звонков и на конвертах писем, которые лежали у дверей, — она не испытывала от этого угрызений совести.) Каппы из 7D не появлялись и не получали писем — наверное, еще не вернулись из летних отпусков, а Кастиветов из 7A пока было только слышно («Роман! Где Терри?»), но не видно. Они, видимо, были затворниками или выходили только по ночам (дверь их располагалась напротив лифта), зато получали письма из многих мест, что очень удивляло Розмари: из Гавика (Шотландия), Лагника (Франции), Виктории (Бразилия), Песснока (Австралия); выписывали и «Лайф», и «Лук».

Розмари и Ги так и не обнаружили никаких следов ни сестер Тренч, ни Адриана Маркато, ни Кита Кеннеди, ни Перл Эймс, ни их современных последователей. Дубин и

де Вор были гомосексуалистами, все же остальные казались вполне нормальными.

Почти каждый вечер они слушали западный выговор из соседней квартиры, которая, как догадывались Розмари и Ги, раньше была составной частью их собственной. «Нельзя быть уверенным на все сто процентов! — спорила женщина и тут же добавляла: — Если уж важно мое мнение, то ей вообще не надо ничего говорить — вот *мое* мнение!»

Однажды в субботу вечером у Кастиветов собрались гости — около десяти человек. Они шумно разговаривали, а потом пели. Ги сразу же заснул, а Розмари пролежала до двух ночи, слушая нестройный хор и звуки флейты или кларнета, сопровождавшие пение.

Раз в четыре дня Розмари все же вспоминала об опасениях Хатча: ей всегда становилось не по себе, когда приходилось спускаться в подвал, чтобы постирать вещи. Служебный лифт уже сам по себе вызывал неприятные ощущения: маленький, без лифтера, он жутко дребезжал и перемещался рывками. А подвал со старым кирпичным полом казался и вовсе ужасным местом: шаги отдавались гулким эхом, слышались хлопки невидимых дверей, а вдоль стен, отвернувшись, застыли под ярким светом ламп в проволочных карксах брошенные холодильники.

Именно здесь, вспоминала Розмари, не так давно нашли мертвого ребенка, завернутого в газету. Чей это был ребенок и как он умер? Пойман ли виновный, наказан ли? Она хотела пойти в библиотеку и прочитать об этом в газете, как поступил Хатч, но тогда все стало бы еще реальнее и страшнее, чем сейчас. Точно знать место, где нашли труп: может быть, ходить по этому месту от лифта и обратно... Невыносимо! «Не обращать внимания и постепенно забыть, — решила она. — Все проклятый Хатч со своими добрыми намерениями!»

Из прачечной получилась бы неплохая тюрьма: кирпичные стены, лампочки за решетками и ячейки в стенах, за-

крытые проволочными дверями. Здесь стояли машины и сушилки, работающие за деньги, а в запертых ящиках — личные агрегаты. Розмари приходила сюда в выходные или же после пяти вечера. В рабочие дни по утрам здесь обитала целая ватага прачек-негритянок, которые гладили белье и перетоваривались между собой. Когда же она один раз появилась в прачечной в их присутствии, те сразу неловко притихли. Розмари натянуто улыбнулась и постаралась сделать как можно более незаметной, но тишина продолжалась, и она почувствовала себя неуютно в обществе этих женщин.

Однажды, на третьей неделе их жизни в Брэмфорде, в четверть шестого вечера Розмари сидела внизу, читала «Нью-Йоркер» и собиралась уже добавить в воду кондиционер, чтобы начать полоскать белье, как вдруг в подвал вошла девушка примерно ее же возраста. Она была темно-волосая, с милым личиком, и, к своему огромному удивлению, Розмари увидела, что это Анна Мария Альбергетти. На девушке были белые сандалии, черные шорты и шелковая кофточка абрикосового цвета. В руках она несла пластиковую желтую сумку. Быстро кивнув в сторону Розмари, она прошла к стиральной машине и принялась загружать белье.

Анна Мария Альбергетти, насколько было известно Розмари, не жила в Брэмфорде, но она могла приехать к кому-нибудь в гости и помочь по хозяйству. Однако когда Розмари пригляделась повнимательнее, то увидела, что ошиблась: у девушки был слишком длинный и острый нос и иные черты лица, а также другая походка. Тем не менее сходство казалось удивительным. И тут Розмари заметила, что девушка закрыла машину и смотрит на нее с вопросительной и растерянной улыбкой.

— Извини, — торопливо произнесла Розмари. — Я решила, что ты Анна Мария Альбергетти, поэтому так и уставилась. Прости.

Девушка покраснела, снова заулыбалась и опустила глаза.

— Это со мной часто происходит. Не надо извиняться. Люди принимают меня за Анну Марию постоянно, с самого детства, когда она снялась в своей первой роли в фильме «А вот и жених».— Девушка посмотрела на Розмари, все еще красная, но уже без улыбки.— Я-то вообще не вижу никакого сходства. Я тоже итальянка, как и она, но это все, что есть между нами общего.

— Сходство есть, и еще какое,— заметила Розмари.

— Может быть,— ответила девушка.— Мне все говорят. Но я его не нахожу. Хотя мне и хотелось бы, если честно.

— Ты ее знаешь? — спросила Розмари.

— Нет.

— Просто ты назвала ее Анна Мария, вот я и подумала...

— Нет, я просто всегда ее так называю. Наверное, из-за того, что мне приходится часто о ней вспоминать.— Она вытерла руку о шорты, потом протянула ее вперед.— Меня зовут Терри Джоноффрио. Я точно не помню, как пишется моя фамилия, поэтому даже не переспрашивай.

Розмари улыбнулась и пожала протянутую руку.

— А я Розмари Вудхаус. Мы здесь недавно живем, а ты?

— Я здесь вообще не живу. Я из квартиры мистера и миссис Кастивет, на седьмом этаже. Я вроде бы как их гостя, уже с июня. А ты их знаешь?

— Нет, но наша квартира рядом, раньше это была одна большая квартира.

— Боже мой! — воскликнула Терри.— Так вы и есть те самые жильцы, которые заняли квартиру этой старушки! Миссис... ну той, которая умерла!

— Гардиния?

— Точно. Она была хорошая подруга Кастиветов. Выращивала травы и разные другие растения и приносила их миссис Кастивет для готовки.

Розмари кивнула.

— Когда мы первый раз смотрели квартиру, одна из комнат была уставлена горшками.

— А теперь, когда она умерла, миссис Кастивет сделала себе миниатюрную оранжерею на кухне и все выращивает сама.

— Извини, мне надо добавить кондиционер. — Розмари встала и вынула из пакета бутылочку.

— А знаешь, на кого *ты* похожа? — спросила Терри.

— Нет, — ответила Розмари, отвинчивая крышку. — На кого?

— На Пайлер Лори.

Розмари рассмеялась.

— Не может быть! Я смеюсь, потому что мой муж ухаживал за Пайнер Лори, пока та не вышла замуж.

— Ты не шутишь? В Голливуде?

— Нет, здесь. — Розмари налила кондиционер в копачок. Терри помогла открыть дверцу машины. Розмари поблагодарила и принялась размешивать жидкость.

— Так твой муж актер? — спросила Терри.

Розмари самодовольно кивнула, закрывая бутылочку.

— Ты не шутишь? Как его зовут?

— Ги Вудхаус. Он играл в «Актере» и в пьесе «Никто не любит альбатроса», а еще у него куча розей на телевидении.

— Слушай, да я целыми днями смотрю телевизор. Спорим, что я его видела!

Где-то наверху послышался звон разбивающегося стекла — бутылки или окна.

— Ох ты! — воскликнула Терри.

Розмари сжалась и боязливо покосилась на входную дверь:

— Ненавижу этот подвал!

— Я тоже, — отозвалась Терри. — Я так рада, что ты здесь. Будь я здесь одна — я умерла бы от страха.

— Наверное, рассыльный уронил где-то бутылку, — предположила Розмари.

— Слушай, а давай приходить сюда все время вдвоем! Ведь ваша дверь напротив служебного лифта, да? Я позво-

ню тебе, и мы спустимся вместе. А сначала можно договориться по внутреннему телефону, — предложила Терри.

— Это было бы здорово! — обрадовалась Розмари. — Я так не люблю торчать здесь в одиночестве!

Они рассмеялись, попытались еще что-то сказать, но, не найдя нужных слов, рассмеялись еще громче.

— У меня есть талисман: может быть, он будет спасать нас обеих? — Терри оттянула воротник кофточки, вынула блестящую цепочку и показала ее Розмари. На цепочке висел филигранный серебряный шарик не больше дюйма в диаметре.

— Какой красивый!

— Правда? — обрадовалась Терри. — Мне его подарила позавчера миссис Кастивет. Ему триста лет. А то, что внутри, она сама вырастила в оранжерее. Это приносит счастье. По крайней мере, должно приносить.

Розмари начала внимательно разглядывать шарик, который Терри держала между большим и указательным пальцами. Он был наполнен серовато-зеленым пористым веществом, выпирающим из отверстий. Неприятный запах заставил Розмари отпрянуть.

Терри снова засмеялась.

— Мне этот запах тоже не очень нравится. Но главное, чтобы талисман срабатывал!

— Красивый... — сказала Розмари. — Ничего подобного в жизни не видела.

— Это из Европы. — Терри прислонилась к машине и с удовольствием принялась рассматривать шарик, поворачивая его в руке. — Кастиветы самые замечательные люди на всем белом свете. Они меня в буквальном смысле подобрали на улице. Я отключилась на Восьмой авеню, а они принесли меня сюда и относятся как мать с отцом. Вернее, как бабушка с дедушкой.

— Ты была больна? — спросила Розмари.

— Мягко говоря, да. Я умирала от голода, сидела на наркотиках и делала еще черт знает что — теперь даже вспо-

минать тошно. Мистер и миссис Кастивет помогли мне поправиться, отвыкнуть от героина, накормили, одели и теперь обо мне заботятся. Я получаю прекрасное питание, всякие витамины и даже хожу к врачу на осмотры. И все потому, что у них нет детей. Я для них как дочка, понимаешь?

Розмари кивнула.

— Сначала я думала, что, может быть, у них есть какие-то тайные намерения,— продолжала Терри.— Но они как настоящие бабушка и дедушка. Даже хотят отправить меня учиться на секретаря. Я им потом, конечно, верну деньги. Я ведь даже школу не закончила, но это можно наверстать.

Она опустила шарик под кофточку.

— Приятно слышать, что есть еще такие люди, когда весь мир полон апатии и безразличия,— сказала Розмари.

— Не много таких, как мистер и миссис Кастивет,— ответила Терри.— Меня сейчас уже на свете не было бы, если бы не они. Это уж точно.

— А у тебя разве нет семьи или кого-то, кто мог бы помочь?

— У меня брат на флоте. Но о нем лучше не говорить.

Розмари перенесла белье в сушилку и подождала, пока Терри закончит со своим. Они поговорили о маленькой роли Ги в «Другом мире» («Конечно же я его помню! Так ты замужем за ним?»), о прошлом Брэмфорда (Терри ничего об этом не знала) и о предстоящем визите в Нью-Йорк Папы Римского Павла. Терри, как и Розмари, была католичкой, хотя и не ходила в церковь, но очень хотела достать билет на мессу на стадион Янки. Когда все было выстирано, девушки поехали в служебном лифте на седьмой этаж. Розмари пригласила Терри посмотреть квартиру, но та сказала, что ей неудобно опаздывать — Кастиветы садились за стол ровно в шесть,— и пообещала позвонить по внутреннему телефону попозже вечером, чтобы вдвоем спуститься в подвал за высушенным бельем.

Ги был уже дома. Он что-то жевал и смотрел фильм с участием Грейс Келли.

— Наверное, уже все перестирала, — предположил он.

Розмари рассказала ему о Терри и Кастиветах и о том, что Терри видела его в «Другом мире». Он сделал вид, что не обратил на это внимания, хотя был польщен. Оказалось, что Ги не в духе — похоже, роль в новой комедии достанется не ему, а его сопернику Дональду Бомгарту; они готовились на нее вдвоем и сегодня состоялось прослушивание.

— Бог ты мой, — ворчал он, — что это за имя такое — Дональд Бомгарт? — Его собственное имя раньше было Шерман Педен.

В восемь часов Розмари и Терри забрали белье из сушилки, и Терри пришла посмотреть квартиру и познакомиться с Ги. Она опять раскраснелась и очень волновалась. Видя это, Ги рассыпался в комплиментах, быстро сбегал за пепельницей и услужливо поднес ей спичку. Терри никогда раньше не была в этой квартире: миссис Гардиния и Кастиветы поссорились незадолго до того, как она появилась в доме, а потом миссис Гардиния впала в кому, из которой так и не вышла.

— Симпатичная квартира, — заметила Терри.

— Будет еще лучше, — заверила Розмари. — Мы еще и половину мебели не перевезли.

— Наконец-то вспомнил! — вскрикнул Ги и, хлопнув в ладоши, победно указал на Терри: — Анна Мария Альбертти!

Глава четвертая

От Хатча пришел подарочный сверток: высокое ведерко для льда из тикового дерева с ярко-оранжевыми полосками. Розмари сразу же позвонила ему и поблагодарила за подарок. Он видел квартиру после отделки, но с тех пор больше там не был, поэтому она сообщила, что стулья привезут только через неделю, а диван запаздывает на месяц.

— Только, ради Бога, не надо меня развлекать,— сказал Хатч.— Как у вас идут дела?

Розмари все подробно доложила.

— И соседи у нас вполне нормальные,— сообщила она.— Ну, кроме нормальных гомосексуалистов — их тут двое. А напротив, через коридор, живет милая пожилая парочка по фамилии Гоульд. Они в Пенсильвании разводят персидских кошек. Так что мы можем приобрести котенка в любое время.

— Они линияют,— пробурчал Хатч.

— Есть еще одна пара, мы с ними, правда, пока не знакомы. Они приютили у себя девушку, которая раньше была наркоманкой, и полностью ее вылечили, а теперь собираются отправить в школу — учиться на секретаря.

— Похоже, что вы всем очень довольны. Я рад.

— Подвал немного страшный,— продолжала Розмари,— и я вас проклинаяю каждый раз, когда туда спускаюсь.

— Но почему же меня?

— Из-за ваших рассказов.

— Если ты имеешь в виду те, которые я пишу, то за них я и сам себя проклинаяю, а если те, что я тебе пересказал, тогда точно так же можно ругать пожарную сирену за пожар или бюро прогнозов за тайфун.

Розмари успокоилась и добавила:

— Но теперь станет лучше. Со мной будет ходить туда та девушка, о которой я говорила.

— Похоже, вы, как я и предполагал, распространяете добро по всему дому, и он уже больше не страшен. Пользуйтесь ведерком, и передавай от меня привет Ги.

Появились Каппы из квартиры 7D. Полные супруги, вероятно, за тридцать, с любопытной двухгодовалой дочкой Лизой.

— Как тебя зовут? — спросила Лиза у Розмари. — Ты уже съела сегодня яйцо? А кукурузные хлопья? А «Капитана Кранча»?

— Меня зовут Розмари. Яйцо я съела, а капитана Кранча еще нет. А кто это? Я никогда раньше о нем не слышала.

Вечером 17 сентября, в пятницу, Розмари с Ги и еще две пары пошли на просмотр пьесы «Миссис Дэлли», а потом в гости к фотографу Ди Бертиллону в его студию на западной Сорок восьмой улице. Бертиллон начал спорить с Ги по поводу пайма иностранных актеров: Ги считал, что это правильная политика, а Бертиллон — наоборот. И хотя другие гости попытались перевести эту перебранку в шутку, Ги и Розмари ушли рано, в половине первого.

Ночь была свежая и приятная, и они решили прогуляться. Дойдя до Брэмфорда и завернув за угол, они сразу же заметили толпу на тротуаре: человек двадцать собрались полукругом возле одной из машин. Рядом стояли два полицейских автомобиля с работающими мигалками на крышах.

Розмари и Ги зашагали быстрее, взявшись за руки и предчувствуя недоброе. Машины на дороге немного притормаживали; из-за голов горгулий, украшавших окна Брэмфорда, выглядывали люди. Ночной сторож Тоби вышел из дверей дома с коричневым одеялом в руках и тут же передал его полицейскому.

Крыша «фольксвагена», вокруг которого толпились люди, была смята, ветровое стекло разбито вдребезги.

— Умерла, — сказал кто-то.

А другой голос добавил:

— Я посмотрел вверх, и мне показалось, что какая-то огромная птица ринулась к земле — орел или что-то в этом роде.

Розмари и Ги привстали на цыпочки, заглядывая через плечи зевак.

— Отойдите назад,— приказал полицейский.

Люди расступились, полицейский в спортивной рубашке прошел вперед. На тротуаре лежала Терри и смотрела в небо одним глазом, другая половина ее лица превратилась в кровавое месиво. Тело накрыли коричневым одеялом, на котором сразу же проступили красные пятна.

Розмари пошатнулась, закрыла глаза и машинально перекрестилась. Она крепко стиснула зубы, испугавшись, что ее сейчас вырвет.

Ги сморщился и шумно втянул в себя воздух.

— Господи,— простонал он.— Боже ты мой!

— Отойдите назад, пожалуйста,— повторил полицейский.

— Мы ее знаем,— сказал Ги.

Второй полицейский повернулся к ним.

— Как ее звали?

— Терри.

— Терри? А как дальше? — Этому голубоглазому полицейскому на вид было лет сорок, и он уже изрядно вспотел.

— Ро, как ее звали? Терри... а дальше? — переспросил Ги.

Розмари открыла глаза и слотнула.

— Не помню. Какая-то итальянская фамилия, очень длинная, начинается на «дж». Она даже шутила, что эту фамилию трудно писать.

— Она жила у Кастиветов, в квартире 7А,— сообщил Ги голубоглазому полицейскому.

— Мы это уже выяснили.

Подопшел еще один страж порядка, держа в руке листок желтоватой бумаги. Позади него, поджав губы, стоял мистер Миклас в накинутом поверх полосатой пижамы плаще.

— Коротко и ясно,— сказал подошедший полицейский голубоглазому и протянул ему листок.— Она прилепила это к окну пластырем, чтобы ветер не унес.

— Там кто-нибудь есть?

Полицейский покачал головой.

Голубоглазый прочитал записку, в задумчивости шумно выпуская воздух сквозь зубы.

— Тереза Джоноффрио,— произнес он как настоящий итальянец.

Розмари кивнула.

— В среду вечером мы бы и не подумали, что у нее в голове такие невеселые мысли,— сказал Ги.

— Очень грустные мысли,— согласился полицейский, вкладывая записку в папку для бумаг.

— Вы разве знали ее? — спросил мистер Миклас у Розмари.

— Немного,— ответила она.

— Ну да, конечно,— спохватился мистер Миклас.— Вы ведь тоже с седьмого этажа.

— Ну ладно, дорогая, пойдем наверх,— предложил Ги.

— А вы не знаете, где можно отыскать этих Кастиветов? — остановил их полицейский.

— Понятия не имею,— ответил Ги.— Мы с ними даже не знакомы.

— В это время они обычно бывают дома,— сказала Розмари.— Мы их слышим через стенку. У нас спальни рядом.

Ги положил руку ей на плечо.

— Ну, пойдем, дорогая.

Они кивнули полицейскому, мистеру Микласу и направились к дому.

— А вот и они! — сказал мистер Миклас.

Розмари и Ги остановились и обернулись. Со стороны города, откуда они только что пришли сами, к дому приближалась пара: высокая полная женщина с седыми волосами и столь же высокий худой мужчина.

— Это Кастиветы? — спросила Розмари.

Мистер Миклас кивнул.

Миссис Кастивет была в светло-голубом платье и в белоснежных перчатках, туфлях и шляпке; сумочка тоже была белая. Женщина заботливо вела под руку мужа. Тот шел, шаркая ногами по тротуару, но одет был великолепно: в

льняную куртку с полосками всех цветов, красные брюки, на шее — розовый бант, а на голове — серая широкополая фетровая шляпа с розовой лентой. Ему было лет семьдесят пять или больше, ей — под семьдесят. Они ускорили шаг, вопросительно улыбаясь. Навстречу им двинулся полицейский, и улыбки сразу исчезли. Миссис Кастивет что-то взволнованно сказала, а ее муж нахмурился и покачал головой. Его тонкие губы ярко розовели, будто накрашенные помадой, по щекам разлилась бледность, маленькие глазки блестели. На лице миссис Кастивет выдвинулись большой нос и пухлая нижняя губа. Цепочка очков в розовой оправе свисала возле сережек с искусственным жемчугом.

— Вы и есть Кастиветы с седьмого этажа? — спросил полицейский.

— Да, это мы, — сухо и с достоинством ответил мистер Кастивет.

— С вами живет девушка по имени Тереза Джоноффрио?

— Да, — сказал мистер Кастивет. — А что случилось? Что-нибудь с ней произошло?

— Подготовьтесь к самому худшему. — Полицейский немного помолчал и произнес: — Она умерла. Покончила жизнь самоубийством. — Подняв руку, он большим пальцем указал через плечо. — Она выпрыгнула из окна.

Старики смотрели на него с тем же выражением на лицах, что и минуту назад, будто он еще ничего не сказал, потом миссис Кастивет шагнула в сторону, увидела окровавленное одеяло, выпрямилась и снова взглянула ему в глаза.

— Это невозможно, — громко произнесла она таким же голосом, как и «Роман-принеси-мне-попить». — Это ошибка. Там под одеялом кто-то другой.

— Арти, дай этим людям взглянуть, пожалуйста, — попросил полицейский.

Миссис Кастивет твердой походкой прошла мимо него. Мистер Кастивет застыл на месте.

— Я знал, что это случится, — пробормотал он. — У нее через каждые три недели начиналась глубокая депрессия. Я замечал это и говорил жене, но она меня успокаивала. Она оптимистка и не хочет верить в то, что не всегда все происходит так, как ей бы хотелось.

Вернулась миссис Кастивет.

— Но это еще не значит, что она сама это сделала, — сказала она. — Терри была счастлива. У нее не было причин для самоубийства. Это скорее всего несчастный случай. Вероятно, девочка мыла окна и потеряла равновесие. Она всегда старалась сделать нам что-нибудь приятное.

— Она не стала бы мыть окна ночью, — возразил мистер Кастивет.

— Почему бы и нет? — рассердилась миссис Кастивет. — Может быть, и мыла!

Полицейский достал из папки записку и протянул им.

Миссис Кастивет немного поколебалась, потом взяла листок, перевернула его и прочитала написанное. Мистер Кастивет вытянул шею и тоже прочел, шевеля тонкими губами.

— Это ее почерк? — спросил полицейский.

Мистер Кастивет кивнул.

— Да, ее. Точно.

Полицейский протянул руку, и миссис Кастивет отдала ему листок.

— Спасибо, — сказал он. — Позже мы вернем вам записку.

Миссис Кастивет сняла очки, и они повисли на цепочке. Не снимая перчаток, она закрыла глаза руками.

— Я не верю. Я просто не могу поверить. Она была так счастлива. Все тревоги были уже позади.

Мистер Кастивет положил руку ей на плечо, опустил глаза и покачал головой.

— Вы знаете ее родственников? — спросил полицейский.

— У нее никого нет,— ответила миссис Кастивет.— Она была совсем одна. Никого... кроме нас.

— Разве у Терри не было брата? — удивилась Розмари.

Миссис Кастивет надела очки и внимательно посмотрела на нее. Мистер Кастивет поднял глаза; было видно, как они засветились под полями шляпы.

— А разве был? — спросил полицейский.

— Она говорила, что был,— ответила Розмари.— Во флоте.

Полицейский посмотрел на Кастиветов.

— Для меня это новость,— сказала миссис Кастивет.

— Для нас обоих,— кивнул ее муж.

— Вы знаете его звание или место, где он служит? — спросил полицейский у Розмари.

— Нет,— ответила она и обратилась к Кастиветам: — Она упомянула о нем на днях, в прачечной. Я Розмари Вудхаус.

— Мы живем в квартире 7Е,— объяснил Ги.

— Я чувствую то же, что и вы, миссис Кастивет,— призналась Розмари.— Она казалась такой счастливой, полной радости и планов на будущее. Она так хорошо отзывалась о вас и вашем муже, говорила, что благодарна вам за помощь, за то, что вы для нее сделали.

— Спасибо. Очень мило с вашей стороны поддержать нас в такую минуту. Нам стало немного легче.

— Вы больше ничего не знаете об этом брате, кроме того, что он во флоте? — настойчиво расспрашивал полицейский.

— Это все,— подтвердила Розмари.— По-моему, она его не очень любила.

— Его будет легко найти,— предположил мистер Кастивет.— Фамилия Джоноффрио не так уж часто встречается.

Ги обнял Розмари, и они пошли к дому.

— Я так ошеломлена, и мне очень жаль ее,— сказала Розмари Кастиветам.— Очень жаль. Это...

— Спасибо вам,— перебила миссис Кастивет, а ее муж произнес какую-то длинную и непонятную фразу, из которой можно было разобрать только слова «ее последние дни».

Розмари и Ги поднялись наверх («Боже мой! — не переставая повторял ночной лифтер Диго.— Боже мой! Боже мой!»), печально посмотрели на дверь 7А, где теперь обитало привидение, и прошли по коридору в свою квартиру.

Из соседней двери выглянул мистер Келлог и спросил, что происходит внизу. Они все рассказали.

Некоторое время они сидели на краю кровати и размышляли о том, какие у Терри могли быть причины для самоубийства. Наконец решили, что если когда-нибудь Кастиветы покажут им записку, то можно будет узнать, что же побудило ее совершить роковой прыжок, свидетелями которого они чуть не стали. Хотя, добавил Ги, и содержание записки не обязательно даст ответ, потому что его, наверное, не знала и сама Терри. Что-то привело ее к наркотикам и что-то толкнуло на самоубийство, но что именно — рассуждать уже поздно.

— Помнишь, что говорил Хатч? — спросила Розмари.— Что здесь больше самоубийств, чем в других домах.

— Ну, Ро,— возразил Ги,— все это чепуха. Ты имешь в виду его болтовню об «опасной зоне»?

— Но Хатч верит в это!.

— Все равно чепуха.

— Предполагаю, что он скажет, когда узнает о случившемся.

— А ты ему не говори. В газетах он все равно ничего не прочтет.— Только утром началась забастовка нью-йоркских газетчиков, и ходили слухи, что она продлится около месяца.

Они разделись, приняли душ, возобновили незаконченную игру в скрэббл*, снова ее не закончили, занялись любовью, а потом отыскиали в холодильнике немного молока и блюдо с холодными спагетти. Перед тем, как окончательно выключить свет в половине третьего, Г'и проверил автоответчик и обнаружил, что ему предложили участвовать в рекламе на радио для винной фирмы «Креста Бланка».

Скоро он заснул, а Розмари продолжала ворочаться. Перед глазами все еще стояло лицо Терри: окровавленная маска и один глаз, смотрящий в небо. Через некоторое время, однако, она незаметно для себя перенеслась в школу при монастыре Девы Марии в своем родном городе. Сестра Агнес яростно махала кулаком и требовала, чтобы Розмари исключили из председателей школьного совета. «Иногда я вообще удивляюсь, как ты можешь руководить хоть чем-нибудь!» — кричала она.

Стук за стеной разбудил Розмари, и она слышала голос миссис Кастивет: «И пожалуйста, не говори мне, что сказала Аура Луиза, потому что мне это неинтересно».

Розмари повернулась и ткнулась в подушку.

...Сестра Агнес негодовала. Ее пороссячи глазки были прищурены до крошечных щелочек, а ноздри раздувались, как бывало всегда в такие минуты. Из-за Розмари пришлось заложить кирпичом все окна, и теперь школу Девы Марии сняли с конкурса, проводимого газетой «Уорлд геральд». «Если бы послушали меня, этого не пришлось бы делать!» — кричала сестра Агнес со среднезападным акцентом. — Мы уже были бы на полпути, а теперь придется начинать все сначала!» Дядюшка Майк пытался успокоить ее. Он был директором школы, которая несколькими проходами соединялась с его магазином в южной части Омахи. «Я же говорила, что ей ничего не надо рассказывать!» — продолжала

* Скрэббл — игра, смысл которой заключается в составлении максимального количества слов из ограниченного набора букв. Ее полным аналогом является игра «Эрудит». (Примеч. пер.)

орать сестра Агнес, и ее крохотные глазки яростно сверкали.— Я же знала, что она ничего не поймет. Впереди было достаточно времени, чтобы посвятить ее». (Розмари рассказала все сестре Веронике про окна, и та вывела их из участия в конкурсе. В противном случае никто бы ничего не заметил, и они бы победили. С ее стороны было честно все рассказать. Но сестра Агнес, видимо, не считала, что католики не могут побеждать обманом.) «Кто угодно! — вещала сестра Агнес.— Она должна быть молодой, здоровой и не девственницей. И совсем не обязательно, чтобы она была паркоманкой из уличной помойки. Разве я не говорила это с самого начала? Кто угодно. Просто молодая, здоровая и не девственница».

Это была уже полная бессмыслица, даже для дядюшки Майка, поэтому Розмари повернулась на другой бок...

И вот уже настало воскресенье, и она с Брайаном, Эдди и Джин оказалась в кондитерском магазине. Вечером они собирались посмотреть «Источник»... Только это был не сон. Все происходило на самом деле.

Глава пятая

В понедельник утром, когда Розмари заканчивала разбирать покупки, в дверь позвонили. В глазок она увидела миссис Кастивет в бигудях, покрытых бело-синей косынкой, миссис Кастивет смотрела прямо и уверенно, будто готовилась фотографироваться на паспорт.

Розмари открыла дверь.

— Здравствуйте. Как у вас дела?

Миссис Кастивет чуть заметно улыbnулась.

— Хорошо. Можно, я зайду на минуточку?

— Да, конечно, пожалуйста.— Розмари отступила и запахнула дверь пошире. До нее донесся слабый горьковатый запах талисмана Терри, наполненного коричневатым губчатым веществом. Миссис Кастивет надела лосины, что было весьма опрометчиво: они подчеркивали ее огромные бед-

ра и ляжки со свисающими жировыми складками. Лосины были светло-зеленого цвета, поверх них — синяя блузка. Из кармана торчала отвертка. Остановившись у дверей рабочего кабинета и кухни, она надела очки и улыбнулась Розмари. На секунду Розмари вспомнила недавний сон — как сестра Агнес сердилась на нее за то, что пришлось закладывать окна кирпичом, — но сразу же отогнала его, улыбнулась и приготовилась выслушать миссис Кастивет.

— Я пришла просто поблагодарить вас, — начала миссис Кастивет, — за те добрые слова, которые вы нам сказали недавно: что Терри была счастлива с нами. Вы даже не представляете, как они были кстати в тот момент, ведь в глубине души нас мучили сомнения: вдруг это мы что-то не так сделали или сказали и довели ее... Хотя и в записке ясно указано, что она поступила исключительно по своему желанию... Как бы то ни было, очень приятно слышать такие слова от человека, которому Терри доверилась за несколько дней до кончины.

— Пожалуйста, не благодарите меня, ведь я только передала то, что она мне сказала.

— Другие бы даже не побеспокоились, — продолжала миссис Кастивет. — Они бы попросту отвернулись и ушли, чтобы не терять понапрасну время. Когда вы состаритесь, то поймете, как важны такие добрые поступки и как они редки в нашем мире. Поэтому я очень вам благодарна, и Роман тоже. Роман — это мой муж.

Розмари наклонила голову.

— Я очень рада, что смогла вам хоть как-то помочь.

— Вчера была кремация, без всяких речей. Именно так она и хотела. А теперь надо забыть о случившемся и жить дальше. Это, конечно, нелегко, мы ее очень любили — у нас ведь нет своих детей. А у вас есть?

— Нет, пока нет, — ответила Розмари.

Миссис Кастивет заглянула в кухню.

— Как мило, сковородки висят как раз на местах. А как, интересно, вы расположили стол?

— Я взяла образец из журнала, — пояснила Розмари.

— У вас тут хорошо потрудились рабочие. — Миссис Кастивет с удовольствием ощутила свежеекрашенный дверной косяк. — Это все за счет владельцев дома? Вы, наверное, были с ними очень щедры — нам такое не делали.

— Мы дали им всего по пять долларов, — отозвалась Розмари.

— И только-то? — удивилась миссис Кастивет, повернулась и заглянула в рабочий кабинет. — Как мило! Комната для просмотра телевизора.

— Это временно. По крайней мере, я на это рассчитываю. Тут будет детская.

— Вы беременны? — Миссис Кастивет внимательно посмотрела на Розмари.

— Пока нет, — ответила Розмари, — но я надеюсь на это в скором будущем — как только мы окончательно устроимся.

— Чудесно! Вы здоровая и молодая, у вас должно быть много детей.

— Мы думаем, их будет трое. Хотите посмотреть квартиру?

— С удовольствием. Я умираю от нетерпения: так хочется увидеть, что вы с ней сделали. Я ведь раньше бывала здесь каждый день — дружила с прежней хозяйкой.

— Да, знаю. — Розмари прошла вперед, показывая дорогу. — Мне Терри говорила.

— Правда? — миссис Кастивет последовала за ней. — Похоже, вы с ней часто болтали в прачечной.

— Всего один раз.

Миссис Кастивет вошла в гостиную.

— Боже мой! Как непривычно! — удивленно воскликнула она. — Здесь стало гораздо светлее! А какой стул! Просто прелесть.

— Его привезли только в пятницу.

— И сколько вы за него заплатили?

Розмари смутилась.

— Точно не знаю. По-моему, долларов двести.

— Вы не сердитесь, что я вас распрашиваю? — Миссис Кастивет постучала себя по несу. — Вот от этого у меня нос так и вырос, что я постоянно сую его куда не надо.

Розмари засмеялась.

— Нет-нет, все в порядке. Я не против.

Миссис Кастивет исследовала гостиную, спальню и ванную, спросила, сколько потребовал сын миссис Гардини за ковер и трюмо, где они купили такие ночники, сколько полных лет Розмари и правда ли, что электрическая зубная щетка лучше обычной. Розмари поймала себя на мысли, что ей нравится эта откровенная старушка, ее громкий голос и прямые вопросы. Она предложила ей кофе с тортом.

— А чем занимается ваш муж? — спросила миссис Кастивет, сидя на кухне и ловко рассматривая ценники на банках с консервированным супом и устрицами.

Розмари, передавая салфетку, ответила.

— Я так и знала! — вскрикнула миссис Кастивет. — Я вчера сказала Роману: «Он такой красивый, наверное артист!» В этом доме живут еще три или четыре артиста. А в каких фильмах он снимался?

— Не в фильмах. Он играл в двух пьесах: «Лютер» и «Никто не любит альбатроса», и еще у него много работы на радио и телевидении.

Они пили кофе и ели торт на кухне. Миссис Кастивет не хотела, чтобы из-за нес Розмари накрывала стол в гостиной.

— Послушайте, Розмари, — сказала она, откусывая торт и запивая его сладким кофе, — вот прямо сейчас у меня размораживается огромный кусок филейного мяса, и половина его пропадет, потому что мы с Романом все не съедим. Что, если вы и Г'и придете к нам сегодня на ужин, а?

— Нет, мы не сможем, — ответила Розмари.

— Ну почему? Может быть, все-таки придете?

— Видимо, нет. Я не уверена, что вы и вправду...

— Вы бы нас очень выручили.— Миссис Кастивет опустила голову, а потом заглянула Розмари прямо в глаза.

— Прошлым вечером и в субботу у нас были гости, а сегодня мы первый раз останемся совсем одни после этой... после той ночи.

Розмари сочувственно придвинулась к гостье.

— Ну, если вы считаете, что мы не очень вам помешаем...

— Милочка, да если бы вы помешали, я бы вас ни за что не пригласила. Поверьте мне, я страшная эгоистка.

Розмари улыбнулась.

— Вот об этом мне Терри не говорила.

— Ну,— довольно пропела миссис Кастивет.— Терри об этом не догадывалась.

— Я должна, конечно, спросить у Ги, но... В общем, вы можете на нас рассчитывать.

Миссис Кастивет обрадовалась.

— Послушайте! Скажите ему, что отказа я не приму! Ведь тогда я не смогу похвастаться перед своими знакомыми, что знаю его лично!

Они допили кофе с тортом, разговаривая о сложностях и страстях в карьере артиста, о новых телепостановках и о том, что все они очень неудачны, а потом и о газетной забастовке.

— В полседьмого вам не будет рано? — спросила миссис Кастивет уже в дверях.

— Нет, в самый раз,— ответила Розмари.

— Роман не любит есть позднее,— объяснила миссис Кастивет.— У него больной желудок, и если он поужинает поздно, то потом долго не может заснуть. Вы знаете, где наша квартира? 7А. В шесть тридцать. Мы вас ждем с нетерпением. А вот и ваша почта пришла, я вам передам... Рекламы. Но все равно лучше, чем ничего, верно?

Ги вернулся домой в половине третьего в плохом настроении. Его агент сообщил, что, как Ги и боялся, роль получил актер с жутким именем Дональд Бомгарт. А цель была так близка! Розмари поцеловала его, усадила на новый стул и принесла sandwich с расплавленным сыром и стакан пива. Чтобы как-то успокоить Ги, она сказала, что прочла пьесу и та ей не понравилась. Вероятнее всего, она быстро сойдет со сцены, и о Дональде Бомгарте больше никто никогда не услышит.

— Даже если пьеса не пойдет,— пробурчал Ги,— то такая роль не может остаться незамеченной. Вот увидишь, ему сразу же предложат следующую.— Он приподнял верхний кусочек хлеба, заглянул внутрь sandwichа и принялся жевать его.

— Миссис Кастивет заходила сегодня утром,— сообщила Розмари,— чтобы поблагодарить меня за добрые слова о Терри. По-моему, на самом деле она просто хотела посмотреть квартиру. Это самая любопытная старушка из всех, кого я встречала. Она спрашивала меня, сколько мы заплатили за мебель.

— Да что ты? — удивился Ги.

— Но она и сама созналась, что очень любопытна, это было смешно и очень мило. Она даже в аптечку заглянула.

— Прямо в аптечку?!

— Прямо в аптечку, А знаешь, что на ней было надето?

— Какой-нибудь невероятный мешок?

— Нет, тореадорские штаны в обтяжку.

— Не может быть.

— Да, светло-зеленого цвета.

— Бог ты мой!

Встав на колени, Розмари линейкой начала измерять ширину подоконников.

— Она пригласила нас сегодня на ужин.— Розмари выжидательно посмотрела на Ги.— Я сказала, что надо посоветоваться с тобой, но вообще я не против.

— Но Боже мой, Ро, мы ведь не хотим туда идти, правда?

— Мне кажется, что им сейчас очень одиноко,— сказала Розмари.— Без Терри.

— Дорогая,— начал объяснять Ги,— если мы подружимся с этими старичками, то они сядут нам на шею. Мы ведь живем на одном этаже, и они будут заглядывать к нам по сто раз на дню. Особенно, если она такая любопытная.

— Но я сказала, что на нас можно рассчитывать.

— Но почему ты сначала не поинтересовалась моим мнением?

— Но они нас очень ждут,— беспомощно проговорила Розмари.— Миссис Кастивет так хотела, чтобы мы приняли приглашение.

— Сегодня мне особенно не до угождения разным старичкам,— рассердился Ги.— Позвони им, пожалуйста, и скажи, что мы не можем прийти.

— Хорошо, позвоню,— ответила Розмари и провела на плане квартиры несколько линий.

Ги доел сэндвич.

— И пожалуйста, не дуйся на меня.

— Я и не дуюсь. Просто подумала, что они ведь и правда живут на этом этаже. Так что здесь ты абсолютно прав. Я совсем не обиделась.

— Черт,— проворчал Ги.— Ну ладно, пойдем.

— Нет-нет, зачем? Мы не обязаны. Я утром как раз ходила за продуктами, так что обед мы и сами приготовим.

— Нет, мы пойдем к ним.

— Если не хочешь, то не надо. Я это честно говорю.

— Мы пойдем, и это будет мой сегодняшний благородный поступок.

— Ладно, если ты в самом деле не против. Но мы дадим им понять, что это в первый и последний раз. И никакой дружбы мы не завязываем. Идет?

— Идет.

Глава шестая

Наступила половина седьмого, и через несколько минут Розмари и Ги прошли по темным переходам к квартире Кастиветов. Когда Ги позвонил, сзади открылся лифт и из него вышел мистер Дубин или мистер де Вор (они не знали, кто из них кто), неся в руке чемодан, обернутый в полиэтилен. Он, улыбаясь, открыл дверь квартиры 7В и произнес: «По-моему, вам не сюда». Розмари и Ги весело рассмеялись. Крикнув «Это я!», он быстро вошел в квартиру, и в глубине ее они успели разглядеть черный сервант и красные с золотом обои.

Дверь Кастиветов открылась, и их встретила миссис Кастивет в светло-зеленом платье и розовом плиссированном фартуке. Она была напудрена, нарумянена и широко улыбалась.

— Вы как раз вовремя! — обрадовалась она. — Проходите! Роман как раз готовит коктейли с водкой. Как я рада, что вы смогли прийти, мистер Ги! Теперь я буду всем говорить, что знаю вас лично, что вот из этой тарелки ел сам Ги Вудхаус. Я ее даже мыть не буду — оставляю на память!

Ги и Розмари обменялись взглядами. «Это твоя подруга», — говорили его глаза. «Ну что я могу поделать?!» — отвечали ее.

В большом холле стоял прямоугольный стол, накрытый на четверых, с вышитой белой скатертью, тарелками из разных сервизов и столовым серебром. Налево открывался вид в гостиную, которая была похожа на комнату в квартире Ги и Розмари, с таким же мраморным камином и лепными украшениями, но раза в два просторнее, и с одним большим окном вместо двух поменьше. Комната была обставлена необычно: возле камина стояли диванчик, столик с лампой и несколько стульев, у противоположной стены — множество ящичков для бумаг, журнальные столики, заваленные газетами, перегруженные книжные полки и

пишущая машинка на металлической подставке. От стены до стены пол покрывал новый пушистый коричневый ковер. Было видно, что по нему недавно прошлись пылесосом. Посреди комнаты одиноко стоял крошечный столик с журналами «Лук», «Лайф» и «Сайнтифик америкэн».

Миссис Кастивет провела их по ковру и усадила на диван. Тут же пришел и мистер Кастивет: в руках он держал поднос со стаканами, доверху наполненными розовой жидкостью. Не спуская глаз со стаканов, он медленно двинулся по ковру, будто каждую секунду ему грозило страшное падение.

— По-моему, я налил слишком много, — заговорил он. — Нет-нет, не вставайте, пожалуйста. Обычно я рассчитываю точно, как настоящий бармен, верно, Минни?

— Осторожнее с ковром, — сказала миссис Кастивет.

— Но сегодня, — продолжал мистер Кастивет, подходя ближе, — я приготовил немного больше и, чтобы не оставлять в миксере, подумал, что... Ну, вот и все. Пожалуйста, сидите. Миссис Вудхаус?

Розмари взяла стакан, поблагодарила его и устроилась поудобнее. Миссис Кастивет быстро положила ей на колени салфетку.

— Миссис Вудхаус, это коктейль с водкой. Вы такой пробовали?

— Я — нет. — Ги тоже взял коктейль и сел.

— Минни, — сказал мистер Кастивет.

— Смотрится прекрасно, — заметила Розмари, вытирая салфеткой дно стакана.

— Такие коктейли делают в Австралии. — Мистер Кастивет взял последний стакан и поднял его вверх. — За наших гостей. Добро пожаловать в наш дом. — Он отпил немного и, оценивая вкус, критически наклонил голову, прищурив один глаз. Поднос упал на ковер.

Миссис Кастивет поперхнулась.

— Ковер! — воскликнула она и закашлялась.

Мистер Кастивет посмотрел вниз.

— Боже мой! — сокрушенно прошептал он и поднял поднос.

Миссис Кастивет поставила стакан, встала на колени и приложила салфетку к ковра.

— Совершенно новый ковер. Ты у меня такой неуклюжий!

Коктейли оказались кисловатыми и приятными на вкус.

— А вы сами из Австралии? — спросила Розмари, после того как пятно было уничтожено, поднос унесен на кухню и Кастиветы уселись на стулья.

— Нет, — ответил мистер Кастивет, — я родился здесь, в Нью-Йорке. Но я там бывал. Я был везде. В буквальном смысле.

Он медленно пил свой коктейль, сидя со скрещенными ногами и положив одну руку на колено. На нем были черные мокасины с кисточками, серые брюки, белая рубашка, на шее — синий платок в золотую полоску.

— На всех континентах, во всех странах, — продолжал он. — Назовите любое место, и я уверен, что был там. Давайте попробуем. Называйте.

— Фэрбенкс на Аляске, — выпалил Ги.

— Был, — сказал мистер Кастивет. — Я был во многих местах на Аляске: Фэрбенкс, Джуно, Анкоридж, Ном, Сьюард. Я провел там четыре месяца в 1938 году, и мне пришлось делать множество однодневных остановок в Фэрбенксе и Анкоридже по дороге на Дальний Восток. Я бывал и в маленьких городках Аляски — в Дилаингеме и Акулураке.

— А вы откуда? — спросила миссис Кастивет, поправляя складки на груди.

— Я из Омахи, — ответила Розмари, — а Ги из Балтимора.

— Омаха хороший город,— замстил мистер Кастивет.— Балтимор тоже.

— Вам приходилось путешествовать по заданию фирм? — поинтересовалась Розмари.

— И по заданию фирм, и по собственному желанию. Мне уже семьдесят девять лет, а я начал путешествовать, когда мне едва исполнилось десять. Называйте любые города — я был везде.

— А где вы работали? — спросил Ги.

— Где я только не работал,— разговорился мистер Кастивет.— В шерстяной промышленности, в сахарной, нефтяной, занимался игрушками, запчастями для станков, морской страховкой...

В кухне зазвенел звонок.

— Отбивные готовы.— Миссис Кастивет встала со стаканом в руке.— Не торопитесь допивать, возьмите с собой коктейли за стол. Роман, не забудь принять таблетку.

— Третьего октября забастовка закончится,— настаивал мистер Кастивет.— За день до приезда Папы Римского. Ни один Папа не приедет в город, где бастуют газетчики.

— А я слышала по телевизору, что он отложит свою поездку до завершения забастовки,— сообщила миссис Кастивет.

Ги улыбнулся.

— Ну, так и полагается для настоящей показухи.

Мистер и миссис Кастивет засмеялись, и Ги присоединился к ним. Розмари улыбнулась и разрежала отбивную, сухую и пережаренную, с горошком и картофельным пюре под мучным соусом.

Миссис Кастивет никак не могла успокоиться.

— Да, действительно, прямо в точку: настоящая показуха!

— Я дарю вам эту шутку,— сказал Ги.

— Все эти наряды и ритуалы...— подхватил мистер Кастивет.— Да и во всех религиях, не только у католиков. Сплошной маскарад для невежд!

— Может быть, мы обижаем Розмари своими замечаниями? — заметила миссис Кастивет.

— Нет, вовсе нет.

— Ты ведь не религиозна, дорогая моя? — учтиво спросил мистер Кастивет.

— Меня так воспитывали,— сказала Розмари.— Но теперь я чистый агностик. Так что вы меня ничуть не обидели.

— А вы? — поинтересовался мистер Кастивет у Ги.— Вы тоже агностик?

— Наверное, да. Не знаю, как можно думать иначе. То есть я хочу сказать, что убедительных доказательств нет ни у одной из сторон, верно?

— В самом деле нет,— согласился мистер Кастивет.

Миссис Кастивет внимательно поглядела на Розмари.

— Ты так неудобно себя почувствовала, когда мы смеялись над шуткой Ги насчет Папы.

— Ну, он ведь все-таки Папа,— смутилась Розмари.— Я всегда его уважала и сейчас уважаю, хотя давно уже не считаю святым.

— Если ты не считаешь его святым,— сказал мистер Кастивет,— то не следует его и уважать, потому что он обманывает людей, заявляя о своей святости.

— Вот именно,— поддержал Ги.

— Как только подумаю, сколько денег уходит на его наряды и драгоценности...— проговорила миссис Кастивет.

— Вот вам и лицемерие, замаскированное религией,— продолжал мистер Кастивет.— Это было неплохо изображено в «Лютере». Вы там играли главную роль, Ги?

— Я? Нет! — ответил Ги.

— Разве не вы были дублером Альберта Финни?

— Нет. У меня там была менее заметная роль.

— Странно,— удивился мистер Кастивет.— А я думал, что это вы. Я помню вашу жестикуляцию и специально посмотрел в программке, кого вы играли. И там написано, что вы были дублером Финни.

— Какую жестикуляцию? — не понял Ги.

— Ну, я не помню точно, вот такие движения...

— Когда у Лютера начинался приступ, я делал руками такой жест, как бы протягивая их к небу.

— Точно! — радостно подтвердил мистер Кастивет.— Именно это... А вот у мистера Финни все было очень неестественно, смею заметить.

— Да что вы,— возразил Ги.

— По-моему, его игру сильно переоценили,— сказал мистер Кастивет.— Интересно посмотреть, как бы вы сыграли эту роль.

Ги засмеялся.

— Мы с Финни действительно очень разные.— Он радостно посмотрел на Розмари. Она улыбнулась: ей было приятно, что Ги чувствует себя здесь хорошо, иначе он бы не простил ей вечера, проведенного в разговорах с папашей и мамашей Сетла. Нет, Кетла.

— Мой отец был театральным продюсером,— продолжал мистер Кастивет.— И все свое детство я провел в обществе таких людей, как миссис Фиск и Форбс-Робертсон, Отис Скиннер и Моджеска. Поэтому я замечаю не только обычные способности у актеров. У вас, например, как мне кажется, богатый внутренний мир, Ги. И по телепередачам это видно. Вы пойдете очень далеко, если преодолете полосу временных неудач, через которую должен пройти каждый выдающийся актер. Вы сейчас где-нибудь снимаетесь?

— У меня есть на примете парочка ролей,— сказал Ги.

— Не могу представить, чтобы вам в них отказали.

— А я могу.

Мистер Кастивет уставился на Ги.

— Вы это серьезно?

На десерт был домашний бостонский пирог с кремом, и хотя он удался лучше, чем отбивные с овощами, Розмари показало, что пирог слишком уж приторный. Однако Ги даже попросил добавки. Но, может быть, он только играл очередную роль, подумала Розмари, и просто ответил комплиментом на комплимент.

После ужина Розмари вызвалась помочь с посудой. Миссис Кастивет сразу же приняла предложение, и женщины начали убирать со стола, а Ги и мистер Кастивет прошли в гостиную.

Кухня, начинавшаяся сразу за холлом, была маленькая и казалась еще меньше из-за оранжереи, о которой говорила Терри. Растения располагались на большом белом столе длиной фута три, который стоял возле единственного окна. Над столом склонились лампы, освещавшие стекла парника, отчего те казались не прозрачными, а какими-то белесыми. В оставшемся пространстве близко друг к другу стояли мойка, плита, холодильник, и над всем этим под самым потолком были прибиты какие-то бесконечные ящики. Розмари вытирала посуду, стоя рядом с миссис Кастивет, и с удовольствием думала, что ее кухня гораздо больше и куда лучше обставлена.

— Терри говорила мне про вашу оранжерею.

— О да, — сказала миссис Кастивет. — Это прекрасное хобби. Тебе бы тоже надо этим заняться.

— Когда-нибудь и у меня будет сад с разными травами, — ответила Розмари. — Не в городе, конечно. Если Ги предложат большую роль в кино, мы переедем в Лос-Анджелес. Я ведь по характеру деревенская девушка.

— А семья у тебя была большая? — спросила миссис Кастивет.

— Да. У меня три брата и две сестры. А я самая младшая.

— Сестры замужем?

— Да.

Миссис Кастивет водила мыльной губкой внутри стакана.

— У них есть дети?

— У одной двое, а у другой четверо,— ответила Розмари.— Но это было давно. Сейчас, наверное, уже трое и пятеро.

— Это хороший знак для тебя,— продолжала миссис Кастивет, все еще намыливая стакан. Она мыла посуду очень тщательно.— Если у твоих сестер много детей, значит, у тебя тоже так будет. Это передается по наследству.

— Да, мы очень плодovитые.— Розмари приготовила полотенце для стакана.— У моего брата Эдди уже восемь детей, а ему только двадцать шесть лет.

— Вот это да! — Миссис Кастивет ополоснула стакан и передала его Розмари.

— А всего у меня двадцать племянниц и племянников. Но я даже и половину из них не видела.

— А разве ты не едидшь их навещать?

— Нет. Я не в очень хороших отношениях с семьей. Я дружу только с одним братом. Остальные считают меня уродом в семье.

— Да? Почему же?

— Потому что Ги не католик и мы не венчались в церкви.

— О! — посочувствовала миссис Кастивет.— Какой шум поднимают некоторые люди из-за религии. Ну, это они виноваты, а не ты, так что не переживай.

— Легко сказать.— Розмари поставила стакан на полку.— Может быть, теперь я буду мыть, а вы — вытирать?

— Нет, лучше так.

Розмари выглянула в дверь. Но увидела только уголок гостиной, в котором стояли столики с газетами и ящички. Ги и мистер Кастивет расположились в другом углу. В воздухе висел голубоватый сигаретный дым.

— Розмари!

Она обернулась. Миссис Кастивет протягивала ей чистую тарелку.

Почти целый час они мыли тарелки, кастрюли и столовое серебро. Розмари подумала, что одна она сделала бы это вдвое быстрее. Когда они с миссис Кастивет вернулись в гостиную, Ги и мистер Кастивет сидели на диване лицом друг к другу, и мистер Кастивет что-то увлеченно доказывал Ги, время от времени ударяя себя указательным пальцем по ладони.

— Ну, Роман, хватит утомлять Ги своими рассказами про Моджеску,— заворчала миссис Кастивет.— Он тебя слушает только из вежливости.

— Нет, что вы, мне очень интересно, миссис Кастивет,— возразил Ги.

— Вот видишь! — воскликнул мистер Кастивет.

— Минни,— попросила миссис Кастивет.— Называйте меня Минни, а его Романом, хорошо?

Она взглянула на Розмари.

— Хорошо?

Ги засмеялся.

— Ну ладно, пусть будет Минни.

Они поговорили про Гоульдов и Брюнов, про Дубина и де Вора, потом про брата Терри, который оказался в гражданском госпитале в Сайгоне, а потом перешли к убийству Кеннеди, потому что миссис Кастивет сейчас как раз читала об этом книгу. Почти не участвуя в общем разговоре, Розмари вдруг отчего-то почувствовала себя странно: ей показалось, что Кастиветы — старые знакомые Ги, которым ее только что представили.

— Как ты считаешь, это был заговор? — спросил мистер Кастивет, и Розмари снова почувствовала, что она выпадает из общей беседы, и поэтому отвела невпопад. Извинившись, она пошла за миссис Кастивет, которая пригласи-

ла ее посмотреть ванную и туалет. Ей показали бумажные полотенца с надписью «Для наших гостей» и книгу «Анекдоты для чтения в туалете»; анекдоты были совсем не смешные.

Розмари и Ги ушли в половине одиннадцатого, сказав на прощание «До свидания, Роман» и «Спасибо, Минни», и после сердечного рукопожатия обещали приходить еще, что со стороны Розмари было чистойшей фальшью. Как только они вышли в коридор и слышали, что дверь за ними закрылась, Розмари с облегчением вздохнула и радостно взглянула на Ги, увидев, что он делает то же самое.

— Ну-у, Роман,— сказал он, смешно сдвинув брови.— Перестань му-у-учить Ги своими рассказами про Модже-ску-у-у!

Розмари засмеялась и цыкнула на него, они схватились за руки и на цыпочках побежали к своей двери, вошли внутрь, закрылись на замок, на засов и на цепочку. Ги забил невидимые гвозди, привалил невидимые камни, поднял невидимый разводной мост, вытер лоб и устало посмотрел на Розмари — она согнулась, умирая со смеху.

— Ну и отбивные!

— Боже мой! — подхватила Розмари.— А пирог! Как ты съел целых два куска? Он же был ужасный!

— Милая моя,— сказал Ги.— Это было образцом сверхчеловеческого мужества и самопожертвования. Я подумал: «Наверное, эту старую карту никто в жизни не просил о добавках» — и поэтому отважился.— Он величественно взмахнул рукой.— Иногда у меня возникает потребность совершать благородные поступки,

Они прошли в спальню.

— Она сама выращивает разные травы,— сообщила Розмари.— А потом выбрасывает их в окно.

— Ш-ш-ш, у стен есть уши. А как тебе понравилось серебро?

— Послушай, а тебе не показалось это смешным: у них всего три одинаковые тарелки,— спросила Розмари, снимая туфли одна о другую,— и столько красивых серебряных ножей и вилок.

— Давай лучше не будем сплетничать: вдруг они нам их завещают?

— Нет, лучше будем вредными и сами себе купим. А ты в туалет не ходил?

— У них? Нет.

— Оттадай, что у них там есть.

— Биде.

— Нет. Сборник анекдотов.

— Не может быть!

Розмари сняла платье.

— Точно. Книжечка на веревочке. Прямо около унитаза.

Ги улыбнулся и покачал головой. Он стоял у серванта и пытался расстегнуть запонки.

— Но рассказы Романа,— признался он,— были очень интересные. Я раньше никогда не слышал ничего про Форбса-Робертсона, а ведь он в свое время был звездой.— Он никак не мог справиться со второй запонкой.— Я завтра снова пойду к нему, и он мне еще что-нибудь расскажет.

Розмари с удивлением посмотрела на мужа.

— Ты?

— Да, он меня пригласил.— Ги вытянул руку.— Помоги, пожалуйста.

Она подошла к нему и почувствовала себя растерянной.

— Но мы ведь договаривались встретиться с Джимми и Тайгер.

— Разве? — спросил он, искренне удивившись.— Помоему, мы должны были еще созвониться.

— Нет, мы уже договорились.

Ги пожал плечами.

— Ну, встретимся с ними в среду или в четверг.

Розмари наконец расстегнула запонку и на ладони протянула ее Ги.

— Спасибо.— Он взял запонку.— Но ты можешь туда не ходить, если не хочешь. Останешься здесь.

— Наверное, я лучше побуду дома,— согласилась она, потом подошла к кровати и села.

— Он лично знал Генри Ирвинга,— продолжал Ги.— И это ужасно интересно!

Розмари отстегнула чулки.

— Зачем они сняли картины? — задумчиво спросила она.

— Не понимаю.

— Картины.. Они их зачем-то сняли. И в гостиной, и в коридорах. Там одни гвозди остались. Картина, которая висит над камином, совсем не из той рамы. Она на два дюйма короче с обеих сторон.

Ги внимательно посмотрел на нее.

— А я и не заметил.

— И зачем у них столько газет и бумаг в гостиной?

— А это он мне объяснил,— сказал Ги, снимая рубашку.— Он собирает марки. Со всего света. Поэтому так много разной почты.

— Да, но почему все это свалено в гостиной? У них ведь есть еще три или четыре комнаты, и все закрыты. Почему бы им туда все не переложить?

Держа рубашку в руке, Ги подошел к Розмари и нажал пальцем ей на нос.

— Ты становишься такой же любопытной, как Минни,— сказал он, чмокнул воздух и отправился в ванную.

Через десять или пятнадцать минут, поставив чайник для кофе, Розмари почувствовала резкую боль внизу живота — верный сигнал приближающихся месячных. Она ослабилась, держась одной рукой за плитку, подождала, пока

боль утихнет, затем вынула салфетку и банку с кофе — и вдруг ощутила себя одинокой и несчастной.

Ей было двадцать четыре года, она хотела иметь троих детей с разницей в два года, но Ги был к этому «пока не готов», и она боялась, что он не будет готов, пока не станет такой же знаменитостью, как Марлон Брандо и Ричард Бартон, вместе взятые. Неужели он не знает о своем таланте и о том, что ему обязательно повезет? Поэтому Розмари собиралась забеременеть «случайно»: от таблеток у нее болела голова, а резиновые изделия она считала отвратительными. Ги сказал на это, что подсознательно она продолжает оставаться доброй католичкой. Он снисходительно изучал ее календарь и избегал «опасных» дней, хотя Розмари каждый раз говорила: «Нет, сегодня можно. Я уверена, что сегодня безопасно».

И вот в этом месяце он снова выиграл, а она проиграла в их недостойном соревновании, о котором муж даже не подозревал.

— Проклятье! — Она с силой стукнула банкой по плите.

Из комнаты отозвался Ги:

— Что там случилось?

— Я ударилась локтем!

Теперь, по крайней мере, она поняла причину своей сегодняшней депрессии.

Черт побери! Если бы они не были женаты, она бы уже раз сто успела забеременеть!

Глава седьмая

На следующий вечер, сразу после ужина, Ги отправился к Кастиветам. Розмари размышляла, чем ей лучше заняться после уборки кухни: сделать подушечки на подоконники или забраться в кровать с романом «Дитя в земле обетованной», но неожиданно в дверь позвонили. Это была миссис Кастивет со своей подругой — низенькой, пухлой, улы-

бающейся и с большим значком на груди, призывающим выбрать Бакли в мэры горюда. Подруга была в зеленом платье.

— Привет, дорогая. Мы тебе не помешали? — спросила миссис Кастивет, как только Розмари открыла дверь. — Это моя близкая подруга Лаура Луиза Макберни, она живет на двенадцатом этаже. Лаура Луиза, а это жена Ги — Розмари.

— Здравствуй, Розмари. Добро пожаловать в Брэмфорд!

— Лаура Луиза только что познакомилась у нас с Ги и захотела встретиться с тобой, поэтому мы и пришли. Ги сказал, что ты осталась дома и ничем не занята. Можно войти?

Розмари вежливо проводила их в гостиную.

— О, у вас новые стулья, — заметила миссис Кастивет. — Какие красивые!

— Их привезли сегодня утром.

— Ты себя хорошо чувствуешь, дорогая? Ты выглядишь разбитой.

— Все в порядке, — ответила Розмари. — Просто у меня первый день месячных.

— И ты осталась совсем одна? — удивилась Лаура Луиза, присаживаясь. — Когда у меня были первые дни, я не могла ни двигаться, ни есть — совсем ничего не могла делать. Дэн давал мне джин через соломинку, чтобы боль утихала. Вообще-то, мы с ним — стопроцентная сдержанность, кроме вот таких дней.

— Девушки сегодня лучше справляются с трудностями, чем мы, бывало. — Миссис Кастивет тоже присела на стул. — Они крепче нас благодаря витаминам и хорошему медицинскому обслуживанию.

Женщины принесли с собой совершенно одинаковые зеленые мешочки для ручной работы, и, к удивлению Розмари, Лаура Луиза вынула оттуда вышивание, а миссис Ка-

стивет — штопку, приготавливаясь к длинному вечеру, работе и разговорам.

— А что это там у тебя? — спросила миссис Кастивет. — Чехлы для стульев?

— Подушечки для подоконников, — ответила Розмари и, подумав: «Ну ладно, будем работать», взяла вышивание и присоединилась к женщинам.

— Ты совершенно изменила эту квартиру, Розмари, — заметила Лаура Луиза.

— Да, пока я не забыла, — перебила ее миссис Кастивет. — Это тебе от меня и Романа. — Она дала Розмари маленький сверток из розовой подарочной бумаги, внутри которого находилось что-то твердое.

— Мис? — переспросила Розмари. — Я не понимаю.

— Это небольшой подарок. — Миссис Кастивет махнула рукой, как бы развеивая удивление Розмари. — В связи с вашим переездом.

— Но вам не стоило так беспокоиться... — Розмари развернула помятую бумагу. Внутри лежал талисман Терри: филигранный серебряный шарик с цепочкой. Резкий запах из шарика заставил Розмари отпрянуть.

— Он очень старый, — пояснила миссис Кастивет. — Ему более трехсот лет.

— Очень красивый, — ответила Розмари. Разглядывая талисман, она размышляла, стоит ли говорить, что видела его на Терри. Но теперь было уже поздно, момент упущен.

— То, что находится внутри, называется таннисовый корень, — объяснила миссис Кастивет. — Он приносит счастье.

«Но только не для Терри», — подумала Розмари, а вслух сказала:

— Очень милый, но я не могу принять такой...

— Ты его уже приняла, — перебила миссис Кастивет, штопая коричневый носок и даже не взглянув на Розмари. — Надевай.

— Ты очень быстро привыкнешь к этому запаху,— добавила Лаура Луиза.

— Ну, давай,— настаивала миссис Кастивет.

— Спасибо.

Розмари неуверенно надела цепочку и спрятала шарик под кофточку, на секунду почувствовав неприятный холодок между грудей. «Как только они уйдут, я его сниму»,— решила она.

— Один наш общий знакомый сделал эту цепочку вручную,— принялась объяснять Лаура Луиза.— Он бывший зубной врач, а это его хобби — изготавливать всякие ювелирные изделия из золота и серебра. Ты с ним когда-нибудь познакомишься у Минни и Романа, я в этом просто уверена, потому что у них часто бывают гости. Ты, наверное, познакомишься со всеми их, то есть с нашими, друзьями.

Розмари посмотрела на Лауру Луизу, на секунду оторвавшись от своей работы. Та покраснелась, смутилась и последние слова скомкала. Минни не обратила на это внимания, поглощенная своей работой. Лаура Луиза заулыбалась, и Розмари тоже улыбнулась ей.

— Ты сама себе шьешь? — спросила Лаура Луиза.

— Нет,— ответила Розмари, с удовольствием меняя тему.— Я иногда пытаюсь, но у меня плохо получается.

Вечер удался на славу. Минни рассказала много забавных случаев о своем детстве в Оклахоме, а Лаура Луиза поделилась с Розмари несколькими секретами шитья и странно объяснила, почему у Бакли, кандидата в мэры от консерваторов, есть реальная возможность выиграть на выборах, хотя положение его сейчас весьма невыгодное.

Ги вернулся в одиннадцать, очень тихий и задумчивый. Он еще раз поздоровался с женщинами, прошел к Розмари, нагнулся и поцеловал ее в щеку.

— Уже одиннадцать? — удивилась Минни.— Боже мой! Нам пора, Лаура Луиза!

— Приходите ко мне в гости,— сказала на прощание Лаура Луиза.— В любое время.— Женщины уложили шитье и штопку в мешочки и быстро удалились.

— Ну как рассказы? Так же захватывающи, как и вчера? — спросила Розмари.

— Да,— ответил Ги.— А ты здесь не скучала?

— Все в порядке. Я занималась вышиванием.

— Вижу.

— А еще подарок получила.

Она показала ему талисман.

— Раньше его носила Терри. Они сначала ей его подарили — она мне показывала. Полиция, наверное... вернула его.

— Может быть, она даже не надевала его,— предположил Ги.

— Нет, надевала. Она им так гордилась, будто это был первый и единственный подарок в ее жизни.

Розмари сняла талисман и положила его на ладонь, потом взялась за цепочку и начала медленно раскачивать шарик.

— Ты будешь его носить? — спросил Ги.

— Он плохо пахнет. Там внутри вещество, называется таннисовый корень.— Она вытянула руку вперед.— Из знаменитой оранжереи.

Ги понюхал и пожал плечами.

— По-моему, неплохо.

Розмари прошла к трюмо в спальне, выдвинула ящичек, где в коробке из-под конфет у нее хранилась всякая всячина.

— Таннисовый, ну и что? — спросила она свое отражение в зеркале, положила талисман в коробку, закрыла ее и задвинула ящичек.

Ги, стоя в дверях, заметил:

— Если ты приняла подарок, надо его носить.

Ночью Розмари проснулась и увидела, что Ги сидит на кровати и курит. Она спросила его, в чем дело.

— Ничего,— ответил он.— Просто бессонница.

«Наверное, рассказы Романа о знаменитостях прежних лет ввели его в депрессию,— подумала Розмари,— ведь его карьера еще далека от карьеры Генри Ирвинга и Форбса... как его там. Если он снова пойдет к Роману слушать старческие воспоминания, то это будет настоящим мазохизмом».

Она взяла его за руку и попросила не волноваться.

— О чем?

— Обо всем.

— Ладно,— согласился Ги.— Не буду.

— Ты у меня самый великий. Ты об этом знаешь? И все у тебя будет хорошо. Тебе еще придется освоить каратэ, чтобы отделяться от назойливых фотографов.

Он улыбнулся в тусклом свете сигареты.

— Это может произойти в любую минуту,— продолжала она.— Что-то грандиозное. Что-то достойное тебя.

— Знаю. Спи, дорогая.

— Ладно. Осторожнее с сигаретой.

— Хорошо.

— Разбуди меня, если не сможешь заснуть.

— Обязательно.

— Я тебя люблю.

— Я тоже люблю тебя, Ро.

Через пару дней Ги принес два билета на субботний вечерний спектакль «Фантастикс», которые ему дал его наставник по вокалу Доминик. Ги уже видел спектакль, когда он был показан впервые несколько лет назад, но Розмари всегда мечтала его посмотреть.

— Пойди с Хатчем,— сказал Ги,— а я поработаю над сценой из «Дождись темноты».

Хатч тоже видел спектакль, поэтому Розмари пошла с Джоан Джеллико, которая за обедом в ресторанчике со-

зналась, что расходится с Диком и у них теперь нет ничего общего, кроме адреса. Эта новость расстроила Розмари. Уже несколько дней Ги был чем-то занят, он казался далеким и озабоченным и не делился с ней своими мыслями. Может быть, у Дика с Джоан тоже так все начиналось? Она рассердилась на Джоан за то, что на ней было слишком много косметики и она очень громко аплодировала в таком маленьком театре. Не удивительно, что они разошлись с Диком: она была шумная и вульгарная, а он тихий и сдержанный — им не стоило торопиться со свадьбой.

Когда Розмари пришла домой, Ги как раз выходил из ванной после душа. Он был необычно возбужден и таким оставался всю неделю. Разные чувства овладевали Розмари. Спектакль был хороший — даже лучше, чем она ожидала, но были и плохие новости: Джоан и Дик разошлись.

— Ведь они совершенно разные люди, — сказала Розмари. — Правда?

Потом она поинтересовалась, как прошла репетиция сцены из «Дождись темноты».

— Проклятый тапшиковый корень! — возмущалась Розмари. — Вся спальня им пропахла. — Горький запах каким-то образом проник даже в ванную. Она взяла в кухне кусок фольги и тройным слоем обмотала ею несчастный тапшман.

— Может быть, через несколько дней запах исчезнет, — предположил Ги.

— Хорошо бы, — ответила Розмари, опрыскивая комнату освежителем воздуха. — А если нет, то я его выброшу, а Минни скажу, что потеряла.

Они занялись любовью — Ги был очень возбужден и агрессивен, — потом через стенку услышали, что у Минни и Романа снова гости: то же монотонное пение, что и раньше, как будто они хором читали молитвы, и те же звуки флейты или кларнета, переплетающиеся с голосами.

Ги оставался в приподнятом настроении все воскресенье: он мастерил полки и подставки для обуви в шкафах, а в понедельник красил их, правда при этом испачкал скамеечку, которую Розмари приобрела в магазине совсем недавно. Он отменил занятия с Домиником и внимательно поглядывал на телефон, каждый раз хватая трубку, как только раздавался первый звонок. В три часа дня телефон зазвонил снова, и Розмари, переставляя стулья в гостиной, услышала голос мужа:

— Боже мой, невероятно. Бедняга!

Она тихонечко подошла к двери спальни.

— Бог мой... — повторял Ги.

Он сидел на кровати, держа в одной руке трубку, а в другой пятновыводитель «Красный дьявол». И даже не взглянул на Розмари.

— И никто не знает, отчего это произошло? — продолжал Ги. — Боже мой, как это ужасно. Просто кошмар... Он выпрямился. — Да. Да, смогу. Я бы не хотел, чтобы она досталась мне таким образом, но... — Он снова замолчал. — Об этом вам надо будет переговорить с Алланом. Аллан Стоун — его агент, но я уверен, что никаких затруднений не будет, мистер Вайсс, во всяком случае в том, что касается меня.

Наконец-то. Его минута настала. Розмари ждала затаив дыхание.

— Спасибо, мистер Вайсс, — говорил Ги. — И пожалуйста, сообщите мне, если что-нибудь узнаете. Еще раз спасибо.

Он повесил трубку и, закрыв глаза, некоторое время сидел неподвижно, бледный, с застывшим лицом, — просто восковая фигура в одежде, с настоящим телефоном и с настоящей банкой пятновыводителя.

— Ги! — окликнула Розмари.

Он открыл глаза и посмотрел на нее.

— Что случилось? — спросила она.

Он заморгал и ожил.

— Дональд Бомгарт,— произнес Ги.— Он ослеп. Простулся вчера и... Он больше ничего не видит.

— Не может быть! — ахнула Розмари.

— Сегодня утром Дональда пытался повеситься. Сейчас он в больнице, ему дали сильную дозу успокоительного.

Они с болью смотрели друг на друга.

— Роль передали мне,— продолжал Ги.— Конечно, очень неприятно получать ее таким образом...

Он перевел взгляд на банку с пятновыводителем, которую все еще держал в руке, и поставил ее на тумбочку.

— Послушай-ка, пожалуйста, мне надо прогуляться.— Он встал.— Извини, но я должен это переварить.

— Конечно, я понимаю.— Розмари посторонилась.

Ги встал и, не переодеваясь, пошел к двери, открыл ее и не стал придерживать: дверь громко захлопнулась за ним.

Розмари ушла в гостиную, думая о бедном Дональде Бомгарте и счастливом Ги; нет — о счастливых Розмари и Ги, о роли, которая не останется незамеченной, даже если весь спектакль и окажется неудачным, о том, что после такой роли обязательно предложат еще одну, может быть в кино, и у них будет дом в Лос-Анджелесе, сад с травами и трое детей с разницей в два года... Бедный Дональд Бомгарт со своим нелепым именем, которое он так и не поменял... Наверное, он хороший актер, если сначала для роли выбрали его, а не Ги, но теперь он лежал в больнице под сильной дозой успокоительного — слепой, пытавшийся покончить с собой.

Присев на подоконник, Розмари наблюдала за дверью подъезда, ожидая, когда появится Ги. Интересно, думала она, когда начнутся репетиции? Конечно же, на этот раз она поедет с ним, она давно об этом мечтала. Интересно куда? В Бостон? Или в Филадельфию? Хорошо бы в Вашингтон. Она там никогда не была. Пока днем Ги будет репетировать, она сможет осматривать достопримечательности, а по вечерам, после работы, все будут встречаться в resto-

ране или в клубе, чтобы посплетничать и обменяться последними новостями...

Она продолжала смотреть на подъезд, но Ги так и не появился. Наверное, вышел через черный ход.

Теперь, когда Ги, казалось, должен был чувствовать себя счастливым, он, наоборот, выглядел мрачным и встревоженным, подолгу сидел, не двигаясь, и много курил. Иногда он начинал следить за каждым ее движением, будто в ней таилась какая-то опасность.

— Что с тобой? — то и дело спрашивала Розмари.

— Ничего, — отвечал он. — Разве ты сегодня не идешь на занятия по скульптуре?

— Я уже два месяца не ходила.

— Почему ты бросила?

Она пошла на занятия, отлепила старый пластилин, переделала каркас и начала заново, новую работу среди новых учеников.

— Где вы пропадали? — поинтересовался преподаватель. Он носил роговые очки, имел огромный кадык и, не смотря на свои громадные мускулистые руки, лепил крошечные изящные фигурки.

— В Занзибаре, — пошутила Розмари.

— Занзибара больше нет. — Он нервно улыбнулся. — Теперь это Танзания.

Однажды Розмари долго ходила по магазинам, а когда вернулась, то увидела букет роз на кухне, еще один в гостиной, а из спальни вышел Ги с розой в руке, виновато улыбаясь, как будто репетировал сцену из какого-то нового спектакля.

— Я просто настоящее дерьмо. Это все из-за того, что я переживал, а вдруг к Бомгарту вернется зрение? И больше меня ничто вокруг не интересовало.

— Это понятно, — ответила Розмари. — Ты должен чувствовать себя ужасно при таких обстоятельствах.

— Послушай,— перебил он и вручил ей розу.— Даже если все это провалится, даже если я до конца своих дней буду рекламировать вина, я больше никогда не буду вести себя так по отношению к тебе.

— Но ты совсем...

— Я все понял. Я был так озабочен своей карьерой, что «Мысль Номер Один» была не о тебе. Давай заведем ребенка, ладно? Или троих, одного за другим.

Розмари удивленно посмотрела на мужа.

— Ну, малыша, понимаешь. Агу-агу... Пеленки всякие там. Уа-уа!

— Ты это серьезно? — спросила Розмари.

— Конечно серьезно. Я даже рассчитал, когда лучше этим заняться — в следующий понедельник и вторник. На календаре эти дни отмечены красными кружочками.

— Ты что, на самом деле хочешь этого, Ги? — переспросила Розмари, и в глазах ее заблестели слезы.

— Нет, я так шучу! Конечно, я говорю серьезно. Но только не надо плакать, Розмари, хорошо? Пожалуйста. Я очень расстроюсь, если ты будешь плакать, поэтому прекращай это сейчас же, ладно?

— Хорошо, не буду.

— Я, наверное, переборщил с розами, да? — Он радостно оглянулся.— Там в спальне ждет еще один огромный букет.

Глава восьмая

Розмари пошла на Бродвей за рыбными котлетами и на Лексингтон-авеню, чтобы купить сыру,— не потому, что его не было в магазине поблизости, а просто оттого, что утро было свежее и прозрачно-голубое и ей захотелось побродить по городу. Пальто развевалось, и утренние прохожие восхищенно поглядывали на нее, а спешащие на работу служащие замечали ее неторопливость и немного завидо-

вали. Был понедельник, четвертое октября, в этот день приезжал Папа Римский, и люди становились от этого более благожелательными и общительными, чем в обычные дни. «Как здорово, — думала Розмари. — Все люди счастливы в тот самый день, когда счастлива я сама».

Днем она посмотрела выступление Папы по телевизору, который выдвинула из ниши и повернула так, чтобы было удобно одновременно смотреть передачи и готовить на кухне рыбу с овощами и салат. Речь Папы в ООН тронула Розмари, и теперь она была совершенно уверена, что положение во Вьетнаме наконец изменится. «Нет войне», — говорил он. Неужели эти слова не дойдут даже до самых твердолобых политиков.

В половине пятого, когда Розмари уже накрывала на стол перед камином, зазвонил телефон.

— Розмари? Как поживаешь?

— Хорошо, — ответила она. — А ты как?

Звонила Маргарита, самая старшая из сестер.

— Тоже хорошо.

— Ты где?

— В Омахе.

Они никогда не ладили между собой. Маргарита была тихой, сдержанной девушкой. Ей часто приходилось помогать матери и сидеть с малышами. Поэтому ее неожиданный звонок был странным истораживающим.

— Все здоровы? — осторожно спросила Розмари.

«Наверное, кто-нибудь умер, — подумала она. — Но кто? Мама? Папа? Брайан?..»

— Да, все здоровы.

— Точно?

— Точно. А ты как?

— Я тоже здорова. У меня все нормально.

— Знаешь, Розмари, у меня сегодня весь день было очень странное чувство. Будто с тобой что-то случилось. Несчастный случай или что-то вроде этого. Короче, что тебе грозит опасность. Возможно — больница.

— Ничего подобного,— рассмеялась Розмари.— Сомной все в порядке.

— Но это было очень сильное чувство,— продолжала Маргарита.— Я была просто уверена, что с тобой что-то неладно. В конце концов Джин сказала, что лучше всего позвонить и узнать.

— А как она поживает?

— Прекрасно.

— А дети?

— Ну, как обычно — синяки и царапины, а в остальном все нормально. Да, кстати, у меня скоро будет еще один.

— А я и не знала. Как здорово! А когда?

«У нас тоже скоро будет»,— подумала Розмари.

— В конце марта. А как твой муж, Розмари?

— Все хорошо. Он получил большую роль в спектакле и скоро начнет репетировать.

— Послушай, а ты видела Папу? — спросила вдруг Маргарита.— Наверное, у вас там все с ума сходят?

— Это уж точно... Я видела его по телевизору. В Омахе ведь тоже показывают?

— Как, ты даже не пошла на него посмотреть?

— Нет.

— Правда?

— Правда.

— Боже мой! Да ты знаешь, что отец с матерью хотели даже лететь в Нью-Йорк, чтобы увидеть его, и не смогли только из-за этой проклятой забастовки. Но некоторым все-таки удалось: Донованы уехали, Дот и Сэнди Валлингфорд. А ты там живешь — и не пошла на него посмотреть?

— Религия для меня теперь значит намного меньше, чем раньше.

— Я так и знала,— горько вздохнула Маргарита.— Это было неизбежно.

И Розмари поняла, что про себя Маргарита сейчас думает: «Ты ведь вышла замуж за протестанта».

— Спасибо, что позвонила,— попыталась закончить разговор Розмари.— Но тебе не стоит за меня волноваться. Я еще никогда не чувствовала себя такой здоровой и счастливой.

— Но это было очень сильное чувство,— повторила Маргарита.— С той самой минуты, как я сегодня проснулась. Ведь я привыкла о вас, малышах, заботиться...

— Ну спасибо. Передавай всем привет и скажи Брайану, чтобы ответил на мое письмо.

— Обязательно. Розмари...

— Да?

— Меня это чувство все-таки не покидает. Побудь сегодня вечером дома, ладно?

— Мы как раз и собирались это сделать,— заверила Розмари, поглядывая на уже наполовину накрытый стол.

— Ну и хорошо. Береги себя.

— Ладно. И ты тоже, Маргарита.

— Обязательно. До свидания.

— Пока.

Розмари снова занялась сервировкой стола и вдруг почувствовала приступ ностальгии. Ей вспомнились и Маргарита, и другие родственники, и Омаха, и безвозвратно ушедшее прошлое.

Покончив с делами, Розмари приняла ванну, напудрилась, надушилась, подкрасила глаза и губы, сделала прическу и надела красную пижаму, которую ей подарил Ги на прошлое Рождество.

Он пришел домой сравнительно поздно, уже после шести вечера.

— М-м-м! — сладко промычал Ги, целуя ее.— Ты так аппетитно выглядишь.— Вдруг он нахмурился.— Вот черт!

— В чем дело?

— Я совсем забыл про пирог.

Ги просил ее не готовить десерт: он хотел принести домой свой любимый тыквенный пирог.

— Я готов себя расстрелять. Я прошел мимо двух магазинов, но даже и не вспомнил про пирог; ладно бы мимо одного, а то — двух!

— Все в порядке, — успокоила его Розмари. — Будем есть фрукты и сыр. Это самый лучший десерт.

— Неправда, тыквенный пирог лучше.

Ги пошел мыть руки, а она поставила в духовку фаршированную рыбу и заправила салат.

Через несколько минут Ги появился в дверях кухни, застегивая воротничок синей велюровой рубашки. Он улыбался и был слегка заведен — как в первую брачную ночь. Розмари правилось видеть его таким.

— Твой друг Папа Римский сегодня весь транспорт оставил, — сообщил он. — Никуда не проехать.

— Ты видел его по телевизору? Просто потрясающе!

— Чуть-чуть посмотрел у Аллана. Стаканы в морозилке?

— Да. Он выступил с прекрасной речью в ООН. Против войны.

— Чепуха. А напитки мне нравятся.

Они пили в гостиную джин и закусывали грибами. Ги положил в камин скомканную газету и несколько лучин, а потом еще два брикета кеннелевого угля.

— Наверное, ничего не выйдет, — сказал он, зажег спичку и поднес к бумаге. Газета сразу же вспыхнула, а от нее занялись и лучины. Густой дым клубами повалил к потолку.

— Черт побери! — Ги вскочил и бросился к камину.

— Осторожно, краска! — крикнула Розмари.

Он открыл задвижку трубы и включил кондиционер, который сразу же начал выгонять из комнаты дым.

— Ни у кого сегодня нет такого очага, — самодовольно заметил Ги.

Розмари со стаканом в руке присела на корточки и заглянула в камин на пылающие угли.

— Как здорово! Надеюсь, что зима в этом году будет суровая.

Они поставили пластинку Эллы Фитцджеральд.

Но как только супруги приступили к рыбным котлетам, в дверь кто-то позвонил.

— Вот зараза! — выругался Ги.

Он поднялся, положил салфетку на стол и отправился открывать. Розмари наклонила голову и прислушалась.

Послышался голос Минни: «Привет, Ги!», а потом что-то неразборчивое. «Только не это, — подумала Розмари. — Не впускай ее, Ги, только не сегодня вечером!»

Ги что-то ответил, потом опять заговорила Минни. Розмари успела услышать: «...лишние. Мы их есть не будем». Снова тихий голос Ги, потом опять Минни. Розмари облегченно вздохнула. Было похоже, что Минни не останется. Слава Богу!

Дверь захлопнулась, Ги закрыл ее и на цепочку (отлично), и на засов (прекрасно!). Розмари выжидающе смотрела в коридор, и вот появился Ги с довольной улыбкой. Обе руки он держал за спиной.

— Кто утверждал, что телепатии не существует? — загадочно произнес он, подошел к столу и выставил на него два стакана с какой-то кремовой смесью. — У мадам и месье десерт сегодня все-таки будет. — Он поставил один стакан возле Розмари, а другой придвинул к себе. — Шоколадный мусс, вернее «шоколадный му-ш-ш-ш», как произнесла это Минни. Почти что «мышь». Правда, у нее вполне мог получиться и «шоколадный мыш», так что ешь осторожно.

Розмари рассмеялась.

— Вот и отлично! Я именно такой и хотела приготовить.

— Вот видишь? Это телепатия. — Он постелил на колени салфетку и наполнил вином два бокала.

— Я так боялась, что она опять тебя заговорит и останется у нас на весь вечер, — созналась Розмари, нанизывая на вилку кусочки моркови.

— Нет, она просто хотела, чтобы мы попробовали «шоколадного мышпа» — это ее фирменное блюдо.

— А что, выглядит неплохо!

— В самом деле.

Сверху мусс был посыпан шоколадной крошкой. В стакане Ги кроме этого лежал дробленый арахис, а у Розмари — половинка грецкого ореха.

— Это очень мило с ее стороны, — сказала Розмари. — Не надо над ней смеяться.

— Конечно, — отозвался Ги, — конечно.

Мусс оказался великолепным, несмотря на легкий привкус мела, который сразу же напомнил Розмари школу и классную доску. Ги, однако, не заметил никакого привкуса. Розмари пару раз зачерпнула ложкой и отстранила стакан.

— Больше не будешь? — спросил Ги. — Ну и глупо. Я ничего странного не чувствую.

Но Розмари упрячилась.

— Да брось ты, — продолжал Ги. — Старушка старалась, жарилась весь день у плиты. Доешь. Что ты, очень вкусно!

— Тогда можешь съесть и мой.

Ги нахмурился.

— Ну, не ешь. Раз ты не носишь амулет, который она тебе подарила, можешь и мусс не есть.

Розмари смутилась.

— А какая здесь связь?

— Просто и то и другое — примеры... ну, твоего недоброго отношения к ней, вот и все. Ведь только минуту назад ты сказала, что не надо над ней смеяться. А сама смеешься — принимаешь подарки и не используешь их как надо.

— Ох ты! — Розмари снова взялась за ложку. — Я и не знала, что ты из какого-то пустяка можешь раздуть такое. — Она демонстративно зачерпнула побольше мусса и сунула ложку в рот.

— Объедение, — сказала она с набитым ртом и зачерпнула еще. — И никакого привкуса! Переставь пластинку.

Ги встал и пошел к проигрывателю. Розмари сложила салфетку вдвое и швырнула туда две полные ложки мусса,

а потом еще одну, для ровного счета. Потом аккуратно свернула из салфетки кулек и, когда Ги вернулся, уже старательно выскабливала ложкой остатки мусса со дна стакана.

— Ну вот, палочка,— она протянула ему пустой стакан.— Я все съела. Мне за это приз полагается?

— Даже два. Извини, если я тебя обидел.

— Немножко.

— Ну, извини.

Розмари растаяла.

— Ты прощен. Это даже хорошо, что ты так заботишься о старушках. Значит, будешь заботиться и обо мне, когда я стану такой же.

Потом они пили кофе с мятным ликером.

— Мне сегодня звонила Маргарита,— сообщила Розмари.

— Маргарита?

— Это моя сестра.

— А-а. Все в порядке?

— Да. Она подумала, что со мной что-то случилось. У нее было такое чувство, будто нам грозит беда.

— Правда?

— Так что сегодня посидим дома.

— Черт! А я заказал столик «У Несдика». В оранжевом зале.

— Придется отменить.

— Как же это получилось, что ты единственная нормальная в семье чокнутых? — нежно улыбнулся Ги.

Первая волна головокружения застала Розмари в кухне, когда она вываливала несъеденный мусс в раковину. Она покачнулась, потом заморгала и нахмурилась. Из кабинета послышался голос Ги:

— Его еще нет. Но народу уже тьма.— Они собирались посмотреть по телевизору выступление Папы на стадионе Янки.

— Сейчас приду, — отозвалась Розмари.

Она потрясла головой и сложила салфетки и скатерть в один узелок для стирки. Потом заткнула раковину пробкой, открыла горячую воду, добавила туда жидкость для мытья посуды и начала закладывать тарелки и кастрюли. Помыть все можно будет и утром, пусть пока отмокает.

Второй приступ длился дольше, и начался в тот момент, когда Розмари вешала посудное полотенце. На этот раз вся комната стала вращаться... Чувствуя, что вот-вот упадет, Розмари схватилась за край раковины.

Придя в себя, она мысленно стала складывать: стаканчик джина плюс два бокала вина (или три?) плюс рюмка мятного ликера — не удивительно, что началось головокружение.

Она направилась к двери и, вновь почувствовав, что все вокруг поплыло, вцепилась одной рукой в дверную ручку, а другой — в косяк.

— Что с тобой? — встревоженно спросил Ги.

— Голова кружится. — Розмари через силу улыбнулась.

Он выключил телевизор, подошел к ней и крепко взял за руку, одновременно поддерживая за талию.

— Ничего странного, — сказал он. — Столько всего выпить. И, наверное, на голодный желудок.

Ги повел ее в спальню, а когда она уже не могла идти сама, легко подхватил ее и донес на руках, положил на кровать, а сам сел рядом и осторожно погладил по голове. Розмари закрыла глаза. Кровать показалась ей огромным плотом, мерно покачивающимся на волнах.

— Как хорошо!.. — тихо произнесла она.

— Тебе надо выспаться. Как следует отдохнуть.

— Но сегодня подходящая ночь для ребенка.

— Завтра тоже. Времени у нас много, — успокоил ее Ги.

— И мессу пропускаем... — расстроилась Розмари.

— Спи. Тебе надо хорошенько выспаться. Давай...

— Да, подремлю немножко, — согласилась она и сразу же очутилась на яхте президента Кеннеди со стаканом в

руке. Был солнечный день, дул легкий ветерок — отличная погода для морского путешествия. Президент, изучая большую карту, отдавал короткие приказы темнокожему помощнику.

Ги начал снимать с нее пижаму.

— Зачем ты меня раздеваешь? — сонно спросила Розмари.

— Чтобы тебе было удобнее.

— Мне и так хорошо.

— Спи, Ро.

Ги расстегнул пуговицы и снял пижамные брюки, решив, что она уже заснула и ничего не чувствует. Теперь на ней оставалось только красное бикини, но и все остальные женщины на яхте — Джеки Кеннеди, Пэт Лофорд и Сара Черчилль — тоже были в бикини, поэтому все, слава Богу, обошлось. Президент был в военной форме. Он тоже полностью оправился после покушения и выглядел теперь отлично. Хатч тоже стоял на палубе и в обеих руках держал множество приборов для предсказания погоды.

— А Хатч поедет с нами? — спросила Розмари у президента.

— Нет, только католики, — ответил он, улыбаясь. — Жаль, конечно, что мы обременены такими предрассудками, но ничего не поделаешь.

— А как же Сара Черчилль? — Розмари повернулась и увидела что Сара Черчилль куда-то исчезла, а на ее месте оказалась вся семья Розмари: мать, отец и все остальные — с мужьями, женами и детьми. Маргарита была беременна, и Джин тоже, и Доди, и Эрнестин.

Ги снял с ее пальца обручальное кольцо. Розмари стало интересно зачем, но она уже очень устала и не было сил спросить.

— Спи, — тихо сказала она и уснула.

Впервые для публики открылась Сикстинская часовня, и теперь она изучала потолок, стоя в новом лифте, который передвигался по горизонтали, чтобы посетители могли уви-

деть фрески такими, какими их видел во время работы сам Микеланджело. Какие они были великолепные! Розмари увидела, как Господь протягивает руку к Адаму и дарует ему божественную искру жизни, и тут же перед ее глазами появилась оклеенная полосатой бумагой полка стенного шкафа, в который втаскивал ее Ги.

— Осторожней,— сказал Ги.

А кто-то другой добавил:

— Ты ее чересчур напоил.

— Тайфун! — закричал вдруг с палубы Хатч, высунувшись из-за своих приборов.— Тайфун! Он убил уже пятьдесят пять человек в Лондоне и сейчас приближается к нам!

Розмари знала, что Хатч не ошибается. Она должна предупредить президента. Ведь их корабль направляется на встречу верной гибели.

Но президент куда-то исчез. И все остальные тоже. Бесконечно длинная палуба была пуста. Где-то вдали темнокожий помощник упорно держался за штурвал.

Розмари подошла к нему, но по выражению его лица сразу же поняла, что он ненавидит всех белых, в том числе и ее. «Вам лучше спуститься вниз, мадам»,— сказал он довольно вежливо, но в то же время не скрывая своей ненависти, и не пожелал даже выслушать ее предупреждение о страшном тайфуне.

Внизу был огромный танцевальный зал. С одной его стороны Розмари увидела объятую пламенем церковь, с другой стоял высокий чернобородый мужчина и горящими глазами смотрел на нее. В самом центре зала находилась кровать. Розмари подошла к ней и легла, и сразу же ее окружили обнаженные мужчины и женщины — их было около десяти, и Ги среди них. Все они были пожилые, груди у женщин давно уже сморщились и обвисли. Здесь были также Минни со своей подружкой Лаурой Луизой и Роман в черной митре и черном шелковом одеянии. Тонкой черной палочкой он рисовал непонятные узоры на ее теле, время

от времени окуная палочку в чашу с липкой красной жидкостью, которую держал загорелый мужчина с белыми усами. Кончик палочки двигался по ее животу, а потом начал щекотать внутреннюю поверхность бедер. Обнаженные люди пели молитвы — нестройно, заунывно, на непонятном ей языке, и их пение сопровождалось звуками не то флейты, не то кларнета.

— Она не спит, она все видит! — прошептал Ги, обращаясь к Минни. Он широко раскрыл глаза и напрягся.

— Ничего она не видит, — ответила Минни. — После того как она съела моего мыша, она больше не видит и не слышит. Она как будто умерла. Пой же.

В зал вошла Джеки Кеннеди в великолепном, расшитом жемчугом наряде цвета слоновой кости.

— Мне очень жаль, что ты так неважно себя чувствуешь, — сказала она, быстро подходя к Розмари.

Розмари объяснила ей, что ее укусила мышь, стараясь не вдаваться в подробности, чтобы Джеки не волновалась.

— Тебе надо связать ноги, — сказала Джеки. — Вдруг начнутся судороги.

— Да, вы правы, — согласилась Розмари. — Не исключено, что мышь была бешеная. — Она с любопытством наблюдала, как молодые врачи в белых халатах привязывают ее ноги и руки к кровати.

— Если музыка мешает тебе, — сказала Джеки, — то я велю ее выключить.

— О нет, не надо из-за меня менять программу. Мне она совсем не мешает, правда.

Джеки тепло улыбнулась.

— А теперь постарайся заснуть. Мы будем ждать тебя на палубе. — И она удалилась, шелестя шелковым нарядом.

Розмари поспала немного, но потом пришел Ги и стал заниматься с ней любовью. Он гладил ее обеими ладонями, продвигаясь от связанных запястий по рукам, груди и животу, а потом ласкал между ног. Он повторял это снова и

снова. И руки его были горячими, с длинными ногтями. А когда она возбудилась до предела, Ги просунул одну руку ей под ягодицы, приподнял их, лег сверху и вошел в нее. Теперь он был больше, чем всегда, и ей стало немного больно, но очень приятно. Вторую руку он положил ей под спину и навалился сверху широкой грудью. На нем были кожаные доспехи, потому что в этот вечер проводился маскарад. Розмари приподняла веки и увидела его глаза — желтые, как два пылающих огня, а потом почувствовала запах серы и таннисового корня, горячее влажное дыхание у своих губ и слышала стоны наблюдателей.

«Это не сон, — подумала она. — Это происходит на самом деле».

Розмари хотела закричать, но что-то темное накрыло ее лицо, и в нос ударила сладкий запах гнили.

Она чувствовала, что Ги продолжает ласкать ее своим членом, его кожаное тело поднималось и опускалось снова, снова и снова.

Папа Римский пришел с чемоданчиком в руке. Через другую его руку было перекинута легкое пальто.

— Джеки сказала мне, что вас укусила мышь. Это правда? — спросил он.

— Да, — ответила Розмари. — Поэтому я и не смогла прийти посмотреть на вас. — Она пыталась говорить с грустью в голосе, чтобы он не догадался, что у нее только что был оргазм.

— Все правильно. Мы не хотим, чтобы вы рисковали своим здоровьем.

— Так вы мне прощаете, ваше святейшество?

— Конечно. — Он вытянул руку, чтобы она поцеловала кольцо. Вместо камня на кольце был филигранный шарик, меньше дюйма в диаметре; внутри него сидела крошечная Анна Мария Альбергетти и чего-то ждала.

Розмари поцеловала кольцо, и Папа Римский поспешил на самолет.

Глава девятая

— Эй, уже десятый час.— Ги тряс Розмари за плечо. Она оттолкнула его руку и перевернулась на живот.

— Еще пять минут,— пробормотала она и зарылась лицом в подушку.

— Нет.— Он легонько дернул ее за волосы.— В десять я уже должен быть у Доминика.

— Ну и что?

— Ничего.— Он хлопнул ее через одеяло по мягкому месту.

И тут все всплыло в ее памяти: сон, выпивка, шоколадный мусс Минни, Папа Римский и тот страшный момент, когда ей показалось, что это не сон. Розмари перевернулась и приподнялась в кровати, глядя на Ги. Он прикуривал сигарету, еще помятый со сна и небритый.

— Сколько времени? — спросила она.

— Десять минут десятого.

— А когда я легла спать? — Розмари села в кровати.

— Примерно в полдевятого. Только ты не легла спать, дорогая, а буквально вырубилась. Значит, теперь будем пить или джин, или вино, а не то и другое сразу.

— Мне такое снилось! — нахмурилась она, потирая лоб руками и опять закрывая глаза.— Президент Кеннеди, Папа Римский, Минни и Роман...— Тут она снова открыла глаза и увидела царапины на своей левой груди — две маленькие красные полосочки, спускавшиеся почти до самого соска. Бедро у нее горели, Розмари откинула одеяло и на их внутренних сторонах тоже увидела множество царапин — около десятка аккуратных полосок, бегущих во всех направлениях.

— Только не шуми,— сказал Ги.— Я их уже подстриг.— И он продемонстрировал свои аккуратные ногти.

Розмари непонимающе посмотрела на него.

— Я же не мог упустить такую благоприятную ночь.

— Ты хочешь сказать, что...

— Да. И два ногтя у меня были с заусенцами.

— Пока я была... без чувств?

Он кивнул и улынулся.

— Мне было даже приятно, я чувствовал себя как некрофил.

— А мне как раз снилось, что меня кто-то насилует. Я не знаю кто. Это был даже не человек.

— Ну спасибо!

— Ты там тоже был, и Минни, и Роман, и другие... Это было похоже на церемонию.

— Я пытался тебя добудиться, но ты вырубилась, как пережуревшая лампочка.

Розмари отодвинулась подальше и свесила ноги с другой стороны кровати.

— Что с тобой? — спросил Ги.

— Ничего. — Она даже не оглянулась. — Мне просто не очень приятно слышать, что ты со мной делал это, пока я лежала без памяти.

— Но я не хотел пропускать эту ночь.

— Можно было сделать это утром или следующей ночью. Вчерашняя ночь — это одно мгновение по сравнению с целой неделей. Но даже если бы это была единственная ночь...

— Я подумал, что ты не будешь против, — сказал он и провел ей по спине указательным пальцем.

Розмари отпрянула.

— Этим надо заниматься вместе, а не так: один бодрствует, а другой спит. Впрочем, наверное, я не права. — Розмари встала и пошла к шкафу за халатом.

— Прости, что я тебя оцарапал. Я ведь и сам был немного навеселе.

Розмари приготовила завтрак, потом, когда Ги ушел, вымыла посуду и навела порядок на кухне. Она раскрыла настежь окна в гостиной и спальне — после растопки камина в воздухе еще держался запах горелой бумаги, — убрала кро-

вать, пошла в душ и долго стояла под ним, включив сначала горячую воду, а потом, сделав ее довольно прохладной, — без шапочки, неподвижная, Розмари ждала, когда наконец у нее прояснится в голове, все встанет на свои места и можно будет делать какие-то выводы и заключения.

Ги говорил, что вчера была «опасная» ночь. Тогда, может быть, в данный момент она уже беременна? Как ни странно, ей было все равно. Розмари чувствовала себя несчастной, даже если это и глупо. Ги воспользовался ее телом без ее ведома и согласия, просто одним телом, без разума (как «некрофил»), а не полностью ею — человеком, и при этом вел себя грубо, даже поцарапал. От этого все тело ныло, и в результате ей приснился такой кошмар. Она почти видела те узоры, которые Роман выводил у нее на животе своей черной палочкой, погруженной в красное. Розмари возмущенно и яростно терла кожу губкой. Правда, он сделал это из самых чистых побуждений: чтобы у них был ребенок; правда также и то, что он был негрезв, но она всегда думала, что никакие побуждения и никакое спиртное в мире не заставят его сделать это — взять ее тело без души, без сознания, без ее «я» — без того, что он в ней в общем-то любит. Теперь, оглядываясь на прошедшие недели и месяцы, Розмари начала вспоминать кое-какие тревожные симптомы, на которые раньше не обращала внимания. Ей казалось, что он уже не так сильно любит ее, в памяти всплыли замеченные в разное время несоответствия между тем, что он говорил, и тем, что чувствовал на самом деле. Не следует также забывать, что он актер, а кто может сказать наверняка, когда актер играет, а когда — нет?

Да, одним душем такие мысли не смыть. Она выключила воду и отжала волосы.

Розмари собралась в магазин и по дороге позвонила в дверь Кастиветам, чтобы вернуть стаканы из-под мусса.

— Ну, как он тебе понравился, дорогая? — спросила Минни. — По-моему, я положила туда слишком много какао.

— Очень вкусно,— ответила Розмари.— Я потом запишу рецепт.

— Хорошо. Ты идешь за покупками? Ты мне не сделаешь одолжение? Купи, пожалуйста, шесть яиц и маленькую баночку растворимого кофе. Деньги я потом отдам. А то я не люблю ходить в магазин за одной или двумя покупками.

Теперь между ней и Ги появилась настоящая пропасть, но он этого, казалось, не замечал. Пьесе — она называлась «Мы с вами раньше не встречались?» — начинали репетировать первого ноября, и Ги теперь подолгу занимался ролью. Для этого нужно было научиться пользоваться костылями и палкой. Кроме того, он часто ездил в район Хайбридж в Бронксе, где должны были проводиться съемки для телевидения. Большую часть вечеров они проводили в компании друзей, а когда им приходилось оставаться вдвоем, заводили разговоры на нейтральные темы: о мебели, о забастовке, о телепередачах — и при этом пытались быть естественными. Они ходили на предварительный просмотр музыкальной пьесы, на новый фильм, на разные вечеринки и даже попадали к своему приятелю на открытие выставки созданных им металлоконструкций. Ги, казалось, вообще больше на нее не смотрел, а только в сценарий своей пьесы, на экран телевизора или на кого-нибудь другого. Он ложился спать поздно, но засыпал раньше ее. Однажды он снова пошел к Кастиветам послушать рассказы Романа, а Розмари осталась дома одна и смотрела телевизор.

На следующее утро за завтраком она не выдержала.

— Тебе не кажется, что нам пора поговорить?

— О чем? — удивился Ги.

Она пристально посмотрела на мужа: он на самом деле ничего не понимал.

— О разговорах, которые мы с тобой ведем...

— Что ты имешь в виду?

- И о том, как ты начал на меня смотреть,
— О чем ты вообще говоришь? — не понял он. — Ну, я смотрю на тебя, и что?
— Нет, не смотришь.
— Смотрю. Дорогая, что случилось?
— Ничего. Ерунда.
— Нет, не говори так. Что тебя беспокоит?
— Да ничего, пустяки все это.
— Ну послушай, милая, я знаю, что сейчас слишком занят своей ролью, костылями и прочим. Так ты из-за этого? Но ведь Ро, это же все очень важно, понимаешь? Если я теперь не так часто приковываю к тебе долгие страстные взгляды, то это совсем еще не значит, что я перестал тебя любить. Нужно же думать и о работе. — Это прозвучало очаровательно и искренне: такая роль у него уже была — он играл ковбоя в пьесе «Автобусная остановка».
- Ну ладно, — сказала Розмари. — Извини, что я к тебе пристаю.
- Ты? Ты совсем не приставала.
- Он перегнулся через стол и поцеловал ее.

У Хатча был домик недалеко от Брустера, где он иногда проводил выходные. Розмари позвонила ему и спросила, можно ли ей пожить там дня три или четыре, а может, и целую неделю.

— Ги разучивает новую роль, — объяснила она. — И мне сейчас лучше куда-нибудь уехать.

— Конечно, — ответил Хатч, и Розмари поехала за ключом к нему на квартиру на пересечении Лексингтон-авеню и Двадцать четвертой улицы.

Сначала она заглянула в закусную — здесь все постоянные посетители были знакомы ей с давних пор, — а потом поднялась к Хатчу. Квартира у него была маленькая и темная, но всегда в идеальном порядке. На стене висела

фотография Уинстона Черчилля с его собственноручным автографом, а под ней стоял диван, принадлежавший некогда самой мадам Помпадур. Хатч сидел босой между двумя журнальными столиками, на которых стояли пишущие машинки и лежали груды бумаг. Он, как обычно, писал сразу две книги: переходил ко второй, когда возникали затруднения с первой, и возвращался к первой, когда заходил в тупик со второй.

— Я очень хочу туда поехать,— сказала Розмари, присаживаясь на диван мадам Помпадур.— Я поняла недавно, что никогда еще в жизни не оставалась совсем одна больше чем на несколько часов, вот в чем дело. Как подумаю, что у меня впереди целых три или четыре дня!

— Будет время посидеть спокойно и поразмышлять, кто же я такая на самом деле, что уже сделано и что еще предстоит,— с иронией продолжил за нее Хатч.

— Точно! — засмеялась Розмари.

— Ну ладно, не выдавливай из себя улыбку. Он что, лампой тебя ударил?

— Ничем он меня не ударял. Просто у него сейчас очень сложная роль: юноша-калека, который старается сделать вид, что приспособился к своей болезни. Она теперь — суть его жизни. Ему приходится подолгу привыкать к костылям, разным подпоркам, он очень занят, и естественно, что он... он... очень занят.

— Понятно. Давай сменим тему. «Ньюс» подробно описывает ужасы тех дней, когда была забастовка. А мы и не знали, что происходит в городе. И почему ты мне не сказала, что в вашем счастливейшем доме произошло еще одно самоубийство?

— Разве я не говорила?

— Нет.

— Мы ее знали. Это та самая девушка, о которой я вам рассказывала. Она раньше была наркоманкой, а потом ее

взяли к себе и вылечили Кастиветы — они живут на нашем этаже. Но, по-моему, я уже об этом говорила.

— Та девушка, которая ходила с тобой в подвал?

— Точно.

— Видимо, они не до конца ее вылечили. Она жила у них?

— Да. С тех пор мы с ними и подружились. Ги иногда к ним заходит, чтобы послушать рассказы о театре. Отец мистера Кастивета был продюсером в начале века.

— Вот бы не подумал, что для Ги это будет интересно,— заметил Хатч.— Это пожилая пара?

— Ему семьдесят девять лет, а ей семьдесят или около того.

— Странная, однако, фамилия. Как она пишется?

Розмари показала.

— Никогда раньше такой фамилии не встречал. Они что, французы?

— Фамилия, может быть, и французская, но сами они — нет. Он из Нью-Йорка, а она — не поверите! — из местечка под названием Косматая Голова, в Оклахоме.

— Боже мой! — воскликнул Хатч.— Это надо использовать в моих рассказах. Я даже знаю, где именно. Послушай, а как ты собираешься ехать? Тебе ведь нужна машина.

— Я возьму напрокат.

— Возьми мою.

— Нет, Хатч, не могу.

— Ну пожалуйста. Я ведь дальше своей улицы все равно никуда не хожу. Пожалуйста. И тогда я не буду беспокоиться.

Розмари улыбнулась.

— Ну ладно. Сделаю одолжение и возьму вашу машину.

Хатч дал ей ключи от дома и машины, карту маршрута и обычный список инструкций: как пользоваться водонагревателем, холодильником и что делать в экстренных случаях. По-

том он надел пальто и ботинки и проводил Розмари к машине, старому голубому «олдсмобилю».

— Все документы в бардачке, — напутствовал он. — Оставайся там сколько хочешь. Мне пока ни машина, ни дом не нужны.

— Я уверена, что больше недели не выдержу. Да и Ги мне не разрешит.

Когда она села в машину, Хатч наклонился к окошку и сказал:

— Я мог бы дать тебе множество полезных советов, но решил сдержать слово и заниматься только своими делами.

Розмари поцеловала его.

— Спасибо и за это, и за все остальное.

Она уехала утром в субботу, 16 октября, и прожила в домике Хатча пять дней. Первые два дня она даже не вспоминала о Ги — это была месть за то, что он так легко и радостно отпустил ее. А может быть, он по ее виду понял, что ей необходимо отдохнуть... Ну ладно, она отдохнет, причем очень долго, и за все время ни разу про него не вспомнит!..

Розмари совершала длинные прогулки по желто-оранжевым лесам, ложилась рано, вставала поздно, прочитала «Полет сокола» Дафны Дюморье и готовила себе шикарные обеды на переносной газовой плите. И ни одной минуты не думала о муже.

Но на третий день она загрустила. Ги, конечно, тщеславный, мелочный, эгоистичный и лживый. Он женился на ней, чтобы иметь рядом поклонницу, а не подругу жизни. («Ах, эта маленькая мисс из Омахи, какая же она приставучая! И ведь ходит все время за мной по пятам и носит мне газеты!..») Розмари решила дать ему срок в один год, чтобы он стал добропорядочным мужем. Если не станет, она уйдет, и никакие религиозные предрассудки тут не

помогут. А пока она снова поступит на работу, сможет зарабатывать и вернет себе чувство независимости. Хотя еще совсем недавно она пыталась от всего этого отделаться. Но теперь она будет гордой, сильной и готовой уйти навсегда, если он не станет таким, как ей нужно.

Но «шикарные» обеды, которые Розмари готовила себе из банок с мясным рагу и перченой тушенкой, начали на ней сказываться. На третий день ее уже подташнивало, и пришлось перейти на легкий суп с гренками.

На четвертый день Розмари проснулась и заплакала, потому что поняла, как ей не хватает Ги. Что она здесь делает одна — в этой холодной и мерзкой лачуге? Что он такого ужасного натворил? Просто напился и овладел ею, не спросив на это разрешения. Да, вот уж действительно смертельное оскорбление! Но сейчас у него, может быть, самый ответственный момент во всей его карьере, а она, вместо того чтобы быть рядом, помочь, находится неизвестно где и жалеет себя с утра до вечера. Да, он тщеславный и эгоистичный, но он ведь актер. И Лоуренс Оливье тоже, наверное, тщеславен и эгоистичен. Конечно, временами Ги слегка придирается, но разве не это так нравилось ей всегда, да и сейчас нравится — такая свобода и беспечность в противоположность ее замкнутости?

Розмари поехала в Брустер и позвонила на студию Ги. Ей ответили очень радостно:

— Привет, дорогая! Уже вернулась из загородной поездки? О, Ги сейчас нет, он вышел. Куда тебе позвонить? А лучше позвони ему сама ровно в пять. Погода стоит отличная. Тебе там нравится? Ну и хорошо.

В пять он еще не пришел. Она пообедала в столовой и пошла в кино, а когда перезвонила в девять вечера, подсоединился автоответчик: Ги просил после шести часов позвонить ему на квартиру, где он будет до восьми утра.

На следующий день она решила посмотреть на вещи разумно. Они, рассуждала Розмари, виноваты оба: он —

в том, что так сильно занят собой и не думает о ней, а она — в том, что не смогла объяснить ему суть своих забот и тревог. Но он не сможет измениться, если она не докажет, что перемены просто необходимы. Ей нужно поговорить с ним. Вернее, им нужно поговорить, ведь у него, может быть, тоже есть какое-то недовольство, только он все скрывает. И тогда дела сразу пойдут на лад, обязательно. Так часто бывает: молчание порождает несчастье, а нужно лишь открыто и честно поговорить друг с другом.

В шесть вечера она приехала в Брустер и позвонила на квартиру. Ги оказался дома.

— Привет, дорогая. Как твои дела?

— Прекрасно, а твой?

— Нормально. Я по тебе очень скучаю.

Она улыбнулась в трубку.

— А я по тебе. Я завтра приеду.

— Отлично,— обрадовался он.— Тут столько всего произошло!.. Репетиции отменили до января.

— Да?

— Они не могут никого найти на роль девочки. Но для меня это даже лучше, ведь в следующем месяце начинаются съемки на телевидении. Комедийный сериал по полчаса.

— Правда?

— Да. Мне это прямо как снег на голову свалилось. И пьеса неплохая. Называется «Гринвич-Виллидж», там же и снимать будут. Я играю писателя, это фактически главная роль.

— Прекрасно, Ги!

— Аллан говорит, что я иду в гору.

— Как замечательно!

— Послушай, мне еще надо успеть под душ и побриться. Он меня повезет на съемки, а там будет присутствовать сам Стэнли Кубрик. Ты когда будешь здесь?

— Днем. А может быть, и раньше.

— Буду ждать. Я люблю тебя.

— А я тебя.

Розмари позвонила Хатчу, но того не оказалось дома, и она попросила передать ему, что завтра вернет машину.

На следующее утро она привела в порядок дом, закрыла его и поехала в город. В одном месте движение на шоссе было приостановлено из-за аварии: столкнулись сразу три автомобиля — и лишь во втором часу дня Розмари припарковала (впрочем, весьма посредственно, почти на автобусной остановке) возле Брэмфорда старенький «олдсмобиль» Хатча.

Лифтер сказал, что Ги сегодня еще не выходил из дому, хотя это не точно, так как сам лифтер на полчаса отлучался.

Ги был дома. В квартире играла музыка. Розмари открыла рот, чтобы позвать его, но он сам вышел из спальни в чистой рубашке с галстуком, направляясь на кухню с пустой чашкой из-под кофе в руке.

Они крепко и страстно поцеловались, но из-за чашки ему приходилось обнимать ее только одной рукой.

— Хорошо провела время? — спросил он.

— Просто ужасно. Я так без тебя скучала!

— Ну, как ты себя чувствуешь?

— Прекрасно. А как тебе понравился Стэнли Кубрик?

— Да он так и не приехал.

Они снова поцеловались.

Розмари отнесла свой чемоданчик в спальню и раскрыла его прямо на кровати. Ги пришел с двумя чашками кофе, протянул одну ей, а сам сел на пуфик возле трюмо и с улыбкой наблюдал, как она распаковывалась. Розмари рассказала про желто-оранжевые леса и тихие ночи. Он же поведал ей о «Гринвич-Виллидж» — о тех, кто снимался вместе с ним, кто был продюсером, режиссером, сценаристом.

— Ты правда себя нормально чувствуешь? — спросил он, когда Розмари уже закрывала пустой чемодан.

Она бросила на мужа удивленно-вопросительный взгляд.
— Твои месячные. Они должны были начаться во вторник.

— Разве?

Ги кивнул.

— Ерунда, ведь прошло еще только два дня,— сказала она как бы между прочим, не подавая виду, но сердце у нее бешено застучало.— Наверное, это из-за перемены пицци или воды.

— У тебя раньше такого не было.

— Ну, может быть, начнутся сегодня ночью. Или завтра.

— Давай поспорим, что не начнутся.

— Давай.

— На четверть доллара?

— Хорошо.

— Проиграешь, Ро.

— Замолчи, не нервируй меня. Всего-то два дня прошло. Сегодня ночью и начнутся.

Глава десятая

Но месячные не начались ни в ту ночь, ни на другой день, ни через два дня, ни через три. Розмари стала двигаться осторожно, чтобы не потревожить то, что, вероятно, уже находилось внутри ее.

Поговорить с Ги? Нет, время еще будет.

Время еще для всего будет.

Она по-прежнему убирала квартиру, готовила еду и ходила по магазинам. И делала все очень аккуратно. Один раз к ней спустилась Лаура Луиза и попросила проголосовать за Бакли. Розмари пообещала — лишь бы побыстрее отделаться от нее.

— Отдай четверть доллара,— попросил Ги через несколько дней.

— Заткнись,— ответила она и отпихнула его протянутую руку.

Розмари записалась на прием к гинекологу и пошла к нему в четверг, 28 октября. Доктора Хилла порекомендовала Розмари подруга, Элиза Дунстан, которая уже имела двоих детей и оба раза наблюдалась у него. Кабинет доктора Хилла находился в западной части города, на Семьдесят второй улице.

Врач оказался моложе, чем Розмари ожидала — примерно как Ги,— и был похож на доктора Килдера из телесериала. Он ей сразу понравился, медленно задавал вопросы, интересовался всем, осмотрел ее и направил в лабораторию на Шестнадцатой улице, где у нее взяли кровь из вены.

На следующий день она позвонила ему в полчетвертого.

— Миссис Вудхаус?

— Доктор Хилл?

— Да. Я вас поздравляю.

— Правда?

— Правда.

Она присела на кровать и улыбнулась. Правда, правда, правда!

— Вы меня слышите?

— Да, конечно! Что же я теперь должна делать?

— Очень немного. Придете ко мне в следующем месяце. А пока купите таблетки наталина и начинайте их принимать. По одной в день. Я вам пришлю бланки, и вы их заполните. Это для больницы: лучше забронировать место с самого начала.

— А когда это произойдет?

— Если последний раз у вас были месячные двадцать первого сентября, то вы родите, вероятно, двадцать восьмого июня.

— Еще так не скоро!..

— Да. И вот еще что, миссис Вудхаус. В лаборатории необходимо еще раз сдать кровь. Вы не могли бы зайти туда завтра или в понедельник?

— Да, конечно. А для чего?

— Сестра взяла недостаточное количество.

— Но... я ведь правда беременна?

— Да, это они уже проверили,— сказал доктор Хилл.—

Но надо провести и другие анализы — на сахар и так далее, а сестра не знала и взяла мало крови. Не волнуйтесь. Вы беременны. Даю вам честное слово.

— Ну ладно. Я схожу туда завтра утром.

— Вы помпите адрес?

— У меня осталась карточка.

— Я перешлю вам бланки по почте, а ко мне приходите в последнюю неделю ноября.

Они договорились встретиться 23 ноября в час дня, и Розмари повесила трубку с таким чувством, что с ней что-то неладно. Сестра в лаборатории должна точно знать, что она делает, а та беспечность, с которой говорил об этом доктор Хилл, показалась ей напускной. Может быть, они боятся, что ошиблись? Перепутали пузырьки и пробирки или не помнят, где чья кровь? А вдруг она не беременна? Но тогда бы доктор Хилл все сказал начистоту и не был бы так уверен в своих словах...

Розмари попыталась не думать об этом. Конечно она беременна. Не может быть, чтобы месячные так сильно запаздывали. Она прошла в кухню, где висел календарь, и на следующем дне записала «лаборатория», а на 23 ноября «доктор Хилл, 13.00».

Когда вернулся Ги, она молча подошла и вложила ему в ладонь 25 центов.

— А это за что? — удивился он, но сразу же вспомнил. — Боже мой, как это здорово, дорогая! Просто здорово! — Потом он взял ее за плечи и два раза поцеловал. Подумал — и поцеловал третий раз.

— Правда? — спросила она.

— Просто отлично. Я так счастлив!

— Папочка.

— Мамочка.

— Послушай, Ги.— Розмари сразу сделалась серьезной.— Пусть это будет для нас началом новой жизни. Будем откровенны друг с другом. Ты был очень занят из-за своей новой роли и работы на телевидении... Я не говорю, что ты был совсем не прав; конечно, с твоей стороны было бы неразумно вести себя по-другому. Но именно из-за этого я и уехала. Чтобы разобраться, что же все-таки между нами происходит. И вот что я поняла: мы недостаточно откровенны. Но не только ты, и я тоже. Я так же виновата, как и ты.

— Это верно,— согласился Ги, все еще держа Розмари за плечи, и посмотрел ей прямо в глаза.— Это верно. Я почувствовал то же самое. Может быть, конечно, не так сильно, как ты. По-моему, я чертовски эгоистичен, Ро. И в этом вся беда. Наверное, виной всему моя идиотская профессия. Но ты ведь знаешь, что я люблю тебя, Ро. Правда люблю. И попытаюсь исправиться, в самом деле, клянусь Богом. Я буду откровенным, как...

— Но я не меньше виновата...

— Челуха. Виноват я. Только я и мой эгоизм. Но ты меня простишь, ладно? Я постараюсь вести себя хорошо.

— Ох, Ги!— Розмари почувствовала угрызения совести, прилив нежности и готова была сразу же все забыть. Они поцеловались.

— Так и должны поступать настоящие родители,— улыбнулся Ги.

Розмари засмеялась, и на глазах у нее заблестели слезы.

— Послушай, дорогая, знаешь, что я хочу сделать?

— Что?

— Рассказать об этом Минни и Роману.— Он предупреждающе поднял руку.— Знаю-знаю, мы должны хранить глубокую тайну. Но я говорил им, что у нас, может быть,

все скоро получится, и они тоже переживают. А они ведь такие старенькие,— Ги печально развел руками.— И если мы будем откладывать, то они, возможно, так никогда и не узнают...

— Ну расскажи,— улыбнулась Розмари. Она была согласна сейчас на все.

Ги поцеловал ее в нос.

— Вернусь через две минуты,— сказал он и бросился к двери.

Наблюдая за ним, Розмари поняла, что Минни и Роман стали ему очень близки. Это и неудивительно: мать Ги была очень занятой женщиной, а ни один из ее мужей так и не заменил мальчику настоящего отца. Кастиветы же были необходимы ему вместо родителей, даже если он сам этого не осознавал. И Розмари решила в дальнейшем думать о них лучше.

Она прошла в ванную, умылась холодной водой, причесалась и подкрасила губы.

— А ведь ты беременная,— сказала она своему отражению в зеркале. (Но надо еще сдать анализ крови. Для чего?..)

Когда она вышла в коридор, все уже стояли у входной двери: Минни в домашнем платье, Роман с бутылкой в руках и Ги позади них, довольный и покрасневший.

— Вот это я называю «радостные вести»! — Минни подошла к Розмари, взяла ее за плечи и громко чмокнула в щеку.— Поздрав-а-я-ем!

— Всего тебе наилучшего, Розмари,— добавил Роман и поцеловал ее в другую щеку.— Мы так рады, что и сказать нельзя. У нас, правда, не оказалось под рукой шампанского, но думаю, что по такому случаю мы можем выпить бутылочку «Сен-Джулиена» шестьдесят первого года.

Розмари поблагодарила стариков.

— Когда же он родится? — спросила Минни.

— Двадцать восьмого июня.
— Теперь у тебя будет много забот,— сказала Минни.
— Мы будем вместо тебя ходить в магазин,— объявил Роман.

— Не стоит,— воспротивилась Розмари.

Ги принес стаканы и штопор, и они с Романом занялись откупориванием бутылки.

Минни взяла Розмари под локоть, и они вместе пошли в гостиную.

— Послушай, дорогая,— начала Минни.— У тебя хороший врач?

— Да, очень хороший.

— Дело в том, что один из самых известных гинекологов Нью-Йорка — наш старый знакомый. Это Эйб Сапирштейн, еврей, он обследует женщин из медицинского профсоюза, но может понаблюдать и тебя, если мы его об этом попросим. И для нас он сделает скидку, так что вы еще и сэкономите деньги.

— Эйб Сапирштейн? — переспросил Роман из коридора.— Он один из лучших врачей во всей стране! Ты должна была слышать о нем.

— Я слышал,— сказал Ги.— Он действительно очень известный.

— Да,— подтвердил Роман.— Один из лучших гинекологов.

— Ну как, Ро? — спросил Ги.

— А как же быть с доктором Хиллом?

— Не волнуйся. Я ему что-нибудь скажу. Ты же знаешь меня...

Розмари подумала о докторе Хилле, очень молодом и похожем на Килдера, потом о лаборатории, где нужно еще раз сдать кровь из-за того, что сестра чего-то недосмотрела, или лаборант, или кто-то другой, а ей теперь приходится напрасно волноваться.

— Я не позволяю тебе ходить к доктору Хиллу, которого никто не знает,— заявила Минни.— Вам, юная леди, нужен только самый хороший врач, а это — Эйб Сапирштейн.

Розмари покорно улыбнулась.

— Ну, если вы считаете, что он сможет меня принять... Он ведь, наверное, очень занятый человек.

— Он тебя примет,— твердо заверила Минни.— Я позвоню ему прямо сейчас. Где у вас телефон?

— В спальне,— ответил Ги.

Минни прошла в спальню, а Роман разлил по стаканам вино.

— Это прекрасный человек,— сказал он.— Очень чуткий, как и вся его многострадальная нация. Давайте подождем Минни.

Они молча ждали, держа в руках полные стаканы.

— Садись, дорогая,— предложил Ги, но Розмари покачала головой и продолжала стоять.

Послышался голос Минни из спальни.

— Эйб? Это Минни. Послушай, одна наша хорошая знакомая сегодня выяснила, что беременна. Да, это прекрасно. Я звоню из ее квартиры. Мы сказали, что ты сможешь ее принять и что не будешь брать с нее дополнительной платы.— Она немного помолчала.— Подожди минуточку.— Она закричала из спальни, обращаясь к Розмари: — Ты сможешь приехать к нему завтра в одиннадцать утра?

— Да, это очень удобно,— ответила Розмари.

— Вот видите,— улыбнулся Роман.

— Очень хорошо, в одиннадцать часов, Эйб,— говорила в трубку Минни.— Да. И ты тоже. Нет, вовсе нет. Будем надеяться. До свидания.

Она вышла из комнаты.

— Ну вот и все. Перед тем как уйти, я напишу тебе его адрес. Это на пересечении Семьдесят девятой улицы и Парк-авеню.

— Огромное вам спасибо, Минни, не знаю, как и благодарить вас обоих,— ответила Розмари.

Минни взяла протянутый Романом стакан.

— Это очень просто: делай все, что тебе скажет Эйб, и у тебя будет здоровый ребенок. Другой благодарности нам и не надо.

Роман поднял стакан.

— За чудесного, здорового ребенка.

— За него,— поддержал Ги, и все выпили.— О! — воскликнул он.— Очень вкусно!

— Правда? — спросил Роман.— И не очень дорого.

— Мне не терпится рассказать об этом Лауре Луизе,— сказала Минни.

— Ну пожалуйста,— взмолилась Розмари.— Никому больше не говорите. Пока еще слишком рано!

— Она права,— согласился Роман.— Будет еще достаточно времени, чтобы сообщить это приятное известие.

— Пойду принесу сыр и галеты,— сказала Розмари.

— Садись, милая,— остановил ее Ги.— Я принесу все сам.

В этот день Розмари очень устала и заснула быстро. Внутри ее — под ладонями, которые она настороженно держала на животе,— крошечное яичко было оплодотворено крошечным семенем. И вот чудо: теперь оно превратится в Эндрю или в Сюзан! (Насчет «Эндрю» она была уверена, а «Сюзан» еще предстояло обсудить с Ги.) Какой сейчас Эндрю-или-Сюзан? Какого размера? С булавочную головку? Нет, наверное, больше, ведь идет уже второй месяц. Видимо, да. Возможно, он теперь размером с головастика. Надо будет купить книгу, в которой подробно рассказывается, как развивается плод месяц за месяцем. Доктор Салирштейн должен знать, где взять такую книгу.

Мимо их дома пронеслась пожарная машина. Ги проворчал что-то во сне и повернулся на другой бок, а за стеной закрипела кровать Минни и Романа.

Теперь вокруг Розмари появилось множество новых опасностей: пожары, падающие предметы, потерявшие управление автомобили... То, что раньше не представляло для нее особой угрозы, отныне приобрело совсем другое значение, потому что уже начал жить Эндрю-или-Сюзан. (Да, жить!) Она, конечно, перестанет курить. И нужно будет спросить доктора Салирштейна насчет коктейлей.

Если бы еще помогали молитвы! Как было бы хорошо снова взять в руки распятие и поговорить с Богом: попросить его, чтобы эти восемь месяцев прошли благополучно, чтобы не было ни краснухи, ни последствий принятых когда-то лекарств. Восемь спокойных солнечных месяцев без всяких несчастных случаев и болезней.

Неожиданно она вспомнила про талисман — шарик с таннисовым корнем,— и, как ни странно, ей захотелось, чтобы он оказался на шее. Розмари выскользнула из-под одеяла, прошла на цыпочках к трюмо, достала из коробки шарик и развернула фольгу. Запах корня теперь изменился: он все еще был достаточно сильным, но уже не таким противным. Она надела цепочку на шею.

Шарик упал ей на грудь, и она вернулась в кровать, накрылась одеялом и уткнулась лицом в подушку. Скоро Розмари заснула, ровно дыша и положив обе руки на живот, как бы оберегая внутри себя крошечный зародыш.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава первая

Розмари словно ожила: в ее действиях и всей жизни появился новый смысл, она почувствовала себя полноценной. Делала она то же самое, что и раньше: готовила еду, убирала квартиру, гладила белье, заправляла постель, бегала по магазинам, ходила стирать в подвал и посещала кружок скульптуры, — но теперь все это делалось по-другому, с сознанием того, что каждый день Эндрю-или-Сюзан (или Мелинда) была уже чуть больше, чем вчера, на день ближе к рождению.

Доктор Сапирштейн — высокий, загорелый, с белыми волосами и пушистыми светлыми усами (где-то она уже видела его раньше, но никак не могла вспомнить, где именно — может быть, по телевизору?) — оказался прекрасным человеком. И, несмотря на то что в его кабинете стояли старинные дорогие стулья и холодные мраморные столы, сам он был приветливым и открытым.

— Пожалуйста, не увлекайтесь никакими книгами, — попросил он. — Каждая беременность протекает по-своему, и вы будете волноваться, если начитаетесь всяких пособий, где говорится, что вы должны ощущать на такой-то неделе или на таком-то месяце. Ни одна беременность не протекает так, как это описано в популярной литературе.

И подруг тоже не надо слушать. То, что чувствовали они, может быть совсем не похоже на то, что будете ощущать вы, но на этом основании они могут начать убеждать вас, что их беременность прошла нормально, а ваша — нет.

Она спросила про таблетки с витаминами, которые посоветовал ей доктор Хилл.

— Не надо никаких таблеток, — ответил он. — У Минны Кастивет есть прекрасная оранжерея трав и миксер. Я дам ей инструкции, и она будет готовить вам ежедневный напиток — более свежий, полезный и насыщенный витаминами, чем все аптечные таблетки. И еще одно: не стесняйтесь удовлетворять ваши прихоти в еде. Некоторые считают, что беременные женщины выдумывают разные причуды, потому что им так положено. Я с этим не согласен. Если вам среди ночи захочется маринованных огурчиков, пусть ваш бедный муж просыпается и достает их где угодно — как в старых анекдотах. Чего бы вам ни захотелось — ешьте не задумываясь. Вы и сами удивитесь, как много новых вкусов появится у вас в эти месяцы. И по любому вопросу звоните мне — хоть днем, хоть ночью. Но только мне, а не своей маме или тетушке. Я здесь для этого и сижу.

Они договорились, что Розмари будет приходить каждую неделю. Конечно, это было более тщательное наблюдение, чем у доктора Хилла. К тому же Сапирштейн сказал, что место в госпитале для врачей он займет в любой момент и без всякого заполнения бланков.

Наконец-то все встало на свои места, и это Розмари понравилось. Она сделала себе стрижку «сэссон», подлечила зубы, проголосовала на выборах за Линдсея и поехала в Грипвич-Виллидж, где шли натурные съемки телесериала, в котором играл Ги. Она часто садилась на корточки, болтая с маленькими ребятишками, и приветливо улыбалась беременным женщинам. «И я тоже беременна», — говорила ее улыбка.

Розмари вдруг обнаружила, что соль — даже несколько крупинок — делает пищу совершенно несъедобной.

— Это вполне нормально, — успокоил доктор Сапирштейн, когда она пришла к нему во второй раз. — Как только организм потребует, все это прекратится. Ну а пока, значит, никакая соль вам не пужна. Доверяйте своему организму во всем. И отвращениям, и новым потребностям.

Но потребности не появлялись. Аппетит у Розмари пропал. На завтрак она ела всего один ломтик поджаренного хлеба и кофе, на обед хватало маленького кусочка мяса с кровью и пары ложек овощей. Каждое утро в одиннадцать часов Минни приносила стакан с напитком фисташкового цвета — холодным и кислым.

— А что туда входит? — как-то поинтересовалась Розмари.

— Кидаю что попало, — ответила Минни и улыбнулась. — Даже винтики и пружинки — для мальчика.

— Это прекрасно! — засмеялась Розмари. — А что, если мы захотим девочку?

— Девочку?

— Ну, нам, конечно, и то и другое неплохо, но все же лучше, чтобы первым оказался мальчик.

— Пей поскорее, — приказала Минни.

Закончив пить, Розмари спросила:

— Нет, а если серьезно, что входит в этот напиток?

— Сырое яйцо, желатин, травы...

— Таннисовый корень?

— Немного и его, и других трав.

Каждый день Минни приносила напиток в одном и том же стакане — большом, с синими и зелеными полосками — и ждала, пока Розмари опорожнит его.

Как-то раз Розмари разговорилась около лифта с Филлис Капп, матерью маленькой Лизы, и та пригласила ее и Ги на обед в воскресенье. Но Ги сумел вежливо отказаться, объяснив, что, скорее всего, в воскресенье уедет на съемки,

а если нет, то ему надо будет отдохнуть и поучить роль. Они вообще в последнее время стали мало встречаться с друзьями. Ги позвонил Джимми и Тайгер Хенигсен и отменил встречу, о которой они договаривались за несколько недель до этого, а потом попросил Розмари, чтобы она не ходила больше в ресторан с Хатчем. И все это из-за съёмок, затянувшихся на более длительное время, чем предполагалось.

Но оказалось, что они очень вовремя отменили свои визиты к друзьям, потому что у Розмари неожиданно начались боли в животе, и это ее очень встревожило. Она позвонила доктору Сапирштейну и договорилась о встрече. После обследования врач заверил ее, что волноваться не следует: боли происходят из-за того, что началось расширение тазовых костей. И они обязательно пройдут через день или два, а пока можно принимать простой аспирин.

Розмари облегченно вздохнула.

— А я-то подумала, что у меня может быть неправильное положение плода.

— Что? — переспросил доктор Сапирштейн и укоризненно посмотрел на нее.

Розмари покраснела.

— А я-то подумал, что вы не будете читать всякую чепуху, — улыбнулся он.

— Но эта книжка так и смотрела на меня в магазине, — попыталась оправдаться Розмари.

— И только взволновала вас понапрасну. Когда придете домой, бросьте ее в мусорное ведро, пожалуйста.

— Обязательно. Я вам обещаю.

— Боль пройдет через пару дней, — убеждал доктор. — Неправильное положение плода, надо же! — И покачал головой.

Но через два дня боль не прошла, а, наоборот, усилилась; как будто внутри ее что-то медленно стягивалось проволокой и уже готово было вот-вот разорваться. Боль продолжалась по несколько часов, затем на какое-то время насту-

пало затишье, после которого приступ возобновлялся с новой силой. Аспирин помогал плохо, и кроме того, Розмари боялась, что он может повредить ребенку. Когда сон одолевал ее, начинали сниться кошмары: сражения с огромными пауками, которые загоняли ее в ванну, или же тщетные попытки вырваться из объятий маленького черного куста, выросшего прямо из ковра в гостиной. Розмари просыпалась измученная, и снова начинались боли.

— Иногда такое бывает,— говорил ей доктор Салирштейн.— Но теперь это может пройти в любую минуту. А вы не обманули меня насчет своего возраста? Обычно подобные боли мучают женщин постарше — у них кости таза не такие подвижные.

Минни, принося напиток, старалась успокоить ее:

— Бедняжка моя! Не волнуйся, у моей племянницы в Толедо были точно такие же боли, и еще у двух моих знакомых. А зато роды оказались легкими, и дети выросли здоровые.

— Спасибо,— отвечала Розмари.

Минни начинала сердиться.

— Что ты хочешь этим сказать? Это же чистейшая правда! Клянусь Богом!

Лицо у Розмари стало бледным, измученным, под глазами залегли глубокие тени. Выглядела она ужасно. Но Ги с этим не соглашался.

— О чем ты говоришь? — негодовал он.— Если хочешь правду, ты испортила внешность прической, а все остальное прекрасно. Эта стрижка — твоя самая большая ошибка за всю жизнь.

Боль надежно обосновалась в ее теле, не давая больше никаких передышек. Постепенно Розмари свыклась с ней, спала всего по несколько часов в сутки и принимала по одной таблетке аспирина, хотя доктор Салирштейн разрешил принимать по две. Теперь она уже не встречалась с

Джоан и Элизой, перестала ходить на занятия и по магазинам. Продукты заказывала по телефону, а сама оставалась все время в квартире: шила занавески для детской и наконец-то начала читать «Крушение Римской империи». Иногда к ней заходили Минни с Романом, чтобы просто поговорить или спросить, не надо ли купить чего-нибудь. Один раз пришла Лаура Луиза и принесла поднос с пряниками. Она еще не знала о том, что Розмари беременна.

— Как мне нравится твоя стрижка, Розмари! — восхищенно воскликнула Лаура Луиза. — Ты с ней очень симпатичная и современная. — Она очень удивилась, когда узнала, что Розмари плохо себя чувствует.

Наконец съемки закончились, и Ги большую часть времени стал проводить дома. Он перестал заниматься вокалом с Домиником и не ходил больше на просмотры и прослушивания. Ему предложили сняться в двух рекламах — для «Пэлл-Мэлл» и «Тексако», а репетиции пьесы «Мы с вами раньше не встречались?» теперь уже совершенно точно откладывались до середины января. Он помогал Розмари убирать квартиру, и они часто играли на время в скрэббл, по доллару за партию. Ги сам подходил к телефону и, если спрашивали Розмари, придумывал правдоподобные отговорки.

Какое-то время она собиралась устроить в честь Дня благодарения обед для друзей, чьи семьи, как и у них с Ги, были далеко, но из-за сильной боли и волнений за Эндрю или Мелинду, решила все отложить, и они просто пошли в гости к Минни и Роману.

Глава вторая

Однажды декабрьским днем, когда Ги был на съемках рекламы сигарет «Пэлл-Мэлл», позвонил Хатч.

— Я здесь, рядом — в Сити-Сентр, — пытаюсь достать билеты на Марсея Марсо. Вы с Ги не сможете пообедать со мной в пятницу?

— Вряд ли, Хатч,— ответила Розмари.— Я в последнее время неважно себя чувствую. А у Ги две съемки на этой неделе.

— Что с тобой случилось? — встревожился Хатч.

— Ничего страшного. Наверное, погода действует.

— Тогда можно я зайду к тебе на пару минут?

— Конечно, я очень хочу повидаться.

Она быстро нарядилась в кофту из джерси и брюки, подкрасила губы и причесалась. На какой-то момент боль усилилась — Розмари закрыла глаза и стиснула зубы,— а потом опять стихла до обычного уровня. Она облегченно вздохнула и закончила приводить себя в порядок.

Увидев ее, Хатч изумился.

— Боже мой!

— Это все из-за прически.

— Да нет, твоя прическа ни при чем. Что с тобой такое?

— Неужели я так плохо выгляжу? — попыталась улыбнуться Розмари, вешая в шкаф его пальто.

— Просто ужасно! Ты похудела бог знает на сколько, а под глазами такие круги, что даже бамбуковый медведь позавидует. Ты случайно не сидишь на какой-нибудь дзен-буддийской диете?

— Нет.

— Тогда в чем же дело? Ты была у врача?

— Наверное, надо все рассказать: я беременна. И пошел уже третий месяц.

Хатч удивленно поднял брови.

— Странно,— сказал он наконец.— Обычно беременные женщины набирают вес, а не худеют. И выглядят здоровыми, а не...

— У меня небольшие осложнения,— пояснила Розмари, провожая его в гостиную.— Суставы не очень подвижные, а от этого начались боли, и я плохо сплю по ночам. Вернее, это одна сплошная боль, и она не прекращается ни на

минуту. Хотя это не опасно. Боль может уйти в любой момент.

— Впервые слышу, чтобы из-за суставов начинались какие-то осложнения.

— Неподвижные кости таза. Это обычное явление.

Хатч опустился в кресло Ги.

— Ну, поздравляю тебя, — не очень весело сказал он. — Ты, наверное, счастлива?

— Конечно, мы оба счастливы.

— А кто твой врач?

— Его зовут Авраам Сапирштейн. Он...

— Я знаю его, — перебил Хатч. — Не лично, правда. Он наблюдал Дорис.

(Дорис была старшей дочерью Хатча.)

— Это один из лучших врачей в городе, — сообщила Розмари.

— Когда ты была у него последний раз?

— Позавчера. И он опять повторил то же самое: это бывает и может пройти в любую минуту. Правда, он давно уже так говорит...

— И на сколько же ты похудела?

— Всего на три фунта. Хотя с виду кажется...

— Ерунда! Наверняка ты сбросила не меньше десяти.

Розмари улыбнулась.

— Вы такой же противный, как наши весы. Ги их в конце концов выбросил, потому что они меня очень расстраивали. Нет, я похудела только на три фунта, и это вполне нормально — терять вес в начале беременности. Потом я начну поправляться.

— Я очень на это надеюсь, — сказал Хатч. — Но все равно ты выглядишь так, будто вампир высасывает твою кровь. Ты смотрела, на шее дырочек нет?

Розмари засмеялась.

— Ну, — продолжал Хатч, откинувшись на спинку кресла, — будем считать, что доктор Сапирштейн знает, что го-

ворит. Я представляю, сколько вы ему платите! Наверное, Ги сейчас неплохо зарабатывает...

— Да,— ответила Розмари.— Но мы ему платим как обычному врачу. Наши соседи Кастиветы — его хорошие друзья, это они меня рекомендовали, и он не берет с нас дополнительной платы, хоть мы и не члены его профсоюза.

— Значит, Дорис и Аксель тоже входят в медицинский профсоюз! Надо будет их обрадовать.

Неожиданно в дверь позвонили. Хатч хотел было пойти открыть, но Розмари ему не дала.

— У меня боль утихает, когда я двигаюсь,— объяснила она, выходя из комнаты и вспоминая, не заказывала ли она что-то такое, что должны были доставить на дом.

Это оказался Роман, и выглядел он немного взбудораженным.

— А я о вас только что вспоминала,— улыбнулась Розмари.

— Надеюсь, не плохими словами? Тебе ничего не нужно купить? Минни как раз отправляется по магазинам, а внутренний телефон испортился.

— Нет, спасибо. Я утром все заказала.

Роман заглянул в квартиру через ее плечо и спросил, дома ли Ги.

— Нет, он вернется самое раннее в шесть часов,— ответила Розмари и, видя на его бледном лице вопрос, добавила: — Ко мне пришел наш давний друг. Я вас сейчас познакомлю.

— С удовольствием, если я не помешаю.

— Конечно нет.— Розмари проводила его в гостиную.

На Романе был белый с черным клетчатый пиджак, голубая рубашка и широкий узорчатый галстук. Проходя через дверь, он на секунду оказался совсем близко к Розмари, и она с удивлением заметила, что у него проколоты уши. Во всяком случае, левое.

Розмари прошла вслед за ним в комнату.

— Это Эдвард Хатчинс.— Хатч встал и улыбнулся.— А это Роман Кастивет, наш сосед, о котором я только что вам говорила.

— Я только что рассказывала Хатчу, что это вы с Минни направили меня к доктору Сапирштейну,— пояснила она Роману.

Мужчины пожали друг другу руки, и Хатч сказал:

— Одна из моих дочерей тоже наблюдалась у доктора Сапирштейна. Даже два раза.

— Он очень способный врач,— ответил Роман.— Мы с женой познакомились с ним меньше года назад, но он уже стал одним из лучших наших друзей.

— Садитесь, пожалуйста,— предложила Розмари и сама опустилась в кресло рядом с Хатчем.

— Так Розмари уже сообщила вам приятные новости, да? — спросил Роман.

— Да,— подтвердил Хатч.

— Мы теперь следим, чтобы она побольше отдыхала,— продолжал Роман,— и совсем не волновалась.

— Так будет только в раю,— с улыбкой заметила Розмари.

— Меня немного встревожил ее вид,— сказал Хатч, озабоченно поглядывая на Розмари. Он достал трубку и полосатый репсовый кисет с табаком.

— Почему? — с недоумением спросил Роман.

— Она сильно сбавила в весе,— ответил Хатч.— Но теперь я знаю, что за ней наблюдает доктор Сапирштейн, и поэтому спокоен.

— Что вы! Она похудела всего на два или три фунта,— убежденно заявил Роман.— Правда, Розмари?

— Правда,— согласилась она.

— А это вполне возможно в первые месяцы беременности. Потом она обязательно наберет вес, и, может быть, даже лишний.

— Будем надеяться,— кивнул Хатч и начал набивать трубку.

— Миссис Кастивет каждый день готовит мне витаминный напиток из сырого яйца, молока и трав, которые она сама выращивает,— объяснила Розмари Хатчу.

— Конечно, в соответствии с рекомендациями доктора Сапириштейна,— поспешил добавить Роман.— Он не очень-то доверяет промышленным таблеткам.

— Правда? — удивился Хатч, убирая кисет в карман.— А по-моему, нет ничего безопаснее того, что производится под тщательным наблюдением и контролем.— Он чиркнул сразу двумя спичками и втянул пламя в трубку, выпуская клубы ароматного дыма. Розмари поставила рядом с ним пепельницу.

— Это так,— согласился Роман,— но таблетки месяцами лежат на полках складов и аптек и за это время теряют силу.

— Об этом я как-то не подумал. Наверное, вы правы,— сухо ответил Хатч.

— Мне тоже нравится принимать все свежее и натуральное,— вмешалась в разговор Розмари.— Я думаю, что давным-давно, когда никто еще не слышал о витаминах, беременные женщины только и делали, что жевали кусочки таннисового корня.

— Таннисового корня? — переспросил Хатч.

— Это одна из трав, которые входят в мой напиток,— объяснила Розмари.— А может, это и не трава вовсе? — Она вопросительно посмотрела на Романа.— Корни считаются травой?

Но Роман не сводил глаз с Хатча и, казалось, не слушал ее.

— Таннисовый? — задумался Хатч.— Никогда о таком не слышал. Ты уверена? Может быть, анисовый?

— Таннисовый,— подтвердил Роман.

— Вот,— сказала Розмари и вынула свой талисман.— Считается, что он приносит счастье. Только не пугайтесь:

к его запаху еще надо привыкнуть.— Она поднесла шарик поближе к Хатчу.

Тот понюхал его, сморщился и отпрянул.

— Да уж, действительно!

Затем он взял шарик в руки и стал внимательно рассматривать его, немного прищурившись.

— Да он совсем и не похож на корень. Скорее тут плесень какая-то или грибок.— Хатч вопросительно посмотрел на Романа.— А у него есть другое название?

— Если и есть, мне оно неизвестно,— отозвался тот.

— Я посмотрю в энциклопедии и все о нем раз узнаю. Таннис. Какой симпатичный сувенир! Или амулет, или как там его называют... Откуда он у тебя?

Розмари улыбнулась.

— Кастиветы мне подарили.— Она убрала талисман под кофту.

Хатч заметил:

— По-моему, вы заботитесь о Розмари даже больше, чем ее собственные родители.

— Мы очень любим ее, и Ги тоже.— Роман встал со стула.— Извините, но мне пора. Жена ждет.

— Да, конечно.— Хатч поднялся.— Приятно было познакомиться.

— Мы еще увидимся. Я уверен. Не провожай меня, Розмари,— ответил Роман.

— Мне не трудно.— Около самой двери она заметила, что и правое ухо у него тоже проколото, а на шее — множество мелких царапин, как будто от нападения какой-то хищной птицы.— Еще раз спасибо, что зашли, мистер Кастивет,— поблагодарила она.

— Не стоит. Мне понравился ваш друг Хатчинс. По-моему, он очень интеллигентный человек.

— Да, это правда,— согласилась Розмари, открывая дверь.

— Я рад, что познакомился с ним.— Роман улыбнулся, помахал рукой и пошел к себе.

— До свидания,— сказала Розмари и тоже помахала ему.

Хатч все еще стоял у книжных полок.

— Комната у вас прекрасная. Ты, наверное, неплохо над ней поработала.

— Спасибо. Трудилась, пока не начались боли. А у Романа проколоты уши. Я только что это заметила.

— Пронзенные уши и пронзительные глаза... А кем он был, пока не достиг такого почтенного возраста?

— Ой, где он только не работал!.. Он за свою жизнь побывал буквально везде. В самом деле.

— Ерунда. Никто не может побывать везде. А зачем он заходил, если не секрет? Или, может быть, я становлюсь слишком любопытным?

— Он спросил, что мне купить. Домофон не работает. Хатч, это просто необыкновенные соседи! Когда я разрешаю, они мне даже квартиру убирают.

— А она какая?

Розмари описала Минни и добавила:

— В последнее время Ги очень к ним привязался. Они буквально заменили ему родителей.

— А тебе?

— Сама не пойму. Иногда я их так люблю, что готова расцеловать. А иногда появляется какое-то смутное чувство, будто они чересчур уж доброжелательны ко мне и все это неспроста. Хотя как я могу на них жаловаться? Помните, в городе не было света?

— Как не помнить! Я в тот момент как раз оказался в лифте.

— Не может быть!

— Да, так получилось. Пришлось провести пять часов в полной темноте в компании трех женщин и Джона Бер-

чера, и все они были уверены, что на нас упала атомная бомба.

— Это ужасно.

— Так что ты говорила?

— Мы в это время были дома, и через две минуты после того, как погас свет, пришла Минни и принесла свечи.— Розмари махнула рукой в сторону камина.— Как можно сердиться на таких соседей?

— Очевидно, нельзя,— сказал Хатч и посмотрел на камин.— Вот эти свечи? — спросил он.

Между вазой из полированного камня и старинным медным микроскопом стояли два оловянных подсвечника, в которых виднелись черные огарки.

— Это последние,— пояснила Розмари.— Хотя она принесла тогда запас на целый месяц. А в чем дело?

— Они все были черные?

— Да, ну и что?

— Просто интересно.— Он повернулся и улыбнулся ей.— Давай выпьем кофе, хороню? И расскажи мне еще о миссис Кастивет. Где она выращивает свои травы? За окном?

Они сидели за столом в кухне, как вдруг входная дверь распахнулась и в квартиру влетел Ги.

— Вот это сюрприз! — воскликнул он и подскочил к Хатчу пожать руку, прежде чем тот успел встать со стула.— Как поживаете, Хатч? Рад вас видеть! — Другой рукой он обнял Розмари и поцеловал ее сперва в щеку, а потом в губы.— Как у тебя дела, дорогая? — На Ги еще оставался грим: лицо было оранжевым, а глаза оттеняли огромные искусственные ресницы.

— Да ты сам сюрприз,— улыбнулась Розмари.— Что случилось?

— Съемки прервали прямо на середине, негодяи. Завтра с утра начнем опять. Сидите на месте и не шевелитесь — я сейчас сниму пальто.— И он вышел в коридор.

— Хочешь выпить с нами кофе? — вдогонку спросила Розмари.

— С удовольствием! — крикнул Ги уже из прихожей.

Она встала, налила еще одну чашку, а потом добавила кофе Хатчу и немного себе. Хатч потягивал трубку и о чем-то сосредоточенно размышлял.

Ги вернулся, держа в руках несколько пачек «Пэлл-Мэлл».

— Это добыча, — пояснил он и положил сигареты на стол. — Будешь, Хатч?

— Нет, спасибо.

Ги распечатал пачку и достал сигарету. Розмари села за стол, и Ги заговорщически подмигнул ей.

— Тебя я тоже поздравляю, — сказал Хатчинс.

Ги прикурил.

— Так Розмари уже все вам рассказала? Это чудесно, правда? Вы даже не можете представить себе, как мы счастливы! Я, конечно, очень боюсь, что из меня получится никудышный отец, зато Розмари наверняка будет заботливейшей мамашей, поэтому все не так уж страшно.

— А когда родится ребенок?

Розмари ответила, а потом сообщила Ги, что доктор Сапирштейн принимал двух внуков Хатча.

— А я познакомился с вашим соседом Романом Кастиветом, — добавил Хатч.

— Правда? — удивился Ги. — Смешной старикаш, да? Но он очень интересно рассказывает про Оттиса Скиннера и Моджеску. Театральный старикашка.

— Ты никогда не замечал, что у него проколоты уши? — спросила Розмари.

— Неужели?

— Правда. Я сама видела.

Они пили кофе и разговаривали о головокружительной карьере Ги и о путешествии по Греции и Турции, которое Хатч намеревался совершить будущей весной.

— Нам так неудобно, что мы перестали видаться в последнее время,— сказал Ги, когда Хатч начал уже собираться.— Я сейчас очень занят, а Розмари себя неважно чувствует, так что мы почти ни с кем не встречаемся.

— Можно будет как-нибудь пообедать вместе,— предложил Хатч.

Ги согласился и пошел в коридор за его пальто.

— Не забудьте посмотреть про таннисовый корень,— напомнила Розмари.

— Обязательно. А ты попроси доктора Сапирштейна, чтобы он проверил свои весы. Мне все-таки кажется, что ты похудела не на три фунта.

— Ерунда,— ответила Розмари.— У врачей весы не обманывают.

Ги помог Хатчу надеть пальто.

— Это, наверное, ваше? — шутливо спросил он.

— Правильно.— Хатч оделся.— А вы уже выбрали имя, или это еще рано?

— Если мальчик, то Эндрю или Дуглас,— сказала Розмари.— А если девочка — Мелинда или Сара.

— Сара? — удивленно спросил Ги.— А куда девалась Сюзан? — Он уже подавал гостью шляпу.

Розмари по-родственному подставила Хатчу щеку.

— Я все же надеюсь, что боли скоро пройдут,— сказал он.

— Конечно.— Она улыбнулась.— Не беспокойтесь.

— Это иногда бывает,— добавил Ги.

Хатч сунул руки в карманы.

— Второй такой же нигде не видно? — спросил он, показывая им коричневую, отороченную мехом перчатку, и снова проверил карманы.

Розмари посмотрела на полу, а Ги пошел к шкафу и проверил полки.

— Нет, не видно,— растерянно сказал он.

— Какая досада! — расстроился Хатч. — Наверное, я оставил ее в Сити-Сентр. Зайду туда по пути. И все-таки давайте как-нибудь пообедаем вместе.

— Обязательно. На этой неделе, — ответила Розмари.

Они подождали, пока Хатч завернет за угол коридора, потом вернулись в квартиру и закрыли дверь.

— Какой приятный сюрприз, — усмехнулся Ги. — И долго он здесь был?

— Не очень. Знаешь, что он мне сказал?

— Что?

— Что я ужасно выгляжу.

— Добрый старый Хатч! Куда бы он ни пришел, везде становится веселее...

Розмари непонимающе посмотрела на него.

— Да он просто завел себе хобби портить людям настроение, — раздраженно продолжал Ги. — Помнишь, как он пытался отговорить нас въезжать сюда?

Ги оперся плечом о дверной косяк.

— Во всяком случае, у него это здорово выходит.

Через несколько минут Ги надел пальто и пошел за газетой.

В половине одиннадцатого вечера зазвонил телефон. Розмари уже лежала в кровати с книгой, а Ги сидел в кабинете перед телевизором. Он подошел к телефону и через минуту принес его в спальню.

— Хатч хочет с тобой поговорить. — Он протянул трубку. — Я сказал, что ты уже отдыхаешь, но у него какое-то срочное дело.

Розмари взяла трубку.

— Хатч?

— Здравствуй, Розмари. Послушай, дорогая, ты весь день сидишь дома, или все-таки куда-то выходишь?

— Я не выхожу, но мне можно. А что такое?

Ги смотрел на нее и хмурился.

— Я с тобой хочу кое о чем поговорить,— сказал Хатч.— Давай встретимся завтра утром, в одиннадцать часов, перед зданием «Сигрэм».

— Ладно, если вам так удобно. А в чем дело? Сейчас нельзя рассказать?

— Лучше не надо. Ничего особенного, так что не переживай. Мы могли бы где-нибудь перекусить. Пусть это будет поздний завтрак. Или ранний ланч.

— Хорошо.

— Ну, ладно. Значит, завтра в одиннадцать у здания «Сигрэм».

— Хорошо. А вы нашли перчатку?

— Нет, в Сити-Сентре ее тоже не оказалось. Но мне все равно уже надо покупать новые. Спокойной ночи, Розмари. Отдыхай.

— Спокойной ночи, Хатч.

Она повесила трубку.

— Что у него случилось? — недовольно спросил Ги.

— Он хочет завтра со мной встретиться. Говорит, надо поговорить.

— Он не сказал, о чем именно?

— Ни единого слова.

Ги покачал головой и саркастически усмехнулся.

— По-моему, приключенческие детские рассказы начали действовать на его рассудок. И где же вы с ним договорились?

— Перед зданием «Сигрэм», в одиннадцать часов.

Ги выдернул телефон из розетки и понес его в кабинет. Однако вскоре вернулся.

— Беременная у нас ты, а прихоти появляются у меня,— сказал он и снова включил аппарат в спальне, поставив его на ночной столик.— Я пройдуся и куплю мороженого. Тебе взять?

- Хорошо бы.
- Ванильного?
- Да.

Он ушел, а Розмари опустилась на подушки и уставилась в пустоту, позабыв о своей книге. О чем хочет поговорить Хатч? Ничего особенного, сказал он. Но и не пустяк — иначе он не стал бы беспокоить ее на ночь глядя. Может быть, что-то случилось с Джоан? Или с другой девушкой, которая тоже с ними жила?

Она услышала, как в коридоре кто-то позвонил один раз в дверь Кастиветов. Наверное, это Ги: хочет узнать, не купить ли и им мороженое или газеты. Очень мило с его стороны. Боль усилилась.

Глава третья

На следующее утро Розмари позвонила Минни и попросила ее не приносить напиток в одиннадцать часов. Она объяснила, что будет в городе и вернется не раньше чем в час или в два.

— Ничего страшного, дорогая,— сказала Минни.— Не беспокойся. Тебе ведь не обязательно пить его в определенное время, можно принимать когда угодно, вот и все. Иди, куда тебе надо. День сегодня чудесный, и будет полезно подышать свежим воздухом. Позвони мне, когда вернешься, и я сразу же принесу твой напиток.

День был и правда чудесный: солнечный, свежий и бодрящий. Несмотря на сильную боль, Розмари готова была улыбаться. Санта-Клаусы из Армии Спасения стояли с колокольчиками на каждом углу в своих нарядных костюмах, которые уже никого не могли обмануть. Витрины магазинов были украшены по-рождественски, а на Парк-авеню выросла целая аллея из елок.

Она подошла к зданию «Сигрэм» без четверти одиннадцать. Хатча еще не было, поэтому она уселась перед фонта-

ном и подставила лицо солнцу, прислушиваясь к шагам прохожих и обрывкам разговоров, шуму легковых машин и грузовиков. Сейчас она первый раз с удовольствием почувствовала, что платье туго обтягивает живот. Розмари решила, что после встречи с Хатчем она пройдет по магазинам и поищет специальное платье для беременных. Она была рада, что из-за Хатча ей пришлось наконец-то выйти на улицу (только о чем он хочет с ней поговорить?). Боль, даже такая сильная, как у нее, все равно не должна служить оправданием для того, чтобы целыми днями сидеть дома. Надо бороться с ней, бороться очень активно, взяв в помощники воздух и солнце. Нельзя поддаваться унынию и потакать баловству Минни, Романа и Ги. «Боль, уходи! — мысленно приказала она. — Исчезни навсегда!»

Но, несмотря на пастойчивое внушение, боль оставалась.

Без пяти одиннадцать Розмари подошла к стеклянным дверям небоскреба «Сигрэм». Поток людей здесь был особенно плотным. «Возможно, Хатч выйдет изнутри. — подумала она. — Может быть, у него там другая встреча. Иначе зачем он выбрал именно это место?» Она напряженно всматривалась в лица прохожих, и в какой-то момент ей даже показалось, что она увидела его, но это была ошибка. Потом Розмари заметила молодого человека, с которым встречалась еще до знакомства с Ги, но, приглядевшись внимательнее, поняла, что опять обозналась. Она продолжала искать глазами Хатча и изредка даже вставала на цыпочки, но все-таки не особенно старалась, потому что была уверена, что, если даже и пропустит его, он все равно подойдет сам.

Однако Хатч не появился ни в пять минут двенадцатого, ни в десять. Розмари зашла в холл первого этажа, чтобы посмотреть списки служащих. Возможно, ей попадется какая-нибудь знакомая фамилия, которую она уже слышала от Хатча, и тогда можно будет навести справки. Но список

оказался слишком длинный, чтобы прочитав все фамилии; она пробежалась по нему глазами, не нашла никого знакомого и снова вышла на улицу.

Сев на прежнее место, откуда по большим электронным часам на Парк-авеню удобно было отсчитывать время, Розмари нетерпеливо поглядывала на проходивших мимо людей. Чужие мужчины и женщины находили друг друга, но Хатча по-прежнему не было, хотя раньше он никогда не опаздывал на встречи; во всяком случае — на встречи с ней.

В одиннадцать сорок она вошла в здание, и сотрудник справочной службы направил ее в подвал, где в конце длинного белого коридора находился зал ожидания с современными черными стульями, абстрактной картиной на стене и единственной стеклянной телефонной кабиной. В кабине стояла симпатичная негритянка, но она быстро закончила разговор и вышла, приветливо улыбаясь. Розмари набрала номер своей квартиры. Однако дома никого не было. Тогда она перезвонила портье и выяснила, что сообщений для нее не оставляли, а ее мужу звонил Руди Хорн, а не мистер Хатчинс. Розмари вынула еще одну десятицентовую монетку, чтобы позвонить Хатчу, — там-то уж наверняка должны знать, где он сейчас находится. С первым же гудком трубку подняли и послышался взволнованный женский голос:

— Да?

— Это квартира Эдварда Хатчинса? — поинтересовалась Розмари.

— Да, а кто говорит? — Голос у женщины на том конце провода был не старый и не молодой. «Сорок с небольшим, наверное», — решила Розмари.

— Меня зовут Розмари Вудхаус. Мистер Хатчинс назначил мне встречу в одиннадцать часов, но его до сих пор нет. Вы не знаете, он вообще придет?

Паступила долгая пауза.

— Алло! — взволнованно позвала Розмари.

— Хатч говорил мне о вас,— наконец ответила женщина.— Меня зовут Грейс Кардифф. Я его знакомая. Вчера вечером он заболел. Вернее, сегодня ночью.

У Розмари оборвалось сердце.

— Заболел?..

— Да. Он в состоянии глубокой комы. Врачи не могут понять, что происходит. Он в госпитале Святого Винсента.

— Какой ужас! Я ведь только вчера разговаривала с ним, примерно в половине одиннадцатого, и голос у него был вполне здоровый...

— Я тоже с ним поздно разговаривала, и мне он тоже показался совершенно нормальным. Но сегодня утром пришла уборщица и увидела, что он лежит на полу без сознания.

— И никто не знает, отчего это произошло?

— Пока нет. Но еще рано. Я уверена, врачи вскоре все выяснят. И тогда смогут его лечить. А пока никакого улучшения достичь не удастся.

— Господи, какой кошмар! — чуть не плакала Розмари.— С ним раньше ничего такого не случалось?

— Нет, никогда. Я сейчас еду в госпиталь и, если вы оставите мне свой телефон, сразу же вам позвоню, как только узнаю что-нибудь новое.

— О, спасибо вам.— Розмари дала свой домашний телефон и спросила, не может ли она чем-нибудь быть полезной.

— Нет, спасибо. Пока ничего не надо. Я уже сообщила его дочерям, а больше для него ничего и не сделаешь, пока он не придет в себя. Но как только понадобится ваша помощь, я сразу же дам вам знать.

Розмари вышла из здания «Сигрэм» и направилась на север по Пятьдесят третьей улице. Перейдя через Парк-авеню, она побрела в сторону Мэдисон-сквер, размышляя о том, выживет ли Хатч, а если он умрет (какой эгоизм!), то найдет ли она себе еще такого друга, на которого можно

полностью положиться. Потом Розмари задумалась о Грейс Кардифф. По голосу ей представлялась красивая женщина с сединой. Может быть, у них с Хатчем был роман? Может, эта стычка со смертью — а именно так это и окажется: не сама смерть, а только стычка с ней, — так вот, может быть, эта стычка подтолкнет их и они поженятся? И в конце концов выйдет, что все было к лучшему? Может быть, может быть...

Розмари перешла через Мэдисон-сквер и где-то около Пятой авеню заглянула в одну из витрин, в которой переливались на солнце яркие фарфоровые фигурки Девы Марии, Иосифа, младенца, волхвов, пастухов и домашних животных. Розмари тепло улыбнулась: откуда-то из самого детства на нее вдруг нахлынули забытые приятные чувства, поселившиеся в ее душе еще задолго до теперешнего агностицизма. А потом в зеркальном стекле витрины словно сквозь пелену, брошенную на цепь Рождества, она увидела свое худое улыбающееся лицо с резко очерченными скулами и черные круги под глазами, которые так напугали вчера Хатча, а сейчас встревожили и ее. Неожиданно кто-то тронул ее за плечо.

— Вот это рука судьбы! — радостно воскликнула возникшая за ее спиной Минни. Она была в белом пальто из искусственной кожи, красной шляпе и неизменных очках на цепочке. Ослепительно улыбаясь, Минни весело затараторила: — А я сегодня сказала себе: если уж Розмари вышла на улицу, то, значит, и мне тоже пора идти и докупить кое-что к Рождеству. И вдруг вижу тебя! Неужели мы с тобой ходим по одним и тем же магазинам?.. Но что с тобой, милочка? На тебе просто лица нет!

— У меня неприятные новости, — сообщила Розмари. — Мой друг серьезно заболел, и сейчас его отвезли в больницу.

— Какой кошмар! Кто же это?

— Его зовут Эдвард Хатчинс.

— Тот, с которым вчера познакомился Роман? Да он целый час потом говорил мне, какой это милый и интеллигентный человек! Какая жалость! А что с ним?

Розмари рассказала.

— Боже мой! — сокрушалась Минни. — Надеюсь, что все не кончится так, как с бедной Лили Гардинией. Неужели врачи ничего не могут сделать? Ну хорошо хоть, что они признаются в этом. Обычно медики прикрывают свое невежество потоком латинских выражений. Если хочешь знать, что я об этом думаю, то послушай: если бы все деньги, которые мы тратим на астронавтов и запуски ракет в космос, применить для медицинских исследований здесь, на земле, то болезней стало бы гораздо меньше. Тебе плохо, Розмари?

— Боль немного усилилась.

— Бедняжка! Знаешь что — нам уже пора домой. Как ты на это смотришь?

— Нет-нет, вам же надо еще купить что-то к Рождеству.

— Ерунда. Впереди целых две недели. А теперь заткни уши.

Минни достала свисток на тонкой золотой цепочке и пронзительно свистнула. К ним сразу же подрулило такси.

— Ну, как тебе это нравится? — спросила она.

Вскоре Розмари вновь оказалась в своей квартире. И снова пила холодный кислый напиток из полосатого стакана, а Минни, довольная, наблюдала за ней.

Глава четвертая

Розмари всегда любила мясо с кровью, теперь же она ела его почти сырым: вынув из холодильника, грела ровно столько, чтобы не сводило зубы.

Неделя перед праздником и само Рождество были для нее просто ужасными. Боль усилилась до такой степени, что Розмари стало казаться, будто внутри ее что-то обо-

рвалось — какой-то центр, сопротивлявшийся этой боли. Исчезли даже воспоминания о хорошем самочувствии, и она с какого-то момента просто перестала обращать внимание на эту боль: перестала говорить о ней с доктором Сапирштейном и даже думать на эту тему. Если раньше боль жила в ней, то теперь она сама начала жить внутри этой боли: боль для нее стала всем тем, что постоянно окружает человека, — целым миром и временем. Розмари вконец измучилась и теперь много спала и жадно поедала почти сырое мясо.

Она по-прежнему делала все необходимое по дому: готовила еду и убирала квартиру, отправила рождественские открытки домой (у нее не было настроения поздравлять родных по телефону), потом вложила деньги в поздравительные конверты лифтерам, портье и мистеру Микласу. Розмари читала газеты, старательно пытаясь проявить хоть какой-то интерес к студенческому протесту против призыва в армию или к забастовке, которая угрожала всему городу, но у нее ничего не получалось: ничто не было для нее более реальным, чем призрачный и абсурдный мир боли. Ги купил подарки для Минни и Романа, а друг другу они с Розмари договорились вообще ничего не покупать. Кастиветы подарили им серебряные подносы.

Несколько раз Розмари и Ги ходили в ближайший кинотеатр, но в основном сидели дома или навещали Кастиветов. Там они познакомились с супругами Фаунтэн, Гилмор и Виз, потом с женщиной по фамилии Сабатини, которая каждый раз привозила с собой кошку, и с доктором Шандом — бывшим зубным врачом, который изготовил цепочку для талисмана с таннисовым корнем. Все они были пожилые и относились к Розмари с неизменным вниманием и заботой, очевидно замечая ее плохое самочувствие. Лаура Луиза тоже бывала там, а иногда к ним присоединялся и доктор Сапирштейн. Роман был прекрасным хозяином: он всегда вовремя наполнял стаканы и умело менял темы

бесед. В канун Нового года он предложил тост «За 1966 год, год Номер Один». Розмари это удивило, хотя все остальные его поняли и тост им понравился. Она подумала, что чего-то не успела прочесть в газетах, но в общем ей было все равно. Обычно они уходили рано, Ги укладывал ее спать, а сам возвращался. Он был любимчиком у здешних женщин — они стайкой собирались вокруг него и весело смеялись над всеми его шутками.

Хатч оставался в коме, по-прежнему глубокой и непобедимой. Грейс Кардифф звонила каждую неделю.

— Никаких перемен, никаких... — с горечью говорила она. — Они до сих пор не в силах понять причину. Он может прийти в себя завтра утром, а может погрузиться еще глубже, и тогда уже больше не очнется.

Два раза Розмари ездила в госпиталь Святого Винсента. Она стояла у кровати Хатча и беспомощно смотрела на его закрытые глаза, чутко прислушиваясь к едва различимому дыханию. Второй раз, в начале января, она встретила там с его дочерью Дорис, которая сидела у окна палаты с каким-то рукоделием. Розмари познакомилась с ней у Хатча год назад. Эта невысокая милая женщина лет тридцати была замужем за инженером, шведом по происхождению. К несчастью, дочь очень сильно походила на Хатча — только волосы у нее были длинными.

Дорис не узнала Розмари, но когда та представилась еще раз, начала смущенно извиняться.

— Не надо, — улыбнулась Розмари. — Я прекрасно знаю, что выгляжу сейчас ужасно.

— Нет, вы совсем не изменились. Просто я очень плохо помню лица. Я иногда даже своих детей не узнаю.

Дорис отложила вышивание, и Розмари под села к ней. Они обсудили состояние Хатча. Потом пришла медсестра и поменяла пузырек в капельнице.

— А у нас с вами один и тот же гинеколог, — сообщила Розмари, как только ушла медсестра.

Они поговорили немного о беременности Розмари и о докторе Сапирштейне, о том, какой он способный и знаменитый. Дорис очень удивилась, когда Розмари сказала, что посещает его каждую неделю.

— Поначалу он осматривал меня раз в месяц,— сказала она.— Потом мы стали встречаться каждые две недели, и лишь в самом конце — раз в неделю. Это было уже на последнем месяце. И мне казалось, что так у всех.

Розмари не нашла, что ответить, и Дорис почувствовала себя неловко.

— Но, наверное, каждая беременность проходит по-своему,— спохватилась она и улыбнулась, пытаясь замаять свою бестактность.

— Именно это он мне и говорит.

Вечером она рассказала Ги, что доктор Сапирштейн осматривал Дорис только раз в месяц.

— Со мной что-то не так,— забеспокоилась она.— И он это знал с самого начала.

— Не будь дурушкой,— ответил Ги.— Он бы тебе все рассказал. А если не тебе, то уж мне-то наверняка.

— Да? Он тебе что-нибудь говорил?

— Ничего. Клянусь Богом, ничего.

— Тогда почему он хочет, чтобы я показывалась ему каждую неделю?

— Может быть, он сейчас всем так назначает. Или проявляет к тебе больше внимания, потому что ты знакомая Минни и Романа.

— Нет.

— Ну, тогда я не знаю, спроси у него самого. Может быть, тебя осматривать ему нравится, а ее — нет.

Через два дня она все же спросила об этом самого доктора Сапирштейна.

— Ах, Розмари, Розмари... Забыли, что я вам говорил по поводу ваших подружек? Разве я не предупреждал, что каждая беременность протекает по-своему?

— Да, но...

— И наблюдение тоже надо вести по-разному. Дорис Аллерт уже два раза рожала до нашей с ней встречи, и во время предыдущих беременностей никаких отклонений у нее не было. Поэтому ее и не надо было наблюдать так тщательно, как женщину, которая собирается рожать впервые.

— А вы разве всех смотрите каждую неделю, кто рождает первый раз?

— Пытаюсь, но иногда мне это не удается. С вами все в порядке, Розмари. Боль скоро пройдет.

— Я начала есть сырое мясо. Только немного его разогреваю.

— Еще что-нибудь необычное?

— Нет,— сказала она и про себя удивилась: разве этого не достаточно?

— Ешьте все, что захочется. Я ведь уже говорил вам, что у беременной женщины могут появиться самые необычные пристрастия. Некоторые даже едят бумагу. И перестаньте наконец волноваться! Я ничего не скрываю от своих пациентов — жизнь и без того сложна. Я вам говорю чистую правду. Ну так как, вы успокоились?

Розмари кивнула.

— Передавайте привет Минни и Роману,— сказал он.— И Ги тоже.

Розмари читала уже второй том «Крушения» и начала вязать Ги полосатый красно-оранжевый шарф для репетиций. Забастовка, о которой так много писали в газетах, все-таки началась, но они практически не ощутили ее последствий, потому что большую часть времени сидели дома, лишь иногда по вечерам наблюдая из окна за толпами, медленно плывущими по улице.

— Эй, крестьяне! — кричал на них Ги. — Домой! Убирайтесь домой, да побыстрее!

Вскоре после того, как Розмари рассказала доктору Сапирштейну о своем пристрастии к сырому мясу, она поймала себя на том, что жует сырое куриное сердце. Произошло это на кухне. Розмари посмотрела на свое тусклое отражение в хромированном корпусе тостера, потом опустила взгляд на руку и увидела полусъеденное сердце; по ее пальцам струилась кровь. Она тут же выбросила остатки сердца в мусор, открыла воду и смыла с ладони кровь. Потом, не выключая воду, наклонилась над раковиной, и ее вырвало.

Полпив воды, она немного успокоилась, умыла лицо, руки, тщательно вычистила раковину специальным средством, выключила воду, вытерлась и некоторое время молча простояла в задумчивости. Затем достала из ящика блокнот, ручку, села за стол и начала писать.

Ги, уже в пижамах, пришел к ней на кухню в половине восьмого. Перед Розмари лежала раскрытая кулинарная книга. Она выписывала из нее рецепты.

— Что ты здесь делаешь? — спросил он.

— Составляю меню, — сказала она. — Для вечеринки. Двадцать второго января у нас будут гости. Через неделю. — Она поглядела на разбросанные по столу листочки бумаги и подняла один из них. — Мы пригласим Элизу Дунстан с мужем, Джоан с приятелем, Джимми и Тайгер, Аллана с подружкой, Лу и Клаудию, Ченсов, Венделлов, Ди Бергиллона с его девушкой — если, конечно, ты хочешь их видеть, — Майка и Педро, Боба и Теа Гудманов, Каппов, — тут она жестом указала в сторону их двери, — и еще Дорис и Акселя Аллерт, если они смогут прийти. Дорис — это дочь Хатча, — пояснила она.

— Знаю, — ответил Ги.

Розмари положила листок на стол.

— Минни и Роман не приглашены. И Лаура Луиза тоже. А также Фаунтэны, Гилморы и Визы. И доктор Сапир-

штейн вместе с ними. Это будет особая вечеринка — только для тех, кому меньше шестидесяти.

— Вот это да! — озабоченно покачал головой Ги. — А я-то в списке есть?

— Да, ты есть. И ты будешь барменом.

— О Господи! Ты и правда думаешь, что это будет хорошо?

— По-моему, у меня уже давно не было такой блестящей идеи.

— Может быть, сначала стоит посоветоваться с Сапирштейном?

— Зачем? Я просто собираюсь устроить вечеринку, а не переплывать Ла-Манш и не взбираться на Аннапурну.

Ги подошел к умывальнику, открыл воду и подставил под струю стакан.

— Ты знаешь, у меня ведь с семнадцатого уже начнутся репетиции.

— Но тебе ничего не придется делать, — ответила Розмари. — Просто быть дома и всех очаровывать.

— И готовить напитки. — Он поднял стакан и выпил.

— Ладно, бармена мы найдем. Того, который был у Джоан и Дика, — помнишь? А когда ты захочешь спать, я всех выгоню.

Ги повернулся и с сомнением посмотрел на жену.

— Я хочу видеть именно их, — пояснила Розмари. — Я не Минни с Романом. Я устала уже от всех этих стариков.

Ги отвернулся и уставился в пол. Потом снова посмотрел на нее.

— А как твои боли?

Розмари сухо улыбнулась.

— Разве я тебе не говорила? Через пару дней все пройдет. Так мне сказал доктор Сапирштейн.

Обещали прийти все, кроме Аллертов — из-за болезни Хатча — и Ченсов, которые уезжали в Лондон фотографировать Чарли Чаплина. Бармен тоже не смог прийти, зато

порекомендовал другого. Розмари отнесла в чистку свое длинное коричневое бархатное платье, договорилась в парикмахерской насчет прически, заказала вино, ликеры, лед и все необходимое для чилийской запеканки из даров моря.

Утром в четверг, как всегда, пришла Минни со своим полосатым стаканом и застала Розмари за разделкой крабов и омаров.

— Как интересно! — заулыбалась она, устремляясь в кухню. — Что это?

Розмари объяснила, остановив ее в дверях.

— Сейчас я все это заморозжу, а в субботу буду готовить. К нам придут гости.

— Решили повеселиться?

— Да. У нас много старых друзей, которых мы не видели уже сто лет. Многие даже не знают еще, что я беременна.

— Могу помочь, если хочешь. Я умею хорошо накрывать на стол.

— Спасибо за предложение. Но думаю, что управлюсь сама. У нас будет все а-ля фуршет, так что мне почти ничего не придется делать.

— Пальто можно будет сложить у нас.

— Не стоит, Минни. Вы и без того для меня много делаете. Правда.

— Ну, если передумаешь, дай знать. А теперь пей.

Розмари с отвращением посмотрела на стакан.

— Я не хочу. То есть сейчас не хочу. Я попозже выпью, а стакан принесу.

— Ему нельзя долго стоять.

— А он и не будет стоять. Вы идите. А стакан я верну потом.

— Я могу и подождать, чтобы тебе лишний раз не выходить.

— Не стоит. Я очень нервничаю, когда на меня смотрят во время готовки. И потом, мне все равно надо на улицу, так что я буду проходить мимо вашей двери.

— На улицу?

— Да, в магазин. Ну, а теперь идите. Вы очень добры ко мне, даже слишком...

Минни обиженно нахмурилась и сделала шаг назад.

— Только долго не жди. А то витамины пропадут.

Наконец Розмари с облегчением закрыла за ней дверь, вернулась в кухню, постояла немного со стаканом в руке, а потом решительно вылила его содержимое в раковину.

Через час, очень довольная собой, она уже заканчивала запеканку. Когда блюдо было готово и поставлено в холодильник, Розмари приготовила свой собственный напиток из молока и сливок, добавив туда яйцо, сахар и херес, — получилась душистая рыжевато-коричневая жидкость.

— Ну держись, Дэвид-или-Аманда! — сказала она и попробовала. Ей очень понравилось.

Глава пятая

В половине десятого уже казалось, что никто не придет. Ги засыпал в камин угля, приготовил лучину и вытер руки платком. Розмари, с новой прической, в коричневом бархатном платье, вышла из кухни и остановилась, глядя на мужа. Бармен возился с лимонными корками, салфетками, стаканами и бутылками. Симпатичного итальянца звали Ренато. Он производил впечатление человека небедного и, видимо, мог в любой момент бросить это занятие, если оно ему наскучит.

Сначала пришли Венделлы — Тэд и Кэрол, а через минуту Элиза Дунстан со своим мужем Хьюгом, который немало прихрамывал. Потом появился Аллан Стоун, агент Ги, с красивой манекенщицей-негритянкой Рэйн Морган, за ними — Джимми и Тайгер, Лу, Клаудия Камфорт и ее брат Скотт.

Ги складывал пальто на кровать. Ренато повеселел и принялся размешивать коктейли... Розмари указывала пальцем

на входящих и знакомила всех Джимми, Тайгер, Рэйн, Алан, Элиза, Хьюг, Кэрол, Тэд, Клаудия, Лу, Скотт...

Боб и Теа Гудманы пришли со своими друзьями Пегги и Стэном Килер.

— Ничего страшного! — улыбнулась Розмари. — Ерунда. Чем больше гостей, тем веселее!

Каппы явились без пальто.

— Ну и путешествие! — сказал мистер Капп. («Это Бернард», — машинально представила его Розмари.) — Автобус, три поезда и паром. Мы вышли из дома пять часов назад!

— Можно я посмотрю квартиру? — спросила Клаудия. — Если она вся такая симпатичная, то я себе просто горло перережу.

Майк и Педро принесли букеты алых роз. Педро прижался щекой к Розмари и прошептал:

-- Пусть он тебя получше кормит, а то ты прямо зеленая стала.

Розмари продолжала знакомить гостей:

— Филлис, Бернард, Пегги, Стэн, Теа, Боб, Лу, Скотт, Кэрол...

Потом понесла розы на кухню, куда следом за ней сразу же вошла Элиза со стаканом в руке и фальшивой сигаретой, с помощью которой она пыталась бросить курить.

— Какая ты счастливая! — сказала она. — Такой прекрасной квартиры я еще ни у кого не видела. Вот это кухня! С тобой все в порядке, Роза? Ты выглядишь какой-то усталой.

— Спасибо, что не сказала хуже. Мне сейчас действительно не совсем хорошо, но я скоро поправлюсь. Я беременна.

— Не может быть! Это же здорово! И когда ждете?

— Двадцать восьмого июня. С пятницы уже пойдет пятый месяц.

— Вот здорово! А как тебе доктор Хилл? Просто мечта Запада, правда?

— Да, но я к нему больше не хожу.

— Почему?

— У меня теперь другой врач, пожилой, — Салирштейн.

— Зачем? Он ведь не может быть лучше Хилла.

— Он очень известный и к тому же друг наших хороших знакомых.

Вошел Ги.

— Ну, поздравляю тебя, папочка! — улыбнулась Элиза.

— Спасибо. Ро, подавать соус?

— Да, пожалуйста. Посмотри, какие розы! Это Майк и Педро принесли.

Ги взял со стола поднос с галетами и кувшин с розоватым соусом.

— А ты возьми другой, ладно? — попросил он Элизу.

— Конечно, — ответила она, взяла второй кувшин и пошла за ним.

— Я сейчас приду! — крикнула вдогонку им Розмари.

Ди Бертилмон пришел с актрисой Португией Хэйнс, а Джоан позвонила и предупредила, что они задерживаются в других гостях и будут только через полчаса.

— Какая же ты вредная со своими секретами! — Тайгер крепко обнял Розмари и поцеловала.

— Кто беременный? — раздался вдруг чей-то голос, а другой ответил: — Розмари.

Она поставила одну вазу с цветами на камин, а другую — на столик в спальне.

— Поздравляю, — сказала Рэйн Морган. — Я так и поняла, что речь о тебе.

Ренато подал Розмари стакан с разведенным виски.

— Первый напиток я всегда делаю крепким, — объяснил он. — Чтобы все разогрелось. А потом перехожу на более легкие.

Майк через всю комнату помахал ей рукой и одними губами выразительно произнес: «Поздравляю». Розмари улыбнулась, кивнула и тоже одними губами ответила: «Спасибо».

— Здесь жили сестры Тренч,— сказал вдруг кто-то из гостей, а Бернард Капп добавил: — И Адриан Маркато, и Кит Кеннеди.

— И Перл Эймс,— поддержала его Филлис Капп.

— Сестры Трент? — переспросил Джимми.

— Тренч,— поправила Филлис.— Они ели маленьких детей.

— И не просто ели,— сказал Педро,— а прямо-таки пожирали.

Розмари закрыла глаза и затаила дыхание — боль резко усилилась. Может быть, это из-за выпивки? Она отставила стакан в сторону.

— Тебе плохо? — наклонилась к ней Клаудия.

— Все в порядке.— Розмари улыбнулась.— Просто небольшой спазм.

Ги разговаривал с Тайгер, Портисей Хэйнс и Ди.

— ...Еще рано судить,— объяснял он.— Мы репетируем только шесть дней. Хотя смотреть ее гораздо приятнее, чем читать.

— А играть, наверное, тяжело,— предположила Тайгер.— Послушай, а что сейчас с тем парнем? Зрение к нему не вернулось?

— Не знаю,— пожал плечами Ги.

— С Дональдом Бомгартом? — уточнила Портия.— Да ты его знаешь, Тайгер. Он живет с Зоей Пайпер.

— Так это он? А я и не знала, что знакома с ним!

— Он сейчас пишет великолепную пьесу,— продолжала Портия.— По крайней мере, первые два акта очень интересные. Такой яростный гнев, как у Осборна.

— Как у него дела? По-прежнему не видит? — осторожно спросила Розмари.

— Нет,— вздохнула Портия.— Все уже отчаялись. Он, конечно, храбрится, изо всех сил пытается привыкнуть к своему состоянию... Это, собственно, и побудило его взяться за пьесу. Он диктует, а Зоя записывает.

Наконец пришла Джоан. Ее спутнику было за пятьдесят. Она взяла Розмари за руку, отвела в сторону и взволнованно спросила:

— Что с тобой стряслось? Что случилось?

— Ничего,— ответила Розмари.— Просто я беременна.

Розмари и Тайгер заправляли салат на кухне, когда к ним вошли Джоан и Элиза и закрыли за собой дверь,

— Как, ты говоришь, зовут твоего врача? — начала Элиза.

— Сапирштейн.

— И его удовлетворяет твое состояние? — спросила Джоан.

Розмари кивнула.

— Клаудия сказала, что у тебя только что был спазм.

— У меня начались сильные боли, но они скоро пройдут, это нормально.

— Что еще за боли? — удивилась Тайгер.

— Боль, просто боль. Сильная боль, и все. Это потому, что у меня с трудом расходятся кости таза.

— Роза, поверь мне; у меня это уже дважды позади. Боль не бывает такой сильной; просто немного ноет, не более,— сказала Элиза.

— У всех по-разному,— ответила Розмари, механически размещивая деревянной ложкой салат.— Каждая беременность имеет свои особенности.

— Но не такие же! — возразила Джоан.— Ты выглядишь как чемпионка среди заключенных концлагеря. Ты уверена, что твой врач все правильно тебе назначает?

Розмари заплакала, тихо и беспомощно, продолжая держать ложку в салате. Слезы побежали по ее бледным щекам.

— О Боже! — всплеснула руками Джоан и посмотрела на Тайгер, ожидая, что та придет ей на помощь.

Тайгер обняла Розмари за плечи и принялась утешать:

— Ш-ш-ш, тихо. Ну не надо, Рози! Ш-ш-ш...

— Ладно вам, — сказала Элиза. — Лучше не трогайте ее. Она и так весь вечер как на иголках.

Розмари беззвучно рыдала, и черные полосы туши пролегли по ее щекам. Элиза усадила ее на стул. Тайгер забрала ложку и отодвинула вазы с салатом на дальний угол стола.

Дверь приоткрылась, но Джоан подскочила и захлопнула ее. Это был Ги.

— Эй, дайте мне войти, — попросил он.

— Извини, — отозвалась Джоан. — Вход только девушкам.

— Мне надо поговорить с Розмари.

— Нельзя, она занята.

— Послушай, мне надо вымыть стаканы.

— Иди в ванную. — Она прислонилась плечом к двери и не пускала его.

— Черт побери, да откройте же! — требовал он с другой стороны.

Розмари, все еще сторбившись, плакала, руки беспомощно лежали на коленях, плечи вздрагивали. Элиза то и дело вытирала ей лицо краем полотенца, а Тайгер ласково гладила по голове и тихонько шептала какие-то слова утешения. Постепенно слезы иссыкали.

— Мне так больно! — пожаловалась Розмари. — И я так боюсь, что ребенок умрет.

— Твой врач что-нибудь делает? — спросила Элиза. — Лечит тебя как-нибудь, даст лекарства?

— Ничего, совсем ничего.

— А когда это началось?

Розмари всхлипнула.

— Когда начались боли, Рози?

— Перед Днем благодарения. В ноябре.

— В ноябре? Что?! У тебя такая боль с ноября, а врач ничего не делает?!

— Он говорит, что все скоро пройдет.

— А он показывал тебя другим докторам? — спросила Джоан.

Розмари отрицательно покачала головой.

— Он очень хороший, — сказала она, пока Элиза вытирала ей щеки. — Известный.

— По-моему, он просто сумасшедший садист, — отрезала Тайгер.

— Такая боль — это сигнал, что что-то неладно, — добавила Элиза. — Я не хочу тебя пугать, Роза, но лучше тебе показаться доктору Хиллу. Кому угодно покажись, кроме этого...

— Этого идиота, — подсказала Тайгер.

— Он не может быть прав, если позволяет тебе так страдать, — поддержала Элиза.

— Я не соглашусь на аборт, — заявила Розмари.

Джоан от двери прошептала:

— А тебе никто и не говорит про аборт! Просто походи к другому врачу, и все.

Розмари забрала у Элизы полотенце и промокнула глаза.

— Он предупреждал, что все так и будет. — Она посмотрела на следы туши на полотенце. — Что мои подружки скажут, будто у них все прошло нормально, а со мной что-то не так.

— Я не понимаю тебя, — обиделась Тайгер.

— Он не велел мне слушать подруг, — объяснила Розмари.

— Но ты же слушаешь нас! Что за мерзкие советы он тебе дает?

— Мы просто хотим, чтобы ты пошла к другому врачу, — ласково сказала Элиза. — Я думаю, ни один уважающий себя специалист не станет возражать против этого, если так лучше для его пациента.

— Непременно покажись,— добавила Джоан.— Прямо в понедельник утром.

— Ладно,— согласилась Розмари.

— Обещаешь? — строго спросила Элиза.

Розмари кивнула.

— Обещаю.— Она улыбнулась.— Мне уже лучше. Спасибо.

— Ну, теперь ты еще хуже выглядишь.— Тайгер раскрыла сумочку.— На, подрисуй глаза. И все остальное.— Она выложила на стол перед Розмари все свои коробочки и тюбики.

— Мой наряд! — воскликнула Розмари.

— Мокрую тряпку! — тут же среагировала Элиза и бросилась к раковине.

— Чесночный хлеб! — закричала Розмари.

— Ставить или вынимать? — вскочила Джоан.

— Ставить.— Розмари щеточкой для туши указала на холодильник, на котором лежали две завернутые в фольгу буханки.

Тайгер взялась за салат, а Элиза принялась стирать следы растекшейся туши с длинного вечернего платья Розмари.

— В следующий раз, когда соберешься плакать, не надевай бархат,— посоветовала она.

Вошел Ги и удивленно посмотрел на них.

— Обмениваемся косметическими советами,— сказала Тайгер.— Тебе интересно?

— Все в порядке? — спросил он у Розмари.

— Да,— ответила она, улыбаясь.

— Пролила немного заправки на платье,— объяснила Элиза.

— А кухонным работникам полагается выпить, как вы считаете? — поинтересовалась Джоан.

Запеканка пользовалась успехом, салат тоже (Тайгер чуть слышно шепнула Розмари: «Это он из-за твоих слез такой вкусный»).

Ренато выбрал шипучее вино и с хлопком откупорил его.

Брат Клаудии, Скотт, сидел в кабинете с тарелкой на коленях и вещал:

— Зовут его Альтизер, и сейчас он, по-моему, в Атланте, а заявляет он следующее: «Бог умер, и это исторический факт, свершившийся уже в наше время». Причем он имеет в виду, что Бог умер в буквальном смысле этого слова.

Его внимательно слушали Каппы, Рэйн Морган и Боб Гудман.

Джимми, который стоял в гостиной у окна, вдруг радостно воскликнул:

— Ого, снег начинается!

Стэн Килер рассказал целую серию польских анекдотов, и Розмари громко смеялась над ними.

— Смотри не напейся, — тихо шепнул ей Ги.

Все еще смеясь, она повернулась и показала ему стакан:

— Да ведь это же лимонад!

Приятель Джоан сидел на полу и гладил лодыжки своей подруги. Элиза беседовала с Педро, который вежливо кивал, а сам поглядывал на Майка и Аллана, устроившихся на диване в другом конце комнаты. Клаудия начала гадать по руке желающим.

Виски кончалось, но все остальное было просто замечательно.

Розмари подала кофе, встряхнула пепельницы и ополоснула стаканы. Тайгер и Кэрл Вендселл помогали ей.

Потом она села на подоконник рядом с Хьюгом Дунстаном и, попивая кофе, стала смотреть на падающие снежные хлопья. Их было много — целая армия снежинок. Время от времени самая отчаянная снежинка выбивалась из общего потока и, ударяясь о стекло, тут же таяла.

— Каждый год я даю себе слово уехать из города, — задумчиво говорил Хьюг Дунстан, — чтобы избавиться от всех

этих преступлений, шума и всего прочего. Но вдруг начинается снегопад или какой-нибудь фестиваль — и я остаюсь.

Розмари улыбнулась, продолжая следить за снежинками.

— Вот из-за чего мне так хотелось получить эту квартиру,— сказала она,— чтобы сидеть у камина и смотреть, как падает снег.

Хьюг с любопытством посмотрел на нее.

— Ты, наверное, до сих пор еще читаешь Диккенса?

— Конечно. Все читают Диккенса.

К ним подошел Ги.

— Боб и Теа тоже уходят,— сообщил он.

В два часа ночи все разошлись, и Розмари с Ги остались одни в огромной пустой гостиной среди грязных стаканов, салфеток и переполненных пепельниц. («Не забудь»,— напомнила ей на прощание Элиза и погрозила пальцем. Но Розмари не нуждалась в напоминании.)

— Ну, а теперь за работу! — скомандовал Ги, собравшись с духом начать уборку.

— Ги,— тихо позвала Розмари.

— Да?

— Я пойду к доктору Хиллу. В понедельник утром.

Он ничего не ответил, только молча посмотрел на нее.

— Я хочу, чтобы он проверил меня. Доктор Салирштейн или обманывает меня, или... Или я не знаю, но он, наверное, выжил из ума. Такая боль — это сигнал, что со мной что-то не так.

— Розмари...

— И я больше не пью тот напиток, который приносит мне Минни. Я хочу принимать витамины в таблетках, как и все остальные. Я уже три дня его не пью. Я оставляю его, а когда она уходит, выливаю.

— Ты...

— Я вместо этого пью свой собственный напиток.

Ги вдруг рассвирепел и, указывая пальцем в сторону кухни, закричал:

— Так вот что наговорили тебе эти сучки! Вот зачем они приходили! Уговорить тебя поменять врача?!

— Они мои подруги, не называй их так.

— Да это просто свора обезумевших сучек, которые лезут не в свое дело, черт бы их побрал!

— Они просто хотели, чтобы я посоветовалась с другим врачом.

— У тебя самый лучший врач в Нью-Йорке! А кто такой этот доктор Хилл? Никто — вот кто он такой!

— Я уже устала слышать о том, как знаменит ваш любимый Сапирштейн.— Розмари чуть не плакала.— У меня боль не прекращается с самого Дня благодарения, а он только и твердит, что она не сегодня завтра пройдет!

— Ты не будешь менять врача. Мы и так уже черт знает сколько платим Сапирштейну, а теперь еще придется платить твоему Хиллу? Даже и речи об этом быть не может!

— Я не буду *менять* врача. Пусть просто доктор Хилл осмотрит меня и даст свое заключение.

— Я тебе не разрешаю. Это... это, в конце концов, нечестно по отношению к Сапирштейну.

— Нечестно? О чем ты вообще говоришь? А по отношению ко мне это честно?

— Тебе нужно еще одно мнение? Ладно. Скажи Сапирштейну. Пусть он сам решит, кому тебя показать. И придется тебе быть с ним вежливой до конца, он все-таки специалист в своем деле.

— Я хочу пойти к доктору Хиллу. Если ты не желаешь платить, я отдам свои...

Внезапно Розмари замолчала и замерла как вкопанная. По лицу ее покатилась слеза и остановилась у уголка рта.

— Ро?

Боль прекратилась. Ее больше не было! Она смолкла, как заклинивший автомобильный сигнал, который наконец-таки отключили. Боль прошла, она исчезла навсегда, безвозвратно. Слава Всевышнему! Нет ее, и все тут. И, Боже мой, как же хорошо она начнет теперь чувствовать себя — вот только надо перевести дыхание...

— Ро? — озабоченно переспросил Ги и сделал осторожный шаг к ней.

— Она прекратилась. Эта боль.

— Прекратилась?

— Только что.— Розмари попыталась улыбнуться.— Она куда-то исчезла, и все.— Она закрыла глаза и глубоко вдохнула, потом прислушалась к себе и вдохнула еще глубже. Как давно ей не приходилось вот так свободно дышать! С самого Дня благодарения.

Когда Розмари открыла глаза, Ги продолжал обеспокоенно смотреть на нее.

— Что за напиток ты себе готовила?

Сердце у нее оборвалось. Она убила ребенка. Хересом. Или испорченным яйцом. Или их сочетанием. Ребенок умер, поэтому боль прекратилась. Боль была ребенком, а она убила его своей самонадеянностью!

— Яйцо,— сказала она,— молоко, сливки, сахар.— Розмари моргнула, провела рукой по щеке и посмотрела на него.— Херес,— добавила она невинным голосом.

— Сколько ты наливала хереса?

И вдруг что-то внутри ее шевельнулось.

— Много?

И еще раз. Там, где раньше ничего не шевелилось. Легкое, приятное щебетание. Она глупо и беспомощно хихикнула.

— Розмари, ради Бога, скажи мне, сколько ты наливала хереса?

— Он живой,— тихо сказала она и снова беззвучно засмеялась, поджав губы и изумленно подняв брови.— Он

шевелится. Все в порядке. Он не умер. Он двигается! — Она посмотрела на свой живот под коричневым бархатом и осторожно положила на него руки. Теперь она уже ясно почувствовала, как что-то внутри ее снова шевельнулось, — это были ручки. Или ножки.

Розмари подошла к Ги и, не глядя на него, протянула руку, взяла его ладонь и положила себе на живот. Внутри тут же что-то послушно шевельнулось в ответ.

— Ты чувствуешь? — спросила она. — Ну вот, опять. Чувствуешь?

Он побледнел и отнял руку.

— Да. Да, я почувствовал.

— Не надо его бояться. — Она рассмеялась. — Он тебя не укусит.

— Это чудесно! — выдохнул Ги.

— Правда? — Она снова посмотрела на живот. — Он живой. Он лягается. Там, внутри.

— Я тут немного приберу, — сказал Ги, подняв со стола пепельницу и стакан. Потом еще один.

— Ну ладно, Дэвид-или-Аманда. Ты доказал свое присутствие, а теперь успокойся. Мамочке надо убирать квартиру. — Розмари засмеялась. — Боже мой! Он такой подвижный! Значит, будет мальчик, да? Ну ладно там, потише. У тебя впереди еще целых пять месяцев, так что экономь силы. — Все еще смеясь, она обратилась к Ги: — Поговори с ним, Ги, ты ведь все-таки отец. Скажи ему, что нельзя быть таким нетерпеливым.

Розмари смеялась, потом смеялась и плакала одновременно, бережно обхватив обеими руками живот, на который капали сладкие слезы счастья.

Глава шестая

Насколько плохо ей было раньше, настолько теперь все стало хорошо. Боль прекратилась, и вернулся сон. Розмари спала по десять часов, без всяких сновидений, а со сном

пришел и аппетит: теперь ей хотелось мяса — только не сырого, а жареного, — яиц, овощей, сыра, фруктов и молока. За несколько дней исхудалое лицо Розмари вернулось к своим прежним очертаниям, и через пару недель она выглядела уже так, как и подобает всякой беременной женщине: здоровая, гордая и очень красивая.

Она выпивала напиток Минни, как только та приносила его, причем до последней капли, чтобы не было причин опасаться, что ребенку может повредить недостаток витаминов. Вместе с напитком ей стали приносить и какое-то пирожное с хрустящей белой начинкой, похожей на марципан. Она тоже сразу съедала его, наслаждаясь необычным вкусом и сознанием того, что сейчас она, наверное, самая исполнительная на свете будущая мама.

Доктор Сапирштейн мог бы долго распространяться по поводу исчезновения боли, но, слава Богу, не стал. Он просто сказал: «Пора бы уж», — и приставил стетоскоп к выпирающему животу Розмари. Почувствовав движение ребенка, он очень обрадовался и даже взволновался, что было довольно странно, ведь ему наверняка приходилось испытывать такое уже сотни и сотни раз. Но это, наверное, и было именно то восхищение и радость, которые отличают великолепного врача от просто хорошего.

Розмари купила туалеты для будущей мамы: черный костюм и красное платье в белый горошек. Через две недели после вечеринки они с Ги пошли в гости к Лу и Клаудии Камфорт.

— Никак не могу привыкнуть к тебе! — радостно воскликнула Клаудия, держа Розмари за руки. — Ты теперь выглядишь в сто раз лучше. Нет, в тысячу раз!

Миссис Гоульд, которая жила по соседству, тоже обрадовалась:

— Еще несколько недель назад мы так волновались — вы выглядели очень усталой и изможденной. А теперь просто другой человек! Артур только вчера рассказал мне о вашем состоянии...

— Спасибо, я сейчас действительно чувствую себя гораздо лучше. Некоторые беременности начинаются плохо, но потом все приходит в норму. А ведь бывает и наоборот... Так что я рада, что все плохое у меня уже позади.

Теперь она стала ощущать лишь слабую боль, которая скрывалась раньше за основной,— в мышцах спины и в набухшей груди,— но об этих неудобствах упоминалось в книге, которую заставил выбросить доктор Сапирштейн. Однако эта боль не казалась Розмари странной; наоборот, с ней она чувствовала себя более уверенно. Соль по-прежнему вызывала тошноту, но, в конце концов, что такое соль?

Премьера пьесы, в которой участвовал Ги, должна была состояться в Филадельфии в середине февраля. К этому времени режиссер смеялся уже дважды, а название — целых три раза. Доктор Сапирштейн не разрешил Розмари выехать с мужем на репетиции, поэтому она поехала в Филадельфию в день премьеры вместе с Минни, Романом, Джимми и Тайгер в старом «паккарде» Джимми. Поездка была не из приятных. Розмари, Джимми и Тайгер видели эту постановку еще в Нью-Йорке и мало рассчитывали на успех. Они, правда, надеялись, что кто-нибудь из критиков все же заметит и оценит игру Ги, тем более что Роман привел много случаев из жизни великих актеров, которые сделали свою карьеру на пьесах, мало интересовавших публику.

Несмотря на необычные декорации, костюмы и освещение, спектакль был скучным и многословным. Мать Ги, специально прилетевшая из Монреаля, утверждала, что представление замечательное, а Ги просто великолепен. Это была маленькая жизнерадостная блондинка, беспрестанно щебечущая о своем расположении к Розмари, Аллану Стоуну, Джимми, Тайгер и Минни с Романом. Минни и Роман улыбались, все остальные были очень извонованы. Розмари показалось, что Ги и правда играет неплохо, но та-

кое же чувство было у нее, когда она видела его и в «Лютере», и в пьесе «Никто не любит альбатроса», однако ни один из этих спектаклей не заслужил даже скромной похвалы критиков.

Первые отзывы прессы появились лишь после полуночи, и все как один в пух и прах разносили саму пьесу и восхваляли игру Ги, причем в одной из рецензий ему были посвящены целых два абзаца. Другая статья, появившаяся на следующее утро, была озаглавлена: «Исключительная игра на убогой сцене», и в ней говорилось, что Ги — это «практически неизвестный до сих пор актер, который, несомненно, обладает феноменальными способностями и должен играть в более интересных и значительных постановках».

Возвращение в Нью-Йорк было намного приятней.

Пока Ги был в отъезде, у Розмари нашлось немало дел. Ей предстояло оформить заказ на желто-белые обои для детской, купить ванночку, кроватку и стол. Потом надо было написать о новостях домой (она давно уже это откладывала), купить одежду для малыша и что-нибудь для себя; решить, какое объявление дать о рождении, как кормить — грудью или искусственной смесью и как назвать его или ее: Эндрю, Дуглас или Дэвид; Аманда, Дженни или Хоуп.

И еще следовало заняться гимнастикой — утром и вечером, потому что она решила рожать сама. Розмари твердо была в этом уверена, и доктор Сапирштейн полностью ее поддерживал. Они договорились, что стимулирующий укол он сделает в самый последний момент, и то, если она его специально об этом попросит. Лежа на полу, Розмари поднимала ноги вертикально вверх и держала их так, считая до десяти. Она училась быстро и поверхностно дышать, представляя себе тот счастливый момент, когда ребенок выйдет наконец из ее активно способствующему этому тела.

Розмари проводила вечера у Минни и Романа, один раз ходила к Капхам и к Хьюгу и Элизе Дунстан. («Ты еще не

наняла няньку? — спросила Элиза. — Об этом давно надо было позаботиться. Сейчас, наверное, уже и не найдешь». Но когда на другой день она заикнулась об этом доктору Сапирштейну, тот успокоил ее, заявив, что давно уже договорился с нянькой, которая готова после родов помогать ей сколько угодно. А разве он раньше ей этого не говорил? Это мисс Фицпатрик — одна из самых лучших.)

Ги звонил каждые два или три дня — по вечерам, после спектакля. Он рассказывал Розмари о своих делах и о том, что ему предложили хорошую роль в новом мюзикле, а она сообщила ему про мисс Фицпатрик, про обои и про пинетки, которые собиралась вязать Лаура Луиза.

Пьесу повторяли пятнадцать раз, и Ги смог приехать домой всего на два дня, а потом по приглашению кинокомпании «Уорнер Энтерпрайзес» улетел на пробы в Калифорнию. И лишь после завершения проб он приехал уже надолго. У него было теперь две роли, из которых он мог выбрать любую: или кино, или тринадцать серий «Гринвич-Виллидж», по полчаса каждая. Фирма братьев Уорнер тоже сделала ему предложение, но Аллан отклонил его из-за низкой оплаты.

Малыш лягался как демон. Розмари требовала, чтобы он утих и грозилась отшлепать его.

Муж сестры Маргариты позвонил им и сообщил, что у них родился сын весом восемь фунтов и назвали его Кевин Майкл. Позже появилось официальное сообщение о рождении — очень подробное, с именем, датой и часом рождения, весом и ростом («Почему не указана группа крови?» — с иронией спросил Ги). Розмари решила, что лучше дать самое скромное объявление: их имена, имя ребенка и число. И назвать его Эндрю Джон или Дженифер Сюзан. И кормить грудью, а не искусственно.

Они перенесли телевизор в гостиную и раздали всю мебель из кабинета друзьям. Потом привезли и наклеили обои,

поставили ванночку, кроватку и стол, но через несколько дней переставили все заново. Розмари положила в стол пеленки, резиновые штанишки и распашонки, настолько крошечные, что, держа одну из них в руках, она не удержалась и засмеялась.

Они отметили вторую годовщину свадьбы и тридцатитрехлетие Ги, потом устроили еще одну вечеринку, пригласив Дунстанов, Ченсов, Аджимми и Тайгер. Ходили смотреть «Морган», и еще им удалось попасть на закрытый просмотр «Мэйм».

Жизнь Розмари становилась все больше и больше, он раздувался как шар, и был тугой как барабан, а над ним возвышалась пышная грудь. Утром и вечером Розмари делала упражнения: поднимала вверх ноги, сидела на пятках, тренировала поверхностное дыхание.

В конце мая, когда пошел уже девятый месяц, она собрала небольшой чемоданчик со всем необходимым для больницы: ночными рубашками, специальными лифчиками для кормления грудью, новым стеганым халатом и тому подобным — и поставила его наготове у дверей спальни.

В пятницу, 3 июня, в госпитале Святого Винсента умер Хатч. Аксель Аллерт, его зять, позвонил Розмари и сообщил печальную новость. Он сказал, что папихида состоится во вторник, в одиннадцать, в культурном центре на Шестидесят четвертой улице, в западной части города.

Розмари расплакалась. Отчасти из-за того, что ей было очень жаль Хатча, а еще потому, что она совсем позабыла о нем в последние месяцы, и теперь ей казалось, что это тоже ускорило его смерть. Раз или два ей звонила Грейс Кардифф, и лишь однажды она сама позвонила Дорис Аллерт, но так и не собралась навестить Хатча. Сначала ей думалось, что в этом нет особого смысла, раз он не пришел в себя, а как только она сама оправилась от своего недуга, ей стало

боязно находиться возле больного человека: она инстинктивно опасалась, что это может как-то вредно сказаться на ее ребенке.

Когда Ги услышал новость, он побледнел, замолчал и просидел в таком состоянии несколько часов. Розмари была тронута глубиной его переживаний.

Она пошла на церемонию одна: у Ги были съемки, и он никак не мог пропустить их, а Джоан как назло заболела гриппом. В красивом небольшом зале собралось человек пятьдесят. Пришел священник, и в двенадцатом часу началась служба, которая оказалась очень короткой. Потом выступил Аксель Аллерт, а после него еще один мужчина, который, очевидно, знал Хатча много лет. Затем все двинулись к выходу, и Розмари выразила сочувствие стоявшим у гроба Акселю и Дорис Аллерт, а также второй дочери Хатча, Эдне, и ее мужу.

Вдруг какая-то женщина взяла ее за руку.

— Простите меня, вы ведь Розмари, да?

Это была симпатичная и модно одетая женщина лет пятидесяти, с седыми волосами.

— Я Грейс Кардифф,— представилась она.

Розмари пожала ей руку и поблагодарила за телефонные звонки.

— Вот это я хотела вчера отправить вам по почте,— сказала Грейс Кардифф, показывая сверток, по форме напоминавший книгу.— А потом мне пришло в голову, что я вас сегодня, наверное, увижу.— Она отдала сверток Розмари, и та увидела, что на нем был написан ее собственный домашний адрес и обратный адрес Грейс Кардифф.

— Что это? — спросила она.

— Это книга, которую Хатч просил передать вам. Он очень на этом настаивал.

Розмари не поняла ее.

— Перед самой смертью к нему на несколько минут вернулось сознание,— рассказала Грейс Кардифф.— Меня

в это время там не было, но он через сестру передал, чтобы я отдала книгу вам. Она лежала у него дома на письменном столе. Он, очевидно, читал ее в ту самую ночь, когда случился удар. Он очень беспокоился и напомнил об этом сестре два или три раза — боялся, что она забудет. И еще он просил сказать вам, что в этой книге содержится анаграмма.

— В названии книги? — уточнила Розмари.

— Очевидно. Может быть, он был в бреду, сейчас уже трудно сказать. Он упорно сражался с комой, от этих усилий и умер. Когда он очнулся, то подумал, что проснулся на следующее утро, и вспомнил, что ему надо встретиться с вами в одиннадцать часов...

— Да, у нас была назначена встреча, — со слезами кивнула Розмари.

— А потом он понял, что с ним случилось, и сказал сестре, чтобы я передала эту книгу вам. Он повторил это несколько раз... и потом умер. — Грейс Кардифф улыбнулась, будто говорила о чем-то приятном. — Это старая английская книга о колдовстве.

Розмари с интересом оглядела сверток.

— Не понимаю, почему он решил, что мне следует это прочесть, — удивилась она.

— Он очень этого хотел. А в названии есть анаграмма. Милый Хатч! Он мечтал, чтобы в жизни все было так же, как в его добрых приключенческих книгах...

Они вместе вышли из зала.

— Я еду в город. Может быть, вас подбросит куда-нибудь? — предложила Грейс Кардифф.

— Нет, спасибо, — ответила Розмари. — Мне надо домой.

Они направились к перекрестку. Многие из присутствовавших на панихиде уже ловили такси. Двое мужчин оставили машину и предложили ее Розмари. Она отказалась и хотела уступить очередь Грейс Кардифф, но та запротестовала.

— Я не могу воспользоваться вашим предложением.—
объяснила она.— На этой машине должны ехать вы... Когда вы ждете ребенка?

— Двадцать восьмого июня.

Розмари поблагодарила мужчину и села в такси. Машина оказалась маленькой, и сидеть в ней было неудобно.

— Желаю удачи,— сказала Грейс Кардифф и мягко закрыла дверцу.

— Спасибо,— ответила Розмари.— И за книгу спасибо.— Потом обратилась к шоферу: — В Брэмфорд, пожалуйста.

Когда такси уже тронулось, она еще раз напоследок улыбнулась Грейс Кардифф.

Глава седьмая

Розмари хотела развернуть книгу прямо в такси, но увидела, что машина увешана всякими просьбами соблюдать полную чистоту, разными пепельницами и зеркалами, к тому же ей не хотелось возиться с бумагой и бечевкой. Приехав домой, она сняла туфли, платье и пояс и переделась в новый широкий полосатый халат и тапочки.

В дверь позвонили, и она пошла открывать, все еще держа в руке нераспечатанный сверток. Это была Минни с традиционным напитком и пирожным.

— Я слышала, как ты вернулась. Церемония, видно, и в самом деле была недлинная.

— Все прошло очень хорошо,— с грустью ответила Розмари, безропотно забирая у нее стакан.— Говорили его зять и еще один мужчина — о том, какой он был замечательный и почему нам его будет так не хватать, вот и все.— Она отпила немного мутной зеленоватой жидкости.

— По-моему, это очень разумно,— согласилась Минни.— Ты уже получила сегодняшнюю почту? — Она указала глазами на пакет.

— Нет, мне это передали на панихиде.— Розмари решила не объяснять, кто и почему, и вообще ничего не говорить о том, что Хатч перед смертью приходил в себя.

— Давай я пока подержу,— предложила Минни и взяла у нее сверток.

— Спасибо,— ответила Розмари и освободившейся рукой приняла пирожное.

Она выпила и съела все принесенное.

— Это книга? — спросила Минни, с интересом рассматривая сверток.

— Угу. Она хотела сперва отправить ее по почте, но потом сообразила, что мы сегодня встретимся.

Минни прочитала на обертке обратный адрес.

— О, да я знаю этот дом! Там раньше жили Гилморы — перед тем как переехать.

— Правда?

— Я там часто бывала... Грейс... Мне очень нравится это имя. Это твоя подруга?

— Да.— Розмари было все равно и не хотелось вдаваться в подробности.

Она забрала книгу у Минни и, вернув ей стакан, улыбнулась.

— Спасибо.— Она замолчала, ожидая, что Минни наконец-то уйдет.

— Послушай-ка, Роман собирается в химчистку. Может быть, надо что-нибудь отнести туда или забрать?

— Нет, спасибо. Вы к нам потом заглянете?

— Конечно. А ты пока отдохни.

— Да. Я как раз собиралась прилечь. До свидания.

Розмари закрыла дверь, пошла в кухню, там перерезала ножом бечевку и сняла оберточную бумагу. Книга оказалась сочинением Дж. Р. Ханслета «Все о колдунах». Она была старая и черная, золотое тиснение местами облетело с переплета. На форзаце стояла подпись Хатча, а под ней зна-

чилось: «Торкхуэй, 1934». Ниже была приклеена маленькая бумажка с надписью: «Книжный магазин Дж. Вагхорна и сына».

Розмари понесла книгу в гостиную, на ходу перелистывая ее. Здесь она увидела фотографии почтенных людей викторианской эпохи, а кое-где в тексте сделанные Хатчем пометки на полях и подчеркнутые фразы: так он работал со всеми книгами; Розмари помнила это еще по тем временам, когда они жили по соседству и библиотека Хатча была для нее чуть ли не единственным источником духовной пищи. Она успела прочитать одну из подчеркнутых фраз: «...грибок, который называется “дьявольский перец”».

Устроившись на подоконнике, Розмари изучила оглавление. Взгляд ее привлекло имя «Адриан Маркато» — таково было название четвертой главы. В книге рассказывалось и про других людей; и все они, если верить заглавию, были колдунами: Жиль де Ре, Джейн Венгам, Алистер Кроули, Томас Бейр. Две последние главы назывались «Искусство колдовства» и «Колдовство и сатанизм».

Розмари проглядела четвертую главу, которая занимала двадцать с небольшим страниц, и из нее узнала, что Маркато родился в Глазго в 1846 году, потом переехал в Нью-Йорк (подчеркнуто), а умер на острове Корфу в 1922 году. Здесь же упоминалось и о шумихе, вызванной в 1896 году его заявлением, будто он вытащил из ада самого дьявола. В результате на Маркато напала разъяренная толпа на улице возле Брэмфорда (а не в самом доме, как говорил Хатч). Подобные происшествия имели также место в Стокгольме в 1898-м и в Париже в 1899 году. Маркато был высоким чернобородым мужчиной с выразительными глазами и на фотографии почему-то показался Розмари знакомым. Рядом помещался еще один снимок, поменьше, на котором он был запечатлен в парижском кафе со своей женой Гессией и сыном Стивенем (подчеркнуто).

Может быть, именно из-за этой главы Хатч так хотел передать ей книгу — чтобы она прочитала подробный рассказ об Адриане Маркато? Но зачем?.. Ведь он давно уже рассказал о всех своих опасениях, а потом выяснилось, что они совершенно напрасны. Розмари пролистала книгу еще раз и начала читать подчеркнутые Хатчем места: «Остается непреложным тот факт, что даже если мы не верим в это, то они сами наверняка верят». А еще через несколько страниц: «...всемирно известная вера в силу человеческой крови». И еще: «...окружены свечами, которые — нет необходимости повторять — должны быть черными».

Черные свечи приносила Минни в тот день, когда отключили электричество. Хатча это тогда очень удивило, и он начал с пристрастием расспрашивать про Минни и Романа. Может, это как-то связано с книгой? «Все о колдунях»... И Минни со своей оранжереей трав и таннисовыми амулетами, и Роман с пронзительным взглядом... Но они-то ведь не колдуньи! А если?..

Она вспомнила еще одно: в книге есть анаграмма. Может быть, в названии? «All of Them Witches»...* Розмари попыталась мысленно переставить буквы так, чтобы получилось что-нибудь понятное и значимое. Но ей это не удалось: букв оказалось слишком много, и они стали путаться в голове. Надо было взять листок бумаги и ручку. Или, еще лучше, коробку «скрэббл».

Она сходила в спальню за игрой и снова села на подоконник, потом выложила на чистую доску нужные буквы и составила из них название книги. Малыш, который все утро вел себя тихо, зашевелился. «Ты будешь прирожденным игроком в скрэббл», — подумала Розмари и улыбнулась. Малыш лягнул сильнее.

— Эй, полегче! — сказала она вслух.

* Все о колдунях (англ.).

После этого перемешала буквы и попробовала сложить их в слова. У нее получилось «comes with the fall»*, а немного погодя: «how is hell fact met»**. Но смысла не было ни в том, ни в другом выражениях. Ничего не дали ей и такие фразы, как «who shall meet it»***; «we that chose ill»**** и «if she shall come»*****.

И к тому же их нельзя было назвать настоящими анаграммами, потому что были использованы не все буквы. Какая глупость! Как в названии книги может быть запрятана анаграмма, важная для нее и только для нее одной? Наверное, у Хатча просто начался бред; ведь и Грейс Кардифф тоже говорила об этом. Пустая трата времени... «elf shot lame witch»*****, «tell me which fatso»*****.

Но, может быть, все дело в фамилии автора, а не в названии книги? Что, если Дж. Р. Ханслет — только литературный псевдоним? Если хорошенько призадуматься, имя это и вправду казалось каким-то ненастоящим.

Розмари стала набирать заново. Малыш опять пнул ее. Фамилия Ханслет превращалась в другие, но тоже неизвестные, хотя здесь хоть какой-то смысл еще сохранялся.

Бедный Хатч!..

Она взяла коробку и ссыпала в нее все буквы. Книга, лежавшая на подоконнике, зашелестела от ветра, и страницы раскрылись на том месте, где была фотография Адриано Маркато с женой и сыном. Наверное, Хатч часто смотрел на нее и даже подчеркнул имя Стивен.

Малыш затих и больше не шевелился.

* Приходит с падением (англ.).

** Как встречается адский факт (англ.).

*** Кто это встретит (англ.).

**** Мы, которые выбрали зло (англ.).

***** Если она придет (англ.).

***** Эльф подстрелил хромую ведьму (англ.).

***** Скажи мне, который толстяк (англ.).

Розмари снова взяла скрэббл, вынула доску и на ней старательно выложила: «Стивен Маркато». Несколько секунд она задумчиво смотрела на это имя, а потом стала переставлять фишки. Очень быстро у нее получилось: «Роман Кастивет».

А потом снова — Стивен Маркато. И опять — Роман Кастивет.

Малыш недовольно зашевелился.

Розмари прочла до конца главу «Адриан Маркато», затем ту, которая называлась «Искусство колдовства». Потом пошла на кухню, поела салата из тунца, зелени и помидоров, ни на секунду не переставая думать о прочитанном.

Вернувшись в комнату, она уже начала главу «Колдовство и сатанизм», как вдруг входная дверь резко открылась, натянув цепочку. Зазвенел звонок. Вернулся Ги.

— Что это ты на цепочке? — спросил он, когда Розмари открыла.

Она ничего не ответила, но дверь снова закрыла на все замки.

— Так в чем все-таки дело? — нахмурился Ги. Он принес букетик маргариток и подарочную коробку из универмага Бронзони.

— Сейчас все расскажу, — пообещала Розмари.

Ги поцеловал ее и отдал цветы.

— С тобой все в порядке?

— Да. — Она прошла на кухню.

— Как похороны?

— Все хорошо. Служба была очень короткой.

— Я купил рубашку, которую рекламировали в «Нью-Йоркере», — крикнул Ги из спальни. — Слушай, а «Ясным днем» и «Небоскреб» снимают с постановки.

Розмари поставила цветы в голубую вазу и принесла их в гостиную. Вошел Ги и продемонстрировал новую рубашку. Ей очень понравилось.

— А ты знаешь, кто такой Роман? — тихо спросила она. Ги непонимающе посмотрел на нее, моргнул и нахмурился.

— Что ты имеешь в виду, дорогая? Он просто Роман, и все...

— Он сын Адриана Маркато. Того человека, который вызвал Сатану, и за это на него напала толпа. Роман — его сын Стивен. «Роман Кастивет» — просто анаграмма. Если переставить буквы, то получится «Стивен Маркато».

— Кто это тебе сказал?

— Хатч.— Она рассказала Ги про книгу и про то, что велел передать ей Хатч. Потом показала ему саму эту книгу, и Ги, отложив в сторону рубашку, взял потрепанный черный том, придирчиво осмотрел обложку и быстро пролистал пожелтевшие страницы.

— Вот здесь ему тринадцать лет.— Розмари показала Ги фотографию.— Ты узнаешь его глаза?

— Наверное, это просто совпадение.

— Тогда еще одно совпадение: то, что он живет именно здесь. В том же доме, где воспитывался сын Маркато...— Розмари покачала головой.— И возраст тоже совпадает: Стивен Маркато родился в августе тысяча восемьсот восемьдесят шестого года, сейчас ему семьдесят девять лет. И Роману столько же. Нет, это уже не совпадение.

— Наверное, нет,— нехотя согласился Ги и перевернул еще несколько страниц.— Ну хорошо, возможно, он Стивен Маркато. Бедный старикашка!.. Ничего удивительного, что он изменил имя, имея такого сумасшедшего папочку.

Розмари вопросительно посмотрела на Ги.

— А ты не считаешь, что он... такой же, как и его отец?

— Какой? — Ги улыбнулся.— Колдун? Почитатель дьявола?

Она кивнула.

— Ро, ты что, шутишь? Неужели ты правда...— Он засмеялся и вернул ей книгу.— Ах, Ро, милая!

— Это же целая религия,— объяснила она.— Религия, которую... просто оттеснили.

— Ну хорошо, но не в наши же дни!

— А его отец был своего рода великомучеником этой религии,— продолжала Розмари.— Ты знаешь, где умер Адриан Маркато? В конюшне. На Корфу. Потому что его не пустили в гостиницу. Это правда. «В человеческом жилище вам места нет»,— вот что ответил ему хозяин. Поэтому он так и умер в конюшне. А сын был тогда вместе с ним. Ты думаешь, Роман оставит эту религию после такого?

— Дорогая, но сейчас же тысяча девятьсот шестьдесят шестой год!

— Эта книга написана в тысяча девятьсот тридцать третьем году — тогда в Европе очень активно проводились их собрания, или как они там еще называются... конгрегации? И не только в Европе, но и в Северной и Южной Америке, в Австралии. Ты думаешь, все они умерли за прошедшие тридцать три года? Наверняка у них и здесь свое общество — у Минни и Романа вместе с Лаурой Луизой, Фаунгэнами, Гилморами и Визами. А их вечеринки с флейтой и молитвенным пением не что иное, как шабаш — или как там еще?

— Дорогая,— попытался успокоить ее Ги.— Не волнуйся так...

— Почитай, что они делают,— чуть не плача, сказала Розмари, протягивая ему книгу и тыча пальцем в страницу.— Они используют в своих ритуалах кровь, потому что кровь обладает силой. А самая могущественная — это кровь младенца, которого еще не успели окрестить, и они используют не только его кровь, но и тело тоже!

— Ну ради Бога, Розмари!

— А почему, ты думаешь, они к нам так по-дружески относятся?

— Потому что они добрые люди. Ты что, считаешь их маменьками?

— Да! Да, маньяками, которые убеждены, что обладают магической силой, которые уверены в том, что они настоящие колдуны, которые практикуют всяческие колдовские номера и ритуалы, потому что они больные, сумасшедшие люди!

— Милая...

— Те черные свечи, которые принесла нам Минни,— они были с черной мессы! Вот как Хатч раскусил их! А в гостиной у них ничего нет — это для того, чтобы было где проводить их бесовские сборища!

— Милая,— начал Ги.— Они старые, и у них своя компания стариков, а доктор Шанд просто включает магнитофон. Черные свечи можно купить в любом магазине, и красные тоже, и синие, и зеленые. А в гостиной у них пусто, потому что какой из Минни декоратор! Допустим, отец у Романа действительно был чокнутый, хорошо; но это еще не основание считать, что и сам Роман тоже ненормальный.

— Они к нам больше и ногой не ступят,— безапелляционно заявила Розмари.— Ни один из них: ни Лаура Луиза, ни прочие их друзья. И они не подойдут к моему ребенку ближе чем на пятьдесят футов.

— Но ведь то, что Роман поменял имя, только лишний раз доказывает, что он совсем не такой, как его отец. Если бы он гордился своим отцом, то оставил бы его фамилию.

— Он и оставил ее. Просто поменял буквы местами, но не менял фамилию. Зато теперь его пустят в любую гостиницу.— Она прошла мимо Ги к набору скрэббл.— В общем, как хочешь, но я их здесь больше не приму. А как только ребенок слегка подрастет, мы отсюда уедем. Я не хочу даже жить рядом с ними. Хатч был прав: не надо нам было вообще сюда переезжать.— Она посмотрела в окно, нервно дрожа и крепко сжимая обеими руками книгу.

Ги осторожно взглянул на нее.

— А как же доктор Сапирштейн? Он тоже входит в их общество?

Розмари повернулась.

— В конце концов,— продолжал он,— среди врачей очень часто встречаются маньяки. Он, наверное, тоже не исключение и любит ездить на метле, когда нужно навесить на дому пациента.

Но Розмари не засмеялась и снова отвернулась к окну.

— Нет, я не думаю, что он с ними. Он... слишком интеллигентный для этого.

— И к тому же еврей.— Ги рассмеялся.— Ну хорошо, что ты хоть кого-то исключила из этой гнусной компании. А теперь давай поговорим об охоте на ведьм.

— Я не говорю, что они настоящие ведьмы,— возразила Розмари.— У них нет подлинной силы. Но они верят в то, что она есть, даже если другие будут над ними смеяться; это похоже на то, как мои родители считают, что Бог слышит их молитвы и что гостия — это тело Христово. А Минни и Роман верят в свою религию и практикуют свои дьявольские ритуалы; я это знаю и поэтому не могу рисковать безопасностью нашего ребенка.

— Никуда мы отсюда переезжать не будем,— перебила ее Ги.

— Будем,— ответила Розмари, решительно поворачиваясь к нему.

Он опять взял свою новую рубашку.

— Об этом мы поговорим с тобой позже,— отрезал Ги.

— Как ты не понимаешь, что этот Роман тебе просто наврал! Его отец никогда не был продюсером. Он вообще никакого отношения к театру не имел.

— Пусть так, он любит приврать. А кто не любит? — проворчал Ги и пошел в спальню.

Розмари села рядом с коробкой скрэббл. Она раскрыла книгу и начала читать последнюю главу: «Колдовство и сатанизм».

Ги вошел к ней уже без рубашки.

— Мне кажется, тебе больше не следует сегодня читать.

— Осталась только последняя глава.

— Но только не сегодня, дорогая, ты переутомилась. Это не принесет пользы ни тебе, ни ребенку.— И он протянул руку к книге.

— Но я еще не устала.

— Ты вся дрожишь. Ты уже минут пять как дрожишь. Отдай книгу мне. Дочитаешь ее завтра,

— Ги...

— Нет, давай ее сюда,— с неожиданной настойчивостью потребовал Ги.

Розмари беспомощно вздохнула и отдала мужу книгу. Он подошел к полкам, встал на цыпочки и засунул ее как можно дальше между другими томами.

— Дочитаешь завтра, а сегодня ты и так уже утомилась от похорон и всего прочего.

Глава восьмая

Доктор Сапирштейн был поражен.

— Фантастика,— сказал он.— Вот это да! Как, вы говорите, его звали — Макандо?

— Маркато,— поправила Розмари.

— Удивительно. Я бы никогда не подумал. По-моему, он мне когда-то говорил, что его отец занимался импортом кофе. Да-да, я припоминаю, как подробно он рассказывал мне о разных сортах кофе и способах обработки...

— А Ги он сказал, что его отец был продюсером.

Доктор Сапирштейн с сожалением покачал головой.

— Нет ничего странного в том, что он стыдится правды; я его даже в определенной мере понимаю. Но вы, должно быть, так расстроены этой новостью!. Однако я твердо уверен, что Роман не разделяет веры своего отца. Но и

вас мне легко понять: вам ведь, наверное, не очень приятно иметь такого соседа.

— Я не хочу больше общаться ни с ним, ни с его Минни! — бушевала Розмари. — Может быть, я к ним несправедлива, но я забочусь о безопасности своего ребенка.

— Конечно. Любая мать на вашем месте вела бы себя точно так же.

Вдруг Розмари вся подалась вперед.

— А что, если Минни подсыпала мне в напиток или в пирожное что-нибудь вредное?

И тут доктор Сапирштейн рассмеялся.

— Извините, я, честное слово, не хотел смеяться над вашими опасениями, но я абсолютно уверен, что эта старушка заботится о здоровье вашего ребенка не меньше, чем о своем собственном... Нет, ничего вредного она вам не дает, иначе это уже сказалось бы на вас или на малыше.

— Я ей позвонила и сказала, что неважно себя чувствую и поэтому больше ничего от нее брать не буду...

— А вам больше и не надо. Я теперь выпишу витамины, которые вполне заменят напиток в эти последние недели. И кстати, ваша проблема с Минни и Романом тоже в скором времени будет решена.

— Простите, я не совсем вас поняла...

— Они хотят уехать, — пояснил доктор Сапирштейн. — Причем довольно скоро. Роман сейчас в очень плохом состоянии. Между нами говоря, ему осталось жить всего каких-нибудь пару месяцев. И перед смертью он хотел навестить свои любимые места и города, но они боялись, что вы обидитесь на них за отъезд накануне рождения вашего ребенка. Они мне рассказали об этом позавчера вечером и спросили, как вы, по моему мнению, к этому отнесетесь. Они не хотят расстраивать вас и объяснять причину отъезда.

— Мне очень жаль, что Роман так серьезно болен.

— Но вы все же рады, что они уезжают? Не нужно стесняться, это вполне естественная реакция. Давайте сделаем так, Розмари: я скажу им, будто раскрыл вам их намерения насчет отъезда и вы не обиделись, но до воскресенья — а они в воскресенье уедут — вы будете делать вид, что не знаете о болезни Романа. Мне кажется, что он очень огорчится, если кто-то узнает о его неприятностях, а вам не составит труда притвориться, будто вы ни о чем не подозреваете, — ведь речь идет всего о каких-то трех-четыре-х днях.

Розмари помолчала немного, но потом спросила:

— А вы уверены, что они уедут именно в воскресенье?

— Во всяком случае, они так сказали, — пожал плечами доктор.

— Ладно, пусть все будет как раньше, но только до воскресенья, — согласилась она.

— Если хотите, я вам завтра же пришлю витамины, а вы просто берите у Минни напиток и пирожное, выбрасывайте их и вместо этого принимайте таблетку.

— Прекрасно, так мне будет гораздо спокойнее.

— А сейчас самое главное, чтобы вы не волновались.

Розмари улыбнулась.

— Если будет мальчик, я назову его Авраам Сапирштейн Вудхаус.

— Ни за что!

Когда Ги услышал новости, он тоже обрадовался.

— Конечно, жаль, что Роман долго не протянет, но я все же рад за тебя — ты хоть перестанешь наконец так волноваться.

— Да, — согласилась Розмари. — Мне стало гораздо легче, как только я об этом услышала.

Вероятно, доктор Сапирштейн сразу же им все рассказал, потому что тем же вечером Минни и Роман зашли в гости и сообщили, что уезжают путешествовать по Европе.

— В воскресенье в десять утра,— уточнил Роман.— Самолетом прямо в Париж на неделю, потом в Цюрих, оттуда — в Венецию, а затем в самый прекрасный город на Земле — в Дубровник. Это в Югославии.

— Я вам так завидую! — признался Ги.

— Я думаю, для вас это не как гром среди ясного неба? — обратился Роман к Розмари, и в его глазах появился заговорщический блеск.

— Доктор Сапирштейн говорил мне, что у вас есть такие планы.

— Нам очень хотелось остаться здесь и дожидаться рождения ребенка...— начала было Минни.

— Зачем же? — перебила ее Розмари.— Погода сейчас такая прекрасная. В Европе навсерняка суший рай.

— Мы вам пришлем фотографию новорожденного,— пообещал Ги.

— Когда у Романа пробуждается страсть к путешествиям, его уже ничем не удержать,— извиняющимся тоном сказала Минни.

— Верно, верно,— согласился Роман.— После бурной жизни кочевника мне трудно оставаться в одном городе больше года, а прошло уже год и два месяца, как мы вернулись из поездки по Японии и Филиппинам.

Потом Роман рассказал им о красотах Дубровника, Мадрида и острова Скай. А Розмари смотрела на него и думала, кто же он на самом деле — очаровательный старый болтун или безумный сын безумного отца.

На следующий день Минни спокойно оставила на столе напиток и пирожное и не стала настаивать на их немедленном приеме: ей надо было идти по магазинам покупать всякую всячину к отъезду. Розмари предложила сходить вместо нее в химчистку, а потом купить зубную пасту и таблетки от тошноты в самолете. Когда Минни ушла, она вылила напиток в унитаз и бросила в мусорное ведро пи-

рожное, а вместо этого проглотила капсулу, которую прислал утром доктор Сапирштейн. Ей было смешно.

В субботу утром Минни спросила:

— Ты ведь знаешь, кто у Романа отец, да?

Розмари удивилась, но кивнула.

Минни горестно покачала головой.

— Я это поняла, когда ты стала относиться к нам не так ласково. Нет, не надо извиняться, милочка! Не ты первая, не ты последняя. Я бы с радостью сама убила этого психа, если бы он не был уже мертв! Он испортил Роману всю жизнь! Вот почему нам приходится так много путешествовать. Роман уезжает из каждого города прежде, чем люди успевают узнать о нем всю эту правду. Только не говори ему, что тебе все известно. Он так любит вас с Ги, что не вынесет этого. А я очень хочу, чтобы эта поездка была для него счастливой: ему ведь не так уж много осталось. Я имею в виду путешествия. Может быть, перед нашим отъездом ты возьмешь у меня кое-какие продукты из морозилки? Пришли к нам Ги, и я его нагружу.

Лаура Луиза в своей небольшой темной квартирке на двенадцатом этаже, где тоже пахло таннисом, устроила вечеринку в честь отъезда Кастиветов. Приехали Визы и Гилморы, миссис Сабатини со своим котом Флэшем и доктор Шанд. («Почему Ги считает, что это именно доктор Шанд включает магнитофон? — удивлялась Розмари. — И откуда он знает, что это магнитофон, а не флейта или кларнет? Надо будет у него спросить».) Роман рассказал о маршруте, и миссис Сабатини была очень удивлена, узнав, что они не остановятся ни в Риме, ни во Флоренции. Лаура Луиза угощала самодельными пирожными и слабоалкогольным пуншем. Поговорили о гражданских правах. Розмари слушала этих людей, которые так напоминали с виду ее тетюшек и дядюшек из Омахи, и никак не могла поверить, что на са-

мом деле все они входят в сообщество колдунов и ведьм. Вот маленький мистер Виз: он слушает, что говорит ему Ги о Мартине Акотере Кинге. Неужели такой тщедушный человечек может искренне считать себя заклинателем и чародеем? А эти безвкусно одетые пожилые женщины — Лаура Луиза, Минни и Хелен Виз, — неужели они прыгают обнаженными во время своих дьявольских оргий? (Впрочем, она, кажется, где-то уже видела их всех вместе, и именно обнаженных. Но нет, это был просто сон, причем очень-очень давний.)

Позвонили Фаунтэны и пожелали Роману и Минни всего хорошего. Потом звонили доктор Сапирштейн и еще несколько человек — Розмари их не знала. Лаура Луиза внесла подарок, деньги на который собрали все сообща: маленький транзистор в кожаном футляре. Роман произнес долгую ответную речь, голос его дрожал от волнения. «Он знает, что скоро умрет», — подумала Розмари. Ей вдруг стало искренне жаль его.

Ги предложил им свою помощь с отъездом и, хотя Роман бурно протестовал, настояла на своем и пообещал прийти утром. Вернувшись домой, Ги поставил будильник на полдевятого. Как только будильник прозвенел, он быстро надел холщовые брюки и майку и отправился к Кастиветам. Розмари, надев широкий полосатый халат, пошла вместе с ним. Вещей было мало: два чемодана и шляпная коробка. Минни надела на шею фотоаппарат, а Роман — новый приемник.

— Если человек берет с собой больше одного чемодана, — весело сказал он, запирая дверь на оба замка, — то он обыкновенный турист, а никакой не путешественник.

Стоя у подъезда в ожидании такси, Роман еще раз проверил билеты, паспорта и деньги. Минни обняла Розмари за плечи.

— Где бы мы ни находились, мысленно мы каждую минуту будем с вами. А ты, милочка, не волнуйся: скоро ты

снова станешь счастливой и стройной, все тревоги пройдут, а рядом с тобой будет лежать твой маленький сыночек или дочка.

— Спасибо.— Розмари поцеловала ее в щеку.— Спасибо вам за все.

— И пусть Ги присылает нам побольше ваших фотографий, ладно? — И Минни поцеловала ее в ответ.

— Обязательно.

Потом Минни повернулась к Ги, а Роман взял Розмари за руку.

— Я не буду желать вам всего хорошего, потому что уверен: вы в этом не нуждаетесь. У вас и так все будет очень, очень хорошо.

Розмари поцеловала и его.

— Счастливого путешествия. И возвращайтесь назад целыми и невредимыми.

— Возможно,— с внезапной грустью ответил Роман,— я останусь в Дубровнике, Пескаре или на Майорке. Посмотрим, посмотрим...

— Возвращайтесь,— повторила Розмари и поймала себя на том, что ей действительно хочется, чтобы они вернулись. Она еще раз поцеловала Романа.

Подъехало такси. Ги и привратник поставили чемоданы возле багажника. Минни сгорбилась и пролезла в машину. На ее белом платье под мышками проступили пятна от пота. Роман, кряхтя, устроился рядом.

— В аэропорт Кеннеди,— сказал он шоферу,

Кастиветы отчаянно заулыбались и стали махать на прощание руками. Такси отъехало. Но Розмари не почувствовала особого облегчения от того, что скоро они будут уже далеко.

Несколькими часами позже она решила отыскать книгу Хатча и перечитать некоторые страницы. Может быть, сейчас ей все это покажется глупым и смешным? Но книги

нигде не было. Ни на полках, ни в шкафу. Тогда она спросила Ги, и он ответил, что выбросил ее с мусором еще в четверг.

— Извини, дорогая, но я не хотел, чтобы ты читала всякую ерунду, которая к тому же так расстраивает тебя.

Розмари была обижена и раздражена.

— Ги, но ведь книгу дал мне Хатч, это же он мне ее оставил!

— Прости, но об этом я тогда не подумал. Я только помнил, что из-за нее ты очень расстроилась. Извини.

— Это просто свинство с твоей стороны!

— Ну прости, я действительно не подумал о Хатче.

— Дело даже не в том, кто ее дал. Я не понимаю, как можно выбрасывать чужие книги? Если я теперь вообще захочу читать, то только эту книгу, так и знай.

— Извини,— повторил Ги.

Мысли о книге не давали ей покоя весь день. Розмари хотела сказать мужу еще кое-что, но забыла, что именно, и еще сильнее разозлилась.

Наконец вечером, когда они возвращались из «Ла Скала» — ресторанчика, расположенного недалеко от дома,— она вспомнила:

— А откуда ты знаешь, что это доктор Шанд заводит магнитофон?

Ги не понял вопроса.

— Ну, совсем недавно, когда я читала ту книгу и мы поспорили, ты сказал, что доктор Шанд включает магнитофон. Откуда ты это знаешь?

— А-а...— догадался наконец Ги.— Он мне сам говорил. Уже давно. Я сказал, что до нас доносятся через стенку звуки флейты, и он объяснил, что это он включает магнитофон. А как бы я еще узнал?

— Понятия не имею,— ответила Розмари.— Мне просто интересно, вот и все.

В этот вечер она никак не могла заснуть: лежала на спине и хмурилась, глядя в потолок. Ребенок вел себя тихо — видимо, уже спал. А она чувствовала себя обеспокоенной и сама не знала почему.

Ну конечно же, прежде всего ее мысли о ребенке и о том, все ли с ним будет хорошо. Вот уже несколько дней она не делала никаких упражнений и теперь торжественно пообещала себе, что больше это не повторится.

Часы у соседей пробили полночь, и наступил понедельник, тринадцатое. Осталось пятнадцать дней. Две недели. Может быть, все женщины становятся такими нервными и подозрительными в последние дни перед родами? И им тоже трудно заснуть, потому что они устали лежать на спине... Первое, что она сделает, после того как все будет позади, — так это хорошенько выспится! Будет спать по двадцать четыре часа в сутки на животе, зарывшись лицом в подушку.

Внезапно Розмари услышала шум в квартире Минни и Романа. Но на самом деле звук доносился, вероятно, с верхнего или нижнего этажа. Шум был приглушенный и почти сливался с гулом работающего кондиционера.

Сейчас Кастиветы, наверное, уже в Париже. Счастливые!.. Возможно, когда-нибудь и она поедет туда вместе с Ги и их тремя ребятишками.

Ребенок проснулся и зашевелился.

Глава девятая

Розмари купила ватные тампоны, тальк и детский лосьон, позвонила насчет пеленок и разложила по ящикам детское белье. Потом сделала заказ на объявление в газете — Ги оставалось только сообщить имя ребенка и дату рождения; написала целую кучу маленьких конвертиков родным и знакомым и наклеила марки. Прочитав книгу о воспитании детей, где рекомендовалось сократить до минимума

любого рода запреты, она обсудила ее в кафе с Элизой и Джоан. Угощение шло за их счет.

У нее уже начались одиночные схватки: сначала два дня подряд по одной, потом день прошел без них, зато на следующий было сразу две.

Пришла открытка из Парижа с видом Триумфальной арки и короткой запиской на обороте: «Думаем о вас. Погода отличная, еда нравится. Долетели великолепно. С наилучшими пожеланиями, Минни».

Ребенок опустился ниже, готовый вот-вот появиться на свет.

Днем в пятницу, двадцать четвертого июня, когда Розмари пошла докупить конвертов, она неожиданно встретила на улице Доминика Подзо, который раньше был у Ги преподавателем по вокалу. Она сразу узнала этого невысокого, немного сутулого, смуглого мужчину с резким и неприятным голосом. Он схватил Розмари за руку и горячо поздравил ее с близким рождением первенца, а потом и с карьерой Ги, в блестящий взлет которой он так долго не хотел верить. Розмари рассказала ему о пьесе, где Ги пришлось много петь и еще о том, что фирма «Уорнер» сделала ему интересное предложение.

Доминик очень обрадовался и добавил, что теперь их уроки по вокалу ему наверняка очень пригодятся. Он попросил, чтобы Розмари заставила Ги позвонить ему, еще раз поздравил ее и направился к входу в метро. Но в последний момент Розмари поймала его за руку.

— Я так и не поблагодарила вас за билеты на «Фантастикс». Мне очень понравилось. Я уверена, что это представление долго еще не сойдет со сцены, как та нашумевшая пьеса по Агате Кристи в Лондоне.

— «Фантастикс»? — удивился Доминик.

— Вы же достали для Ги два билета. Еще осенью. Помните? Но я ходила с подружкой, потому что Ги этот спектакль уже видел.

— Но я не давал Ги никаких билетов.

— Давали. Прошлой осенью. Вы, наверное, забыли.

— Нет, дорогая моя. Я никому не давал билеты на «Фантастикс», у меня их просто не было. Вы ошибаетесь.

— А я была уверена, что он получил их именно от вас; да он и сам так говорил...

— Тогда, значит, ошибается он. Вы передадите ему, чтобы он мне позволил?

— Да, конечно.

Странно, размышляла Розмари, стоя у перехода на Пятой авеню, Ги говорил ей, что билеты достал Доминик, это она помнила хорошо. Она еще подумала тогда, не послать ли Доминику открытку с благодарностью, но потом решила, что это лишнее. Нет, она не могла ошибиться.

Загорелся зеленый свет, и она перешла на другую сторону.

Но и Ги не мог ошибиться. Не так уж часто ему передают бесплатные билеты. Он должен был запомнить, от кого их получил. Может быть, он сознательно обманул ее? Может, никто не давал ему этих билетов, а он просто нашел их где-нибудь и взял себе? Нет, тогда в театре могла бы разыгаться неприятная сцена. Он не мог подвергать ее такому риску.

Розмари медленно пошла на запад по Пятьдесят седьмой улице, бережно неся перед собой ребенка. Спина ныла от его тяжести. День выдался жаркий, влажность достигла уже девяноста двух процентов и продолжала расти. Она шла очень медленно.

Может быть, по какой-то причине Ги просто хотел, чтобы она ушла из дома в тот вечер, и сам купил для нее эти билеты? Но зачем? Чтобы побыть вечером одному и поучить роль? Но для этого не надо было прибегать к обману; раньше, на старой квартире, он просто просил ее погулять пару часиков, что она с удовольствием и делала. Хотя очень час-

то ему, наоборот, хотелось, чтобы она присутствовала при его занятиях, слушала и, в случае чего, подсказывала.

Неужели девушка? Одна из его прежних пассий, для которой двух часов было маловато и чей аромат он пытался смыть тогда под душем? Нет, в тот вечер пахло не духами, а танисовым корнем, ей даже пришлось завернуть талисман в фольгу. А Ги тогда был очень энергичным и любвеобильным, так что вряд ли в тот вечер у него уже кто-то успел побывать. Ей запомнилось, что тогда муж был особенно настойчивым, а потом она слышала через стену звуки флейты и молитвенное пение в квартире у Минни и Романа.

Нет, это не флейта, а магнитофон доктора Шанда.

Вот откуда Ги знает про это! В тот вечер он был у них. На шабаше.

Розмари остановилась и начала разглядывать витрину. Ей не хотелось больше думать о ведьмах, тайных собраниях, детской крови и о том, что Ги тоже входит в это общество. Зачем ей встретился этот дурацкий Доминик? Вообще не надо было сегодня куда-то выходить. На улице так противно и жарко!

В витрине она заметила красивое малиновое платье. Надо будет потом прицениться к нему — после того как все свершится. А еще она купит себе лимонного цвета брюки в обтяжку и малиновую кофту.

Но надо идти дальше. Идти и думать.

В книге (которую Ги выбросил) описывались церемонии посвящения с обетами, помазанием и нанесением «дьявольской метки». Неужели возможно (душем он пытался смыть запах танисового корня, при помощи которого происходит помазание), что Ги тоже стал участником тайных сборищ? И теперь он (нет, это невозможно!) тоже имеет где-нибудь на теле тайный знак, свидетельствующий о его принадлежности к сообществу?

Он наклеивает на плечо косметический пластырь под цвет кожи. Она заметила это еще давно («Проклятый пры-

щик», — объяснил он тогда), но за несколько месяцев до этого она тоже видела пластырь на том же самом месте. Носит ли он его до сих пор?

Этого Розмари не знала. Ги перестал спать без одежды. Раньше это было обычным делом, особенно в жару. А теперь нет, и уже давно. С некоторых пор он каждый вечер надевает пижаму. Когда же она последний раз видела его голым?..

Когда она переходила Шестую авеню, совсем рядом громко засигналила машина.

— Ради Бога, осторожней! — сказал сзади какой-то прохожий.

Но почему, почему? Ведь это же Ги, а не какой-нибудь полоумный старикашка, не способный найти другой способ самовыражения! У него прекрасная карьера, которая день ото дня становится все ослепительнее! Что у него может быть общего с колдовскими кинжалами, волшебными палочками, кадилами и... прочей ерундой; с этими Визами, Гилморами, с Минни и Романом? Что они могут дать ему такого, чего он никак иначе не получит?..

Но она уже знала ответ. Она знала его даже раньше, чем задала себе этот вопрос. Формулируя сам вопрос, Розмари только малодушно пыталась отодвинуть момент осознания жуткой истины.

Слепоту Дональда Бомгарта — вот что они ему дали! Если только поверить в это...

Но она не верила. Не хотела верить! Не могла!

Однако Дональд Бомгарт ослеп. Это факт. И ослеп он через два дня после той самой субботы, начиная с которой Ги сидел дома и каждый раз бросался к телефону, как только раздавался звонок. Как будто ждал новостей.

Слепота Дональда Бомгарта...

И отсюда началось все: новая роль, премьера, еще одна пьеса, предложение кинокомпаний... Может быть, даже роль в «Гринвич-Виллидж» должна была принадлежать До-

нальду Бомгарту, если бы он неожиданно не ослеп, после того как Ги вступил (возможно) в собрание (возможно) сатанистов (возможно).

У них есть заклинания, при помощи которых можно забрать у человека зрение или слух, писалось в книге. «Все в колдунах». Но только Ги не колдун! Объединенная сила мысли всех участников сбора — сконцентрированная энергия зла — могла ослепить, оглушить, парализовать. И в конце концов убить избранную жертву.

Парализовать и затем убить...

— Хатч?! — громко произнесла она вслух, резко оставившись у Карнеги-холла.

Маленькая девочка испуганно посмотрела на нее и крепче вцепилась в руку своей матери.

Он как раз читал эту самую книгу той страшной ночью, когда позвонил ей и назначил встречу на другое утро. Он просил о свидании, чтобы рассказать, что Роман — это Стивен Маркато. А Ги узнал об этом и сразу же вышел. Куда? Кажется, за мороженым. И еще она услышала, как он звонит в дверь Минни и Романа. Может быть, они созвали срочное собрание? Объединенная сила мысли... Но откуда они узнали, о чем намеревался говорить Хатч? Ведь в то время она и сама еще ничего такого не подозревала.

Ладно, давайте предположим, что таннисовый корень — это совсем не таннисовый корень. Во всяком случае, Хатч раньше о таком не слышал. Допустим, это именно то, что он подчеркнул в книге. Дьявольский грибок — или как он там еще называется. Он ведь сказал Роману, что посмотрит в энциклопедии, а этого было вполне достаточно, чтобы насторожить Кастинстов. Поэтому Роман выкрал одну из перчаток Хатча, так как заклинания действуют только при наличии какой-нибудь личной вещи назначенной жертвы. А когда Ги рассказал им про назначенное на утро свидание, они не стали ждать и сразу же начали свой обряд.

Но Роман не мог взять перчатку — она сама открывала ему дверь, а потом сама же и проводила его до выхода.

Значит, перчатку взял Ги. Он тогда прямо-таки вбежал в квартиру, не сняв даже грима (раньше такого никогда не бывало!), и сразу же пошел к шкафу. Наверное, Роман позвонил ему на работу и сказал: «Этот человек, Хатч, заинтересовался таннисовым корнем. Немедленно иди домой и во что бы то ни стало за получи какую-нибудь его личную вещь!» И Ги повиновался — из страха, что в противном случае Дональд Бомгарт прозреет.

Ожидая зеленого света на перекрестке у Пятьдесят восьмой улицы, Розмари засунула конверты в сумочку, которую держала под мышкой, расстегнула цепочку и выбросила ее вместе с амулетом в решетку канализации.

Хватит носить этот таннис! Или дьявольский грибок...

Она была настолько напугана, что чуть не расплакалась.

Розмари поняла, что собирался дать им Ги взамен своей головокружительной карьеры.

Ребенка. Для их кровавых обрядов.

Ведь он не хотел иметь детей. Никогда не хотел... Пока не ослеп Дональд Бомгарт. И он не выражал восторга, когда ребенок зашевелился, он вообще не любил говорить о нем — был как бы в стороне, будто это вовсе и не его дитя.

Потому что Ги заранее было известно, что они сделают с малышом, как только он попадет в их руки.

Вернувшись в приятную прохладу своей квартиры, Розмари попыталась убедить себя, что просто сошла с ума. Идиотка! Через четыре дня у тебя родится ребенок. А может быть, и раньше. И поэтому ты сама вообразила всю эту бредовую картину, основываясь лишь на нескольких случайных и совершенно невинных совпадениях. Никаких кодунов нет. И заклинаний тоже. Хатч умер естественной смертью — от болезни, пусть даже врачи так и не смогли установить причину. То же самое и со слепотой Дональда

Бомгарта. И каким образом, скажите на милость, Ги мог взять вежли Дональда Бомгарта для всяких там закалинаний? Глупости! Если разложить все по полочкам, то оказывается, что ее выдумки просто абсурдны!

Но зачем он соврал насчет билетов?

Розмари разделась и приняла прохладный душ. Она долго стояла, неуклюже поворачиваясь под упругими струями, а потом направила воду себе в лицо, пытаясь сосредоточиться и мыслить разумно.

Обман Ги должен иметь другое объяснение. Может быть, ему раздобыла билеты какая-то бывшая подружка, и они провели вместе весь день, а потом он придумал историю с Домиником?

Конечно же! Именно так все и было!

Нет, все-таки она полная идиотка.

Но почему он вот уже несколько месяцев не раздевается при ней догола?..

Розмари радовалась, что наконец-то избавилась от проклятого амулета. Давно пора было это сделать. Зачем она вообще взяла его у Минни? Как приятно отделаться от этого мерзкого запаха! Она вытерлась насухо большим махровым полотенцем и вылила на себя огромное количество одеколона.

Все очень просто: Ги не раздевается, потому что у него на коже какое-то раздражение или что-то подобное и он стесняется этого. Актеры ведь такие тщеславные!

А зачем он выбросил книгу? И так много времени проводил с Минни и Романом? И с таким нетерпением ждал новостей о слепоте Дональда Бомгарта? И прибежал домой в гриме как раз перед тем, как Хатч потерял чертатку?

Она причесалась, завязала узлом волосы, надела трусы и лифчик. Потом прошла в кухню и выпила два стакана холодного молока.

Ответа не было.

В детской Розмари отодвинула ванночку и приклеила к обоям кусок клеенки, чтобы ребенок не испортил стену, когда будет брызгаться.

Ответа по-прежнему не было.

Розмари не знала, сходит ли она с ума или, наоборот, ясность разума возвращается к ней. Имеют ли колдуны реальную власть и силу или только мечтают о таковой? И кто теперь Ги — верный, любящий муж или гнусный предатель и враг ее и ребенка.

Уже почти четыре... Через час Ги вернется с работы.

Розмари позвонила в профсоюз актеров и узнала телефон Дональда Бомгарта.

Набрав его номер, она после первого же гудком услышала торопливое: «Да?»

— Это Дональд Бомгарт?

— Совершенно верно.

— Говорит Розмари Вудхаус. Жена Ги Вудхауса.

— Правда?

— Я хотела...

— Боже мой! Вы, наверное, сейчас самая счастливая женщина на свете. Я слышал, вы роскошно живете в Брэме, пьете самые изысканные вина из золотых кубков и вам прислуживают два десятка лакеев в парадных ливреях...

— Я только хотела узнать, как вы себя чувствуете. Может быть, есть улучшение?

Он рассмеялся.

— Господи благослови вас, жену Ги Вудхауса! Я себя чувствую прекрасно. Просто великолепно! Улучшения значительные! Сегодня я разбил только шесть стаканов, упал всего с трех ступенек и чуть не попал под колеса только два раза. Каждый день мне все лучше и лучше, все лучше и лучше!

— Нам очень недовко из-за того, что карьера Ги так изменилась именно после вашего несчастья.

Дональд Бомгарт помолчал немного, а потом уже спокойным голосом сказал:

— Что за ерунда! Так обычно и происходит. Кто-то наверху, а кто-то внизу. Он в любом случае имел бы успех. Честно говоря, после второго прослушивания я подумал, что не я, а он получит эту роль.

— А он был уверен, что именно вы. И не ошибся.

— Но не надолго.

— Мне жаль, что я тогда не смогла к вам прийти. Ги просил меня, но я не смогла.

— Навестить меня? Это когда мы встречались, чтобы выпить?

— Да, именно тогда.

— Ну и хорошо, что вы не пришли. Туда женщин все равно не пускают. Хотя нет, после четырех пускают, а это было как раз после четырех. Ги очень тактично себя вел, у меня бы так не получилось.

— Это когда проигравший покупает выпивку победителю?

— Да. Тогда мы и не знали, что через неделю... Даже меньше чем через неделю...

— Да, это было как раз за несколько дней до того...

— Как я ослеп. В среду или в четверг. Я пришел после дневного спектакля... В среду, по-моему. А в воскресенье все это и случилось. Послушайте, — тут он расхохотался, — а Ги мне ничего в вино не подмешивал?

— Нет, ничего он не подмешивал. — Голос у Розмари задрожал. — Кстати, у нас есть одна важная вещь, вы знаете?

— Что-то я не совсем понимаю, о чем речь...

— Так вы не знаете?

— Нет.

— У вас ничего в тот день не пропало?

— Нет, ничего такого я не припомню.

— Вы уверены?

— Так вы имеете в виду мой галстук?

— Ну да.

— О Господи! Так мы же поменялись галстуками. Он что, хочет свой назад? Я могу вернуть: мне сейчас все равно, что надевать, и надевать ли вообще.

— Нет, он не хочет его назад. Просто я решила, что он одолжил у вас этот галстук на время.

— Нет, это был честный обмен. А вы, наверное, подумали, что он его украл? — засмеялся Бомгарт.

— Ну, мне пора идти, — сказала Розмари. — Я только хотела узнать, может быть, вам стало лучше.

— Нет, не стало. Спасибо, что позвонили.

Она повесила трубку.

Шел уже пятый час.

Розмари надела широкое платье с пояском под грудью и сандалии. Потом взяла все свои деньги (не очень толстую пачку, которую Ги хранил среди белья) и положила их в сумочку вместе с записной книжкой и пузырьками с витаминными капсулами. Началась болезненная схватка, но спазм быстро прекратился. Уже вторая схватка за этот день... Взяв с собой чемодантик, стоявший у дверей спальни, Розмари вышла из квартиры.

Не дойдя до лифта, она остановилась, повернулась и пошла другой дорогой.

Вниз она поехала в служебном лифте — без лифтера.

А на Пятьдесят пятой улице поймала такси.

Мисс Ларк, медсестра доктора Сапирштейна, посмотрела на чемодан и улыбнулась.

— Вы разве уже рожаете?

— Нет, — ответила Розмари. — Но мне надо срочно увидеть доктора. Это очень важно.

Мисс Ларк посмотрела на часы.

— В пять он уходит, а очереди на прием ждет еще миссис Байрон. — Незнакомая женщина, сидящая в коридоре,

кивнула и улыбнулась Розмари.— Но я думаю, что вас он примет. Садитесь. Как только он освободится, я скажу, что вы пришли.

— Спасибо.

Розмари поставила чемодан возле стула и села. Сумочка в ее руках стала влажной. Она вынула салфетку и вытерла вспотевшие ладони, а потом верхнюю губу и виски. Сердце бешено колотилось.

— Как там на улице? — спросила мисс Ларк.

— Ужасно. Влажность уже девяносто шесть процентов.

Мисс Ларк вздохнула.

Из кабинета вышла женщина. Она была на пятом или шестом месяце. Розмари уже видела ее здесь. Они кивнули друг другу, потом мисс Ларк зашла в кабинет.

— Вы скоро будете рожать? — спросила выпешдая от доктора женщина, остановившись у стола.

— Во вторник, — ответила Розмари.

— Желаю удачи. Вам повезло, впереди почти целое лето.

Мисс Ларк вышла из кабинета.

— Миссис Байрон, — пригласила она и обратилась к Розмари: — Потом он примет вас.

— Спасибо.

Миссис Байрон зашла в кабинет доктора Сапирштейна и закрыла за собой дверь. Женщина, стоявшая у стола, уточнила у мисс Ларк день своего следующего посещения и ушла, попрощавшись с Розмари и еще раз пожелав ей всего хорошего.

Мисс Ларк что-то писала. Розмари взяла с небольшого столика блестящий глянцем журнал. «Умер ли Бог?» — вопрошали красные буквы на черном фоне обложки. Она проглядела содержание и нашла раздел шоу-бизнеса. Там оказалась статья про Барбру Стрейзанд. Она попыталась сосредоточиться на чтении.

— Какой приятный запах, — заметила мисс Ларк, поворачиваясь к Розмари. — Что это?

— Называется «Детчема».

— Гораздо приятней, чем ваши обычные духи... Извините за откровенность.

— А это были не духи,— ответила Розмари.— Это амулет с травами. Но я его уже выбросила.

— Вот и хорошо,— обрадовалась мисс Ларк.— Может быть, и доктор последует вашему примеру.

Розмари удивилась.

— Доктор Сапирштейн?

— Да, он пользуется каким-то лосьоном после бритья, но запах ведь не от него, да? У него тоже есть талисман. Хотя он не суеверный. Во всяком случае, мне так кажется. Но тем не менее иногда от него пахнет точно так же, как раньше от вас, только еще сильнее. Вы никогда не замечали?

— Нет.

— Может быть, вы приходили в другие дни. А может быть, не замечали, потому что у вас был точно такой талисман. Это что-то из химии, да?

Розмари встала, положила журнал на место и схватила свой чемодан.

— Простите, меня внизу ждет муж, и мне нужно ему кое-что сказать. Я сейчас вернусь.

— Можете оставить свои вещи здесь,— предложила мисс Ларк.

Но Розмари взяла чемодан с собой.

Глава десятая

Она вышла на Восемьдесят первую улицу, отыскала телефонную будку и набрала номер доктора Хилла. В стеклянной будке было очень жарко.

Ответила регистратура. Розмари назвала себя и дала номер будки.

— Пусть он мне немедленно позвонит,— сказала она.— Это очень срочно, я звоню из автомата.

— Хорошо,— ответила женщина на том конце провода и повесила трубку.

Розмари нажала на рычаг, но трубку вешать не стала, а осторожно придерживала рычаг пальцем. Она держала трубку возле уха, как будто слушая кого-то, чтобы никто не мог попросить ее выйти из будки. Ребенок лягался и вертелся. Она сильно вспотела. «Пожалуйста, побыстрее, доктор Хилл! Позвоните. Спасите меня»,— мысленно умоляла она.

Все они, все они вместе: Ги, доктор Сапирштейн, Минни и Роман. И все они колдуны. Они использовали ее, чтобы она родила им ребенка, которого потом они заберут у нее и... Но не беспокойся, Энди-или-Дженни! Я убью их всех, прежде чем они хоть пальцем до тебя дотронутся!

Раздался звонок. Она сняла палец с рычага.

— Да?

— Это миссис Вудхаус? — Снова звонили из регистратуры.

— Где доктор Хилл? — спросила она.

— Я правильно назвала вашу фамилию? Вас зовут Розмари Вудхаус?

— Да.

— И вы пациентка доктора Хилла?

Розмари объяснила, что была у него на приеме один раз осенью.

— Я вас пропущу. Он обязательно должен поговорить со мной. Это очень важно! Пожалуйста! Попросите его сейчас же позвонить мне.

— Хорошо,— пообещала женщина.

Снова придерживая рычаг, Розмари вытерла другой рукой лоб. «Ну пожалуйста, доктор Хилл». Она приоткрыла дверь, чтобы стало немного прохладнее, но тут же закрыла

ее опять, потому что к будке подошла какая-то женщина и остановилась неподалеку.

— О, я и не знала об этом,— говорила Розмари мнимому собеседнику, по-прежнему придерживая пальцем рычаг.— А что он еще поведет? — Пот струйками катился по спине и под мышками. Ребенок повернулся еще раз.

Не надо было заходить в автомат рядом с кабинетом доктора Сапирштейна. Почему она не прошла до Мэдисон или Лексингтон-авеню?

— Прекрасно,— продолжала Розмари.— Он больше ничего не сказал? — Может быть, сейчас Сапирштейн уже вышел из кабинета и ищет ее, и тогда он непременно заглянет в ближайшую телефонную будку. Надо было сразу же садиться в такси и уезжать отсюда подальше. Она повернулась спиной к тому месту, откуда он вероятнее всего мог появиться. Женщина немного подождала и, слава Богу, ушла.

Ги, наверное, уже дома. Он увидит, что чемоданчика нет, и позвонит доктору Сапирштейну, думая, что она у него или уже в больнице. И они вдвоем начнут ее разыскивать. И другие тоже. Визы...

— Да? — Она не дала звонку дозвонить до конца.

— Миссис Вудхаус?

Это был доктор Хилл. Ее спаситель и избавитель, милый, чудесный доктор Хилл.

— Спасибо,— пробормотала она.— Спасибо, что позволили.

— А я считал, что вы уже в Калифорнии.

— Нет. Я просто пошла к другому врачу, которого мне посоветовали приятели, но он оказался плохим, доктор Хилл, он обманывал меня и давал мне очень странные капсулы и всякие подозрительные напитки. Ребенок должен родиться во вторник. Помните, вы говорили мне: двадцать восьмого июня? И я хочу, чтобы именно вы принимали у меня

роды. Я заплачу вам, сколько вы попросите, как будто у меня и не было никакого другого врача.

— Миссис Вудхаус...

— Можно мне поговорить с вами? — взмолилась она, чувствуя, что он намерен отказаться. — Позвольте мне только прийти к вам и объяснить все, что со мной происходит. Я не могу здесь долго находиться. Тот доктор, мой муж и их друзья — все они замешаны в... ну, в общем, в заговоре. Я знаю, что это звучит нехорошо, будто бы я сошла с ума, и вы, доктор, наверное, думаете: «Бедная девушка, она совсем рехнулась». Но я не рехнулась, доктор, клянусь вам всеми святыми, что это не так. Ведь бывают же заговоры против людей, верно?

— Наверно, бывают, — согласился он.

— Ну так вот, сейчас существует заговор против меня и моего ребенка. И если вы позволите мне прийти к вам, я все расскажу. И я не прошу вас делать что-либо необычное — просто поместите меня в больницу и примите роды.

— Хорошо. Приходите ко мне завтра на прием после...

— Нет, сейчас, — перебила она. — Прямо сейчас. Они, вероятно, уже разыскивают меня.

— Миссис Вудхаус, — начал объяснять он, — я сейчас не в кабинете, а у себя дома. Я всю ночь не спал и...

— Прошу вас! Умоляю! — Голос Розмари сорвался на крик.

Он молчал.

— Я приеду и все объясню. Я не могу здесь оставаться, — уже более спокойно вновь заговорила она.

— Приезжайте к восьми часам. Вас устроит?

— Да. Да, спасибо вам. Доктор Хилл...

— Слушаю вас.

— Вам может позвонить мой муж и спросить про меня...

— Я ни с кем не намерен разговаривать, мне надо выспаться.

— Вы попросите, чтобы в регистратуре не говорили, что я вам звонила?

— Хорошо, я с ними созвонюсь.

— Спасибо.

— В восемь часов.

— Да. Спасибо.

Мужчина, стоявший спиной к будке, повернулся, как только она вышла, но это был не доктор Сапирштейн, а кто-то другой.

Розмари направилась к Лексингтон-авеню, потом вверх по Восемьдесят шестой улице, там зашла в кинотеатр и какое-то время как прикованная просидела в прохладной бархатной темноте перед большим ярким экраном. Немного погодя она нашла телефонную будку и заказала междугородный разговор с Брайаном. Но на звонок никто не ответил. Она вернулась в зал и села на другое место. Ребенок, похоже, спал. Один фильм закончился, начался следующий..

Без двадцати восемь она вышла из кинотеатра и, взяв такси, поехала к доктору Хиллу на Семьдесят вторую улицу. «Там безопаснее,— думала она.— Меня будут искать у Элизы и Джоан, но никак не у доктора Хилла, если только в регистратуре не проговорятся, что я звонила».

На всякий случай она попросила шофера не уезжать, пока он не убедится, что она благополучно вошла в дом.

Но никто не остановил ее. Дверь открыл сам доктор Хилл в желто-голубой клетчатой спортивной рубашке. Сейчас он был более приветлив, чем по телефону. За то время, что они не виделись, он успел отрастить усы — светлые и потому едва различимые,— но все равно продолжал оставаться похожим на доктора Кидлара.

Они прошли в смотровую, раза в четыре меньшую, чем у доктора Сапирштейна, и Розмари рассказала обо всем. Она сидела, держась за подлокотники высокого жесткого кресла, и говорила ясно и спокойно, понимая, что любое

проявление истерии сейчас только убедит доктора Хилла в ее ненормальности. Она рассказала про Адриана Маркато, Минни и Романа, про длившиеся несколько месяцев боли, которые ей пришлось вынести, про напиток из трав и пирожное, про Хатча и книгу о колдовстве, про билеты на шоу «Фантастикс» и черные свечи, а еще про галстук и слепоту Дональда Бомгарта. Розмари старалась, чтобы рассказ звучал связно и логично, но у нее не всегда это получалось. Однако ей удалось сохранить спокойствие, и в завершение она поведала о магнитофоне доктора Шанда, о выброшенной Ги книге и неожиданном откровении мисс Ларк.

— Возможно, кома и слепота — это просто совпадения, — согласилась Розмари. — Но нельзя исключать, что они и действительно обладают сверхъестественной силой и способны причинять людям вред. Однако важно не это.. Ужас в том, что они хотят отнять у меня ребенка. Я абсолютно уверена.

— Похоже на то, — невесело согласился доктор Хилл. — Особенно если принять во внимание, с какой заботой они с самого начала к вам относились.

Розмари закрыла глаза и чуть не заплакала. Он поверил! Он не считал ее сумасшедшей. Чуть успокоившись, она вновь взглянула на доктора. Он что-то писал. Наверное, его любили все пациенты. Ладони у Розмари все еще были влажными, и она промокнула руки о платье.

— А доктора зовут Шанд?

— Нет, доктор Шанд просто входит в их группу, — пояснила Розмари. — В сообщество. Доктора зовут Сапирштейн.

— Авраам Сапирштейн?

— Да, — забеспокоилась Розмари. — Вы его знаете?

— Видел пару раз, — безразличным тоном ответил Хилл, продолжая что-то писать.

— Глядя на доктора Сапирштейна и разговаривая с ним, никогда и не подумаешь, что... — начала Розмари.

— Никогда в жизни, — подхватил доктор и отложил ручку. — По этой же причине ни в каком случае нельзя судить о книгах только по обложкам. Вы могли бы отправиться в больницу прямо сегодня?

Розмари улыбнулась.

— С удовольствием. А это возможно?

— Мне только надо будет кое-кому позвонить. — Он встал и прошел в соседний кабинет. — А вы пока ложитесь и отдыхайте. — Доктор открыл дверь в большую темную комнату и включил там голубоватую люминесцентную лампу.

— Посмотрим, что я смогу для вас сделать.

Розмари встала и прошла вслед за ним, держа сумочку в руках.

— Я думаю, мы с ними справимся, — сказал доктор Хилл. Он щелкнул тумблером, и за голубой шторой зашумел мощный кондиционер.

— Мне раздеться? — спросила Розмари.

— Нет, пока не надо. Я буду отсутствовать не менее получаса. Так что просто ложитесь и отдыхайте. — Он вышел и закрыл за собой дверь.

Розмари прошла к кровати и села, положив сумочку на стоящий рядом стул.

Боже, благослови доктора Хилла!

Она сняла сандалии и легла на кровать. Из кондиционера струился прохладный воздух, ребенок медленно ворочался, будто ощущая его бодрящую свежесть.

Теперь все будет в порядке, Энди-или-Дженни. Мы с тобой будем лежать в чистой кроватке в больнице, и никто нас там не найдет...

Деньги! Розмари села, взяла сумочку и проверила, на месте ли пачка, которую она взяла с собой. Там оказалось сто восемьдесят долларов. И еще шестнадцать с мелочью оставалось в кошельке. Конечно, для начала этого хватит, а потом она свяжется с Брайаном или ей одолжат Хьюг с Эли-

зой или Джоан. Или Грейс Кардифф. У нее много друзей, к которым можно обратиться.

Она вынула витаминные капсулы, положила деньги обратно и закрыла сумочку, потом снова легла, положив пульт с капсулами и сумочку на стул. Она даст капсулы доктору Хиллу, чтобы он сделал анализ и проверил, нет ли в них чего-нибудь вредного. Не должно быть. Для их безумных ритуалов нужен здоровый ребенок.

Розмари вздрогнула.

Чудовища!

И Ги с ними.

Непостижимо.

Мышцы живота вдруг напряглись: началась схватка, на этот раз довольно сильная. Розмари часто задышала, ожидая, пока пройдет боль.

Это была уже третья схватка за день.

Надо сказать доктору Хиллу.

Розмари жила с Брайаном и Доди в большом современном доме в Лос-Анджелесе, и Энди уже начал говорить (хотя ему было еще всего четыре месяца), но неожиданно появился доктор Хилл, и она вновь очутилась на кровати в смотровой и слышала звук работающего рядом кондиционера. Розмари загородила рукой глаза от света и улыбнулась.

— Я заснула.

Доктор Хилл распахнул дверь настежь и отошел в сторону. В комнату ворвались Сапирштейн и Ги.

Розмари села и в ужасе уронила руки.

Они подошли к ней почти вплотную. Лицо у Ги было каменно-спокойным, и он все время смотрел на стены — только на стены, а не на нее.

Первым заговорил доктор Сапирштейн:

— Пора вернуться домой, Розмари. Только спокойно. Не надо спорить и устраивать сцену. Потому что, если ты снова заведешь разговор о ведьмах и колдовстве, мы будем

вынуждены отправить тебя в психиатрическую больницу. А там тебе будет не так удобно рожать, как в хорошей клинике. Ты ведь не хочешь этого? Тогда надевай туфли.

— Мы просто отвезем тебя домой.— Ги наконец-то взглянула на нее.— Никто тебе ничего плохого не сделает.

— И ребенку тоже,— добавил доктор Сапирштейн.— Надевай туфли.— Он взял со стула пузырек с капсулами, бросил взгляд на этикетку и опустил пузырек в свой карман.

Розмари медленно надела сандалии. Кто-то из мужчин протянул ей сумочку.

Потом все они вышли, при этом доктор Сапирштейн крепко держал ее под правую руку, а с другой стороны придерживал за локоть Ги.

Доктор Хилл нес чемодан. Потом он передал его Ги.

— Теперь с ней все будет в порядке.— заверил доктор Сапирштейн.— Мы поедем домой, пусть она отдыхает.

Доктор Хилл улыбнулся Розмари.

— Скоро у вас все пройдет, я ручаюсь.

Она посмотрела на него и промолчала.

— Извините за беспокойство, коллега,— сказал Сапирштейн.

— Нам так неудобно... Столько хлопот...— поддержал его Ги.

— Я рад, что смог быть вам полезным, сэр,— заверил доктор Хилл Сапирштейна и открыл перед ними входную дверь.

Внизу ждала машина. За рулем сидел мистер Гилмор. Розмари усадили на заднее сиденье между Ги и доктором Сапирштейном.

В полном молчании они поехали назад в Брэмфорд.

Так же молча они вошли в дом и пересекли широкий вестибюль. Лифтер, как всегда, улыбнулся Розмари. Диего любил ее и всякий раз выделял среди других жильцов дома.

Эта улыбка вернула Розмари чувство собственного достоинства, и внутри ее словно что-то пробудилось и ожило.

Она незаметно раскрыла сумочку, отыскала ключи и протронула указательный палец в кольцо, а возле самого лифта как бы нечаянно перевернула сумку, и из нее посыпалась на пол всякая всячина: губная помада, монетки... Десяти- и двадцатидолларовые купюры разлетелись в разные стороны. Крепко зажав в кулаке ключи, Розмари будто в растерянности смотрела под ноги.

Доктор Сапирштейн и Ги бросились подбирать ее вещи, а она молча стояла над ними. Диего вышел из лифта и сочувственно целкнул языком. Розмари скользнула мимо него в кабину и нажала кнопку последнего этажа. Дверь за ней быстро закрылась.

Диего рванулся к лифту и чуть не прищемил себе пальцы. Потом яростно застучал по двери.

— Эй, миссис Вудхаус!

«Извини, Диего», — мысленно произнесла она и надавила пальцем на кнопку хода. Лифт послушно поехал вверх.

Сейчас она позвонит Брайану. Или Джоан, или Элизе, или Грейс Кардифф. Кому-нибудь.

Мы еще не сдались, Энди!

Розмари остановила лифт на девятом этаже, потом на шестом, потом — чуть проехав седьмой, и наконец, на самом седьмом этаже.

Едва дверь открылась, она выскочила из кабины и быстро прошла по коридору. Началась новая схватка, но Розмари не обратила на нее внимания.

Электрошное табло показывало, что один из лифтов приближается к седьмому этажу. Доктор Сапирштейн и Ги, надеясь перехватить ее, воспользовались служебным лифтом и были уже на пятом этаже.

От волнения она никак не могла попасть ключом в замочную скважину.

Но вот наконец дверь открылась, Розмари юркнула в квартиру, резко захлопнула за собой дверь и накинула це-

почку. В тот же момент Ги сунул в замок свой собственный ключ. Дверь приоткрылась, но натянувшаяся цепочка удерживала ее.

— Открой, Ро,— тихо попросил Ги.

— Иди к черту!

— Я ничего плохого тебе не сделаю, милая.

— Ты пообещал отдать им ребенка. Убирайся!

— Я ничего никому не обещал. О чем ты говоришь?

Кому обещал?

— Розмари...— начал доктор Салирштейн.

— И вы тоже убирайтесь.

— По-моему, у тебя не в меру разыгралось воображение и ты придумала, будто против тебя есть какой-то заговор.

— Убирайтесь! Оба! — Она вновь захлопнула дверь и повернула в замке ключ.

Они не стали пытаться вновь открыть дверь.

Розмари отступила назад, затем повернулась и направилась в спальню.

Было уже половина десятого.

Розмари не помнила телефона Брайана, а записная книжка осталась в вестибюле или уже лежала в кармане у Ги, поэтому пришлось попросить телефонистку сначала связаться со справочным бюро в Омахе. Когда телефон удалось наконец выяснить, оказалось, что никого нет дома.

— Может быть, минут через двадцать еще раз попробовать? — спросила телефонистка.

— Да, пожалуйста. Попробуйте еще раз через пять минут.

— Через пять минут не могу, но, если хотите, через двадцать обязательно попробую.

— Да, пожалуйста,— ответила Розмари и повесила трубку.

Она позвонила Джоан, но и ее не застала дома.

Телефон Элизы и Хьюга никак не вспоминался. В справочном бюро ответ дали только через полчаса. И вновь Розмари ждала неудача: ночной портье ответил, что Дунстаны уехали на уикенд.

— А можно им как-нибудь позвонить? У меня очень срочное дело.

— Это секретарь мистера Дунстана?

— Нет, я их близкая подруга. Мне очень важно немедленно поговорить с ними.

— Они уехали на Фэйер-Айленд. Но я могу дать вам номер телефона.

— Пожалуйста.

Розмари запомнила его и хотела уже набрать, как вдруг услышала в коридоре шепот и приглушенные шаги по ковру. Она встала.

В комнату вошли Ги и мистер Фаунтэн.

— Милая, мы не сделаем тебе ничего плохого... — начал Ги.

За его спиной стоял доктор Сапирштейн с готовым шприцем в руке; с иголки капала прозрачная жидкость, большой палец уже лежал на поршне. Здесь же были доктор Шанд, миссис Фаунтэн и миссис Гилмор.

— Мы твои друзья, — сказала миссис Гилмор.

А миссис Фаунтэн добавила:

— Не надо ничего бояться, честное слово.

— Это легкое успокоительное средство, — объяснил доктор Сапирштейн. — Чтобы ты не волновалась и уснула.

Она стояла в узком проходе между кроватью и стеной — ускользнуть не было никакой возможности.

Ее обступили со всех сторон.

— Ты же знаешь, я никому не позволю обидеть тебя, Ро, — улыбнулся Ги.

Розмари схватила телефон и с силой ударила им мужа по голове.

Ги вцепился ей в руку, а мистер Фаунтэн — в другую. Телефон упал. Розмари повалили на кровать и придавили с неожиданно грубой силой.

— Помогите мне, кто-ни... — выкрикнула Розмари, но тут ей заткнули рот платком или какой-то мягкой тряпкой и крепко сжали подбородок.

Ее оттащили от кровати, чтобы доктор Сапирштейн, который все это время стоял наготове со шприцем и ватным тампоном, мог сделать укол. И тут началась очередная схватка, гораздо сильнее предыдущих. От боли и отчаяния Розмари закрыла глаза, затаила дыхание, а потом начала отрывисто и часто втягивать воздух через ноздри. Чья-то рука коснулась ее живота...

— Погодите-ка, погодите-ка! У нас уже начались роды! — донесся до нее голос доктора Сапирштейна.

Наступила тишина, и кто-то вдали зловещим шепотом произнес:

— Она рожает!

Открыв глаза и тяжело дыша через нос, Розмари уставилась на доктора Сапирштейна. Живот немного расслабился. Доктор пристально посмотрел на нее и вдруг схватил за руку, которую уже держал мистер Фаунтэн, и стремительно воткнул иглу.

Она боялась пошевелиться.

Сапирштейн убрал шприц и протер место укола ватой.

Розмари повернулась к кровати.

Как, здесь?

Неужели здесь?

— Я должна была рожать в госпитале! С медсестрами, докторами, современным оборудованием и в условиях полной стерильности!

Ее удерживали, а она отчаянно пыталась вырваться.

— Клянусь Богом, все будет хорошо! — шептал Ги. — Клянусь Богом, все будет просто замечательно! Перестань

драться, Ро, пожалуйста. Даю тебе слово чести, что с тобой ничего не случится. Все будет в полном порядке!

И тут началась еще одна схватка.

Очнулась Розмари в кровати. Доктор Сапирштейн делал еще какой-то укол.

Миссис Гилмор вытирала ей лоб.

Зазвонил телефон.

— Нет, не надо, отмените, — сказал в трубку Ги.

Началась еще одна схватка, но странно слабая — она едва почувствовала боль сквозь туманную пелену и шум в голове.

Все упражнения пошли насмарку. Зря она теряла время. Это не естественные роды: она ведь ничего не понимает...

Энди! Энди-или-Дженни! Прости меня, крошка! Прости...

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Глава первая

вет.
Потолок.
И боль.

И Ги. Он сидит возле кровати и смотрит на нее, неуверенно улыбаясь.

— Привет.

— Привет...

Но боль ужасная.

И тут она все вспомнила. Теперь все позади. Все позади. Ребенок родился.

— Все в порядке? — тихо спросила она.

— Да, все хорошо.

— Кто?

— Мальчик.

— Правда? Мальчик?

Ги кивнул.

— И с ним все в порядке?

— Да.

Она закрыла глаза, потом с трудом снова открыла.

— Ты звонил насчет объявления?

— Да.

Веки сомкнулись, и она провалилась в сон.

Позже Розмари вспомнила еще очень многое. Лаура Луиза сидела у ее кровати и с лупой читала журнал.

— Где он? — спросила Розмари.

Лаура Луиза вздрогнула и вскочила.

— Боже мой, дорогая, — произнесла она, и лупа повисла у нее на груди на красной плетеной ленточке. — Как ты меня напугала! Ты так неожиданно проснулась!

Розмари закрыла глаза и глубоко задышала.

— Ребенок... где он? — настойчиво повторила она.

— Подожди-ка минуточку, — заспешила Лаура Луиза и повернулась, держа палец в журнале. — Я позову Ги и доктора Эйба. Они в кухне.

— Где ребенок? — снова спросила Розмари, но Лаура Луиза уже ушла, так ничего и не ответив.

Она попыталась приподняться, но снова упала на кровать, руки не слушались. Сильная боль пульсировала между ног, словно в тело впивалась сотня острых ножей. Розмари лежала, пытаясь вспомнить все по порядку.

Был вечер. Часы на стене показывали пять минут десятого.

Вошли Ги и доктор Сапирштейн. Лица обоих были решительными и мрачными.

— Где ребенок? — повторила Розмари свой вопрос.

Ги подошел к кровати, наклонился и взял ее за руку.

— Милая... — начал он.

— Где он?

— Милая... — Он хотел еще что-то сказать, но не мог и повернулся к доктору, ища поддержки.

Доктор Сапирштейн внимательно посмотрел на нее. В его усах застрял кусочек кокосовой скорлупы.

— У тебя были осложнения, Розмари. — сказал он. — Но на следующие роды это не повлияет.

— Ой... — Она с ужасом уставилась на доктора.

— Умер. — подтвердил тот.

И кивнул.

Розмари перевела взгляд на Ги.

И Ги тоже кивнул.

— У него было неправильное положение,— пояснил Сапирштейн.— В больнице я, возможно, и смог бы что-нибудь сделать, но у нас совсем не было времени везти тебя туда. А пытаться сделать что-то здесь было бы... крайне опасно для твоей жизни.

— У нас с тобой еще будут дети. Как только ты немного поправишься. Я тебе обещаю,— нежно утешал ее Ги.

— Совершенно верно,— согласился доктор Сапирштейн.— Можно будет попробовать уже через несколько месяцев, и шансы, что повторится что-то подобное, ничтожно малы: один на тысячу. Такое случается очень редко: один раз на десять тысяч рождений. Сам же ребенок был абсолютно здоровый и нормальный.

Ги сжал ее руку и ободряюще улыбнулся.

— Как только ты поправишься...

Розмари посмотрела на него, потом на доктора Сапирштейна с кусочком кокосовой скорлупы в усах.

— Вы лжете. Я вам не верю. Вы оба меня обманываете.

— Милая...— Ги запнулся, не зная, что еще сказать.

— Он не умер! — выкрикнула она.— Это вы забрали его! Вы мне лжете! Вы колдуны! Колдуны!.. Ажецы!..

Ги прижал ее плечи к кровати, а доктор Сапирштейн сделал укол.

Розмари ела суп и маленькие кусочки хлеба с маслом.

Ги сидел рядом и тоже жевал бутерброд.

— Ты просто сошла с ума,— говорил он.— Совсем свихнулась. Это иногда происходит у беременных на последних неделях. Так говорит Эйб. Он даже сказал, как это называется. Какая-то там горячка, вроде истерии. И у тебя она началась в полную силу.

Розмари ничего не ответила и зачерпнула полную ложку супа.

— Послушай,— продолжал Ги.— Я знаю, почему ты считаешь, что Минни и Роман — колдуны. Но с чего это ты вдруг приписала к ним Эйба и меня?

Она опять ничего не ответила.

— Хотя, наверное, глупо об этом спрашивать. При горячке такой бред начинается беспричинно.— Он взял еще кусочек хлеба и откусил сначала с одного конца, потом с другого.

— Зачем ты обменялся с Дональдом Бомгартом галстуками? — спросила Розмари.

— Зачем я... А это тут при чем?

— Тебе нужна была его личная вещь, чтобы они смогли наслать на него порчу и ослепить.

Ги дико уставился на нее.

— Милая, ради всего святого, о чем ты говоришь?

— Ты знаешь.

— Бог ты мой! Я обменялся галстуками, потому что мне больше понравилась расцветка его галстука, а ему — моего. А ничего не сказал тебе, потому что это, как мне показалось, слегка отдает голубизной,— я просто постеснялся.

— А где ты достал билеты на «Фантастикс»?

— Что?

— Ты сказал, что тебе их дал Доминик, а он ничего не давал.

— О Господи! И поэтому я стал колдуном? Да мне их дала девушка по имени Норма, фамилии не помню, мы с ней познакомились на прослушивании, ну и выпили по паре коктейлей. Ну, а Эйб-то что натворил? Как-нибудь по-особому завязал шарфы на ботинках?

— Он пользуется таннисовым корнем. А это дьявольская вещь. Его медсестра сказала мне, что от него так пахнет.

— Может быть, Минни тоже подарила ему амулет, как и тебе. Ты хочешь сказать, что им пользуются только колдуны? Это даже странно!..

Розмари промолчала.

— Давай, милая, называть вещи своими именами. У тебя была обыкновенная предродовая горячка. А теперь ты отдохнешь как следует, и все пройдет.— Он нагнулся и взял ее за руку.— Я знаю, что с тобой сейчас стряслось самое ужасное в жизни. Но с этого момента все будет хорошо. Фирма «Уорнер» вот-вот предложит мне большую роль, и компания «Юниверсал» тоже мною заинтересовалась. Я быстро пойду в гору, и скоро мы уедем из этого города, поселимся в Беверли-Хиллз. У нас будет бассейн, собственный сад с травами и все такое прочее. И дети тоже, Ро. Честное слово! Ты же слышала, что сказал Эйб.— Он поцеловал ей руку.— Ну, мне пора бежать на работу завоевывать себе популярность.

Он встал и направился к двери.

— Я хочу чувствовать твоё плечо.

— Да ты что?

— Да. Дай мне посмотреть. Левое плечо.

Ги бросил на нее озабоченный взгляд:

— Ну хорошо. Все, что ты пожелаешь.

Он расстегнул воротник и снял через голову голубую вязаную рубашку. Под ней была еще белая майка.

— Обычно я люблю это делать под музыку,— улыбнулся он, снял майку, подошел к кровати, нагнулся и показал Розмари левое плечо. Никакого знака там не было. Просто маленький след от прыщика. Потом он продемонстрировал ей правое плечо, грудь и спину.

— А остальное потом,— пошутил Ги.

— Хорошо.

Он добродушно усмехнулся.

— А теперь вопрос: мне можно одеться или идти прямо в таком виде и перецутать насмерть Лауру Луизу?

Грудь Розмари наполнилась молоком, и надо было ее опорожнять. Доктор Санирштейн показал ей, как пользоваться резиновым отсосом, напоминавшим стеклянный

кляксон. Несколько раз в день к ней приходила Лаура Луиза, или Хелен Виз, или кто-нибудь еще с небольшой мензуркой. Она сцеживала из каждой груди одну-две унции чуть зеленоватой жидкости, пахнувшей тапписовым корнем. Когда прибор и мензурку уносили, Розмари снова ложилась в постель и снова сдерживала слезы, разбитая и одинокая.

Заходили Джоан, Элиза и Тайгер, минут двадцать она разговаривала по телефону с Брайаном. Присылали цветы: розы, гвоздики и желтые акации — от Алмана, Майка и Педро и еще от Лу и Клаудии. Ги купил новый телевизор и пульт дистанционного управления к нему. Розмари смотрела разные передачи, ела и принимала таблетки, которые ей давали.

Из Дубровника пришло письмо с соболезнованиями от Минни и Романа — по странице от каждого.

Постепенно швы перестали болеть.

Как-то утром, недели через две или три, ей послышался за стеной детский плач. Она выключила у телевизора звук и прислушалась. Где-то вдалеке действительно плакал ребенок. Или нет? Розмари встала с кровати и отключила кондиционер.

И тут вошла Флоренс Гилмор с отсосом и чашечкой для молока.

— Вы слышите голос ребенка? — спросила ее Розмари. Обе прислушались.

— Нет, дорогая, не слышу, — простодушно призналась Флоренс. — Ложись в кровать, тебе нельзя много ходить. Зачем ты выключила кондиционер? Не стоит, день сегодня ужасный. Все просто умирают от жары.

Днем она опять услышала плач, и по непонятной причине молоко тут же начало прибывать.

— Новые жильцы въехали, — неожиданно сообщил вечером Ги. — На восьмой этаж.

— И у них есть ребенок, — добавила Розмари.

— Да. Откуда ты знаешь?

Она с усмешкой посмотрела на него.

— Я его слышала.

Плач был слышен и на следующий день. И через три дня тоже.

Розмари перестала смотреть телевизор и держала в руках книгу, делая вид, что занята чтением, а на самом деле напряженно прислушивалась...

Ребенок плакал не на восьмом этаже, а где-то совсем рядом.

Розмари обратила внимание на странную закономерность: как только начинался плач, ей всякий раз приносили чашечку и прибор, а через несколько минут после того, как молоко уносили, плач прекращался.

— А что вы с ним делаете? — спросила она как-то Лауру Луизу, отдавая ей мензурку с шестью унциями молока.

— Что? Выливаем, конечно, — ответила та и вышла.

В следующий раз перед тем, как отдать Лауре Луизе молоко, Розмари сунула в мензурку грязную чайную ложку из-под кофе.

Лаура Луиза тут же выхватила у нее чашечку.

— Не делай этого! — И немедленно вынула ложку.

— А какая вам разница? — удивилась Розмари.

— Это же грязная ложка, вот и все, — ответила Лаура Луиза.

Глава вторая

Ребенок не умер.

Он был в квартире Минли и Романа.

Они держали его там, кормили молоком и заботились о нем, потому что — это она хорошо помнила из книги Хатча — скоро будет первое августа, их особый день, праздник Ламмас или Лимас, когда надо проводить специальные ри-

туалы... Или же они берегли его для Минни и Романа, дожидаясь, пока те вернутся, чтобы разделить жертву на всех.

Он жив!

Розмари перестала глотать таблетки, которые ей приносили. Она прятала таблетку в ладонь и делала вид, что глотает ее, а потом засовывала подальше под матрас.

И скоро она почувствовала, что к ней возвращаются силы.

Держись, Энди! Я иду на помощь!

Доктор Хилл дал ей хороший урок. Теперь она ни к кому не будет обращаться за помощью и спасением. Ни в полицию, ни к Джоан, ни к Дунстанам или Грейс Кардифф, ни даже к Брайану. Ги был прекрасным актером, доктор Сапирштейн — слишком известным врачом, и оба они убедят кого хочешь, даже Брайана, что у нее какая-нибудь очередная горячка, вызванная потерей ребенка. На этот раз она все сделает сама и самым длинным и острым ножом отгонит прочь этих маньяков.

Теперь, считала Розмари, ее положение было более выгодным: она знала все, а они об этом даже не подозревали. Она догадалась и о существовании тайного хода между квартирами: ведь тогда она заперла дверь на цепочку и тем не менее все они оказались здесь. Значит, есть потайной ход.

И единственное место для него — это стенной шкаф, который когда-то забаррикадировала миссис Гардиния, тоже умершая от их заклинаний, как и Хатч. Шкаф был заделан, когда квартиру делили на две части. Но если миссис Гардиния принадлежала к их обществу — ведь Терри говорила, что она делилась с Минни своими травами, — тогда очень уместно было разобрать перегородку и таким образом путешествовать из квартиры в квартиру: это и экономило время, и помогало избежать любопытных глаз соседей.

Наверняка тайный проход был замаскирован шкафом.

Когда-то давным-давно ей снилось, что ее проносят через этот пикаф. Но это был не сон, а знак свыше, и теперь, когда пришла необходимость, она, слава Богу, вспомнила о нем.

Отец небесный, прости мне мои сомнения! Прости меня за то, что я отвернулась от тебя, и помоги мне, помоги мне в час нужды! О, Иисус, милый мой Иисус, помоги мне спасти моего невинного ребенка!

Да, конечно, следует воспользоваться таблетками. Розмари просунула руку под матрас и одну за другой извлекала их оттуда. Восемь штук, все одинаковые: маленькие, белые, с полоской посередине, чтобы удобнее разламывать их пополам. Что бы это ни было, три таблетки в день делали ее беспомощной и послушной, а восемь сразу наверняка надолго усыпят Лауру Луизу, или Хелен Виз, или кто там сегодня придет. Она отряхнула их, завернула в бумагу и положила в коробку с салфетками.

Притворяясь покорной и беспомощной, Розмари продолжала принимать пилю, смотрела журналы и сцеживала молоко.

Когда план окончательно созрел, оказалось, что с ней будет сидеть Лия Фаунтэн. Она пришла сразу же, как только Хелен Виз унесла молоко.

— Привет, Розмари! — наигранно веселым тоном сказала она. — Сегодня моя очередь дежурить. Я вижу, у тебя тут настоящий кинотеатр на дому! Сегодня есть что-нибудь интересненькое?

В квартире больше никого не было. Ги ушел на встречу с Алланом — договариваться о каких-то контрактах.

Розмари с миссис Фаунтэн смотрели кино, а в перерыве Лия пошла на кухню и вернулась с двумя чашками кофе.

— Что-то я немного проголодалась, — заявила Розмари, когда Лия поставила напитки на маленький столик. — Вас не очень затруднит сделать мне пару бутербродов с сыром?

— Ну конечно же нет, милая, — с радостью согласилась Лия. — Ты как любишь: с салатом или с майонезом?

Лия снова пошла на кухню, и как только дверь за ней затворилась, Розмари вынула из коробки с салфетками свернутую бумажку. В ней накопилось уже целых одиннадцать таблеток. Она высыпала их в чашку Лии, размешала своей ложкой и быстро вытерла ложку салфеткой. Потом она подняла свою чашку, чтобы отпить немного кофе, но от волнения руки так сильно дрожали, что пришлось немедленно поставить чашку на столик.

Однако, когда Лия вернулась с бутербродами, Розмари уже успокоилась и с безразличным видом попивала свой кофе.

— Спасибо, Лия, — поблагодарила она. — Бутерброды с виду просто потрясающие. Правда, кофе немного горчит. Наверное, слишком долго настаивался.

— Хочешь, я сварю новый? — предложила Лия.

— Нет, и этот сойдет.

Старуха присела на стул рядом с кроватью, взяла свою чашку, попробовала напиток и недовольно сморщила нос.

— Да уж, вкус действительно не блещет... — согласилась она.

— Ничего, пить можно, — улыбнулась Розмари.

Начался новый фильм, после двух частей которого Лия стала тихонько посапывать и клевать носом. Она отставила чашку и блюдо на столик, и Розмари увидела, что кофе выпит почти до конца. Розмари не спеша доела свой бутерброд, рассеянно наблюдая, как на экране в нереальном фэрическом мире весело танцуют актеры.

Через минуту сон окончательно сморил Лию.

— Лия? — осторожно позвала Розмари.

Старушка громко храпела, уронив подбородок на грудь, руки безвольно лежали на коленях ладонями вверх. Ее сиреневый парик сполз на лоб, и на затылке стали видны реденькие седые волосы.

Розмари осторожно встала с кровати, надела, шлепанцы и облачилась в бело-голубой халат, недавно купленный специально для больницы. Тихо выскользнув из спальни, она на цыпочках прошла через всю квартиру к входной двери и закрыла ее на засов и цепочку.

В кухне из набора ножей Розмари выбрала самый длинный и острый, с чуть загнутым кончиком и тяжелой костяной ручкой на медной заклепке, и, крепко сжимая его в опущенной руке, направилась к стенному шкафу.

Едва открыв его, она сразу же поняла, что не ошиблась. Вещи на полках были очень аккуратно уложены, но оказались не на своих местах. Полотенца лежали там, где обычно лежали одеяла.

Розмари отложила нож в сторону и осторожно вынула из шкафа все содержимое, за исключением верхней полки, сложила на пол белье и полотенца, всякие коробочки, а потом вынула и сами оклеенные полосатой бумагой доски, которые они с Ги когда-то вставили сюда.

Задняя часть шкафа представляла собой белую панель, окаймленную лепными украшениями. Подойдя к ней вплотную, Розмари увидела, что там, где панель соприкасается с лепным багетом, зияет глубокая щель. Она нажала на панель посильнее, и та медленно пошла одной стороной внутрь. Дальше в темноте виднелся второй стенной шкаф и светящееся пятнышко замочной скважины, через которую она разглядела футах в двадцати от себя старинный комод — он стоял в нише в квартире Романа и Минни.

Розмари толкнула дверь, и та поддалась.

Она закрыла ее, вернулась в свой шкаф, взяла нож и снова направилась в сторону квартиры Кастиветов. Сначала она лишь немного приоткрыла дверь, а потом распахнула ее настежь и вышла, держа нож перед собой.

В прихожей было пусто, но из гостиной слышались голоса. Направо находилась ванная — дверь нараспашку, но

свет потушен. По левую сторону — спальня, там горел ночник. Но ни кровати, ни ребенка не было.

Она осторожно двинулась по коридору. Дверь справа была заперта, слева стоял еще один шкаф.

Над ним висела картина, изображающая горящую церковь. Небольшая, но очень выразительная. Раньше на этом месте была лишь пустой крюк, а теперь — эта страшная картина. Из окон церкви выпрыгивались желтые и оранжевые языки пламени и поднимались в небо, освещая черный остов провалившейся крыши.

Где-то она уже видела эту горящую церковь...

В своем сне. Когда ее пронесли через шкаф. Ги и кто-то еще. Она тогда была очень пьяная. И очутилась в большом танцевальном зале, где горела церковь... Где горела вот *эта* церковь.

Как же это могло быть?

Неужели ее действительно пронесли через этот шкаф и она видела настоящую картину?

«Найди Энди. Найди Энди. Найди Энди», — неустанно твердила себе Розмари.

С высоко поднятым ножом Розмари продолжала медленно двигаться по коридору. Все двери были заперты. Она увидела еще одну картину: голые мужчины и женщины пляшут, встав в круг. Впереди — холл и входная дверь, направо — арка, ведущая в гостиную. Голоса стали громче.

— Может, он еще самолет ждет! — сказал мистер Фаунтэн, после чего послышался смех и шиканье.

В том сне Джеки Кеннеди ласково поговорила с ней в танцевальном зале, а потом ушла, но все остальные были на местах — целое собрание, — они встали обнаженные в круг и начали петь. Неужели это происходило на самом деле? Роман в черной робе, рисующий таинственные знаки на ее животе, и доктор Сапирштейн, держащий чашу с красной краской.

Красная краска?.. Кровь!

— Какого черта, Гайато,— сказала Минни,— ты из меня делаешь посмешище? Вешаешь лапшу на уши, как теперь модно говорить.

Минни? Уже вернулась из Европы? И Роман тоже? Но только вчера она получила от них письмо из Дубровника, где они сообщали, что остаются там!

Может быть, они вообще никуда не уезжали?

Розмари стояла около арки и уже видела книжные полки, журнальные столики и ящики, заваленные газетами и конвертами. Собравшиеся находились в другом конце; гости негромко разговаривали и смеялись. Позвякивал лед в стаканах.

Она крепче сжала рукоятку ножа и шагнула вперед. И тут же остановилась, не поверив своим глазам.

Возле огромного занавешенного окна стояла черная детская коляска. Черная! С черными кружевами и черной бахромой. Едва заметные серебряные нити украшали черную ткань.

Умер? Нет, несмотря на испуг, она все же заметила, что и ткань, и бахрома немного подергиваются и трепещут.

Он там, внутри. В этой чудовищной колдовской коляске!

Над коляской было укреплено перевернутое серебряное распятие, привязанное к пологу черной бархатной лентой.

При мысли о том, что ее ребенок лежит среди такого ужаса и кошмара, Розмари пришла в ужас и чуть не заплакала. Ей захотелось поскорее забиться в угол и разрыдаться, сложить оружие перед таким изощренным и невыразимым злом. Но она сдержалась: закрыла глаза и всем сердцем взмолилась, призывая на помощь Деву Марию. Она собрала всю свою ненависть и отчаяние — ненависть к Минни, Роману, Ги, Сапирштейну — ко всем, кто входил в этот кошмарный заговор против Энди, ко всем, кто хо-

тел использовать его для своих жутких кровавых обрядов. Она вытерла взмокшие ладони о халат, откинула назад волосы, сжала рукоятку ножа и смело шагнула в комнату, чтобы все наконец-то ее увидели.

Но как ни странно, они заметили ее не сразу, а довольно долго еще продолжали беседовать, внимательно выслушивая друг друга, и невозмутимо пить коктейли. В общем, приятно проводили время, обращая на нее не больше внимания, чем на бесшумно скользящее во тьме привидение. Или все это ей только снится: Минни, Роман, Ги (он же ушел узнать насчет контрактов!), мистер Фаунтэн, Визы, Лаура Луиза и ученый японец в очках — все они собрались под большим портретом Адриана Маркато, висевшим в литой черной раме над горящим камином. Лишь он один сейчас смотрел на нее, величественный и неподвижный. Но это был всего лишь портрет.

Потом ее заметил Роман. Он отставил свой стакан и дотронулся рукой до Минни. Наступила тишина, и те, кто раньше сидел к ней спиной, теперь тоже повернулись. Ги хотел было встать, но, видимо, передумал. Лаура Луиза зажала обеими руками рот и приглушенно взвизгнула.

А Хелен Виз спокойным голосом заговорила:

— Ступай назад в кровать, Розмари. Ты же знаешь, тебе нельзя много ходить. — Она или сошла с ума, или пробовала хитроумный психологический ход.

— Это мать? — тихо спросил японец и, когда Роман кивнул, зашипел: — Ш-ш-ш-ш,— и посмотрел на Розмари с интересом.

— Она убила Лию,— дрожащим голосом сказал мистер Фаунтэн и медленно встал.— Она убила мою Лию! Ты убила ее? Где она? Ты убила мою Лию?

Розмари окинула их взглядом.

Ги покраснел до ушей.

Она крепче сжала рукоятку ножа.

— Да. Я убила ее. Я заколола ее насмерть. Потом я вымыла нож и теперь зарежу любого, кто ко мне приблизится. Скажи им, Ги, какой у меня острый нож!

Он ничего не ответил. Мистер Фаунтэн сел, схватившись рукой за сердце. Лаура Луиза пронзительно завизжала.

Наблюдая за ними, Розмари перевела взгляд на коляску.

— Розмари... — начал Роман.

— Замолчите!

— Прежде чем ты согласишься на...

— Заткнитесь. Вы в Дубровнике. Я вас вообще не слышу.

— Оставь ее, — сказала Минни.

Розмари подошла к коляске, взялась за ручку и осторожно развернула ее к себе. Пружины жалобно заскрипели.

В коляске лежал сонный, милый, розовый Энди, закутанный в чистое черное одеяло и в крохотных черных варежках на резинках. У него была целая копна огненно-рыжих волос, шелковистых и аккуратно причесанных. Энди! О, Энди! Она бросилась к нему, забыв обо всем и отложив нож в сторону. Мальчик посмотрел на нее и надул губки. И тут Розмари увидела его глаза: золотисто-желтые, без белков, с вертикальными черными зрачками.

Розмари с ужасом смотрела на ребенка.

А малыш перевел взгляд своих золотисто-желтых глаз на раскачивающееся перевернутое распятие.

Розмари устала на собравшихся и вновь схватилась за нож:

— Что вы сделали с его глазами?!

Все зашевелились и в замешательстве посмотрели на Романа.

— У ребенка глаза его отца, — с гордостью сказал он.

Розмари взглянула на малыша, на Ги — тот все время прятал лицо, — потом снова на Романа.

— О чем вы говорите? У Ги карие глаза, и они нормальные! Что вы с ним сделали, вы, маньяки?! — Она шагнула от коляски, готовая убить любого из них.

— Его отец — Сатана, а не Ги,— торжественно произнес Роман.— Сатана пришел к нам прямо из ада и породил Сына от смертной женщины! Чтобы отомстить за несправедливость, которую так долго терпели его верные поклонники!

— Слава Сатане! — истошно завопил мистер Виз.

— Сатана его отец, а имя ему *Адриан*! — закричал Роман. Голос его становился все громче, слова приобретали значительность и вес.— Он опрокинет Всевышнего и разрушит храмы его! Он вернет славу презренным и отомстит во имя измученных и сожженных!

— Слава Адриану! — с ликованием воскликнули одновременно все гости.— Слава Адриану! — А потом: — Слава Сатане! Слава Адриану! Слава Сатане!

Розмари затрясла головой, словно пытаясь избавиться от наваждения.

— Нет, этого не может быть.

— Из всего мира он выбрал тебя, Розмари,— вкрадливо заговорила Минни.— Из всех женщин на этом свете он выбрал именно *тебя*! Он привел вас с Ги в эту квартиру. Он заставил эту дуру — как ее там — Терри? — испугаться, и нам пришлось поменять свои планы. Он устроил все так, потому что хотел, чтобы именно ты стала матерью его единственного живущего на Земле сына.

— Сила его растет,— грозно добавил Роман.

— Слава Сатане! — воскликнула Хелен Виз.

— Его власть будет длиться до конца дней.

— Слава Дьявору! — поддержал японец.

Лаура Луиза отняла руки от лица. Ги исподтишка посмотрел на Розмари.

— Нет,— повторила она и опустила нож.— Нет. Не может быть. Нет.

— Подойди и посмотри на его руки,— сказала Минни.— И на его когти тоже.

— И на его хвост,— добавила Лаура Луиза.

— И на крошечные рожки,— закончила Хелен Виз.

— Бог мой! — охнула Розмари.

— Бог умер,— уверенно произнес Роман.

Розмари повернулась к коляске, а потом снова к собравшимся.

— Бог мой! — Она закрыла лицо руками.— Бог мой! — Розмари подняла кулаки и закричала, закинув голову к потолку.— Боже мой! Боже! Боже!..

— Бог умер! — прогремел Роман.— Бог умер, а Сатана живет! Адрианов год по Земле идет! Настал год номер один, первый раз властвует наш Господин! Дьявол в силе! Бог в могиле!

— Слава Сатане! — закричали все.— Слава Адриану! Слава Адриану! Слава Сатане!

Розмари в ужасе отступила.

— Нет! Нет! — Она отходила все дальше и дальше, пока не оказалась между двух карточных столиков. Сзади кто-то подставил кресло, и она беспомощно опустилась в него, молча уставившись на присутствующих.

— Нет! — еле слышно прошептала она.

Мистер Фаунтэн бросился вон из квартиры. Ги и мистер Виз поспешили вслед за ним.

Подошла Минни, кряхтя, подняла нож и отнесла его в кухню.

Лаура Луиза приблизилась к коляске и, корча всякие рожицы, начала по-хозяйски раскачивать ее. Зашелестела ткань, заскрипели колеса.

А Розмари сидела и смотрела в пустоту, без конца повторяя:

— Нет, нет, нет...

Сон. Тот самый сон. Так, значит, все это было на самом деле. И те желтые глаза, в которые она заглянула...

— Боже мой,— тихо произнесла она.

Роман подошел поближе.

— Клэр преувеличивает, что у него сердце остановится из-за Лии. На самом деле он не очень о ней скорбит. Никто здесь ее не любил, она была слишком скупа. Как в эмоциях, так и в деньгах. Помоги нам, Розмари, будь Адриану настоящей матерью, и мы сделаем так, что ты не будешь наказана за убийство. Никто ничего не узнает. Ты можешь не вступать в наше общество, если не хочешь, просто будь матерью своему сыну.— Он склонился к самому уху Розмари и тихо шепнул: — Минни и Лаура Луиза уже слишком старые. Это было бы несправедливо.

Она взглянула на него, и Роман сразу выпрямился.

— Подумай, Розмари.

— Я не убивала ее.

— Что?

— Я только подмешала ей в кофе таблетки, и она заснула.

— Правда?

В дверь позвонили.

— Извини,— сказал Роман и пошел открывать.— Но ты все равно подумай.

— Боже мой! — твердила Розмари.

— Перестань повторять «Боже мой», или мы убьем тебя,— пригрозила Лаура Луиза, еще сильнее раскачивая коляску.— Даже если останемся без твоего молока.

— Лучшее замолчи,— строго сказала Хелен Виз и протянула Розмари влажный носовой платок.— Розмари — его мать, и не важно, как она ведет себя. Мы должны уважать ее. Помни об этом.

Лаура Луиза пробормотала в ответ что-то невнятное.

Розмари вытерла лоб и щеки прохладной тканью. Японец, сидевший на подушке напротив, поймал ее взгляд и тепло улыбнулся. Он держал на коленях открытый фото-

аппарат, в который как раз заправял пленку, а затем, не переставая улыбаться, указал ей на коляску. Розмари опустила глаза и тихо заплакала...

Но вскоре вытерла слезы.

Вошел Роман, ведя с собой дюжего красивого загорелого человека в белоснежном костюме и таких же ботинках. Он нес большую коробку, обернутую в голубую бумагу с нарисованными на ней плюшевыми мишками. Из коробки неслась музыка. Собравшиеся дружно обступили его со всех сторон, и каждый старался поздороваться с гостем за руку. Слышались обрывки фраз: «Волновались... удовольствие... аэропорт... Ставропулос... случайно».

Лаура Луиза поднесла коробку к коляске. Она показала ее ребенку, потом потрясла, чтобы он услышал музыку, и положила на подоконник, где уже громоздилось множество похожих разноцветных коробок и несколько черных, перевязанных черными лентами.

— В ночь на двадцать шестое июня, — гордо сообщила Роман. — Как раз через полгода после... вы помните чего. Это поистине превосходно!

— А почему вы так удивлены? — спросил незнакомец, протягивая ему обе руки. — Разве Эдмон Лотрмон не предсказал двадцать шестое июня еще триста лет тому назад?

— В самом деле, — согласился Роман, улыбаясь. — Просто странно, что это предсказание сбылось с такой точностью.

Все рассмеялись.

— Пойдемте, милый друг, — продолжал он, увлекая гостя за собой. — Вы должны увидеть ребенка.

Они подошли к коляске, возле которой уже стояла довольная Лаура Луиза, и заглянули в нее. Через несколько секунд новый гость опустился перед младенцем на колени.

Вошли Ги и мистер Виз.

Они задержались под аркой, пока новый гость не поднялся. Потом Ги подошел к Розмари.

— С Лией все в порядке, — шепотом сообщил он. — Там сейчас Эйб. — Он стоял, потупив глаза и нервно потирая руки. — Они мне обещали, что ничего плохого тебе не сделают, и, как видишь, не сделали. Представь себе, что ребенок родился бы и умер; тогда ведь было бы то же самое, верно? А зато теперь мы столько всего получаем взамен, Ро!

Розмари положила платок на стол и, внимательно посмотрев на мужа, плюнула ему прямо в лицо.

Он покраснел и отвернулся, неуклюже вытираясь. Роман схватил его за руку и представил повому гостю, Аргирону Ставропулосу.

— Вы должны очень гордиться, — сказал Ставропулос, пожимая Ги руку двумя своими. — А это мать? Но почему же?.. — Но тут Роман оттащил гостя в сторону, что-то шепча ему на ухо.

— Вот, — сказала Минни и предложила Розмари чашку горячего чая. — Выпей — и тебе станет легче.

Розмари недоверчиво уставилась на желтоватую жидкость.

— Что это? Таннисовый корень?

— Нет, — ответила Минни. — Это чай с лимоном и сахаром. Самый обыкновенный чай. Выпей. — И она поставила чашку на стол рядом с платком.

Теперь нужно убить его. Это вполне очевидно. Надо только выждать, пока все отойдут в другой конец комнаты, броситься вперед, оттолкнуть Лауру Луизу, схватить это исчадие ада и выпшвырнуть в окно. А потом и самой выпрыгнуть вслад за ним. «Мать убивает ребенка и кончает жизнь самоубийством в Брэмфорде».

Спасти мир черт знает от чего.

Хвост... Крошечные рожки... Какой ужас!

Ей хотелось закричать и умереть прямо здесь же.

Она так и сделает: выбросит его и выпрыгнет сама.

Все с улыбками окружили коляску. Для них это был просто приятный вечер с коктейлями. А японец постоянно фотографировал: Ги, Ставропулоса, Лауру Луизу с ребенком на руках.

Розмари отвернулась, не желая видеть этот кошмар.

Глаза! Как у зверя, как у тигра — но не как у человека!

Да он и не человек вовсе. Только наполовину.

А каким он казался милым, пока не раскрыл свои дикие желтые глаза! Крошечный подбородок, почти как у Брайана, милый ротик и такие замечательные рыжие волосы... Как хочется еще раз посмотреть на него, только если он не будет раскрывать свои жуткие желтые глаза.

Розмари сделала глоток из чашки. Да, действительно, самый обыкновенный чай.

Нет, она не сможет выбросить его в окно. Ведь это ее ребенок, и не важно, кто его отец. Надо пойти к понимающему человеку, например к священнику. Да, вот и ответ пришел: к священнику. Эту проблему должна решать церковь. Пусть думают Папа Римский и кардиналы, а не глупая Розмари Рейли из Омахи.

Убийство недопустимо.

Она выпила немного чаю.

Ребенок захныкал, потому что Лаура Луиза чересчур сильно трясла коляску. Только идиотка могла так качать.

Не в силах смотреть на это, Розмари подошла ближе.

— Уйди отсюда! — истерично выкрикнула Лаура Луиза. — Не подходи и близко к нему. Роман!

— Вы его слишком резко качаете, — сказала Розмари.

— Сядь в кресло! — Лаура Луиза снова обратилась к Роману: — Уберите ее отсюда. Пусть идет к себе.

— Она слишком сильно его качает, — объяснила Розмари. — Поэтому он хнычет.

— Это не твое дело! — огрызнулась Лаура Луиза.

— Пусть Розмари успокоит его, — предложил Роман.

Лаура Луиза исподлобья уставилась на него.

— Иди,— повелительным тоном сказал Роман и встал рядом с коляской.— Садись рядом с остальными. А Розмари его убаюкает.

— Но она может...

— Садись рядом с остальными, Лаура Луиза.

Она недовольно фыркнула и отошла.

— Покачай его,— предложил Роман Розмари и улыбнулся. Потом слегка подтолкнул к ней коляску.

Но она лишь молча стояла, не решаясь пошевелиться.

— Вы хотите, чтобы я... стала его матерью?

— А разве ты ему не мать? Покачай его — видишь, он чем-то недоволен.

Розмари с опаской взялась за черную ручку и закрыла глаза. Некоторое время они качали коляску вдвоем, а потом Роман убрал руки. Розмари взглянула на малыша, увидела желтые глаза и со слезами отвернулась к окну.

— Надо смазать колеса. Его раздражает скрип,— тихо произнесла она.

— Хорошо,— согласился Роман.— Вот видишь? Он перестал плакать. Он знает, кто ты такая.

— Не говорите ерунду.— Розмари снова посмотрела на ребенка.

Тот внимательно следил за ней. Теперь, когда она уже была подготовлена, глаза сына показались ей не такими страшными. Просто в первый момент она немного испугалась от неожиданности. По-своему они даже симпатичные.

— А что у него с ручками? — спросила она.

— Они очень милые,— ответил Роман.— У него есть маленькие коготки — совсем крошечные и перламутровые. А варежки только для того, чтобы он случайно не оцарапался, а так ручки очень даже милые.

— Он чем-то обеспокоен,— заволновалась Розмари.

Подошел доктор Сапирштейн.

— Вот это сюрприз,— радостно улыбнулся он.

— Убирайтесь отсюда,— возмутилась Розмари.— Или я вам тоже плюну в лицо.

— Уйди, Эйб,— попросил Роман.

Сапирштейн понимающе кивнул и отошел в сторону.

— Ты не виноват,— тихо заговорила Розмари, обращаясь к ребенку.— Ты совсем не виноват. Я на них сержусь, потому что они меня обманывали и водили за нос. А ты не волнуйся, тебе я ничего плохого не сделаю.

— Он знает это,— одобрительно произнес Роман.

— Тогда почему он так нервничает? Бедняжка. Вы только взгляните на него.

— Одну минуточку,— вежливо прервал ее Роман.— Мне надо посмотреть, как там гости. Я сейчас вернусь.— И оставил Розмари одну у коляски.

— Честное слово, я тебе ничего плохого не сделаю,— повторила она, потом наклонилась и развязала ленточку у шеи ребенка.— Лаура Луиза очень туго здесь завязала, да? Я немного ослаблю, и тебе будет легче дышать. У тебя очень милый подбородок, ты знаешь об этом? У тебя, правда, странные желтые глазки, но зато подбородок очень даже симпатичный.

Она снова завязала ленту.

Бедный крошка!

Он не может быть плохим, просто не может. Даже если он наполовину и Сатана, то другая-то половина ведь ее! И это разумная половина, нормальная, человеческая. И если она будет сражаться с той, плохой, половиной, распространять доброе влияние...

— А у тебя есть своя комната, ты знаешь? — спросила Розмари, поправляя одеяло, которое тоже было затянуто слишком туго.— Там желто-белые обои и беленькая кроватка, и нет ничего черного, совсем ничего. Когда ты захочешь есть, я тебе все покажу. А если тебе интересно, то я —

та самая женщина, которая поставляет тебе молоко. Наверное, ты думал, что молоко получают из бутылок? Нет, его получают из мам, а я твоя мама. Вот так. По-моему, ты не слишком в большом восторге от этого.

Стало тихо, и Розмари оглянулась. Все собрались вокруг нее на почтительном расстоянии и молча наблюдали за ее знакомством с ребенком.

Она покраснела и отвернулась, поправляя одеяльце.

— Ну и пусть на нас смотрят. Нам все равно, правда? Мы хотим чувствовать себя поудобнее, вот и все. Теперь хорошо?

— Слава Розмари! — экзальтированным полупшепотом изрекла Хелен Виз.

Это сразу же подхватили и другие.

— Слава Розмари! Слава Розмари! — повторяли Минни, Ставропулос и доктор Сапирштейн.

— Слава Розмари, — тихо сказал Ги.

— Слава Розмари, — одними губами произнесла Лаура Луиза.

— Слава Розмари, матери Адриана! — громко крикнул Роман.

Розмари взглянула на него и покачала головой.

— Его зовут Эндрю, — сообщила она. — Эндрю Джон Вудхаус.

— Нет, Адриан Стивен, — возразил Роман.

— Роман, ну пусть, — попробовал убедить его Ги, а Ставропулос взял Романа под руку и спросил:

— Неужели имя так важно?

— Да, важно, — уперся Роман. — Его зовут Адриан Стивен.

— Я понимаю, почему вы хотите назвать его так, но у вас ничего не получится, вы уж извините. Его будут звать Эндрю Джон. Это мой ребенок, а не ваш, и я даже спорить с вами по этому поводу не собираюсь. Так же как и по по-

воду одежды. Он не будет все время ходить в черном,— уверенно заявила Розмари.

Роман открыл было рот, но Минни опередила его.

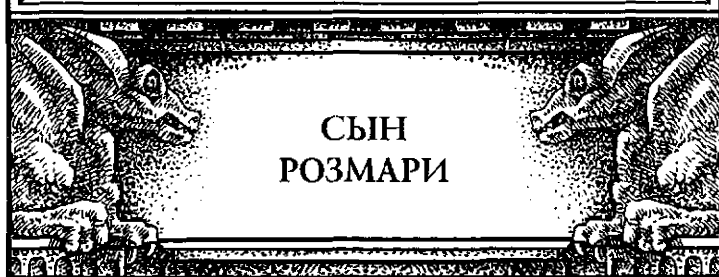
— Слава Эндрю! — выкрикнула она и сурово взглянула на мужа.

Все подхватили «Слава Эндрю!», а потом «Слава Розмари!» и «Слава Сатане!».

Розмари пощекотала ребенку животик.

— Тебе ведь не нравилось имя Адриан, правда? Уверена, что нет. Адриан Стивен... Надо же такое придумать! Перестань, пожалуйста, волноваться.— Она осторожно нажала ему пальцем на нос.— А ты уже умеешь улыбаться, Энди? Умеешь? Давай, крошка, улыбнись мне. Ты можешь улыбнуться мамочке? — Она покачала над ним серебряное распятие.— Ну, давай же. Всего одну маленькую улыбочку. Давай, Энди-Энди!

Японец с фотоаппаратом проскользнул вперед, изогнулся и быстро сделал несколько снимков подряд.

«В Библии с непрекаемой ясностью сказано, что Сатана не есть мифическое существо. Он существует на самом деле, и его могущество огромно. Всеустремимся выдать его за условный собирательный образ сущего в нашей душе зла. Сатана есть абсолютно реальная пышущая злобой сверхъестественная сила, не ведающая иной цели, кроме как всячески мешать благим трудам Господа Бога».

Билли Грэм, журнал «Ньюсуик»,
13 ноября 1995 года

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

Манхэттен, девятое ноября 1999 года, вторник. Прохладное ясное утро. Доктор Стэнли Шанд — дважды разведенный, в прошлом дантист, ныне на пенсии — выходит из квартиры на Амстердам-авеню для ежедневного моциона.

По Восемьдесят девятой улице он шествует скорым шагом, бодро посверкивая глазами и гордо вскинув голову в клетчатой каскетке. Избыток энергии имеет две причины: отменное здоровье бывшего дантиста, а также наличие великой тайны в его душе.

Эта упоительная тайна греет лучше любого шарфа.

На протяжении последних тридцати трех лет доктор Стэнли Шанд был сопричастен развитию неких событий, воистину эпохальных, космических по своему масштабу. Теперь, за два месяца до финала, когда наконец явится долгожданный плод, он остается единственным живым соучастником Свершения.

Сейчас он, сама бодрость и довольство, весело семенит все дальше и дальше от своего дома.

И вот перекресток Бродвея и Семьдесят четвертой улицы.

Где какой-то таксист не справляется с управлением — машина вылетает на полной скорости на тротуар и буквально размазывает по стене ближайшего дома зазевавшегося доктора Шанда.

Который умирает мгновенно, даже ахнуть не успев.

И точнехонько в тот же самый момент, когда в его глазах навеки гаснет свет, то есть в одиннадцать ноль три плюс сколько-то секунд, в частной лечебнице Халси-Бодейн в городке Аппер-Монклер, штат Нью-Джерси, глаза пациентки палаты номер 215 открываются.

Внезапно поднимаются веки, что были неизменно сомкнуты с незапамятных для нынешнего персонала времени — с тысяча девятьсот семьдесят какого-то года.

Свидетелем этого события оказывается тощая и морщинистая чернокожая массажистка. Она запята тем, что со скучающе-отрешенным видом растирает правую руку неподвижной пациентки — женщины, которая пролежала в коме больше двадцати лет.

Негритянка выказывает завидное присутствие духа.

Заметив, что больная смотрит на нее, она лишь на полсекундочки округляет глаза, делает глубокий вдох — и как ни в чем не бывало продолжает массаж.

— Привет, голубушка, — ласково произносит она. — Рада, что вы снова с нами.

На ее груди слева — прямоугольник с именем «Кларис». Чуть выше — большой белый крутяш: слева и справа на нем черные буквы «Я» и «Энди», а посередине — красное сердечко. Очевидно, это должно обозначать «Я люблю Энди».

Белозубо улыбнувшись, массажистка неторопливо кладет руку больной на простыню, не спеша встает и нажимает на панели рядом с кроватью кнопку срочного вызова дежурной медсестры.

Исхудалая и бледная пациентка — на вид ей добрых пятьдесят лет — пустым взглядом таращится в потолок. Ее

поджатые губы, на которых поблескивает слюна, нервно подергиваются. Мало-помалу копна седеющих золотисто-каштановых волос, аккуратно уложенных чьей-то чужой рукой, медленно поворачивается в сторону негритянки. В голубых глазах немая мольба.

— Ну, ну, голубушка, теперь у вас все будет хорошо! — торопливо произносит Кларис, снова и снова давя на кнопку. — Не волнуйтесь, самое худшее позади. Теперь вы быстро пойдете на поправку. Я сейчас приведу доктора. Не переживайте, я мигом вернусь!

Пациентка провожает негритянку тоскливым взглядом.

— Тиффани! Да сними ты эти долбанные наушники — до тебя не дозовишься, черт бы тебя побрал! Немедленно тащи сюда Аткинсона! Двести пятнадцатая открыла глаза! Она проснулась! Двести пятнадцатая проснулась!

Господи, да что же случилось?

Последнее, что она помнит: вечер, около семи. Они с Энди в спальне. Он смотрит телевизор, растянувшись на напольном ковре в нескольких футах от нее; она за столом у окна, стараясь не отвлекаться на телевизионную болтовню и посторонние звуки с улицы, выстукивает на машинке письмо домой — касательно переезда в Сан-Франциско.

По соседству, у Минни и Романа, Кукла и Олли и вся нечистая колдовская свора громко тянут какой-то нудный рецитатив — быть может, бурю накликают.

И вдруг — бац! — она в залитой солнцем больничной палате: в одной руке торчит капельница, а другую массирует негритянка в светло-зеленом халате.

А Энди — он тоже пострадал? О, ради всего святого, только не это!

Но что же с ней все-таки приключилось?

Какого несчастья, какой катастрофы она жертва? Почему она ничего не помнит?

Она снова высунула кончик языка и медленно облизала губы, смазанные чем-то жирным. Сколько же она пробыла в забытьи? День, два?.. Ничего, абсолютно ничего не болело. Однако не было сил даже пальцем пошевелить.

Когда она пыталась откашляться и что-то произнести, в палату влетела знакомая негритянка-массажистка и с порога выпалила:

— Доктор уже на подходе. Лежите спокойно.

Розмари едва слышно прошептала:

— Мо... мой сын... здесь?

— Нет, только вы,— сказала массажистка.

Чернокожая женщина проворно спрятала оголенную правую руку Розмари под одеяло, отбежала к изножью кровати и возбужденно воскликнула, пожирая глазами «воскресшую»:

— Силы небесные! Она еще и говорит! Вот уж не ждали! Слава Иисусу!

— А что со мной случилось? — слабым голосом спросила Розмари.

— Никто того не знает, золотая моя! Вы — клац! — и отключились. А как, почему — и не спрашивайте!

— Как давно?..

Кларис растерянно потупилась. Она вернулась к изголовью и начала суетливо поправлять одеяло на плечах Розмари.

— Как давно — я точно не знаю. Меня здесь не было, когда вы появились. Вы уж у доктора спросите.

Негритянка ласково и застенчиво улыбнулась.

Глядя на крутой значок «Я люблю Энди», Розмари ответно улыбнулась.

— Моего сына зовут Энди. А сердечко у вас на значке означает любовь, не правда ли?

— Ну да,— отозвалась Кларис. Ткнув черным пальцем в белый кружок на груди, она добавила: — Это значит: «Я люблю Энди». Такие штуковины производят уже много... — Она

осеклась и быстро поправилась: — Я хочу сказать, уже не-которое время. Самые разные. Например, «Я люблю Нью-Йорк». Или еще что-нибудь.

— Очень мило,— сказала Розмари.— Никогда не видела такого раньше.

В дверном проеме появились чьи-то головы. Но тут же между любознательными старушками больными решительно протиснулся крупный мужчина в белом халате, рыжеволосый и рыжебородый.

Пока он плотно закрывал за собой дверь, Кларис почтительно ретировалась от кровати в сторону окна.

— Она разговаривает! Она вертит головой! — возбужденно сообщила массажистка доктору, который направился к больной, раздвигая рыжие заросли на лице широкой улыбкой.

— Здравствуйте, мисс Фаунтэн,— сказал он, кладя на стул медицинский саквояжик и черную кожаную папку.— Я доктор Аткинсон.— Теплыми пальцами он взял руку Розмари и, поглядывая на свои наручные часы, начал считать пульс, рассеянно и добродушно приговаривая при этом: — Какая приятная новость! Весьма приятная новость!

— Что со мной приключилось? — спросила Розмари.— Как долго я здесь нахожусь?

— Подождите, сейчас,— сказал бородач, целиком сосредоточиваясь на часах.

Розмари подумалось, что доктор лишь ненамного старше ее — очевидно, ему лет тридцать пять.

С шеи у него свисал, словно хромовой галстук, какой-то ультрамодерновый стетоскоп. На левом лацкане халата был прямоугольник с надписью «Д-р Аткинсон», а на правом — знакомый кружок «Я люблю Энди».

Кто этот Энди, в которого они тут повально влюблены? Врач? Пациент-любимчик? До выписки надо бы раздобыть и себе такой же значок.

Тем временем доктор Аткинсон отпустил ее руку и ясноглазо улыбнулся.

— Замечательно, — сказал он. — Пока что нахожусь в порядке. Можно только диву даваться... Позвольте мне еще минутку-другую потерзать вас осмотром. Хочу окончательно убедиться, что вы не покинете нас опять, а затем я поведаю вам все то, что нам известно. Ощущаете где-нибудь боль?

— Нет, — коротко отозвалась Розмари.

— Отлично. Расслабьтесь, пожалуйста. Я знаю, это не просто, но вы постарайтесь.

Да, расслабиться сейчас совсем непросто...

Он сказал: «Все то, что нам известно».

Стало быть, есть то, что им неизвестно...

Достаточно того, что он обратился к ней так странно: мисс Фаунтэн.

Покуда Аткинсон деловито осматривал ее — выслушивал сердце, заглядывал в зрачки и в уши и измерял кровяное давление, — у Розмари где-то под ложечкой разрастался ледяной ком ужаса.

Так, значит, она тут больше двух дней. Теперь она в этом не сомневалась.

Тогда сколько? Две недели?

Они заколдовали ее — Минни, и Роман, и прочие ведьмы. Их нудное пение на самом деле было заклинанием, направленным против нее! Они проведдали о том, что она собирается увезти Энди за три тысячи миль от них и что даже куплены билеты на самолет.

Розмари помнила: во время ее беременности эта шайка точно так же расправилась с ее давним другом Хатчисом. Они наложили на него страшное заклятие, потому что опасались его эрудиции в области ведовства и серьезного отношения к любой чертовщине: он вполне мог разгадать, что именно они сотворили с Розмари и чьего ребенка она носит под сердцем.

Бедняжка Хатч по совершенно необъяснимой причине внезапно впал в кому на три или четыре месяца — и умер, так и не придя в сознание. Стало быть, ей еще здорово повезло, что она вообще пробудилась.

Но что с Энди?

Ведь все то время, что она в больнице, мальчик пребывает в их безраздельной власти.

И они спокойно вскарммливают и растят в его душе именно то, о чем Розмари и думать не хотелось!

— Будь они прокляты! — вырвалось из груди.

К счастью, Розмари произнесла это сквозь зубы и доктор не разобрал слов.

— Простите, что вы сказали? — спросил Аткинсон.

Закончив осмотр, он придвинул стул поближе к кровати и сел, так что его рыжая голова оказалась совсем близко от ее лица.

— Так сколько же я здесь нахожусь? — упрямо допытывалась Розмари. — Несколько недель? Или несколько месяцев?

— Мисс Фаунтэн...

— Моя фамилия Рейли. Розмари Рейли!

Рыжая голова отодвинулась. Аткинсон заглядывал в свою черную кожаную папку.

— Не тяните, скажите мне все! — в меру своих слабых сил воскликнула Розмари. — У меня шестилетний сын. Он остался с людьми, которым я... ну, не слишком-то доверяю.

Заглянув в какой-то документ в папке, Аткинсон сообщил:

— Вас привезли сюда мистер и миссис Клааренс Фаунтэн. С их слов вы записаны как Розмари Фаунтэн, их внучка.

— Фаунтэны как раз и относятся к тем людям, которым я категорически не доверяю, — сказала Розмари. — Скажу больше: я здесь именно из-за них! Это как раз они ввели меня в состояние комы! Наверняка я лежу здесь с диагнозом «неизвестно чем мотивированная кома».

— Да, что-то в этом роде. Однако любая кома, в сущности...

— Мне отлично известно, что именно со мной сделали! — извонованно перебила врача Розмари.

Она даже попыталась приподняться на локте — и тут же упала обратно на подушку. Невзирая на поспешную просьбу не двигаться и руки Аткинсона, которые норовили вернуть ее в горизонтальное положение, она возобновила попытку приподняться. На сей раз у нее получилось.

Опираясь на оба локтя и глядя рыжему доктору прямо в глаза, она повторила:

— Мне отлично известно, что именно со мной сделали! Но я не стану вам рассказывать — по опыту я знаю, что вы сочтете меня сумасшедшей! А я в своем уме. И буду весьма признательна, если вы наконец скажете мне, как долго я пролежала у вас, где находится ваше заведение и когда я смогу покинуть его и вернуться домой!

Доктор Аткинсон откинулся на спинку стула. Вперив в пациентку задумчиво-серьезный, почти угрюмый взгляд, он с расстановкой произнес:

— Это частная лечебница. Вы в Аппер-Монклер, штат Нью-Джерси.

— Частная лечебница? — ошарашенно переспросила она.

Аткинсон солидно кивнул:

— Лечебница Халси-Бодейн. Мы специализируемся на пациентах, за которыми нужен долговременный уход.

Розмари не сводила с него пытливого взгляда:

— Какой сегодня день?

— Вторник. Девятое ноября.

— Ноября? Вы шутите! Вчера вечером был май!.. Ах ты Господи...

Она рухнула обратно на подушку и в бессильном отчаянии уставилась в потолок, прикрывая ладонями трясущиеся губы. Из глаз полились слезы. Май, июнь, июль, август,

сентябрь, октябрь — шесть месяцев! Целых шесть месяцев украдено из ее жизни! И Энди находится в непотребных руках на протяжении ста восьмидесяти дней!

Смигивая слезы, боковым зрением она видела, что рыжий Аткинсон сидит все в той же позе и насупленно смотрит на нее — далекий, сосредоточенный, чужой.

Розмари отняла руки от губ и внезапно заинтересовалась ими.

Ее поразило состояние кожи: сухая, лишенная упругости, какая-то старческая... А вот буроватое пятнышко, еще одно и еще...

Она опалело вертела запястьями возле самых глаз, испуганно щупала одну руку другой.

— Вы пробыли здесь долго, очень долго, — сказал Аткинсон.

Теперь он придвинулся ближе, взял ее правую руку, чуть сжал ее — и оставил в своей ладони.

Кларис, стоявшая с другой стороны кровати, ласково завладела ее левой рукой.

А Розмари молча, с искаженным лицом и дрожащим подбородком, истерично водила широко открытыми глазами направо-налево. Ее стремительный взгляд, казалось, снова и снова упруго отскакивал от двух непроницаемых лиц: белого, холеного, в рамке рыжей бороды и другого, морщинистого, черного.

— Дать вам успокоительного? — спросил доктор. — Чтобы вы заснули.

Розмари содрогнулась и замотала головой:

— Спать? Я наспалась на всю оставшуюся жизнь. Мне теперь впрямую вообще никогда не спать! Сколько мне лет? Какой сейчас год?

Доктор Аткинсон тяжело сглотнул. Несмотря на то что ей он казался далеким и чужим, в его глазах внезапно блеснули слезы.

— Сейчас тысяча девятьсот девяносто девятый год.

Она молча тупо смотрела на него.

Он подкрепил свое сообщение печальным нырком бороды.

Кларис, закусив верхнюю губу и борясь с комом в горле, подтвердила слова доктора длинной серией мелких кивков.

— Вас привезли сюда в сентябре тысяча девятьсот семьдесят второго года, — продолжил Аткинсон, проворным жестом смахивая слезу. — То есть чуть больше двадцати семи лет назад. До этого вы провели четыре месяца в нью-йоркской больнице. Кто бы ни были эти Фаунтэны, которым вы так мало доверяете, но именно они создали доверительный фонд для оплаты вашего содержания в лечебнице.

Розмари закрыла глаза и, охваченная тоской, безмолвно замотала головой по подушке. Невозможно! Невероятно! Немыслимо! Эта нечисть в итоге победила! Энди уже давно взрослый. Теперь он ей чужой — возвращенный ими и воспитанный так, как то было угодно черной силе, которая обрела в нем свое послушное орудие... Где он ныне, жив или нет — теперь ей это, в сущности, все равно. Он для нее навек потерян.

— О, Энди, Энди! — в отчаянии простонала она.

Доктор Аткинсон вскинулся и удивленно вытаращился на Розмари.

— Откуда вам известно про Энди? — в изумлении спросил он.

— Она имеет в виду своего сына, — пояснила Кларис, успокоительно поглаживая руку несчастной «воскресшей». — Ее сына тоже зовут Энди.

— А-а, понятно, — протянул доктор Аткинсон.

Удивление на его лице сменилось сочувственной миной. Ободряюще потрепав Розмари по руке, бородач ласково провел ладонью по ее волосам — теперь она, по-прежнему с закрытыми глазами, беззвучно рыдала, сотрясаясь всем телом.

— Мисс Фя... миссис Рейли. Розмари... Знаю, любые слова утешения бессильны перед фактом, что вы потеряли так много лет своей жизни. Однако должен сказать вам, что мне как медику известны только два достоверных случая, когда люди выходили из такой длительной комы. А вы не только выжили, но и сохранили разум и память. Поверьте, при всей трагичности того, что с вами произошло, вам грех пенять на судьбу! То, что вы живы и вышли из комы так чисто — то есть практически здоровой, если не считать естественной общей ослабленности организма, думаю, временной, — это же чудо. Да-да. это истинное чудо, Розмари, это абсолютное чудо!

Глава 2

Кларис вытерла заплаканное лицо Розмари мокрой губкой, пригладила растрепавшиеся волосы и дала выпить несколько глотков воды. Затем доктор и массажистка на время деликатно удалились.

По просьбе Розмари изголовье кровати подняли, и теперь она полусидела, опираясь спиной на подушку. Ей стал виден садик за окном. Деревья стояли голые, как им и положено в ноябре.

А еще она попросила оставить ей зеркало.

Доктор Аткинсон, ясное дело, был против: «Не стоит торопиться, вы еще недостаточно окрепли». Однако она настояла на своем.

Дура, конечно. Не стоило усугублять потрясение.

Сейчас она сжимала в потной ладони пластмассовую ручку зеркала, стараясь держать его как можно дальше от своего лица. Не было силы принудить себя вторично и более пристально взглянуть на глупо хлопающую глазами тетушку Пег, которая только что возникла в зеркале. Да, сходство с тетушкой Пег было невероятным, жутковатым. Одна разница: когда Розмари видела тетушку в последний раз,

той было пятьдесят. А самой Розмари сейчас... пятьдесят восемь.

Арифметика простая. Тридцать один плюс двадцать семь равняется пятидесяти восьми. Но Розмари, боясь ошибиться, дважды повторила сложение — так трудно было поверить в результат!

Энди сейчас уже тридцать три.

Снова сами собой потекли слезы.

Она отложила зеркало, нашла на тумбочке несколько салфеток и, прикладывая их к глазам, твердила про себя: «Возьми себя в руки, старушка. Если он жив, я ему нужна по-прежнему».

Скорее всего он все-таки жив. Вряд ли ему причинили какой-либо физический вред — ведь они поклоняются Энди, обожествляют его.

Тут-то и скрывается самое страшное!

Воспитанный Кастиветами, Минни и Романом, и всей прочей ведовской шатией, не говоря уже о развращающих визитах благоговейших паломников со всех концов света, Энди должен был вырасти взбалмошно-избалованным — в духе самых непотребных императоров Древнего Рима!

Не исключено, что и душа его по выходе из богомерзкой «школы» стала такой же черной, как у Нерона или какого-нибудь другого гнусного деспота, — хотя Розмари очень, очень не хотелось верить, что произошло именно это.

Однако ей было трудно представить, что колдовская свора не сделала все возможное и невозможное, дабы поощрить и развить все самое худшее в душе мальчика.

Оставаясь рядом с ним, Розмари неустанно трудилась над тем, чтобы нейтрализовать это дурное влияние. Она надеялась своей любовью научить сына любить. Она уповала личным примером побудить его быть честным и ответственным. Даже когда он был совсем крохой и ничего толком не понимал, она ежедневно брала его на колени и...

— Миссис Рейли, — тихонько окликнул женский голос.

Розмари повернула голову в сторону двери и увидела привлекательную черноволосую женщину, свою ровесницу... то есть ровесницу себя прежней.

На молодой женщине было что-то вроде бело-синей матроски, довольно элегантной и вместе с тем достаточно традиционной, чтобы не шокировать своим футуристичным видом отставшую от моды Розмари. На груди красовался знакомый значок «Я люблю Энди».

Доброжелательно улыбнувшись, женщина представилась:

— Тара Сейц, психологический консультант лечебницы.

Розмари молча сдвинула брови.

— Если хотите побыть одна, я исчезну, — сказала Тара Сейц. — Но мне доводилось разговаривать с людьми, пережившими кому. Возможно, я сумею как-то помочь вам. Можно мне войти?

Розмари кивнула и сказала:

— Заходите. Только по правде, я не миссис, а мисс. Я в разводе.

Элегантная Тара Сейц изящно опустилась на стул рядом с кроватью, наполнив воздух ароматом «Шанель» номер пять. Хотя бы это осталось прежним, подумала Розмари, ажно вбирая ноздрями знакомый любимый запах.

Хорошенькая консультантша опять сверкнула безупречной улыбкой топ-модели и быстро защелкала:

— Доктор Аткинсон прямо-таки потрясен тем, как быстро вы восстанавливаете силы. Вместе с доктором Бандху, главным врачом нашей лечебницы, он намерен сегодня же провести кое-какие анализы и тесты. В случае их положительного результата — а доктор Аткинсон очень надеется на это — вы уже завтра сможете начать курс восстановительной гимнастики, дабы обрести нужную форму. У нас прекрасная группа физической реабилитации.

— И как скоро, по-вашему... — перебила ее Розмари.

Тара с новой улыбкой замахала руками:

— Ну, это как раз не моя сфера. Сроки вашего пребывания здесь будут определять терапевты. Что до меня, то я, к моему великому сожалению, должна сообщить вам нечто малоприятное: в данный момент вы потрясены и растеряны, но это лишь цветочки по сравнению с тем, что вы испытаете завтра — по мере того, как будете все глубже и глубже проникаться сознанием необратимости произошедшего, невозможности повернуть время вспять! Подобного рода постепенное усугубление стресса характерно для тех, кто пробыв в коме даже относительно недолго. Полагаю, ваша реакция будет развиваться по тому же сценарию, без принципиальных отличий.

«Э-э, нет, Тара, на это вы не рассчитывайте!» — подумала Розмари. Однако она продолжала внимательно слушать.

— Но уже послезавтра вы почувствуете себя намного лучше, чем сегодня, гарантирую. И с каждым днем бодрость вашего духа будет неуклонно возрастать. Поэтому завтра, когда вас скрутит всерьез и черные мысли совсем одолеют, помните, что нужно пережить только одни страшные сутки, а потом вы начнете мало-помалу выкарабкиваться. Поверьте мне, я не успокаиваю вас, а говорю чистую правду. Коснувшись самого дна, вы обязательно начнете всплывать.

— Хорошо, постараюсь запомнить это, — кивнула Розмари и выдавила из себя улыбку. — Спасибо за добрые слова.

— У вас есть сын? — спросила Тара.

— Да, — с горестным вздохом отозвалась Розмари и печально покачала головой. — Ему должно быть тридцать три года. И где он сейчас — можно только гадать. В Нью-Йорке у нас не было родственников — только соседи.

— Это не проблема, — заверила ее Тара. — Мы постоянные клиенты службы розыска.

Она вынула из кармана черный продолговатый плоский ящичек и открыла его. На крышке, внутри, оказалось что-

то вроде экранчика. Тара занесла пальцы с ярким маникюром над клавишами — такими же, как на пишущей машинке, только очень крохотными.

— Назовите полное имя вашего сына, — попросила она.

— Эндрю Джон Вудхаус.

Тара резко подняла голову и пристально уставилась на Розмари. В глазах ее читалось такое изумление, что пациентка поспешила взволнованно спросить:

— Что не так?

— Раньше вы назвались Рейли.

— Ну да, это моя девичья фамилия, — пояснила Розмари. — А по мужу я Вудхаус.

— Понятно, — пробормотала Тара и быстро заколотила по клавишам. — Эндрю Джон Вудхаус. Пишется так, как слышится?

— Да, — кивнула Розмари, с интересом наблюдая за манипуляциями женщины, пальцы которой продолжали бегать по клавиатурке. Чудные блокноты нынче!

— Дата рождения?

Розмари чуть было не произнесла «шестьсот шестьдесят шесть» — как обычно говорили Кастиветы.

Вовремя опомнившись, она сказала:

— Двадцать пятое июня тысяча девятьсот шестьдесят шестого года.

Тара захлопнула странную записную книжку и еще раз ослепительно улыбнулась:

— Ну вот и все. Я введу запрос через центральную сеть, и уже к пяти вечера мы будем знать, где живет ваш сын.

— К пяти вечера сегодня? — с недоверием и с неким обмиранием души спросила Розмари.

— Конечно, обычное дело! — весело сказала Тара, добродушно пожимая плечами и пряча чудо-блокнот обратно в карман жакета. — Это делается мигом. Кредитные карточки, регистрация машины, социальное страхование, прокат видеофильмов, библиотечный абонемент... И так далее,

и так далее. Где-нибудь да и выловят его фамилию. Ведь сейчас куда ни плюнь — везде компьютеры. И все компьютеры связаны друг с другом, так что вся страна как на ладошке.

— Но это же чудесно! — воскликнула Розмари.

— Увы, у каждого чуда есть обратная сторона, — сказала Тара, вставая со стула. — Теперь все скулят, что никакой частной жизни не стало. Каждый человек едва ли не двадцать четыре часа в сутки пребывает под колпаком у компьютеров. Хотите посмотреть телевизор? По-моему, для вас это самый оптимальный способ и кратчайший путь к познанию нынешней жизни. Вы будете поражены количеством перемен. — Говоря это, она выдвинула верхний ящик тумбочки и достала из него небольшой продолговатый предмет с кнопками. — Прежде всего, холодная война закончилась. Мы победили, коммунизм сыграл в ящик... В прошлом месяце вам тут поставили роскошный телевизор; тогда казалось, что это жуткая глупость, а выходит — как в воду смотрели!

Тара направила предмет с кнопками в сторону экрана на противоположной стене. Этот экран был так огромен, что Розмари до сих пор воспринимала его как нечто непонятное и загадочное. Впрочем, она была настолько сосредоточена на своих проблемах, что практически не оставалось времени по-настоящему внимательно разглядывать окружающую обстановку.

На экране вдруг замелькало изображение, зазвучала музыка.

— Это пульт дистанционного управления, — пояснила Тара, протягивая Розмари предмет с кнопками и вновь обдавая ее восхитительным запахом «Шанель». — Знакомо?

— Отчасти, — сказала Розмари. — Прежде таких изящных пультов не существовало.

— Направляете на телевизор и жмете вот тут. Здесь номера каналов. А так прибавляете и убавляете звук.

Розмари нажала первую попавшуюся кнопку. На экране вместо женщины, которая с рекламно-блаженной улыбкой наблюдала за тем, как ее малыш уплетает кашу определенной марки, возникло серьезное лицо диктора программы новостей. На левом лацкане усатого негра, повествующего о лесных пожарах в Калифорнии, Розмари увидела знакомый белый кружок — «Я люблю Энди». Она так и окаменела.

— А, круглосуточный канал новостей,— сказала Тара.— Как раз это вам всего полезней.

Розмари медленно повернула голову в ее сторону и отчеканила вопрос:

— Кто — такой — Энди?

Тара явно смутилась. Она кашлянула, потупила глаза, глубоко вдохнула и сделала долгий выдох. И наконец произнесла:

— Ну, как бы вам объяснить... Не знаю, с чего и начать...

Затем она как бы вся просияла изнутри и быстро-быстро затараторила:

— Энди — самый прекрасный и самый харизматический человек на нашей планете. Он появился несколько лет назад — неизвестно откуда. Точнее, все знают, что он из Нью-Йорка, но до недавних пор широкой публике ничего не было известно о его существовании. Он вызвал всеобщее воодушевление во всем мире — он объединил весь мир! Я не имею в виду политическое объединение стран. Просто он повсеместно возбудил в людях любовь к ближнему, желание сотрудничать друг с другом и уважать друг друга.

До него в наших душах царил бедлам, мы были как потерянные — с этими разговорами о конце света в двухтысячном году, с диким ростом преступности, с пальбой на улицах и так далее, и так далее.

Энди сумел убедить нас всех в том, что Бога можно звать как угодно — Господом, Аллахом или Буддой,— но суть при этом не меняется: мы все Божьи дети — дети одного-един-

ственного Бога. И ныне наш всеобщий благой пастырь — Энди. Он ведет нас, обновленное и нравственно освеженное человечество, к великому рубежу — к двухтысячному году.

Розмари, полусидя на постели и не спуская глаз с возбужденного личика Тары, сухо заметила:

— Да, это потрясающе, это замечательно.

Тара коротко вздохнула по поводу сдержанной недоверчивости мисс Рейли, блеснула искренней, мечтательной улыбкой и продолжила все той же взвинченной скороговоркой:

— Да вы сами наверняка увидите его на экране в ближайшие пять минут. По всем программам и на всех языках крутится бесчисленное множество роликов. Их производит «БД». Я толком не знаю, что это — организация или фонд. Скорее и то и другое вместе. Но «БД» создан специально для того, чтобы помогать великому Энди. Прошлым летом мне посчастливилось видеть его живьем в мюзик-холле «Радио-Сити». Потрясающе! Но Энди редко появляется перед публикой во плоти, обычно идут специальные телепрограммы или коротенькие заставки вроде рекламных. Энди очень много времени проводит в одиночестве — медитирует. Он высокодуховная личность. И вместе с тем он несколько не чужд любви к вполне земным радостям и утехам. В современном мире не существует более великого человека, чем Энди. Все это признают, и все так думают! Поэтому значки «Я люблю Энди» существуют уже на всех языках всех континентов. Их создали даже для слепых — надпись сделана специальным шрифтом Брайля.

Она замолчала, чтобы перевести дыхание, и Розмари сумела вставить вопрос:

— А как звучит его полное имя?

— Эндрю Стивен Кастивет,— сказала Тара.— Но он предпочитает, чтобы все звали его просто Энди.

Розмари, не издав ни звука, продолжала пристально смотреть на женщину.

Тара подтвердила свои слова энергичным кивком и с жаром пояснила:

— Да-да! Он такой! Он хочет, чтобы его звали просто по имени все и везде — и бездомный бродяга на улице, и маститый политик на заседании Конгресса. Он не делает различия между людьми. Все имеют право звать его просто Энди! Когда он в первый раз... Глядите! Вот он!

Розмари повернулась к экрану.

Господи Иисусе!

От волнения она даже выронила пульт управления.

Она воскликнула про себя именно «Иисусе» неспроста. Энди выглядел точнехонько как Иисус. Но как Иисус из календаря для верующих американцев, то есть без намека на еврейство — никакого носа крючком. Красавчик вполне англосаксонского типа: слегка рыжеватый шагрен с волосами почти до плеч и аккуратной бородкой. Светло-карие глаза. Нос прямейший. Челюсть — квадратная.

Светло-карие глаза? У ее Энди?

А куда же подевался их природный цвет? Он был особый, уникальный. Ни с чем не сравнимый, кроме тигрового глаза, — есть такой несказанно предестинный золотисто-коричневый полудрагоценный камень.

Очевидно, Энди носит контактные линзы, меняющие цвет глаз. Или подвергся какой-то операции — возможно, за время ее «отсутствия» научились делать и такие чудеса.

Однако она узнала его безошибочно — несмотря на новый цвет глаз, бородку и двадцатисемилетнюю разлуку. Энди. Энди. Энди!

— Ах, как досадно! Это только укороченная версия! — вздохнула Тара, когда полуминутный ролик завершился и на экране появилась символика «БД» — стилизованное яркое солнце на небесно-голубом фоне. — Правда, он потря-

сающий? Он бесподобный, восхитительный! Он — самый лучший!

Розмари утвердительно кивнула.

— Продолжайте смотреть телевизор, — сказала Тара, — и вы непременно увидите длинную версию. Он появится также и в других программах — на любом канале. Его рекламные ролики — настоящие шедевры искусства, потому что их снимают только самые лучшие режиссеры.

Розмари подняла с одеяла пульт управления и отрешенно смотрела на него — словно забыла назначение этого предмета.

— Вы себя нормально чувствуете? — озабоченно осведомилась Тара.

Скосив взгляд на женщину, Розмари спросила:

— А что значит сокращение «БД»?

— Божьи Дети, — с готовностью пояснила Тара, одарив Розмари еще одной безупречной улыбкой. — Ну, я пошла. Попозже непременно загляну к вам. — У самой двери она обернулась и интимным дружеским тоном заверила Розмари: — А вашего Энди мы обязательно найдем! На этот счет даже не сомневайтесь!

В ближайшие пять минут Розмари, переключая каналы, действительно натолкнулась на полную версию того же рекламного ролика, а затем перед ней мелькнула еще пара куцых клипов с участием Энди.

В одном его показали издаലെка — он выступал перед огромной толпой в Сентрал-парке, которая выражала свой энтузиазм бурной овацией.

В другом он держал речь перед моряками на авианосце. Его принимали с таким же яростным воодушевлением.

Розмари увидела также и долгий крупный план Энди. Он смотрел ей прямо в глаза — ласково, любовно... и чуточку игриво. Несмотря на потерю природного уникального

цвета глаз, он был очень хорош собой. Бесподобно красив! Конечно, в глазах матери... Однако, думая о его внешности, Розмари попыталась отрешиться от материнской пристрастности и быть объективной. Нет, даже лютый враг не смог бы найти изъян во внешности ее Энди!

Она имела возможность послушать, как он говорит. Разумеется, его голос несколько огрубел, но в нем безошибочно угадывались до боли родные, словно шероховатые звуки и мягкие переливы интонации, которые были свойственны еще тому Энди, шестилетнему.

Энди с экрана говорил о том, что он не призывает людей бросить все и думать лишь о духовном. Достаточно хотя бы на минуту задуматься над тем, что ученые правы и мы все действительно произошли от сравнительно небольшой группы предков. Тут не важно, какими именно были эти предки — их вид, рост или цвет кожи. Главное, что все мы по сути родственники, то есть родные друг другу. Мы все — одна семья. А разве не великий грех доставлять своим близким столько неприятностей? Неужели мы не способны стать выше своих мелочных интересов и глупых обид? Неужели каждому из нас трудно возжечь свечу от свечей в нем искры Божьей — и в свете этой свечи... И так далее, и так далее.

Пока она вдумывалась в слова вдохновенной и гладкой речи, появились Кларис и медсестра. Слаженно работая, они переложили ее на каталку и повезли на осмотр.

Два доктора, Бандху и Аткинсон, взяли у Розмари кровь из вены, затем наклеили на ее конечности много-много электронных сенсоров и приступили к тщательной проверке всех функций организма.

Тем временем в голове Розмари вертелось:

«Могло произойти только одно из двух. Или я как мать оказалась на высоте и тогда, в ранние годы жизни Энди, своим воспитанием задавила в нем все страшные задатки.

Или колдовская свора нашла блистательную маску для сына Сатаны».

Что бы там ни было, но факт, что Энди — сын Сатаны, отменить никак нельзя. Следовало смотреть правде в глаза: Энди не просто ее сын. Он ее сын от... Сатаны.

С другой стороны, к настоящему времени всю чертову дюжину членов колдовской своры должна была поглотить могила. Вседь двадцать семь лет назад Элен Виз и Стэнли Шанду, самым молодым из них, было уже хорошо за шестьдесят.

Чем бы ни занимался фонд «Божьи Дсти», наводняющий телевидение рекламными фильмами, эта организация, как подсказывает логика, создана самим Энди, без участия колдовской своры.

Он предпочитает, чтобы все называли его просто Энди. Не является ли это добрым знаком? Ибо с самого начала Роман желал величать мальчика Адриан Стивен, точно так же, как звали его отца. Однако Розмари удалось наложить запрет на проклятое имя.

Но затем эта нечисть имела полную возможность на протяжении двадцати семи лет называть его хоть Адрианом Стивеном, хоть еще как. А он все-таки предпочел остаться Энди.

Стало быть, можно надеяться, что Саммерхилл работал.

Розмари, уже окончательно свободная от капельницы, сидела на постели, ела суп и с жадностью смотрела телевизор — подумать только, теперь у них десятки и десятки каналов!

В момент, когда на экране какой-то слащавый тип брал интервью у жены серийного убийцы, отправленного на электрический стул, в палату вплыла целая охапка красных и желтых роз и рыжевато-красных хризантем. За букетами сияло улыбкой лицо Тары.

— Какая вы молодец! Как быстро осваиваетесь! — затараторила она, проворно и ловко разменяв букеты по вазам, в которые медсестры успели налить воды. — Приятно на вас смотреть! О вашем сыне, к сожалению, пока ничего не узнали. Правда, нашли уже сорока двух Эндрю Джонов Вудхаусов. По возрасту подходит лишь тот, что живет в шотландском городе Абердине. Но он один из тройни. Однако вы не беспокойтесь — они обязательно найдут вашего сына.

«Нет, Тара, даже и не надейтесь», — печально подумала Розмари, а вслух спросила:

— Я смотрю все эти интервью... Скажите, Тара, когда мне станет лучше, не удастся ли и мне встретиться с каким-нибудь тележурналистом?

Тара округлила глаза:

— Вы шутите! «Не удастся ли мне!»! Думаете, от кого эти роскошные цветы? От них! Розы — от того, который как раз сейчас на экране. А хризантемы — от его главного соперника и лютого врага из другой программы. Официально лечебница никому не сообщала о вашем выздоровлении. Однако кто-то кому-то уже успел рассказать — сенсация! — а тот звякнул третьему... и пошло, и пошло. Так что телевизионщики уже в курсе. Пока мы с вами тут беседуем, их машина стоит у входа — вытаскивают и налаживают какую-то аппаратуру.

Розмари недоверчиво уставилась на нее.

— Да-да, вы у нас теперь знаменитость! — продолжала Тара. — Наверное, вы просто прозевали — о вас уже было сообщение в последних новостях! «Чудесное пробуждение после двадцати семи с половиной лет в коме!» Дальше будет больше. «Женщина, которая утром вышла из двадцатисемилетней комы, к вечеру как ни в чем не бывало смотрит телевизор, прихлебывая супчик!» Моя дорогая, вы войдете в Книгу рекордов Гиннесса! Вы ведь знаете, что это такое? Кажется, она и в ваше время существовала?

Розмари кивнула.

— Когда вы окончательно придете в себя, то сами будете выбирать, каким программам давать интервью,— от предложений отбоя не будет!

— Что ж, хорошо,— сказала Розмари.— У меня к вам просьба. Нельзя ли узнать что-либо о моих сестрах и братьях — вдруг они живы? И может быть, живут все там же, в Омахе. Нельзя ли навести справки и о них?

— О да, конечно,— с живостью согласилась Тара, выхватывая из кармана электронную записную книжку.— Не исключено, что им известно что-либо о вашем сыне.

— Сомневаюсь.

— Или хотя бы о его отце.

Розмари на мгновение-другое онемела, потом решилась и спросила:

— Вы знаете знаменитого актера Ги Вудхауса? Он работает или в театре, или в кино.

Тара отрицательно мотнула головой.

— Вы вообще не слышали о Ги Вудхаусе?

— Никогда,— сказала Тара.— Хотя театром и кино увлекаюсь очень и знаю всех современных звезд.

— Ну, стало быть, он уже умер. Причем давно.

Тара не спускала с нее пытливого взгляда.

Розмари принялась диктовать данные своих родных: полное имя, дата рождения... Начала с Брайана.

Итак, похоже, Ги Вудхаус умер, и умер едва ли не в самом начале ее двадцатисемилетней ссылки в беспамятство.

Неужели Сатана оказался дешевым обманщиком? А собственно, чему тут удивляться? Если чуть перевернуть пародную мудрость, то получится подходящая к делу истина: кто сегодня силой взял женщину, тот завтра «натянет» и кредитора.

Так или иначе, Ги не получил обещанную плату за девятимесячную аренду чрева своей супруги. Он не стал вто-

рым Лоренсом Оливье или Марлоном Брандо. Сдох в неизвестности.

«Бедняжка Ги...

Извини, но слез по тебе проливать не стану».

Глава 3

Во вторник вечером, двадцать третьего ноября, за два дня до Дня благодарения и через две недели после чудесного пробуждения, Рип ван Рози давала свое первое интервью в прямом телеэфире.

Все таблоиды успели единодушно окрестить Розмари Рип ван Рози, намекая на Рипа ван Винкля, который в знаменитом рассказе Вашингтона Ирвина проспал целых двадцать лет.

С новой стильной прической (спасибо известному салону, пославшему ей даром лучшего мастера), в изящном современном наряде (спасибо крупнейшему универмагу), Розмари вышла из белого лимузина (спасибо телекомпании, любезно предоставившей...). На этом белом лимузине она прибыла к входу в Западную студию из фешенебельного отеля «Уолдорф-Астория» (спасибо администрации отеля, которая утром вселила ее бесплатно в лучший номер люкс, а также... и так далее, и так далее).

Добрая дюжина охранников сдерживала напор нахлебистых, наглых репортеров и толпы любопытствующих.

Розмари молча, с достоинством прошествовала через шумный коридор в толпе, только улыбаясь и не отвечая на громкие выкрики и хамоватые вопросы газетной мелкоты.

Уже сидя перед зеркалом в гримерной, Розмари сказала молоденькой девушке, трудившейся над ее лицом:

— А вы знаете, до свадьбы я работала ассистентом режиссера на телестудии «Си-би-эс».

— Что-то слышала,— отозвалась гримерша.

— В шестидесятые большинство женщин, выйдя замуж, бросали работу. По крайней мере, я поступила именно так.

— Я бы тоже не прочь пожить за мужниной спиной, да не получается,— вздохнула гримерша, поправляя причёску Розмари.

Через несколько минут Розмари могла лишь ахнуть: из зеркала на нее смотрела все та же тети Пег, только сейчас ей было от силы лет сорок пять.

— Да вы просто волшебница! — воскликнула Розмари.

— У вас от природы хорошие данные,— скромно возразила девушка, закрепляя лаком красиво уложенные волосы.

— Какие там данные,— почти весело вздохнула Розмари.— Остатки былой роскоши.

Эту телепрограмму она выбрала по двум причинам. Во-первых, идет в прямом эфире, благодаря чему ее высказывания не подвергнут никаким сокращениям, если сочтут их бредом сумасшедшей (а сочтут непременно!). Ну и, во-вторых, потому, что ведущий оказался ей человеком интеллигентным, проявлявшим неподдельный интерес к своим собеседникам.

Сейчас она, облитая ярким светом, в полуколыце телекамер, смотрела прямо на своего интервьюера, который, по издавна заведенной им традиции, сидел без пиджака и в широких подтяжках. На груди у него красовался значок «Я люблю Энди».

Чуть картинно сцепив пальцы и наклоняясь в ее сторону, он вкрадчиво спрашивал:

— Розмари, какая была ваша самая первая мысль, когда вы очнулись от своего долгого-предолгого сна?

Розмари улыбнулась. Это был очень простой вопрос.

— Я подумала о своем сыне.

— Да, я знаю, что у вас был — и, смею надеяться, есть — сын по имени Эндрю. Выходит, ваш значок имеет двойной смысл, ведь так?

Розмари сделала судорожный глубокий вдох, как перед нырком в ледяную воду. И все-таки спасибо этому человеку — он, неведомо для себя, быстро и легко подвел ее к главному...

Она с улыбкой скосилась на значок «Я люблю Энди» на своей груди и сказала, нежно погладив его пальцем:

— Никакого двойного смысла. Я надела этот значок потому, что люблю одного Энди, а именно — моего сына Эндрю Джона Вудхауса. Когда-то нашими соседями и друзьями были люди по фамилии Кастивет. Насколько я понимаю, это они взяли на себя заботу об Энди — после того, как я впала в кому. Возможно, чета Кастиветов даже официально усыновила моего мальчика. Теперь, когда я наконец совершенно здорова и могу свободно передвигаться, я надеюсь максимально быстро выяснить, что же произошло на самом деле.

Ведущий наставил на нее пылливый взгляд из-за очков:

— Погодите, уважаемая Рип ван... извините, Розмари... уж не утверждаете ли вы, что Энди, Энди Кастивет, является вашим сыном?

— Да, вы правильно меня поняли, — спокойно сказала Розмари. — Я в курсе того, что его матерью считают Минни Кастивет. Но это абсурд — хотя бы потому, что Минни была слишком стара, чтобы родить. На самом деле Кастиветы жили в соседней квартире. Это было в особняке Брэмфорда.

Операторы держали крупный план ее лица — безмятежные глаза, решительно поджатые губы.

— И кто же отец ребенка? — спросил несколько растерявшийся ведущий. — Роман Кастивет?

— Нет. Отец Энди — мой бывший супруг, Ги Вудхаус. Полагаю, Ги уже нет в живых.

Ведущий и не пытался скрыть, что ее слова повергли его в шок. Удивленно моргая, он сказал:

— Госпожа Рейли... вы, надеюсь, понимаете, что это в высшей степени неожиданное заявление. Ни для кого не

секрет, что Энди действительно родился и вырос в Брэмфорде...

— Я этого не знала. То есть я не знала, что это ни для кого не секрет.

— Вы пытались связаться с ним?

— Как раз это я и делаю — прямо сейчас. Мне подумалось, что обращение в прямом эфире будет самым эффективным. В противном случае мне пришлось бы ответить на тысячу нудных вопросов, дабы преодолеть неизбежный скепсис великого множества людей.

Ведущий уже собрался с мыслями и теперь расцвел улыбкой.

— Что ж, утрем ли мы нос скептикам — покажет время,— бодро сказал он.— Вполне вероятно, что сам Энди позвонит нам еще до окончания этой программы и прояснит ситуацию.— Тут он повернулся к ближайшей камере и с полусаркастической ухмылкой произнес на крупном плане: — Позавчера я беседовал в этой студии с кандидатом в президенты США. Вчера я разговаривал здесь с высокопоставленным взяточником. Быть может, сегодня мне выпал случай поговорить с истинной матерью Энди. Отчего бы и нет? Кто знает, кто знает... А сейчас у нас трехминутная рекламная пауза, после которой мы продолжим разговор с Розмари Рейли, знаменитой Рип ван Розе. Мы покажем вам ролики с Энди, ответим на ваши телефонные звонки — и, если посчастливится, услышим реакцию самого Энди на любопытное заявление госпожи Рейли. Уверен, вам сейчас и в голову не придет переключиться на другой канал.

Телефонные компании по всему миру на протяжении трех минут фиксировали невероятную перегрузку своих сетей.

Разговор шел дальше. После еще двух рекламных пауз ведущий снова подался в сторону своей гостьи и сказал, посверкивая пронзительными умными глазами за стеклами очков:

— Розмари, как мне только что сообщил ассистент, нам позвонила Диана Калем, глава пресс-службы «БД». В свое время она была гостьей нашей программы. Диана Калем сообщила, что в данный момент Энди отдыхает в своем доме в Аризоне. Однако он в курсе того, что вы сегодня в прямом эфире объявили себя его матерью. В течение последней четверти часа он внимательно следит за нашей передачей.— Тут ведущий посмотрел прямо в камеру, на которой горела красная лампочка, и дружески помахал рукой: — Привет, Энди! — Затем он снова обернулся к Розмари.— По словам Дианы — и это нисколько не удивительно,— Энди искренне желает вам всего наилучшего и вместе со всеми поздравляет с чудесным выздоровлением.

Розмари метнула быстрый, почти оробелый взгляд в сторону камеры с красным огоньком — той, что в данный момент передавала ее изображение на всю страну, а точнее, на весь мир.

Потупив глаза, она сказала:

— Спасибо. Большое спасибо, Энди.

— Диана сказала, что у Энди есть к вам вопрос. Вы готовы ответить?

— Разумеется,— сказала Розмари.

— Вопрос Энди состоит в следующем...— начал ведущий, и камера взяла его лицо крупным планом.— Он хотел бы знать, помните ли вы, что именно делали непосредственно перед тем, как впали в кому, которая продолжалась двадцать семь лет и шесть месяцев.

Теперь камера фиксировала крупный план Розмари.

— Да, помню,— невозмутимо сказала Розмари.— Мне кажется, будто все случилось две недели назад. Все так све-

жо в памяти! Я сидела за столом в спальне, у окна. Собственно говоря, это был даже не стол, а школьная парта старого образца с откидной крышкой. Я пристроила на ней пишущую машинку «Оливетти» и печатала письмо. А Энди лежал рядышком на ковре и смотрел телевизор. Кукла, Фран и Олли...

Тут она осеклась и молча уставилась прямо в глаза ведущему. Он смущенно хихикнул и машинально повторил ее невразумительные слова:

— Кукла, Фран и Олли...

После этого ведущий слегка очумело тряхнул головой и посмотрел прямо в камеру.

— А вы знаете,— сказал он,— у меня такое впечатление, что госпожа Рейли говорит правду... Впрочем, не будем торопиться с выводами. Подождем, как на это отреагирует Энди. Как вы отлично знаете, наша передача самая непредсказуемая в мире! Не переключайте телевизоры — мы скоро снова будем с вами!

Энди попросил организовать ему приватный телефонный разговор с госпожой Рейли. Поэтому программу на время прервали и пустили репортаж из Швеции.

Розмари провели в чей-то пустой кабинет, где на телефоне мигала красная лампочка.

Со стесненным сердцем она села за стол и дрожащей рукой сняла трубку.

— Энди?

— По моим щекам текут слезы.

Она в свою очередь расплакалась.

— Они сказали мне, что ты умерла! — продолжал взволнованный знакомый дорогой голос в трубке. — Я в ярости — и одновременно я так безумно рад, что они солгали!..

У Розмари перехватило горло. Она не могла говорить. Молчал и он.

Только их всхлипы встречались где-то на полпути отсюда до Аризоны.

Розмари стала дергать ящики — в надежде найти носовой платок или салфетки. Но все было заперто.

— Ты меня слышишь?

— Да, дорогой, слышу, — сказала она, вытирая слезы просто ладонью и размазывая грим.

— Послушай, мой пресс-секретарь держит связь со студией по другой линии. Тебе не обязательно появляться в заключительной части передачи, мы можем это уладить. Что скажешь?

Розмари задумалась на несколько секунд, затем решительно сказала:

— Я все-таки появлюсь. Неловко перед ведущим — благодаря ему мы воссоединились, а я вдруг возьму и брошу его одного перед камерами...

Сын на другом конце провода рассмеялся. Какой чудесный смех!

— Похоже, я забыла, какая ты у нас заботливая и деликатная. Нет, на самом деле не забыла. Я тоже выступлю. Если не возражаешь, мы завтра же устроим полномасштабную пресс-конференцию. Куда они тебя устроили?

— Я в «Уолдорфе», — сказала Розмари. — Как странно, Энди! Я говорю со взрослым мужчиной — а это мой мальчик! Для меня ты был шестилетним карапузом всего каких-то две недели назад!

— Когда ты вернешься в отель, мама?

— Как только закончится программа. Полечу туда стрелой.

— С учетом пробок ты вернешься где-то в двадцать два тридцать. Ну а я смогу быть там не раньше чем в двадцать два сорок пять.

Она ошарашенно захлопала глазами:

— Как же — из Аризоны?

— На самом деле я в Нью-Йорке. У меня тут квартирка — прямо над офисом «БД». Официально сообщат, что я лечу на самолете и все такое... В каком ты номере?

- Не знаю. Президентские апартаменты.
— А, понятно. Молодцы, хорошо устроили. Жди меня — уже выезжаю. На экране ты смотришься бесподобно!
Смеясь сквозь слезы, Розмари сказала:
— Да и ты, мой ангел, очень даже неплох на экране!

Глава 4

Толпа любопытных перед входом в Западную студию росла с угрожающей скоростью. Так что у Розмари появился благовидный предлог поскорее исчезнуть оттуда.

Она в быстром темпе ответила на пару вопросов ведущего и заверила его, что непременно появится в этой студии еще раз, но уже вместе с Энди, который дал согласие на подобное совместное интервью.

Затем охрана провела Розмари к задней двери — через кухню греческого ресторана и через студийный гараж. Там, на задворках Девятой авеню, ее поджидал белый лимузин. Маршрут тайного исчезновения, разработанный для Рип ван Рози, сложился и для эвакуации новоявленной матери Энди, которая еще более интересна для толпы.

Было уже ясно, как желтая пресса назовет ее поутру: «госпожа Двойная Сенсация».

Водитель лимузина, настоящий ас, доставил ее к отелю «Уолдорф-Астория» за рекордное время. В двадцать два десяти охранники провели Розмари через шумный многолюдный холл к особому лифту для самых важных особ и подняли на тридцать первый этаж.

Пока служащий открывал президентский номер, вставив электронную карточку в щель у двери, охранники поспешно выудили из своих бумажников первые попавшиеся листки — и протянули ей подписать. Так она дала первые в своей жизни автографы.

На панели телефонного автоответчика в просторной прихожей высвечивались цифры принятых сообщений: 37.

Ее замучат звонками! Ладно, пусть аппарат записывает молча — она разберется позже, на досуге

Розмари ткнула кнопку «Без звонка» и, на ходу сбрасывая одежду, побежала в ванную комнату.

Буквально за десять минут она успела принять душ, одеться и наложить макияж (собственное лицо без грима до сих пор приводило ее в ужас). Теперь она перед зеркалом прикалывала значок «Я люблю Энди» к нарядному кобальтово-синему атласному платью. Оно весьма смахивало на восточный халат, но в том огромном ворохе одежды, что прислали ей едва ли не все крупные универмаги Нью-Йорка, Розмари в спешке не смогла обнаружить ничего более консервативного.

В дверь постучали. Сердце у Розмари едва не остановилось.

— Обслуживание! Ваш ужин! — раздалось из коридора.

Розмари успокоилась и разрешила слуге войти. Она действительно на ходу успела заказать креветки и сыр.

Седовласый солидный официант в красном форменном пиджаке вкатил в прихожую многоэтажный, уставленный едой и напитками столик.

И у него на груди красовался значок «Я люблю Энди»!

— В гостиную, мэм?

— Да, пожалуйста, — сказала Розмари. — Но я заказывала только креветки и сыр.

— Это вам подарок от администрации, мэм. Разложить стойку бара?

— Да, будьте добры.

Она включила гигантский телевизор, а официант принялся накрывать стол в гостиной: расставлял прикрытые крышками блюда, раскладывал серебряные приборы и салфетки.

Он управился до завершения программы новостей. Когда заговорили о спорте, Розмари выключила телевизор и

смущенно сказала, обернувшись к официанту, который, закончив свое дело, в нерешительности переминался с ноги на ногу возле выхода из гостиной.

— Извините, наличных у меня нет...

— Что вы, что вы, мэм! — замахал руками седовласый официант. — Но осмелюсь просить вас... Вы не черкнете несколько слов? Для меня будет большой честью иметь ваш автограф. Лучше любых чаевых! — простодушно прибавил он.

Поискав глазами, она не нашла иной бумаги, кроме круглой картонной подставки для коктейлей, и расписалась на ней.

Оставшись одна, Розмари подошла к окну.

Между раздвинутыми роскошными занавесками далеко внизу виднелся красно-бело-желтый пунктир автомобильных фар. Что влево, что вправо — одно и то же. Машины туда, машины сюда... Суета, суета, суета...

Так что же она скажет ему после первых объятий и поцелуев? Как сформулировать те вопросы, которые так и вертятся на языке? И как ей самой разрешить наиглавнейшую проблему: что может служить гарантией правдивости его ответов?

Она назвала его «мой ангел». В этом не было ничего дурного. Она так чувствовала в тот момент. Да и для его самолюбия это приятно...

В том прошлом — ей до сих пор с трудом верилось, что оно так далеко, — она частенько называла его именно так: «мой ангел». Ему и впрямь случалось быть сущим ангелом, однако, как ни крути, по своему рождению он был наполовину дьяволом — злым, падшим ангелом. Был и остается. И об этом она забывать не смеет. Особенно сегодняшним вечером.

Мальчишкой он иногда врал — очень убедительно и не один раз. К примеру, всего несколько месяцев назад — то

бишь почти двадцать восемь лет назад — он отколол краешек мраморной доски в квартире у Минни и Романа и сумел убедить мать и Кастиветов в том, что он не только не виноват, но и...

Новый стук в дверь.

У нее опять подпрыгнуло и остановилось сердце.

И снова облегчение.

— Обслуживание! Шампанское, мэм. Подарок администрации.

Что за неутомонное начальство в этом отеле!

Она даже не потрудилась обернуться, лишь чуть повела головой и скосила глаза.

Очень молодой, в знакомом красном форменном пиджаке очередной официант катил перед собой столик с серебряным ведерком, из которого торчало горлышко обложенной льдом бутылки.

Розмари вздохнула и меланхолично произнесла:

— Спасибо. Поставьте, пожалуйста, ведерко вон туда, на стойку.

Она прикрыла глаза и вернулась к прерванной мысли.

В возрасте пяти с половиной лет Энди ухитрился обмануть трех взрослых и отнюдь не доверчивых людей: доказал им как дважды два четыре, что он не только не...

— Разве мы не обнимемся хотя бы разок перед тем, как я открою эту бутылку?

Розмари резко повернулась на голос за спиной.

Официант все еще стоял возле стойки бара и с нежной улыбкой смотрел на нее. Господи, да это же Энди! Красивый, как Иисус с картинки. Обеими руками он откинул со лба прекрасные длинные волосы. На щеках поверх бородки играл здоровый румянец. Глаза ласково светились.

— Извини за этот маскарад.— Он указал на свой форменный красный пиджак с золотыми пуговицами и неприметным значком «Я люблю Энди».— Не хотел привлекать внимание.

Энди сорвал душившую его черную бабочку — обязательный атрибут здешней прислуги — и медленно двинулся к матери, широко разведя руки в стороны.

Пошли объятия, поцелуи, вздохи и охи, взаимное поглаживание и слезы, слезы, слезы — словом, о шампанском вспомнили лишь парой насквозь промокших носовых платков позже.

Энди обернул ледяную бутылку салфеткой и с ловкостью клубного завсегдатая мигом высадил пробку, без хлопка и не пролив ни капли драгоценной влаги.

Розмари со смешком осведомилась:

— Где ты раздобыл весь этот реквизит?

— Внизу, в баре.— Энди присоединился к ее смеху.— Одолжил у одного официанта. Взял с него клятву помалкивать. Ты не представляешь, с какой охотой люди помогают мне! Иногда диву даешься.

Он не спеша налил себе полный бокал. Затем, с той же торжественной медлительностью, наполнил до краев бокал матери.

Так ни на секунду и не присев, по-прежнему стоя, они молча взяли бокалы и несколько секунд в полной тишине смотрели друг на друга поверх белой пены, оседающей навстречу золотистым пузырькам.

— Словами не скажешь,— произнес Энди.— Давай просто...

Все так же неотрывно глядя друг другу в глаза, они чокнулись и осушили до дна свои бокалы.

— Контактные линзы? — лаконично спросила Розмари.

— Нет, старушка черная магия,— отозвался он.

— Красивые. Даже лучше прежних.

Энди со смехом нагнулся, чтобы ласково поцеловать мать в щеку.

— Хитрющая! — жизнерадостно воскликнул он.— Право, не знаю, когда именно ты лукавила: когда хвалила их в

детстве или только что, когда обругала их прежний цвет... Давай-ка присядем, мамочка. Мне столько всего нужно объяснить тебе!

— Вся затея с «Божьими Детьми», — поведал Энди, — была задумана как ловушка — смертельная ловушка для того, чтобы стереть человечество с лица Земли. Он намеревался одержать окончательную победу. Молниеносный Армагеддон. Своего рода блицкриг Зла против Добра. Гарантированный мат в два хода.

При этих словах его глаза сверкали так ярко, что Розмари показалось, будто она видит за этими прекрасными очами те, прежние, цвета тигрового глаза — или попросту тигриные.

— Теперь, — продолжал Энди, — когда я узнал об этом — о том, что они позволили им сотворить такое с тобой и никогда, даже намеком, не открыл мне истину... — У него дыхание сперло от злости. Пришлось остановиться и сделать глубокий вдох. — Теперь я больше, чем когда-либо, доволен тем, что мне удалось как следует вздрючить этого гада! Извини, мамочка, за грубое слово, но вернее не скажешь. Благодаря мне вышел пшик из Великого Плана — того самого, что он лелеял на протяжении тридцати трех лет.

Они сидели на диване с темной обивкой, уютно подвернув ноги под себя. Сидели очень близко, друг против друга, держась за руки.

— Именно из-за своего Великого Плана он и объявился тогда, — продолжал Энди. — Настоящие колдуны и мошенники, и те мошенники, что считают себя настоящими колдунами, — вся эта пестрая шатия из кожи вон лезет, дабы «вызвать» его. У них, как правило, ничего не получается; их исступленные попытки только забавляют его. Однако случилось так, что ему вдруг потребовался здесь, на Земле, ребенок, которому в двухтысячном году исполнится как раз

нужное количество лет. Именно поэтому в шестьдесят пятом году он внезапно откликнулся на призыв брэмфордских ведьм и колдунов — когда ты лежала на их алтаре.

Розмари потупила глаза. Одно упоминание о том давнем жутком событии заставило ее внутренне содрогнуться.

— Извини,— быстро промолвил Энди, наклоняясь и целуя ей руки.— Глупо с моей стороны поминать былое и растравлять старые раны... Прости меня. Не сомневаюсь, что ты прошла через настоящий ужас.

Розмари горестно вздохнула и нашла в себе силы поднять глаза на сына.

— Продолжай,— сказала она.— И в чем заключался его план?

Прежде чем ответить, Энди отпил глоток шампанского. Розмари неотрывно наблюдала за ним.

— Ну, как тебе покороче рассказать...— произнес он, облизывая губы и ставя бокал обратно на кофейный столик.— Во-первых, он намеревался запустить в мир харизматического лидера. Великого Психоманипулятора, то есть гениального одурачивателя, высочайшего специалиста в области общения с массами — проще говоря, талантливого болтуна, который без мыла влезет в любую душу.

Тут Энди, глядя матери прямо в глаза, лукаво улыбнулся и прибавил:

— Но у этого сукиного сына обязательно должны быть нормальные, человеческие глаза. Согласно плану, марионетка к двухтысячному году должна достичь того возраста, в котором Иисус совершал свои подвиги. Даже некоторое внешнее сходство не помешает.

Энди приподнял подбородок и со значением погладил свою аккуратную бородку.

— Именно некоторое внешнее сходство с Христом,— продолжил он.— Чтобы вернее соблазнить христиан — и при этом не отпугнуть мусульман, буддистов и евреев. Та-

кой человек, имея за спиной мощную поддержку, без особого труда обретет нужные связи и соберет необходимые средства, чтобы начать самую блистательную и самую дорогую рекламную кампанию за всю историю человечества.

При этих словах улыбка исчезла с губ Энди. Теперь он молчал и прятал глаза, дышал тяжело, с усилием.

— Согласно плану, когда все-все на земле поверят ему — за вычетом горстки нестибаемых параноиков-атеистов, вот тогда-то он и предаст человечество. Все человечество разом. Самое блистательное и самое дорогое предательство в истории. Биохимические штучки. Тебе для собственного спокойствия лучше вообще не знать об этом...

Розмари растерянно заморгала глазами. Чем бы ни были эти «биохимические штучки»... от одного слова «биохимические» по спине бежали мурашки. Она догадывалась, на какие пакости способна химия в преступном союзе с биологией! Были тому примеры!

Энди наклонился ближе к матери, сжал ее руки в своих.

— Да, мама, — сказал он с горькой улыбкой, — вот для таких-то «подвигов» я и был взращен и воспитан. Воспитан им и брэмфордским колдовским кланом. Но, как только умерли сильнейшие члены клана — Минни, Роман и Эйб, я начал задавать себе трудные вопросы. В то время я был еще подростком. Очень многие обычаи и ритуалы, которым я стал свидетелем, казались мне откровенно смешными и пелепыми. А некоторые внушали отвращение. Я обнаружил в себе любовь к людям — почти ко всем, независимо от их происхождения. Ведь я как-никак наполовину человек, не правда ли? Я ведь наполовину — ты. И кажется, даже более чем наполовину! Только взгляни на меня — и ты поймешь, что это так!

Розмари, кусая губы, внимательно слушала сына.

— В итоге я восстал, — продолжил Энди свой жутковатый рассказ. — Твоя доля во мне оказалась сильнее его доли.

Те немногие годы, что мы провели вместе... — Он запнулся, словно от волнения перехватило горло, и тряхнул головой, в глазах блеснули слезы. — Я... я всеми силами старался удержать тебя в памяти: твоё тепло, твою ласку... Ведь твоя душа всегда стремилась к добру...

Вытирая кулаками слезы, он слабо улыбался, смущенно поглядывая на мать.

— Ах, Энди, Энди... — ласково выдохнула она, поглаживая его щеку.

Они потянулись друг другу, и их губы встретились в мгновенном поцелуе.

Розмари снова, нежно улыбаясь, погладила сына по щеке. В глазах ее стояли слезы.

Энди встал и поспешно расстегнул золоченые пуговицы красного пиджака, словно они мешали ему дышать. Затем, нервно прохаживаясь взад и вперед перед диваном, вернулся к прерванному рассказу.

— Итак, как я уже говорил, терпение мое иссякло. Я вдруг понял: пока я здесь, на земле, он не имеет над мной полной власти, что является лишним доказательством большей силы во мне именно человеческого, а не сатанинского. И я решил превратить «БД» из фальшивой декорации в реальность, то есть в нечто действительно полезное для людей. Там, где, по замыслу Сатаны, должна быть одна видимость, я воздвигну осязаемый оплот Добра! А почему бы и нет? Ведь то, что проповедует Энди, исполнено простоты и правды — и никого не отвратит, кроме закоренелых тупоголовых атеистов. Я принялся исполнять свой план. И поверишь ли, мама, у меня получается! Получается! Градус ненависти в обществе понемногу падает. Люди вокруг стали чуть менее вспыльчивы. Учителя и ученики, боссы и подчиненные, жены и мужья, а также друзья и целые страны — все подвигаются к тому, чтобы более деликатно относиться друг к другу! Нравы повсеместно и ощутимо смягчаются. Всеми этими свершениями я как бы воздаю должное

тебе, мама! Вернее сказать, «как бы» тут неуместно. Надо сказать прямо: всем хорошим, что я делал и делаю, я возвращаю должное тебе, мама. За твою неизменную доброту, за все, что ты успела мне дать в первые годы моей жизни.

Розмари пристально изучала его лицо.

— А как же?.. — почти робко начала она.

— Как он относится ко всему этому? — подхватил Энди, угадывая ее вопрос. — Ну... Представь себе состояние воинственного консерватора, «ястреба», чей сын стал активным сторонником движения за мир. Представила? А теперь помножь его злобу на десять.

Розмари усмехнулась и лукаво покачала головой:

— А ты, однако, мастер играть на клавишах либеральных душ!

— Положено, — с ответной улыбкой отозвался Энди. — Как-никак Великий Психоманипулятор, «тениальный спец по общению с массами»... Короче, он в неопикуемой ярости. И мы теперь на ножах. Тотальная война. Но пока я на земле, он ничем не может меня остановить. Будь у него такая возможность, он бы давно стер меня в порошок! — Энди замолчал и бросил взгляд на свои массивные золотые часы: — Увы, мне пора уходить.

— Так быстро?! — воскликнула Розмари, в волнении поднимаясь с дивана.

— У меня позднее рандеву с кое-какими важными лицами, — сказал Энди, огорченно разводя руками.

— И ты ничего не поел! Смотри, сколько тут всяких вкусных вещей!

Энди рассмеялся:

— Мамочка, дорогая, начиная с завтрашнего дня мы будем так неразлучны, что вскоре тебе захочется хотя бы на часок избавиться от меня! — Вынув из кармана карточку и положив ее на кофейный столик, он прибавил: — Вот номер, по которому ты всегда сможешь связаться со мной — если не сразу, то в течение считанных минут.

Сын обнял Розмари за талию, и они вместе направились к выходу. По дороге Энди воркующим голосом объяснял:

— На нижних этажах здания, где находится мой фонд и где обитаю я в промежутках между поездками по стране и миру, есть первоклассный отель. Мы перевезем тебя туда уже завтра утром. Сам я занимаю пентхаус — последний, пятьдесят второй этаж небоскреба. Внизу огромный парк. Словом, вид из окон чудесный — тебе понравится. «БД» занимает три этажа — с восьмого по десятый.

В прихожей Энди остановился и застегнул воротник сорочки.

— Как ты себя чувствуешь? — озабоченно спросил он. — Сможешь завтра выдержать пресс-конференцию? Я должен знать заранее.

— Конечно, — отозвалась она, помогая ему завязать бабочку на шее. — Предвкушаю большое развлечение.

Энди деловито застегнул пиджак.

— Пожалуй, мне следует взять тележку и ведро со льдом. Не ровен час меня застукают и разоблачат. Уж лучше выдержу роль до конца.

Пока Розмари выглядывала в коридор — нет ли там кого из гостиничного начальства, Энди сходил в гостиную за тележкой.

Когда он вернулся, Розмари мечтательно улыбнулась:

— Какой чудесный День благодарения ожидает нас в этом году!

— Фу-ты, какая незадача! — с досадой воскликнул Энди. — У меня совсем из памяти вон! Ведь я на День благодарения обещал быть у Майка ван Бурена. Составишь мне компанию? Ну пожалуйста! — Видя, что мать колеблется, он быстро прибавил: — Мне необходимо быть там. У ван Бурена соберется добрая половина заправил из правого крыла республиканской партии. В прошлую субботу я так засиделся в Белом доме, что даже остался почевать. Я, сама

понимаешь, не имею права публично отдавать предпочтение какой-либо из партий — тем более в разгар предвыборной кампании за президентское кресло. Поскольку нынешний президент — демократ, для равновесия я теперь просто обязан как следует потереться в республиканских кругах.

— Ладно, дорогой,— сказала Розмари.— Коль скоро ты настаиваешь и это для тебя важно, то я, разумеется, согласна. Даром что у меня нет ни опыта, ни желания водиться с политиками.

— Ей-же-ей, не пожалеешь! — с ласковой улыбкой заверил Энди.— Ты их всех разом очаруешь и будешь купаться в море комплиментов.

Розмари подошла к сыну вплотную и с серьезным видом заглянула ему в глаза.

— Энди,— почти строго промолвила она, машинально беря его за одну из золотых пуговиц,— скажи мне правду: ты сегодня был во всем и до конца честен со мной?

Он спокойно выдержал взгляд матери. Свето-карие глаза — теперь, когда она немного привыкла, они казались ей весьма милыми — смотрели с убедительно серьезной безмятежностью.

— Клянусь, мама, я ни словом тебе не солгал. Помнится, мальчишкой мне случалось привирать. Да и сейчас я частенько вынужден кривить душой. Однако тебе я никогда больше не солгу. Никогда. Слишком многим я тебе обязан. Слишком сильно я тебя люблю. Поверь мне, мамочка,— и успокойся.

Розмари в сотый раз за вечер ласково взъерошила сыну бородку:

— Конечно, я тебе верю... малыш.

— Ты у меня умница! — нежно шепнул он, быстро поцеловал ее и вышел, толкая перед собой тележку.

Розмари закрыла за ним дверь и застыла в прихожей, задумчиво сдвинув брови.

Глава 5

Мать Энди в отеле «Уолдорф-Астория». Можно на что угодно поспорить, что и сам Энди уже там, — ведь накануне он срочно вылетел из Аризоны, как сообщили во вчерашних полуночных новостях.

А сегодня в три часа дня в штаб-квартире «БД» состоится пресс-конференция, на которой будут присутствовать оба — и мать, и сын.

Жители Нью-Йорка и окрестных городов и городков сложили в уме эти кусочки информации, прибавили к ним благоприятный прогноз погоды и тот факт, что грядет первый из четырех праздничных дней. Результат нехитрой мыслительной операции был следующим: назавтра сотни тысяч людей к одиннадцати часам утра прибыли на всех видах транспорта в тот район Нью-Йорка, где пролегал кратчайший путь из точки А в точку В, то есть из отеля «Уолдорф-Астория» до штаб-квартиры «БД».

Пестрая плотная толпа заполнила огромное пространство. В северной части Парк-авеню на протяжении десяти кварталов яблоку негде было упасть. То же творилось и на Восточной Пятьдесят девятой улице — на протяжении пяти кварталов, из которых три нестандартно длинные. Вдобавок тысячи людей загрохотали и Сентрал-парк у южного входа.

Было бы только естественно, если бы полицейские, которым хватало хлопот с подготовкой к масштабному параду в День благодарения, начали проявлять некоторое раздражение по поводу этого нежданного столпотворения.

Однако стражи порядка мужественно сдерживали напор толпы, деловито расставляли в нужных местах барьеры и даже в самых напряженных ситуациях продолжали приветливо улыбаться. И в толпе, и среди блюстителей порядка царило отрадное благодушие. Ведь все это сборище, в конце концов, исключительно ради Энди — и ради его

матери. А Энди призывает как раз к всеобщей любви и взаимной терпимости!

В просторной прихожей президентских апартаментов отеля «Уолдорф-Астория» Энди и Розмари обнимали друг друга — уже в присутствии посторонних.

Энди был одет просто: куртка с символикой «БД», джинсы и кроссовки. Розмари оделась наряднее: платье от известного нью-йоркского кутюрье, высокие каблуки — и, разумеется, значок «Я люблю Энди».

Сын представил матери группу своих сотрудников: с ним приехали Диана Калем, глава пресс-службы «БД», приятель и личный шофер Джо, секретарша Джуди и два охранника, Мухаммед и Кевин. Охранники тут же направились в спальню — забрать чемоданы и картонки с вещами Розмари. Им помогали служащие отеля.

Выезд из «Уолдорфа» напоминал бегство императрицы из осажденного дворца: они спустились в лифте для прислуги, вышли даже не через заднюю дверь, а через какой-то совсем тайный проход и оказались в узеньком грязном переулочке, уставленном вонючими мусорными баками. Там их поджидал автофургон без опознавательных надписей.

Ехали кружным путем: по Шестьдесят пятой улице и по Второй авеню. Но даже издали им была отчетливо видна плотная толпа на Пятьдесят девятой и на Парк-авеню.

— Вы и не представляете, что там творится! — сказала Диана.

— Поверить не могу! — отозвалась Розмари. — Я видела такое только дважды: когда приезжал Папа и когда приветствовали президента Кеннеди!

Диана согласно кивнула. Ее фиалковые глаза горели энтузиазмом. Розмари сразу понравилась эта подтянутая старушка в строгом, элегантном костюме с лучистым солнышком на груди — символикой «БД». Хотя Диане Калем было

под семьдесят, она изучала столько энергии, что впору позавидовать и многим молодым.

— Все эти люди, — воскликнула Диана выразительным контральто оперной дивы, — а их там не меньше миллионы, терпеливо ждут, дабы хоть одним глазком взглянуть на мать великого сына! Я видела ваше вчерашнее интервью. И поняла, что вы не захотите проехать через восторженную толпу в лимузине с наглухо закрытыми затененными окнами. Это не в вашем характере. Вы добрая и эмоциональная женщина, с тонкими чувствами. Поэтому я взяла на себя смелость предложить... Кстати, Энди не имеет никакого отношения к этому — идея исключительно моя... Однако он не возражает, если вы...

Розмари вздохнула — и приняла ее предложение. Раз Энди не возражает...

Явление матери и сына народу состоялось по сценарию, разработанному Дианой Калем.

Они медленно проехали по Парк-авеню в открытом экипаже, влекомом парой лошадей. Розмари и Энди восседали на кожаном диванчике и трогательно держались за руки, улыбаясь и кивая направо и налево. Они приветствовали ревушую толпу, которая возбужденно колыхалась и напирала на барьеры с обеих сторон улицы. В окнах всех зданий, мимо которых проезжал экипаж с героями дня, тоже пестрел народ.

К обычным крутяшам «Я люблю Энди» кое-кто успел прибавить значок «Я люблю маму Энди» — уже шла бойкая торговля этими новыми изъявлениями народной любви.

Впереди, прокладывая дорогу, медленно двигалась полицейская машина. По бокам от экипажа трусил десяток охранников. Одиннадцатый сидел на козлах рядом с кучером в цилиндре. Вторая полицейская машина замыкала процессию.

Примерно в конце каждого квартала Энди обнимал и целовал Розмари в щеку. Тогда скандирующая и свистящая

толпа разражалась особенно бурной овацией. Было шумно и весело.

В какой-то момент Энди наклонился к уху матери и шепнул:

— Среди всех этих восторгов начинаешь ощущать себя полным идиотом.

Розмари согласно кивнула.

А толпа приняла их диалог за очередное изъяснение взаимной нежности и взревела пуще прежнего.

Повсюду на Энди и Розмари были наставлены телекамеры. Снимали даже сверху: над ними носились три или четыре вертолета с названиями телекомпаний на боках. Время от времени вертолеты зависали над экипажем так низко, что Розмари даже становилось не по себе.

Процессия неспешно двигалась вперед. Перед отелем «Плаза» на Пятой авеню телевизионщики задержали их на несколько минут, чтобы снять крупные планы.

Энди снова наклонился к матери и шепнул:

— В этом городе, где царят сенсация и реклама, кинозвезды и топ-модели. Пропавшее место.

Розмари опять согласно кивнула.

А толпа вновь приняла их диалог как знак трогательной взаимной привязанности — и рефлекторно отреагировала взрывом аплодисментов и приветственными криками.

Лошадки так же медленно провезли их вдоль южного края Сентрал-парка. Тут было попросторнее — и толпа собралась почище прежней. В глазах рябило от значков «Я люблю Энди» и «Я люблю маму Энди».

Розмари уже устала улыбаться, кивать и махать рукой, а толпам все не было конца и края. Однако на душе было хорошо как никогда.

И вот впереди сверкнули гладкие стены небоскреба, в котором находилась штаб-квартира «БД». Вещи Розмари уже давно находились в номере отеля, занимавшего нижние этажи здания.

Розмари слегка очумело тряхнула головой и повернулась к сыну.

— Боже мой! — воскликнула она. — Как будто я сплю и вижу прекрасный, невероятный сон!

Розмари обняла и поцеловала Энди с таким искренним чувством, что толпа едва не повалила барьеры, а стекла в окрестных зданиях меланхолично задребезжали от рева доброй сотни тысяч голосов.

Указав на продолговатый микрофон, Розмари промолвила:

— Пожалуйста, вы.

— Спасибо. Вы не подскажете, какую фамилию следует использовать, обращаясь к вам: Рейли, Вудхаус или Кастивет?

Розмари на секунду задумалась.

— Похоже, нынче в ходу только имена. — после паузы ответила она. — Уж не знаю, результат это влияния Энди или тенденция, которая существовала и до него. (Зал отозвался легким смешком, необъяснимым для нее.) Словом, я полагаю, одного имени — Розмари — будет вполне достаточно. Официально, в документах, я Розмари Айлин Рейли. Но мне, говоря по совести, больше по вкусу то имя, которое я сегодня видела на многочисленных значках: «мама Энди».

Смех, аплодисменты.

Диана Калем, стоявшая в толпе журналистов, которым не досталось сидячих мест, аплодировала едва ли не громче всех. Она довольно улыбалась и одобрительно кивала.

Первоначально небоскреб, теперь занятый фондом «Божьи Дети», принадлежал могучей кинокомпании. На девятом этаже имелся просторный зал с высокими потолками, где архитектор, нанятый «БД», разместил конференц-зал с амфитеатром кресел — Энди настоял именно на такой планировке.

Пять уступов амфитеатра вмещали более шестидесяти человек. Еще двадцать-тридцать журналистов теснились в проходах вокруг трех передвижных телекамер, бодро вертевшихся вытянутыми носами в разные стороны.

Энди и Розмари сидели на подиуме за столом, покрытым небесно-голубой скатертью, на которой выделялось лучистое солнце — эмблема «Божьих Детей».

Мухаммед и Кевин сидели возле подиума и орудовали чем-то вроде удочек — эти микрофоны на длинных палках на тележаргоне называют «журавлями». Одновременно краем глаза оба охранника следили за порядком в зале.

Когда аплодисменты стихли, Розмари с улыбкой указала рукой влево:

— Пожалуйста, вы. Нет-нет, не вы, ваш сосед.

— Розмари, каково вам ощущать, что вы поневоле упустили едва ли не весь период взросления Энди?

— Ощущение ужасное, — кивнула Розмари. — Что греха таить, именно это огорчает меня больше всего. И тем не менее я рада! — Тут она с улыбкой повернулась к Энди и сжала его руку, лежащую на столе. — Да-да, я рада, что он так отлично справился и без меня!

Энди отрицательно мотнул головой, подался вперед — к лесу микрофонов на голубом сукне.

— Не согласен с тем, что я справился сам. Равно как и с тем, что мама упустила «едва ли не весь период» моего взросления. Вчера поздно вечером, а точнее, сегодня рано утром я так и сказал ей: «Ты была рядом со мной в самые важные годы моей жизни — от рождения до шести лет, когда закладывается основа характера». Так что это она указала путь, по которому я сегодня иду. Это она помогла мне сделать первый шаг!

Он ласково поцеловал Розмари в щеку.

Снова аплодисменты. Снова оживление в зале. Снова телекамеры лихорадочно заводили носами, вынюхивая эффектные кадры.

Лес поднятых рук и микрофонов.

— Розмари! Розмари!

И опять ей пришлось выбирать:

— Пожалуйста, вы.

— Розмари, до сих пор никому не удалось найти настоящего отца Энди или хотя бы раздобыть какие-то сведения о его жизни после лета тысяча девятьсот шестидесят шестого. Как вы это объясните?

— Увы, мне известно о нем не больше вашего. Ги уехал в Калифорнию, мы развелись — на том наши отношения и закончились. Больше я о нем ничего не слышала.

— Быть может, вы расскажете о нем подробнее? Что за человек был Ги Вудхаус?

Розмари ответила не сразу. Сперва она откашлялась, обвела зал быстрым рассеянным взглядом и только после этого сказала:

— Я уже упомянула во вчерашнем телесинтервью, что мой бывший супруг был актером. И актером неплохим. Он участвовал в трех бродвейских постановках: «Лютер», «Никто не любит альбатроса» и «Под прицелом». Как вы догадываетесь, наши отношения отнюдь не были безоблачными... Однако следует отдать Ги должное: в общем и целом он был достаточно милым человеком, заботливым и неэгоистичным мужем...

Энди решительно прервал ее и, чтобы смягчить резкость, ласково взял руку матери в свою.

— Извините, друзья,— сказал он, обращаясь к журналистам,— по есть области, в отношении которых память не до конца вернулась к моей маме. Давайте лучше сменим тему. Итак, мы ждем следующий вопрос. Вот вы, пожалуйста.

Розмари хотелось поговорить с сыном наедине. Однако в гостиную ее номера на седьмом этаже, куда они спустились после пресс-конференции, толкалась по меньшей мере дюжина сотрудников головной, нью-йоркской, организации «Божьих Детей».

Один официант предлагал холодные напитки, другой выполнял роль бармена и готовил коктейли для гостей.

Диана Калем с ходу представила Розмари главу юридического корпуса, а также директора издательства «БД». Розмари за шумом не разобрала их фамилии. Запомнила только имена. Юриста звали Уильям, а издательницу — Сэнди.

Только-только Розмари успела перекинуться с ними парой фраз и выпить первый «гибсон», как ее плеча коснулся Энди, который с виноватым видом объявил, что ему пора убегать: дела, дела... Она лишь секундочку могла полюбоваться воистину прекрасными светло-кариыми озерами его глаз, глядевшими так невинно, так ласково. В следующий момент он уже повернулся к Уильяму и Сэнди, извинился перед ними и отвел мать в сторонку.

— К сожалению, мама, я не могу остаться. Должен увидаться с одной шишкой из дуизианского департамента здравоохранения. О встрече мы договорились неделю назад, так что отменять неловко. Смутно помню, что будет предметом разговора, и не могу предугадать, как долго он продлится. Если тебе что-то понадобится или ты захочешь вечером посетить театр, обратись к Диане, Джуди или Джо. Ферма ван Бурена находится в Пенсильвании. Доберемся туда на машине. Выезжаем завтра в полдень. — Энди кивнул в сторону своего шофера, стоявшего у окна: — Джо заедет за тобой.

Он чмокнул Розмари в щеку и быстрым шагом вышел из номера.

А Розмари так и осталась у стены, впериw задумчивый взгляд в Джо, который был футах в двадцати от нее. Держа в руках высокий стакан, он замер у окна — то ли засмотрелся вниз на что-то, то ли просто глубоко задумался. Крупный и осанистый мужчина — как говорится, очень представительный, даром что в пехитром джинсовом костюме; похоже, нынче мужчины носят джинсы с утра до ночи и где угодно. Голову Джо убелили внушительные седины, од-

нако для мужчины его возраста он был на диво привлекателен — можно даже сказать, сексуально привлекателен. Розмари ощутила что-то вроде смутного эротического желания. Это было ново для нее. Подобное чувство давненько ее не посещало.

А между тем этот Джо самый что ни на есть старик. Да-да, он не моложе ее. Пожалуй, даже года на два старше — стало быть, ему лет шестьдесят. Хотя она может и ошибаться — нет опыта угадывать точный возраст престарелых мужчин...

В этот момент Джо резко обернулся и поймал ее взгляд. Она дружелюбно улыбнулась ему.

— Розмари, — тронула ее за локоть Диана Калем, — позвольте познакомить вас с Джемом, нашим финансовым директором.

Розмари обернулась и увидела низкорослого востроносецкого мужчину с хитрющими глазками, которые загадочно поблескивали за стеклами круглых очков. Джей вполне соответствовал своему имени*: он был похож на пронырливую сойку, разве что черные как смоль волосы были позаимствованы от папаши или дедушки-ворона.

— Большая честь познакомиться с вами! — защебетал Джей. — Какое счастье вповь обрести сына! А как хорош был ваш проезд в экипаже! Диана, ты просто гений! Это же надо — придумать такое! Почти часовой прямой репортаж на весь мир! На весь мир! Какая реклама! Какое шоу! И все за каких-то пятьсот долларов за наем экипажа и кучера в цилиндре! Да и эти пятьсот долларов мы едва ли заплатим: вряд ли конюшня осмелится потребовать с нас деньги: мы сделали им такое шикарное паблисити! Гениально, Диана, просто ге-ни-аль-но!

Болтовня Джея не понравилась Розмари. Она извинилась и направилась к стойке бара — наполнить свой бокал.

* Jay (англ.) — сойка.

— В наше время не часто заказывают «тибсон», — заметил бармен, смешивая коктейль, популярный в шестидесятые годы.

— Мама Энди! — послышался за спиной Розмари приятный мужской голос.

Она обернулась и увидела Джо. Шофер протягивал ей тарелочку с соленой соломкой.

— Вот, раздобыл, — сказал он с улыбкой.

— Спасибо, Джо, очень мило с вашей стороны.

Джо попросил у бармена порцию виски, и они с Розмари отошли к окну, где принялись уплетать соломку, заговорщически поглядывая друг на друга и широко улыбаясь. У него были темно-карие выразительные глаза. А носу, похоже, досталось: он явно пострадал от чьих-то кулаков, и не раз.

— Вкусно, — вздохнула Розмари, когда они прикончили всю соломку.

— М-м-м, — подтвердил он, вытирая губы салфеткой. — Должен сказать, я очень горжусь тем, что имею возможность близко знать вашего сына и помогать ему. Я решил было, что мои лучшие годы уже позади. Оттрубил не один десяток лет полицейским — тут, в Нью-Йорке. Дали золотую бляху за выслугу и доблесть... Ну, и как бы все — остается только доживать. А вышло, что я ошибся. И теперь, когда объявились вы, я уж и вовсе не знаю, как благодарить судьбу! Ей-ей, не знаю, что и сказать... так распирает!

— А вы скажите: за ваше здоровье! — лукаво вернула Розмари с кокетливой улыбкой.

— Хорошая мысль.

— За ваше здоровье! — разом произнесли они, чокнулись и выпили.

Ее цепкий взгляд уже определил, что на его руке нет обручального кольца. Хотя нынче другое время, и отсутствие обручального кольца, быть может, ни о чем не говорит...

— Если вас кто обидит или случится еще какая неприятность,— сказал Джо,— смело идите ко мне. Я вас и утешу, и оберету. Вы теперь знаменитость, а значит, вокруг вас будет вертеться сколько угодно разных придурков. Только свистните мне — я мигом с любым разберусь!

— Хорошо, договорились.— очень серьезно сказала Розмари.

— Когда Энди в отъезде,— продолжал Джо,— или просто очень занят, но я ему не нужен, ищите меня возле киоска с прохладительными напитками на сороковом этаже, рядом со спортивным залом. Я там частенько опшиваюсь, когда делать нечего. Случается, и в спортивный зал зайду. А живу я, считай, через дорогу — на Девятой авеню. Так что при необходимости обращайтесь ко мне без всяких сомнений.

— Непременно,— кивнула Розмари.— Вот только вашу фамилию я не знаю.

Он тяжело вздохнул, будто хотел попенять: и далась вам моя фамилия...

— Маффия,— сказал Джо. И добавил, грозно тряхнув в воздухе двумя пальцами: — Только с двумя «ф». Если у вас уже возникли вопросы, отвечаю сразу: к мафии я никакого отношения не имею, зато уважают меня, как будто имею.

Розмари рассмеялась:

— Какой вы срипистый! Я думаю, вы бы заставили себя уважать, будь вы даже каким-нибудь Смитом или Джонсом.

Сзади к ней снова подкралась Диана Калем.

— Розмари, милая,— сказала она, почти властно беря маму Энди за локоть,— с вами хочет познакомиться Крейг, директор нашей телеслужбы.

Розмари сделала шаг навстречу Крейгу.

— Не забудьте, выезжаем завтра в полдень,— бросил ей вдогонку Джо.— Будьте готовы к этому времени!

Ей не хотелось обидеть Джо Мафффио — как бы он не подумал, что им пренебрегают, — и первые четверть часа поездки Розмари активно поддерживала разговор втроем. Не потому, что хотела показать свою демократичность по отношению к шоферу, а потому, что Джо нравился ей как человек.

Не отрывая взгляда от дороги, Джо с живостью пояснил ей, чем «Викинги» лучше «Ковбоев» и почему они непременно выйдут в финал. А она шутливо поведала Джо и сыну о том, как ее «достали» обязательные выходы на балкон спальни — поприветствовать толпы зевак внизу. В такие моменты она кажется себе самозваной принцессой.

Но когда они выезжали из туннеля Линкольна, Розмари решила, что пора прекратить светскую болтовню и серьезно побеседовать с сыном. Во время подходящей паузы в разговоре она сделала едва приметный знак Энди, тот понял ее и нажал кнопку на подлокотнике справа от себя. С легким шорохом поднялась перегородка из толстого затемненного стекла и наглухо отделила их от передней части машины. Теперь Розмари видела перед собой лишь контур шоферской головы, размытый образ его лысеющей макушки.

Она осталась наедине с Энди как бы в уютной тихой комнатке, где царили тень и прохлада. Если машину слегка и покачивало на отменно ровном скоростном шоссе, то приятно, ненавязчиво.

Скосившись на перегородку, Розмари процедила:

— Энди, мне так не по себе от того, что приходится взвешивать каждое слово, когда я говорю о Ги, о разводе и о...

— Да брось ты, мама, — ласково остановил ее Энди. — Один разочек отступилась за всю пресс-конференцию. Не велика беда!

— А каково мне будет отвечать на вопросы о Минни и Романи!

Он почти равнодушно пожал плечами:

— Ну так плюнь на все эти интервью. Если они не доставляют тебе радости, а только душу бередают и заставляют смущаться и ловчить, — откажись от встреч с журналистами. Но мне кажется, ты держалась молодцом и говорила замечательно. Вот, пробеги глазами.

Он вынул из кейса пару газет таблоидного формата, выходящих миллионными тиражами. На первой странице каждой было огромное фото: Энди целует свою мать в щеку во время пресс-конференции. Заголовок в одной газете гласил: «Благодарный сын». В другой: «День благодарения».

— Без особой выдумки, зато на первой полосе, — сказал Энди. — Да, кстати, нам совсем не обязательно шутиться. Джо обычно сразу же врубает музыку или слушает спортивные передачи. Но и без этого стекло абсолютно звуконепроницаемо — я сам проверял.

— Понятно, — кивнула Розмари. — Ну а как насчет остальных твоих сотрудников? Кто в курсе? Диана? Уильям?

— Никто — ничего — не — знает, — отчеканил Энди.

— Как, неужели никто из них не принимает участие в?..

— В чем? В колдовских играх? В поклонении Сатане?

Она энергично кивнула.

Энди рассмеялся:

— Могу побожиться, что никто из них ни в чем таком не замешан. Водовства и сатанизма я хватил в своей жизни предостаточно. Хватило бы на десять искореженных судеб. Рад сообщить тебе, что все сотрудники «БД» — я имею в виду ключевые фигуры — были выбраны и приглашены мною лично. И уже после того, как я окончательно решил пойти наперекор злой воле, вбросившей меня в этот мир для его разрушения. Мои сотрудники — порядочные и проверенные люди. Скажем, Уильям был американским послом в Финляндии при трех президентах. Диана на протяжении тридцати пяти лет являлась членом гильдии теат-

ральных критиков, а под конец и вовсе возглавила ее, то есть была своего рода некоронованной королевой американского театрального мира. Уильям и Диана не имеют ни малейшего понятия, ради какой гнусной цели создавался в свое время фонд «Божьи Дети». Сейчас они работают в организации, которая бескорыстно помогает людям по всему земному шару, и гордятся тем, что служат важнейшими двигателями столь великого начинания. То же можно сказать и об остальных моих соратниках из руководящего аппарата «БД».

Розмари недоверчиво сдвинула брови:

— Но откуда, по их мнению, взялось столько денег — для такого разворота?

— Они над этим не слишком задумываются, — ответил Энди. — Полагают, что первоначальный источник моих средств вполне банальный: частные пожертвования очень богатых людей. Согласно бумагам — а документация у нас в идеальном порядке, комар носа не подточит! — основой фонда послужил дар анонимной группы благородно мыслящих промышленных магнатов. Так что нам не страшно никакое расследование — хоть бы и на уровне Конгресса США! А что касается моего настоящего отца... — Энди, затрагивая эту деликатную тему, предусмотрительно взял руки матери в свои и доверительно склонился в ее сторону. — О нем знают во всем мире только два человека: ты да я. Знаешь, мне сейчас припомнилось кое-что, но вернемся к этому позже; если вдруг забуду — непременно напомни. Итак, в мире только два человека знают о том, кто мой истинный отец: ты и я. Именно поэтому я так безмерно рад нашему воссоединению. Что ты моя мать — это поддела. Для меня важно и то, что ты знаешь истину о том, кто я такой. И следовательно, от тебя — и только от тебя! — я могу не прятать правду. Возможно, и ты — сознательно или безотчетно — испытываешь то же чувство по отношению

ко мне. Скажи, скольким людям ты рассказала о той роковой ночи?

Она медленно покачала головой:

— Никому. Не знаю, согласишься ты или нет, но я никому и никогда не рассказывала о той, как ты выразился, роковой ночи.

— Я верю, — очень просто ответил Энди.

Они посмотрели друг другу в глаза и в едином порыве обнялись.

— Я так тебя люблю! — прошептал он ей в ухо.

— О Энди, дорогой, я так люблю тебя! — выдохнула она в ответ.

В каком-то исступлении они стали страстно целовать друг друга; поцелуи приходились куда попало: в виски, в щеки, в уголки губ. Наконец Розмари, словно придя в себя, легонько оттолкнула сына.

Они отодвинулись друг от друга.

Почти отшатнулись.

Оба тяжело дышали.

Энди уже знакомым Розмари жестом обеими руками убрал со лба длинные волосы, отвернулся к окну и чуть приспустил стекло, пустив в салон свежий ветер.

Розмари отвернулась к своему окну и рассеянно проводила глазами мелькнувший мимо большой торговый центр.

Машина мчалась вперед.

Молчание.

Рыжеватые холмы за окном.

— Стэнли Шанд погиб девятого ноября.

Розмари вздрогнула и взглянула на сына.

— Да, именно в тот день, когда ты вышла из комы, — сказал Энди. — Более того, он умер в самом начале двенадцатого — то есть чуть ли не минута в минуту с твоим чудесным пробуждением. Его сбила машина на Бродвее. Мгновенная смерть.

Розмари молча испуганно моргала.

— Я все собирался тебе сообщить, выжидал подходящий момент, а потом как-то забыл про это. Вспомнил только пять минут назад, когда мы заговорили о моем настоящем отце... Так вот, смерть Стэнли Шанда в тот же день и час, когда ты проснулась, не может быть простым совпадением. Он был последним, тринадцатым членом брэмфордского собрания, до сих пор не ушедшим к праотцам. Роман Кастивет не раз повторял, что заклатья делятся на вечные и на временные, которые рассеиваются со смертью последнего из заклинавших. Я, вероятно, так бы ничего и не узнал об участии Стэнли Шанда, но он завещал мне одну из своих драгоценных старинных гравюр. Его адвокат связался со мной — так мне стало известно, что Стэнли Шанда больше нет на этом свете. Жалеть о нем особенно не приходится... И тем не менее именно он научил меня рисовать, научил понимать музыку... и регулярно пользоваться зубной нитью. Насколько первое и второе мне пригодилось в жизни, можно только гадать. Зато зубы — вот они. Загляденье!

Энди оскалился.

Розмари рассмеялась. Но уже через мгновение печально вздохнула.

— Жаль, Стэнли Шанд так зажился! — сказала она. — Нет бы ему отбросить коньки хотя бы несколькими годами раньше!

— Ты бы от этого не слишком выиграла. Старушка Лия Фаунтэн проскрипела больше ста лет. И дала дуба только пару месяцев назад.

Они помолчали. Машина плавно свернула с главного шоссе.

— Ах да, Энди! — спохватилась Розмари. — С этими процедурами, осмотрами и прочим я так уставала в лечебнице, что вечером уже не могла читать — сразу засыпала. А уж последние два дня и вовсе были... просто дурдом!

Впрочем, я даже вчера полистала кое-какие журналы, но пока еще не до конца восполнила пробелы... Словом, я уже позабыла, кто такой Майк ван Бурен, к которому мы едем. Тот евангелический телепроповедник, что возглавляет Христианский консорциум?

— Нет-нет! — рассмеялся Энди. — Телепроповедник — это Роб Паттерсон. А Майк ван Бурен — бывший телекомментатор, который со скандалом вышел из республиканской партии и теперь баллотируется в президенты в качестве третьего, независимого, кандидата.

— О Боже! Как мне все это упомянуть?! — с деланным ужасом воскликнула Розмари. — Только бы не перепутать все на свете во время разговора с ними!

Глава 6

Сидящий во главе стола Майк ван Бурен смотрелся отлично: белая сорочка, красный галстук, синий костюм и золотой значок «Я люблю Энди».

Нетерпеливо поигрывая ножом в одной руке и большой двузубой вилок — в другой, он вскочил и отошел в сторону, дабы Брук, его сестра и руководитель избирательной кампании, могла водрузить на стол фарфоровый поднос, на котором высилась огромная, посыпанная петрушкой индейка.

На Брук было синее платье, под стать костюму брата, и спешно-белый передник.

Гости встретили появление индейки дружными аплодисментами.

Все лица были чудесным образом облагоуханы дивными отблесками богато накрытого стола: казалось, свет упруго отскакивает от белой скатерти, от белого фарфора, от серебра и прозрачных бокалов — чтобы лечь восхитительными бликами на физиономии присутствующих, превращая их из просто гостей в Сотрапезников.

Брук, словно выполнив некое священнодействие, медленно отошла от стола.

Майк возбужденно потряс ножом и двурогой вилкой и громыхнул:

— Ура бесценной Брук! Ты бесподобна! И да здравствует наша повариха Дина! Виват!

Розмари сидела по левую руку от ван Бурена. Аплодируя Брук и Дине, она с интересом разглядывала гостей.

Их было по двенадцать с каждой стороны длиннейшего стола. Все мужчины — все! — были одеты одинаково: белая сорочка, красный галстук, синий костюм. Цвета республиканцев — хотя здесь собрались «отщепенцы», представители отколовшегося крыла республиканской партии.

Значки с надписью «Я люблю Энди» — самых разнообразных размеров и форм — имелись на груди у каждого — за вычетом, конечно, самого Великого Психоманипулятора.

Энди, в синем костюме и белой сорочке с красным галстуком, был так красив, что Розмари надолго задержала на нем взгляд — не могла налюбоваться. Наконец-то, в кои-то веки он одет более или менее благопристойно. А то все джинсы да курточки!

— Друзья мои! — провозгласил ван Бурен, отложив нож и двурогую вилку и с торжественным видом дождавшись полной тишины. — Прежде чем мы продолжим... — Он с улыбкой обвел глазами всех гостей и остановил взгляд на самом почетном из них. — Энди, не окажешь ли ты нам честь, прочитав молитву?

— Нет, сэр, — улыбнулся в ответ Энди. — Разве я посмею, когда за столом присутствует сам Роб Паттерсон!

Раздался гул одобрительных голосов.

Марк Мид, исполнительный директор возглавляемого Паттерсоном Христианского консорциума, отрываясь от своей хорошенькой соседки слева, которой он что-то нашептывал, крикнул через стол:

— В самую точку, старина! Молодец, Энди!

Паттерсон, сидевший справа от Розмари, встал и чинно изрек:

— Спасибо, Энди. Никогда в своей жизни не был так польщен. А теперь прошу всех взяться за руки...

Розмари встретила взглядом с сыном. Энди быстро подмигнул ей и, чтобы законспирировать свою проказу, сразу же потер глаза, словно в него что-то попало.

После относительно короткой общей молитвы ван Бурен приступил к священнодействию: начал разрезать индейку на части. Поговаривали, что в этом искусстве ему нет равных.

И действительно, Майка ван Бурен умел так проворно, так точно и с таким неописуемым шармом управиться с индейкой, что за этот спектакль можно было деньги брать со зрителей — как за представление фокусника.

Какой-то остряк назвал этот мини-спектакль «па-де-де “День благодарения” в исполнении жареной индейки и Майка ван Бурена». Особую прелесть номера составляло то, что «танцор», артистически и в лихом темпе орудуя ножом и вилок, не прекращал болтать и балагурить.

Сейчас он обращался к матери Энди:

— Поскольку я сам в прошлом работал на телевидении, то могу, как бывший профессионал, в полной мере оценить, до какой степени вы блестяще держались во время съемок. От вас исходил такой покой, такая царственная сила и уверенность в себе — прямо ух!!!

— Спасибо, — поблагодарила Розмари.

— Вы искренняя и чистосердечная, и это бросается в глаза. Искренность и чистосердечие — что может быть прекрасней в женщине?

— А в мужчине это недостатки? — лукаво спросила Розмари.

— Ну вот! Вы вдобавок еще и остроумны! — хохотнул ван Бурен, не прекращая священнодействовать над индейкой. — Остроумие — еще одна черта, которую я ценю весьма и весьма высоко!

— Розмари, дорогая,— обратился к ней Роб Паттерсон. Она повернулась к проповеднику.

— Энди проявил такую трогательную деликатность по отношению ко мне,— вполголоса продолжил тот.— Типичный пример его безмерного великодушия и доброты. Этот эпизод навсегда останется в сокровенном уголке моей памяти, предназначенном для наилучших воспоминаний!

Она ответила дружеской улыбкой и поблагодарила проповедника за добрые слова о сыне.

— Иногда, Розмари,— плавно струилась вкрадчивая речь Паттерсона, который как бы от избытка чувств возложил свои длинные пальцы на кисть ее правой руки,— иногда мне кажется, что Энди даже слишком великодушен и добр. Многие, увы, пользуются мягкостью его сердца. Взять хотя бы ярых атеистов — их отношение к зажжению свечей. Надеюсь, вы не разделяете непомерную терпимость вашего сына. По-моему, ни в коем случае нельзя потакать им — их позиция возмутительна! Я полагаю, что в этом вопросе прав Майк ван Бурен: ярых атеистов надо попросту принудить, дабы они не испортили праздник всему человечеству!

Розмари уже слышала толки о ярых атеистах по телесвидению, да и сын говорил что-то ироническое об атеистах-параноиках. О свечах было упомянуто в одном из рекламных роликов «БД», однако тогда она не вслушивалась в комментарий. Словом, она понятия не имела, на что намекает Роб Паттерсон. А надо было как-то отвечать...

Розмари украдкой стрельнула глазами направо-налево в поисках помощи. Однако Великий Психоманипулятор был занят разговором с Великим Индейкоразрезателем.

Ее выручила соседка Паттерсона. Женщина кокетливо хлопнула его по руке и капризно сказала:

— Полноте вам, Роб! Опять вы взялись громить ярых атеистов. Вы забываете, что нынче День благодарения, а не проклятий и сарказмов. Ведь я права, Розмари? По словам

Энди, несколько тысяч свечей не сделают погоды и самые тупоголовые атеисты вольны вытворять что им угодно. Они не испортят всеобщее торжество. Раз сам Энди так говорит — для меня этот вопрос закрыт... Ах, Розмари, душечка, я полагаю, вас так и распирает от гордости за сына!

Тут соседка Паттерсона сделала короткую паузу, вздохнула и простодушно прибавила:

— А у нас с Мерлем растут оболтусы — благословляем небеса, если они умудряются продержаться в одной школе два года подряд!

— Энди, тебе не трудно передать мне сельдерея, — попросил Марк Мид, отлипая от своей хорошенькой соседки слева, к которой его влекла неведомая сила.

Во время возникшей паузы Розмари встретила глазами с Джо, сидевшим в дальнем конце стола. Он поприветствовал ее едва заметным движением пальцев.

Розмари улыбнулась ему и шевельнула пальцами в ответ.

Джо тоже выглядел очень привлекательно в традиционном наряде республиканцев. Он чуть рассеянно слушал соседку, миссис Луш Рамбо, и солидно кивал головой.

— Ах ты черт! Проклятье! — вдруг взревел хозяин дома и выронил нож. Из порезанного пальца на светлую грудку индейки закапала кровь.

Розмари вздрогнула всем телом и поспешно протянула ван Бурену полотняную салфетку.

Как только Энди плюхнулся на сиденье лимузина, Розмари привалилась к нему и положила голову на плечо сына.

— Уфф!!! Как же я устала! Как же я объелась! — весело запричитала она.

Ей было неловко признаться, что она и выпила чересчур много. Голова изрядно кружилась. Но было ощущение исполненной трудной работы: она обошла все подводные кам-

ни в разговорах, не перепутала ни одного имени и вроде бы ни разу не выказала себя дурочкой.

Энди ласково обнял ее и, посмеиваясь, легонько потряхнул.

— Ах, моя бедная малышка, — сказал он, осыпая поцелуями маковку ее головы, — солоно тебе пришлось среди этих надутых индюков и болтаивших индюшек. Спасибо за мужество, большое спасибо. А кормят у ван Бурена недурственно. Какие блюда, какие подавки! Да и сервировка — ого-го!

Розмари замычала что-то в ответ, потом выпрямилась и заглянула сыну в глаза.

— Я сошла с ума, — сказала она, — или ужин действительно был затеян как почти точная копия картины Нормана Роквелла?

Энди округлил глаза, потом хлопнул себя по лбу.

— Да! Да! — воскликнул он. — Вот почему мне все время казалось, что я где-то это видел! Ты совершенно права. Кругом сказочная белизна — и пятна неказистых, но внушительных бокалов...

— Ты вспомни еще синее платье Брук и ее белый передник! Насколько я помню, у Роквелла тоже есть подобная женская фигура. Нас прелестно разыграли!

Они еще посмеялись над милой выходкой ван Буренов и устало затихли. Машина на огромной скорости неслась вперед, приятно покачивая пассажиров.

Мимо летели придорожные огни, порой почти сливаясь в горизонтальные полосы.

— О, кстати! — вспомнила Розмари. — Насчет свечей. Я в каком-то ролике слышала упоминание, но не разобралась...

— Это один наш проект, довольно большой, — пояснил Энди. — Расскажу позже... Послушай, тебе не показалось, что Марк Мид — педик?

— Показалось. Хотя он вроде бы усиленно обхаживал и тискал свою соседку слева.

— В промежутках он кокетничал и заигрывал со мной. У меня уши распухли от его любезностей.

— За мной тоже ухаживали,— со смехом заявила Розмари.— Ван Бурен весь вечер осыпал меня комплиментами, даже неловко было перед его женой. Я, оказывается, и чистосердечная, и искренняя.

— Это не лесть, а чистая правда.

— Да какая там правда! — вздохнула Розмари.— Весь мир обманываю перед телекамерами.

— Послушай, мы же договорились: если тебе претят интервью, Диана Калем сумеет изящно отфутболить любых журналистов и избавит тебя от бремени общения с прессой.

— А как быть с другими людьми? Ведь с кем-то мне придется общаться.

Энди промолчал.

Отвернувшись друг от друга, они безмолвно смотрели на проносившийся за окнами пейзаж.

Джо сбросил скорость — въезжали в город.

— Надеюсь, ты понимаешь, отчего он вился вокруг тебя? — промолвил Энди, нарушая затянувшееся молчание.

— Ты о ком? — спросила Розмари, поворачивая голову в сторону сына.

— О ван Бурене.

— Почему он вился вокруг меня? Потому что я «искренняя и чистосердечная». И к тому же, опять-таки по его словам, остроумная.

— И ты поверила во всю эту чушь? — сказал Энди, иронически хмыкнув.— Запомни, твое главное определение отныне — «нужная». Твоя подпись на какой-нибудь петиции, или прокламации, или декларации поистине бесценна. Твое присутствие на каком-либо событии будет выводить это событие на первые полосы всех газет. Достаточно прес-се проведать, что ты благосклонна к ван Бурену, что ты

встречаешься с ним,— и его предвыборный рейтинг взлетит до небес.

Розмари свернула сына недоверчивым взглядом.

— Да ну тебя, вечно ты шутишь! — наконец сказала она.

Энди рассмеялся:

— Мамочка, пора тебе врубиться в ситуацию. Ты теперь важная, влиятельная персона. Будешь решать судьбы мира, ибо народ возлюбил маму Энди еще больше, нежели самого Энди.

— Не издевайся! — Розмари шутиливо ткнула сына кулачком под ребра.

Он снова рассмеялся.

Розмари придвинулась к сыну и уютно устроилась на его плече.

За окном мерно мелькали пестрые огни.

— Расскажи о своем визите в Белый дом,— попросила она.— Тебе понравилось?

На протяжении следующих пятнадцати миль Энди описывал достаточно бурную и веселую вечеринку у президента.

— Да, любопытно,— кивнула Розмари, когда сын закончил свой рассказ. Вспомнив жаргон своей молодости, она прибавила: — Классно погудели.

Энди фыркнул, вздохнул и важно изрек:

— Всем хороши консерваторы. Да вот только, как ни крути, с демократами веселее!

— Это настоящий экспресс,— объяснял Энди.— Остановок всего шесть: подземный гараж, холл на первом этаже, затем этажи с восьмого по десятый — и сразу мои апартаменты на макушке. Электронный ключ от комнат только у меня. Таких суперскоростных лифтов лишь шесть во всем городе. Две тысячи футов в минуту! В час это будет...

Розмари протестующе замахала руками:

— Избавь меня от технических подробностей!

Они стояли, прижавшись друг к другу, внутри тесной цилиндрической капсулы. От телефонной будки кабинку отличала только исключительная роскошь отделки: до уровня плеч — красная кожа, а выше и на потолке — полированный металл с тусклым желтым отливом. Кажется, медь. А может статься, и чистое золото: тут все так безумно дорого, что ни за что ручаться нельзя...

Лифт мчался вверх с захватывающим дух ускорением — настоящая ракета!

Энди довольно усмехался, а Розмари было не по себе.

Что за радость, когда твой желудок проваливается куда-то к копчику!

— Я тут трахался несколько раз, — с ухмылкой сообщил Энди. — Ощущение — непередаваемое!

— А уж этих подробностей я тем более не желаю знать! — с упреком заявила Розмари.

— Ну вот, приехали. Мой пятьдесят второй этаж. Береги нервы: сейчас ты увидишь самый потрясающий вид во вселенной. Всем видам вид!

Створки лифта раздвинулись. Энди вышел первым и щелкнул выключателем. Скрытые светильники залили слабым, призрачным светом огромное, великолепно декорированное помещение, похожее на артистическую студию. Дальняя стена была целиком из стекла. За ней — россыпь звезд на черном небе, помигивающие огоньки самолетов и внушительная тарелка почти полной луны.

— Ох, Энди! — тихо воскликнула Розмари, прикусывая губу от восторга.

Он помог ей снять пальто, бросил его на ближайший диван и подвел мать ближе к стеклянной стене. Розмари долго молча вбирала в себя прелесть звездного неба, потом опустила взгляд вниз. Там темнел ковер парка, за которым начиналось море огней Ист-сайда — причудливой

прелестью они напоминали иллюминацию исполинской ярмарки.

— Почти идеальная ночь,— наконец нарушил молчание Энди. Обняв мать со спины, он поглаживал ее плечи. Розмари откинулась затылком на его грудь и в упоении покачивалась.

Энди наклонил голову и, сверкнув зубами в полутьме, поцеловал мать в висок.

— Правда, я заказывал полную луну. А они, прохиндеи, выставили только три четверти. Придется устроить скандал.

Розмари улыбнулась. Ей было так хорошо, что не хотелось даже разговаривать, и она лишь молча поглаживала руку сына, лежащую на ее плече.

— Это Уайтстоун-бридж,— объяснял Энди, показывая рукой.— А вон там начинается Квинс...

— Изумительно, невероятно...— выдохнула Розмари.

Руки Энди упали ей на талию. Он повернул мать к себе, наклонился к ее уху и с чувством, медленно поцеловал его краешек.

— В моей жизни тоже был зияющий разрыв длиной в двадцать семь лет,— шепотом произнес он, обжигая ее горячим дыханием.— Только я пробудился самостоятельно, усилием воли.

— Энди...

— Тебя не было рядом, когда во мне пробудилось первое влечение к женщинам,— быстрым шепотом продолжал он.— И все же нас связывают дивные, могучие узы — чудесное напряжение. Ты для меня как прекрасная незнакомка, которая вдруг вошла в мою жизнь. Конечно, ты старше меня — однако нет тебя желаннее, ибо для меня ты самая красивая женщина на планете...

Он еще теснее прижал Розмари к себе, и она внезапно ощутила его губы на своих губах. Его язык силой прорвался в ее рот и соединился с ее языком.

Все произошло так быстро, что Розмари не успела отшатнуться. Чуть опомнившись, она вырвалась из объятий сына и поспешно отступила назад.

Энди, тяжело дыша и впившись в Розмари тигриным взглядом, простер к ней руки.

Было достаточно света, и она отчетливо видела, что его глаза сейчас имеют тот, прежний, цвет и уже позабытый ею нездешний блеск.

Розмари проворно вытерла губы тыльной рукой ладони. Ее трясло. Она была поражена тем, что он сделал, и переменной, произошедшей с его глазами.

— Твои прежние глаза... — дрожащим голосом пролепетала она.

Энди опустил руки, выровнял дыхание, потупился на пару секунд — и поднял на нее спокойный взгляд. Теперь у него опять были светло-карие глаза — пусть и красивые, но вполне банального оттенка.

Он слабо улыбнулся:

— Ну вот, глаза снова в порядке. Они ведь у меня такие благодаря... как бы это сказать... ну, потому что я так хочу.. А тут я немножко утратил контроль над собой.

Розмари продолжала ошарашенно смотреть на сына.

— Немножко? — изумленно переспросила она. — Что значит «немножко утратил контроль над собой»?

Он посмотрел ей прямо в глаза и отчеканил:

— Ты единственная в мире женщина, единственный в мире человек, с которым я могу быть самим собой!

В середине этой фразы его глаза на пару мгновений изменились на природные — «тигриные», пчеловеческие. Будто он показывал свою истинную сущность и свою способность в любой момент вернуться к ней.

Энди замолчал. Потом тряхнул головой, словно отгоняя какое-то наваждение, и, посмотрев на мать нормальными глазами, ровным голосом сказал:

— С любым другим человеком мне приходится быть откровенным лишь до какого-то предела. Даже в полной

темноте я не могу быть самим собой в чем бы то ни было присутствии.

Розмари повернулась к гигантскому окну и, устало массируя виски, медленно проговорила, не глядя на сына, который дышал где-то за спиной:

— Прости меня, Энди. Я, конечно, сочувствую тебе. Я очень люблю тебя, но...

Она осекалась.

Сын сделал несколько быстрых шагов и встал перед ней, повипно склонив голову.

— О, это мне, мне надо просить прощения! — с жаром воскликнул Энди, поднимая на нее полные слез глаза. — На самом деле я потерял над собой контроль не немножко, а «множко», даже очень «множко». Клянусь, это больше никогда не повторится. Никогда! Пожалуйста, прости меня. Ради всего святого, прости меня!.. Я все собирался тебе сказать — и все не мог... Словом, завтра я должен уехать. И теперь вижу, что это даже к лучшему. Ну да, конечно к лучшему! А ты можешь пока что повестить своих родных. Я же проведу несколько дней в своем поместье в Аризоне, а затем отправлюсь в Рим и Мадрид. Вернусь шестого декабря.

Розмари коротко вздохнула.

— Хорошо, — сказала она. — По-моему, это правильно... Очевидно, мы оба... нам хотелось как-то компенсировать все эти потерянные годы... Словом, похоже, мы немного перестарались.

— Не вини себя, — произнес Энди. — Вина моя, и только моя.

— Запомни, Энди, никогда — ты слышишь, никогда! — не вздумай сделать это еще раз.

— Клянусь, это никогда больше не повторится.

Розмари глубоко вздохнула.

— А теперь я пошла. Спокойной ночи. Ты когда уезжаешь?

— Завтра рано утром. Джо отвезет меня в аэропорт. Но он остается здесь, чтобы всегда быть у тебя на подхвате.

При необходимости не стесняйся обращаться к нему. И все остальные мои сотрудники будут с охотой исполнять каждое твоё желание. Номер телефона, по которому ты в любой момент можешь связаться со мной, я тебе уже дал.

Они пошли к лифту. Розмари по пути взяла с дивана своё пальто.

— Спасибо тебе за все, — сказала она, останавливаясь у лифта. — Счастливого путешествия.

— Тебе тоже. Ведь ты поедешь?

— Возможно.

Затем, робко покосившись на сына, она прибавила:

— Помни, я люблю тебя.

— И я тебя. Надеюсь, ты не будешь держать зла.

— Знаешь, я бы предпочла обычный лифт.

— Поезжай лучше на этом, а на первом этаже переседешь на обычный и поднимешься на свой седьмой. Поверь мне, так будет вдвое быстрее.

— Может, и быстрее, — проворчала Розмари. — Да только у меня морская болезнь от этой штуковины.

И тем не менее Розмари нажала на кнопку. Створки разошлись, и она вошла в кабинку, которая сейчас напомнила ей купе пудмановского вагона.

Она повернулась и на прощание помахала сыну рукой. Он в ответ послал ей воздушный поцелуй.

Створки сомкнулись.

Розмари хотела было нажать кнопку первого этажа, но вместо этого коснулась кнопки «Открыть дверь».

Энди, успевший отойти на несколько шагов от лифта, повернулся на звук, удивленно скидывая брови.

— Свечи, — пояснила она. — Ты забыл рассказать.

— А-а! — протянул Энди и с улыбкой пожал плечами. — Это так, одна задумка. Мы собираемся зажжением свечей встретить приход двухтысячного года. На мой вкус, идея пошловатая и ребяческая, но людям она очень нравится. Против только кучка ярых атеистов. Предполагается, что

каждый человек встретит двухтысячный год с зажженной свечой в руке. Даже основная масса атеистов не имеет ничего против. Как говорится, велико ли дело свечку зажечь? Тут и копья не из-за чего ломать. Все мы Божьи дети — не зря мы выбрали для своей организации именно такое название, — поэтому будет очень мило встретить двухтысячный год одной семьей на всей планете.

Услышанное так поразило Розмари, что она даже вышла из лифта.

— Ты хочешь сказать, что все люди по всей стране одновременно зажгут свечи?

— Бери шире — по всему миру! За вычетом разве что горстки бушменов и самых диких папуасов, если таковые где-то остались. На улицах, в парках, в домах и в магазинах, в школах и в церквях, а также в мечетях и синагогах, и даже в борделях — везде, абсолютно везде, где есть люди, будут зажжены свечи. Зажжены разом, в одну и ту же минуту: в первую минуту нового, двухтысячного года. В первую минуту по Гринвичу. Здесь, в Нью-Йорке, это будет семь вечера, в Лондоне — полночь, в Москве — преддверие утра... Эта акция должна символизировать, как говорится в нашем рекламном ролике, «единство обновленного и воспрянувшего к свету человечества».

Розмари широко открытыми глазами смотрела на сына. Он стоял на фоне звездного неба — и вдруг показался ей чудесной, сказочной фигурой. У нее дыхание перехватило.

— Энди! — воскликнула она. — Как у тебя язык повернулся назвать эту идею пошловатой и ребяческой! Это замечательная, это потрясающая идея!

Ноги сами понесли Розмари к сыну.

— О, это будет удивительное зрелище! Миллиард огоньков по всей планете!..

За ее спиной с легким хлопком сомкнулись створки лифта.

— Не один, а целых восемь миллиардов огоньков.— Энди рассмеялся, довольный ее очевидным энтузиазмом.— И сами по себе свечи будут прелестными: небесно-голубыми, с желтой сердцевинкой. Сверху они будут напоминать символику «Божьих Детей»: солнце на голубом фоне.

— О, так это будут особые свечи? — воскликнула Розмари.

— Ну да,— кивнул Энди.— Примерно вот в таком стеклянном сосуде.— Он показал руками размер высокого стакана для коктейлей.— Мы выпускаем их уже в течение целого года. Огромный проект. Четырнадцать заводов в Японии и в Корее. Работают в три смены, без выходных.

— Ах, Энди! Это... это... потрясающе!!! — восхищенно выдохнула Розмари, роняя на пол свое пальто и зачарованно двигаясь по направлению к сыну.— Это бесподобная мысль! И кому первому она пришла в голову?

Он лукаво фыркнул и, улыбаясь во весь рот, сказал:

— А ты угадай с трех раз.

Розмари обняла его и с чувством поцеловала в щеку.

— Ах ты, мой ангел! Какой же ты молодец! Как это чудесно! Благодаря твоей выдумке приход нового тысячелетия станет по-настоящему запоминающимся для всего человечества!

— Стараемся, стараемся,— промолвил Энди, с деланной скромностью потупив глаза, потом лукаво усмехнулся и добавил: — Моей была только общая идея, детали додумали сотрудники.

— Роскошная идея! Роскошная! — продолжала иступленно твердить Розмари, снова и снова обнимая сына и целуя его в макушку.— Я так горда тобой, так горда!

— Ты меня затискала! — с хохотом закричал Энди.— Если хочешь, чтобы я вел себя прилично...

Она ойкнула и шарахнулась в сторону, но уже в следующее мгновение улыбнулась, в последний раз каянула сына

в щеку, подхватила с пола свое пальто и направилась обратно к лифту.

— Желаю тебе приятного-приятного путешествия, дорогой,— сказала она.— И возвращайся домой поскорее — я буду безумно скучать по тебе.

— Я тоже, мамочка.

Она опять залюбовалась его фигурой на фоне звездного неба. Ангел! Настоящий ангел!

В лифт Розмари входила почти пятясь — до последнего мгновения жадно вбирая в свою память чудесную картину: ее сын на фоне черного бархата, усеянного россыпью бриллиантов.

Но вот створки закрылись, и чудо-техника с чудовищной скоростью повлекла ее вниз.

Какая красивая, какая дивная идея! Все цивилизованное человечество зажжет голубые свечи с желтой серединкой в первую минуту двухтысячного года! И это будут цвета «Божьих Детей». Какой праздник! Какое торжество!

Жаль, что несколько упрямых дураков не примут участия в божественном спектакле, но это их личное дело — Энди сам признает, что это их право. Упрямы́ев можно только пожалеть.

Но какой же он чудесный! Воистину ангел! Да-да, суший ангел! Нет ничего удивительного в том, что весь мир обожает ее Энди!

Истинно, истинно сказать: где и когда и какая мать была бы так горда своим сыном, и горда законно?

«Только Мария,— ответила она сама себе,— летя вниз со скоростью две тысячи футов в минуту, только Дева Мария».

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава 7

поездкой в Омаху она решила повременить до Нового года. Все пять сестер и братьев были старше Розмари, и до этого дня дожили только трое: сестра и два брата. С каждым Розмари дважды переговорила по телефону: в первый раз как Рип ван Рози, а во второй — как Мама Энди. Кажется, в сумме получилось на одну беседу больше, чем за целый год до того, как с Розмари расправилась колдовская пайка.

Ее любимец Брайан, слава Богу, присоединился к «Анонимным алкоголикам» и с 1982-го капли в рот не берет; в понедельник у них с Доди, его женой, начинается кругосветный вояж в честь тридцатипятилетия свадьбы, и свечи они затепают в новозеландском порту Окленд.

Эдди, которого Розмари любила меньше всех, ничуть не изменился, если судить по его речам. «Передай Энди, что дядюшка Эд от имени тридцати тысяч членов профсоюза упаковщиков мяса почтительнейше советует не быть такой тряпкой с атеистами-параноиками. Правильно говорит ван Бурен: они у нас зажгут свечи! Под прицелом, если понадобится!»

Джуди — «мисс Вассар-колледж-93» — была красоткой с глянцевитыми черными волосами, уложенными в скромный пучок, щедро наложенными тенями вокруг глаз и алым пятнышком величиной с десятипенсовик над переносицей. Значок «Я люблю Энди» она приколотла к сари пастельной расцветки. Ко всему прочему, Джуди носила фамилию Харьят. Закутанная в шелка, она в понедельник поутру привезла Розмари компьютерную распечатку с тысячами посланий, накопившихся за последние шесть вечеров, а также список ответов, подходящих почти ко всем этим обращениям.

Пока они с Розмари корпели за столом у окна гостиной, Джуди то и дело шмыгала носом и терла глаза. При таком жестоком обращении черная полумаска вряд ли продержалась бы до обеда.

Розмари дотронулась до руки секретарши.

— Джуди, что-то не так?

Та шмыгнула, в карих глазах появилась скорбь.

— Парень! — изрекла она и воздела очи горе. — Вы бы только знали! Поверить не могу! — Джуди шмыгнула, промокнула нос и глаза косметической салфеткой.

Розмари кивнула с тяжелым вздохом, вспомнив своего «парня».

— Да, эти умеют гадить в душу. — Она похлопала Джуди по руке. — Если хочешь поговорить, давай, я хороший слушатель.

— Спасибо. — Джуди изобразила улыбку и снова прижала к лицу салфетку. — Ничего, переживу.

Когда она собралась уходить, Розмари заметила в атташе-кейсе девушки аккуратно заполненные кроссворды. И спросила:

— Играешь в скрэббл?

Печали на лице красивой индианки как не бывало.

— А то нет! Не больше двух минут на ход, начало с лобой пустышки. Годится?

— Гм-м... Пожалуй, как-нибудь вечером от партии не откажусь.

Телевизионный отдел занимал северо-западную четверть десятого этажа. Добираясь до углавого офиса, принадлежавшего Крейгу, Розмари пересекала пять тысяч квадратных футов пустых кабинок — ни души, только компьютеры и телефоны на столах да фотографии и газеты на перегородках...

Крейг и Кевин в бэздэшных футболках и джинсах сидели, закинув ноги в кроссовках на кофейный столик, и смотрели по телевизору черно-белый фильм с Эдвардом Дж. Робинсоном в главной роли. Эта парочка сама была черно-белой (слово «негр» вышло из обихода, теперь принято говорить «черный»). Крейг смахивал на Адама Клейтона Пауэлла*, а Кевин — на типичного девятнадцатилетнего парнишку по имени Кевин, с той лишь оговоркой, что ныне среди девятнадцатилетних Кевинчиков попадаются ростом невелички, да вдобавок еще и китайцы.

— Розмари! Привет! — телевизионщики вскочили на ноги. При этом Кевин опрокинул свою банку колы.

— Сидите, сидите, — сказала Розмари. — Ого, ну и вид! — Она подошла к окну и глянула поверх зданий Вест-сайда на Гудзон и видимый отсюда целиком мост Джорджа Вашингтона.

— Правда, здорово? — раздался у нее за спиной голос Крейга.

— Фантастика! — Она повернулась и кивком указала на дверной проем. — Там кто-нибудь есть?

— Отпуск, — пожал плечами Крейг. — От Дня благодарения до Нового года. Для всей лавочки.

— Щедро.

— Все Энди, — улыбнулся Крейг. — Работы сейчас мало, шоу «Канун Нового года» уже на пленке.

— А как с тем, что в проекте? — спросила Розмари.

* Американский религиозный и общественный деятель, борец за права чернокожего меньшинства (1908–1972).

— В проекте почти ничего,— ответил Крейг.— В будущем году сокращаем производство. Наляжем на повторные показы.

Кевин вытер стол бумажным полотенцем.

— Что смотрите? — На экране телевизора Робинсон о чем-то упрасивал Хеди Ламарр.. Нет, похожую на нее женщину.

— «Женщина в окне»,— произнес Крейг.— Фриц Ланг, тысяча девятьсот сорок четвертый.

— По-моему, я не видела.

— Хороший фильм. Черно-белый.

Они посидели несколько минут втроем, посмотрели телевизор. Потом Крейг осведомился:

— Ты ко мне просто так зашла или по делу?

— Да, по делу,— ответила Розмари.

— Извини, мне бы сразу спросить.— Он встал и повернулся к Кевину: — Ты посиди, посмотри, а мы в кабинете потолкуем.

Крейг провел Розмари в соседнее помещение. Там царил рабочая обстановка: два стола завалены деловыми бумагами, журналами, газетами, компьютерными распечатками, стена прячется за мониторами и аудиоаппаратурой, другие — за стеллажами с кассетами и бобинами.

Крейг освободил два кресла на колесиках. Когда Розмари уселась, он тоже опустился в кресло, подъехал почти вплотную к ней и подался вперед, сложив руки на груди, опираясь локтями на подлокотники, склонив голову набок,— весь внимание.

— Хотя Энди и спал накал напряжения в обществе, однако горячее местечко все-таки осталось. Я имею в виду атеистов-парапоиков и кое-чье отношение к ним. Не знаю, что у вас пынче в работе...

— Почти ничего,— перебил Крейг.

— И не хочу соваться, куда не просят...

— Розмари! — с укором вымолвил он. — Любые твои предложения мы выслушаем с благодарностью.

— Знаю, Энди хочет, чтобы их права уважали, но не складывается ли впечатление, будто он маловато старается? Мне бы хотелось до Нового года увидеть ролик, штурмующий эту тему «в лоб», то есть чтобы в нем Энди обратился напрямик к моему брату Эдди, бряцателю оружием. Пока еще есть время остудить горячие головы. Надо бы побыстрее снять этот фильм. Думаю, чем проще он будет, тем лучше.

Крейг, барабанив кроссовкой по полу, глядел вниз. Наконец посмотрел на Розмари:

— Ты с Энди уже беседовала?

— Нет. Решила первым делом узнать, кто бы мог этим заняться, ну и твое мнение выяснить.

— Спасибо, ценю, — произнес Крейг. — Слушай, у меня мысль. Почему бы тебе не просмотреть готовый материал: специальные выпуски, заставки — в общем, все, что мы тут наворотили. А к возвращению Энди... Когда он тут объявится — в понедельник?.. К его приезду ты уже будешь в полной боевой готовности, и мы организуем совещание. Не только по этому поводу, но и насчет сокращения выпуска продукции — может, все-таки не стоит рубить сплеча? Эту гениальную идею родил Джей... Ты ведь знаешь нашего крохобора? — Крейг сокрушенно покачал головой и постучал пальцем по виску. — И откуда только берутся такие?

Он научил Розмари обращаться с видеоплеером и пультом дистанционного управления, показал, в каком приблизительно порядке размещены записи: продукция «БД», деятельность фонда в освещении прессы, разнообразные материалы по смежным темам. Показал и кассеты с кинофильмами, в том числе долгоиграющие, для которых требовался другой плеер.

— Класс! — оглядываясь, проговорила Розмари. — А у вас, случайно, нет «Унесенных ветром»?

— Случайно есть, — улыбнулся Крейг. — Без купюр, с пробами на роль и еще кучей всякой всячины.

— О Боже! — вскричала Розмари. — Я в раю!

— Доброе утро. Позвольте узнать, кто звонит. — Женский голос со слабым японским акцентом звучал приятно.

— Мама Энди, — ответила Розмари. — Это он дал мне ваш номер.

— Секундочку, будьте любезны. Вы — Розмари Э. Рейли?

— Да.

— Розмари, повесьте, пожалуйста, трубку. Энди скоро с вами свяжется. Если хотите, чтобы он позволил вам по экстренной линии, нажмите единицу.

Розмари повесила трубку, подозревая, что побеседовала с компьютером. Похоже, ей придется смотреть «Этот безумный, безумный, безумный мир».

Она взяла подушки, уложила их горкой в изголовье кровати, привалилась к ним спиной, надела очки, взяла со стоявшей на подносе тарелки вторую половинку круассана и принялась решать кроссворд. С верхним левым углом Розмари справилась быстро...

Когда она одной рукой по-новому складывала газету, чтобы просмотреть обзор книжных новинок, раздался телефонный звонок. Розмари отложила газету и недоеденный круассан, слизнула крошки с пальцев и встала.

— Алло?

— Привет, мам. Как дела?

— Лучше не бывает. Завтрак в постель! Такое чувство, будто я попала в добрый старый фильм. Норма Ширер, Гарбо... — Она рухнула на атласное одеяло.

Телефонная трубка хихикнула ей в ухо.

— Я думаю, ты бы и там сделала купюру.
Розмари улыбнулась и спросила, снимая очки:
— Ангел мой, где ты?
— В Риме. Это для меня самое подходящее место.
— А слышно так, будто ты здесь, совсем рядом.
— Эх, если б... Ты зачем звонила?
— Не хотелось бы показаться настырной, — сказала она, — но я...

— Если из-за Крейга и рекламного ролика, то я уже в курсе. Звонил ему по другому поводу, и он рассказал. Думаю, прекрасная идея.

— Правда?

— Не сомневаюсь. Свежий взгляд на вещи — это всегда полезно, а у кого нынче самый незамысленный глаз, если не у Рип ван Рози? И я не только заставки имею в виду, но и вообще все сейчас происходящее. Твой очаровательный пальчик указал на то, что мне самому следовало бы давным-давно заметить. Немедленно беремся за работу и тебя призываем к сотрудничеству. А сейчас извини, дел невпроворот. В субботу вернусь.

— В субботу? — переспросила Розмари.

— Мадрид отменяется.

Вот это да!

— Я еще ни разу в жизни так не скучал.

Она просмотрела уйму заставок и отдельных передач «БД» — трогательные сценарии, добротная съемка и вообще очень красиво, но до высшего класса не дотягивает. Все это посвящалось Энди. В иные мгновения, когда сын говорил с экрана о свечах, ей казалось, будто на его лице вдруг появляются те, прежние глаза. Розмари отматывала пленку назад и просматривала по кадрам... Нет, ничего. Все те же светло-карие оленьи очи и ее воспоминание: прекрасный тигриный взгляд за миг до поцелуя, до того коварного, ошеломительного поцелуя...

Нет, правда, разве можно его за это осуждать? Бедный одинокий ангел...

Ведь и сама она не похожа на его прежнюю маму... Что бы сказали по сему поводу газеты, журналы и телевизионные «говорящие головы»? Бр-р, лучше и не думать!

Розмари в пятый или шестой раз просмотрела десятисекундный ролик; в нем ее сын был вылитый Иисус: сильный, любвеобильный, да что там — попросту великолепный. Он напоминал, что надо купить свечи в супермаркете или еще где-нибудь, и спрятать от детей, и ждать, и снять целлофан одновременно со всем миром как раз перед Зажжением.

В перерыве она смотрела пробы на роль и купюры из «Унесенных ветром».

Глава 8

В пятницу она мандражировала — все думала о том, как завтра, во второй половине дня, Энди окажется в небе, на высоте тридцати тысяч футов.

А вечером опустится на землю...

В середине дня Розмари позвонила Джо и договорилась поехать вместе с ним в аэропорт.

— Зал оздоровительной гимнастики, или тренажерный, или что-нибудь в этом роде, — сказала она. — Они ведь, кажется, круглосуточно открыты?

— Конечно. Для лиц обоего пола. Когда собираешься выезжать?

— Сейчас. Хочу размяться. Я несколько взвинчена: завтра Энди прилетает.

— Дай двадцать минут. Я тебя доставлю, познакомлю с ребятами и позабочусь, чтобы никто не приставал с вопросами.

— Джо, я не хочу, чтобы из-за меня кому-то затыкали рот, — предупредила она.

— Я всего лишь объясню народу, как надо себя вести. Не волнуйся.

— Прекрасно,— сказала Розмари.— Спасибо. Когда будешь готов, позови. И не спеши.

Потом они бок о бок крутили педали велотренажеров. Джо рассказывал ей о своей «бывшей», с которой прожил больше двадцати лет (ее зовут Вероника, и она торгует недвижимостью в Литл-Неке), и о дочери (Мэри-Элизабет готовится к защите диссертации на экономическом факультете университета Лойолы). Розмари поведала о задуманной ею передаче и о том, с каким удовольствием она примет активное участие в деятельности «БД». И та и другая идеи ему понравились.

Пока он кошмарно истязал боксерскую группу, Розмари прыгала через скакалку.

— Груша мне не в диковинку,— объяснил Джо, подскакивая, отскакивая, лупцуя.— Золотые перчатки, средний вес.

— А мне скакалка не в диковинку,— проворчала она, разматывая подлую штуковину с лодыжки.— Команда юниоров-старшеклассников штата Омаха, два года в чемпионатах.

— Это по фигуре видно,— произнес он, не оставляя группу в покое.

И снова они бок о бок, но уже на «бегущих дорожках».

— А правда тут неплохо? — спросил Джо.

— Высший класс! Для подъема боевого духа ничего лучше не придумаешь.

На противоположной стене заполненного тренажерного зала висел фотоснимок: море солнца и крошечные купальники на рослых молодых женщинах.

Джо, не укорачивая шага, ухмыльнулся и отвел взгляд.

— Не в моем вкусе,— произнес он.— Когда мы с Ронни познакомились, она работала манекенщицей. В первый раз, когда она пошла «налево», я позвонил в отдел розыска

пропавших лиц.— Он поглядел на Розмари и улыбнулся.— Мать у меня была, что твоё метловище. Ну, ты ведь знаешь нас, парней. «Мне девчонка нужна точь-в-точь как жена моего дорогого папашки».

Розмари, шагая на месте, кивнула и произнесла:

— Да уж, знаю. Ещё бы не знать.

Волнение никак не желало улететь. Розмари позвонила Джуди — та оказалась дома и, судя по голосу, в слезах. Услышав приглашение, она аж подпрыгнула.

Джуди появилась точнехонько в восемь: головной платок, суконное пальто, в руке — большая коричневая хозяйственная сумка от «Блумингдэйл». Под пальто оказалось сари персикового цвета, из сумки вынырнули пластмассовая доска для скрэббла с поворотным квадратом и гнездами под алфавитные косточки, вышитый бисером кошелек с горловиной, затянутой шнурком, два черных лотка, миниатюрные песочные часы в серебряной оправе и, естественно, приборчик для ведения счета.

Они расположились за столом у окна. Сыпал легкий снежок, припудривая кроны деревьев в парке, размывая огни Пятой авеню.

Розмари глянула сквозь очки на «JETTY IR» в своем лотке, постаралась забыть о льде, покрывающем крылья самолета, о проклятых часах на краю стола (песка в верхней половине уже совсем чуть-чуть!) и скребла косточки в две щепотки. Уложила в гнезда по горизонтали, вышло «JITTERY»*.

— Двойное «джей», — сказала она. — Дважды по пятьдесят очков.

Джуди постукала по калькулятору — не специальным ногтем, а одним из перламутровых овалов-близняшек.

* Нервный, пугливый (англ.).

— Сотня. Для начала неплохо.

— Спасибо.— Розмари посмотрела на нее поверх очков, доставая из кошелька буквы.

Джуди перевернула часы, глянула на доску, поморгала и выстроила слово по вертикали вниз от «j» — «JINXED»*.

— Двойное слово.

Розмари взяла косточки и, не разворачивая квадрат, выложила «FOXY»**, используя букву «X» и розовую клетку рядом с ней.

Джуди взвыла, залилась слезами и вцепилась себе в волосы.

— Теперь он мне и скрэббл изгадил! Гляди, что я наделала! «X» возле розовой клетки! Ты победила! Победила! Он мне мозги расплавил! Из-за него у меня не жизнь теперь, а дерьмо! Сглазил меня! Даром, что ли, я это слово набрала?! — Она упала грудью на доску и зарыдала.

— О, милая! — Розмари схватила покотившиеся часы, поставила, поднялась сама, обогнула угол стола и склонилась над Джуди. Погладила по голове, по содрогающейся спине.— Джуди, Джуди... Ни один парень не стоит того, чтобы так из-за него убиваться. Даже если он... А, черт! Это, случаем, не Энди? Это ведь из-за него, да?

Сквозь рыдания прорвались несвязные «да» и «Энди».

Розмари кивнула и тяжело вздохнула. Медленно же до нее стало доходить. Сказывается возраст.

Залитая слезами Джуди оторвалась от доски, со щек посыпались пластинки с буквами, но косметика сохранилась на удивление хорошо.

— Ненавижу Энди! — выкрикнула индианка и рванула значок. Затрещал шелк, крутяш полетел в окно.— И носила только потому, что не хотела, чтобы ты догадалась! Не-

* Принес беду, сглазил (англ.).

** Лисий, рыжий, хитрый (англ.).

навижу! Сама надсаю значков, пускай все видят, что я на самом деле чувствую! О, Розмари! Если бы ты знала правду, если бы ты знала, что делается на девят...

— Тс-с! Тихо! — Розмари крепко обняла ее, принялась успокаивать. — Тихо, милая, все хорошо. Ну-ка, вздохнем медленно, глубоко. Вот так... Славная девочка. Так... Ага, уже лучше. А теперь давай-ка сподоснем личико холодной водой и поговорим по душам. Выпить чего-нибудь не откажешься? Здешний ресторан обслуживает номера, так что, если проголодалась, скажи.

Они сидели на диване. Джуди промокала слезы. Розмари внимательно слушала.

— Летом он выступал в Мэдисон-сквер-гардене на сборе пожертвований для пострадавших от наводнения индусов. Я записала свои идеи насчет распределения продовольствия — ну, чтобы порядок навести — и пришла отдать эту бумагу лично ему в руки. И тут между нами проскочила искорка.

Розмари понимающе кивнула.

— А через несколько дней он мне позвонил, пригласил сюда, в офис, и предложил работать на «БД» — секретарем, с перспективой повышения. Мы сблизились... сначала были на равных, а через несколько дней... правильнее сказать — ночей, он меня совершенно подчинил. Ты даже не представляешь, какой это потрясающий любовник!

— Да,— сказала Розмари.— Конечно не представляю, я же его мать. Не представляю. Нет.

— Я это в общем смысле слова.— Джуди наклонилась к Розмари.— В моей стране женщин так воспитывают, что они всегда готовы пооткровенничать друг с дружкой на интимные темы. У меня две замужние сестры, да и девчонки, с которыми я в колледже жила в одной комнате, обожали поболтать о своих сексуальных делишках. Сама-то я

знала до Энди только одного мужчину, некоего субъекта по имени Натан,— его хвалить совершенно не за что: известно, что мужики в постели больше думают о своем удовлетворении, чем о партнерше. Так ведь и женщины этим грешат, когда приближается климакс, *n'est-ce pas?** Разве не все мы целиком отдаемся исключительно своему растущему возбуждению?

Розмари кивнула.

— А вот к Энди это не относится.— Джуди горестно вздохнула.— Такое впечатление, будто часть его сознания постоянно контролировала себя, постоянно заботилась обо мне, о моих желаниях и ощущениях. А теперь о ее желаниях он заботится, о ее мерзких чувствах. И я не в силах это вынести!

— Чьи желания и чувства? — спросила Розмари.— О ком ты говоришь?

— О женщине, с которой он сейчас в Риме! — вскричала Джуди.— И с которой собирается лететь в Мадрид. О его новой любовнице! Он с нею был после того ужина в День благодарения, когда я всю ночь ждала его звонка! Повез ее вместо меня на уикенд! У него есть другая, я знаю! Розмари, чем еще можно объяснить, что за восемь дней и ночей я не услышала от него ни слова, ни единого словечка? Чем?

С минуту Розмари безмолвствовала, затем пожала плечами:

— Ну...

— И ведь это еще не самое худшее.— Джуди тяжело вздохнула и сокрушенно покачала головой, искоса поглядывая на Розмари.— Он меня втянул... в дела, о которых я и не подозревала...

— Сейчас же прекрати! — Пальцы Розмари сдавили ей запястье.— Не желаю слышать подробности. Ты расстро-

* Не правда ли? (фр.)

илась без причины. В Мадрид он не летит — сокращает турне, потому что очень соскучился по кому-то из живущих здесь. Сам вчера утром мне об этом сказал.

— Правда? — Джуди недоверчиво посмотрела на Розмари.

Та кивнула:

— Да. Завтра вернется. И я нисколько не сомневаюсь, что он тебе позвонит. И ты не сомневайся. А что до сих пор не звонил — уверена, на то была серьезная причина.

— О, Розмари, ты правда так думаешь? Или только пытаешься меня успокоить?

Розмари улыбнулась:

— Джуди, я ведь мама Энди. С чего бы я стала тебе лгать?

Джуди кивнула и тоже улыбнулась:

— Да, да. Спасибо, Розмари. Спасибо! — Она вытерла слезы, всхлипнула, тряхнула головой. — Ты только взгляни на меня! Ведь я была интеллигентной, одаренной женщиной, занималась серьезным делом, а теперь вся жизнь под откос... Дура плаксивая...

Розмари похлопала ее по руке и встала с дивана.

— Ничего, давай-ка начнем по новой.

— Нет! — Джуди вскочила на ноги и шагнула к ней. — Это будет несправедливо, у тебя же сто очков! Восстановить ходы проще простого: ты «нервничала», меня «стлазили», и ты оказалась «хитрее».

Розмари села за стол и отрицательно покачала головой:

— Нет, милочка. По новой. Я настаиваю.

— Ладно, только начинаешь ты.

Когда они набрали косточек в лотки, Джуди спросила:

— Ты и в анаграммах сильна?

Розмари вспомнила, как за несколько недель до родов она передвигала косточки вперед-назад между Стивеном Маркато и Романом Кастиветом, догадываясь при этом,

что подружившийся с ними сосед — сын Адриана Марката, жившего в Брэмфорде сатаниста девятнадцатого века.

— Вполне.

— В ночь благодарения, в ожидании звонка от Энди, — сказала Джуди, — я решила наконец анаграмму из тех, что называют «убийцами времени». А до этого больше года мучилась с нею в поездах, автобусах и залах ожидания. — Девушка глубоко вздохнула, провела рукой по волосам. — Впрочем, не очень-то щедрое вознаграждение.

— Похоже, она и впрямь убийственная. — Розмари полезла в мешочек за буквами.

— Так о ней в книжке сказано. Анаграмма такая: «toast mules»*. R, O, A, S, T, — произнесла Джуди по буквам и перевернула песочные часы. — M, U, L, E, S. Из этого надо вылепить простое английское слово из десяти слов. Совсем простос, чтобы даже пятилетние дети знали.

Со щелчками передвигая косточки в лотке. Розмари пообещала:

— Я ею попозже займусь.

— Ответ не скажу, даже не проси. Я в таких делах неумолима. А решать с помощью компьютера — нечестно.

— Да я и пользоваться-то им не умею! — воскликнула Розмари. — Хотя с удовольствием научилась бы. Великолепная штукавина! Кто мог ожидать, что компьютеры станут такими маленькими и дешевыми? Раньше они целые комнаты занимали. Ладно, начинаем игру.

Глава 9

Он подарил ей ангела — курчавого паренька с лирой, книжкой и парой очаровательных крылышек. Белый ангелочек полусидел-полулежал, уютно вписавшись в рельеф глазурованной терракоты.

* Жареные мулы (англ.).

— «Майолика Андреа», — пояснил Энди. — Примерно тысяча четыреста семидесятый год.

— Боже мой! — Она пожирала восхищенным взором подарок, покачивала его в руках, как младенца. — В жизни не видела такой красивой вещи!

— Называется «Энди».

Розмари встала на дыпочки и с улыбкой поцеловала сына в щеку.

— Спасибо, милый. Спасибо! — И легонько, очень легонько чмокнула майоликового Энди. — Мой прекрасный ангел Энди. Я в восторге! Какой ты славный, так бы и съела! — И снова поцелуй — легкий, как прикосновение пера.

Только в понедельник, за поздним завтраком, им удалось наконец поговорить.

В аэропорту Энди прошел через выход для особо важных персон в сопровождении двух пожилых мужчин: китайца и француза. По-видимому, в полете у них был затяжной спор: они все еще оживленно беседовали по пути к лимузину. Возле машины Энди обнял мать, а обоим спутникам пожал на прощание руку. Розмари и Энди полюбовались друг на друга, прежде чем сесть в автомобиль. По дороге они слушали записи оркестровой музыки пятидесятых и смотрели на рекламные плакаты — их в городе устанавливали с первого декабря. С плакатов лучезарно улыбался Энди, а строки под его портретом сообщали: «Здесь, в Нью-Йорке, мы зажигаем свечи в пятницу тридцать первого декабря в семь вечера. Я люблю вас!»

Когда они выходили из машины на нижнем ярусе гаража, было два часа утра по римскому времени. Энди требовался отдых — как-никак, он преодолел несколько часовых поясов. Договорились вместе позавтракать.

Розмари с официантом перенесли на несколько футов столик для скрэббла, чтобы освободить местечко у окна для обеденного стола и стульев. Затем Розмари очень медленно,

держа подарок в ладонях, как в чаше, подошла к столу и с величайшей осторожностью прислонила ангела к коробке со сладостями, чтобы глазурированный Энди имел возможность видеть и сам был на виду.

Энди Кастивет Вудхаус сел, намазал булочку сливочным сыром и сказал:

— Превосходно выглядишь. Как раз такой я и рисовал тебя в своем воображении.

— В одиннадцать тридцать у нас с Джо встреча в спортзале.— Розмари тоже села. На ней был розовый тренировочный костюм и теннисные туфли.

— У вас с Джо?... Гм-м...

— Нам хорошо друг с другом.— Она расправила салфетку.— Я бы тебе посоветовала не совать нос в чужие дела, но вчера мы с Джуди играли в скрэббл, поэтому я лучше промолчу. На что только не способны индианки, особенно униженные, с разбитым сердцем!

Наполняя матери чашку дымящимся кофе, Энди застонал

— Нет, правда, тебе должно быть стыдно.— Вместо пальца она погрозила ему пакетиком с подсластителем.— Джуди очень хорошая девушка. А какой скрэбблист! Дважды меня разгромила, а ведь я игрок не слабый. Я, правда, отказалась от двух минут на раздумья, но это оправдание слабое. Завтра или во вторник у нас матч-реванш.

— Меня к ней больше не влечет.— Энди ухватил серебряной вилкой ломтик ссми.— Чего ты хочешь? Чтобы я изображал то, чего не чувствую?

— Мог бы хоть поговорить с нею по душам.

— Ну конечно! Тебе ведь не приходилось иметь дело с женщиной, которая мнит себя окружным прокурором.— Он положил семгу поверх сливочного сыра.

— Такое впечатление, будто ты на перекрестном допросе,— помешивая кофе, заметила Розмари.

Жуя пончик, он глядел в окно.

Розмари глотнула кофе и посмотрела на ангела:

— Какая прелесть! Еще раз спасибо, милый, огромное спасибо.— Она глубоко вздохнула и придвинула к себе корзинку с булочками и пончиками.

Энди тоже глубоко вздохнул.

— Ты права,— произнес он.— Я ей позвоню, только не сейчас. К тому же по понедельникам она спит допоздна.

Розмари отрезала крошечный ломтик булочки.

— Нас пригласили на сбор пожертвований для церебрального паралича. То есть для лечения от него. Среда, бальный зал, черный галстук. Я приду с Джо. Он говорит, что отлично танцует. Это правда?

Энди пожал плечами.

— Неплохо.— И снова откусил сдобы с лососиной.

— Я вот что подумала... Может, и вы с Джуди...

— Мама,— с полным ртом проговорил он,— меня к ней больше не влечет. И тут я ничего не могу поделать. Понимаешь? Хотел бы, да не могу.

Она тончайшим слоем намазала сыр на ломтик пончика и искоса взглянула на сына.

— Приведи кого-нибудь. У Ванессы есть подруга?

— Не знаю.

Розмари откусила кусочек, прожевала.

— Я тут слегка отоварилась в бутике «Бергдорфа»,— сказала она.— Шесть старушечьих комплектов белья к атласному платью, точь-в-точь как у Джинджер Роджерс*. Если Джо возомнил себя Астером, я над ним посмеюсь. Надеюсь, не перегну палку.— Розмари откусила еще кусочек пончика и принялась смотреть в окно: что-то показалось ей интересным.

* Псевдоним американской киноактрисы Видалия Катрин Маклат (1911–1995), танцевавшей в ряде мюзиклов вместе с Фредериком Аустерлижем, носившим псевдоним Фред Астер.

Энди, наблюдая за ней, улыбнулся:

— Ну разве ты не хитрая рыжая лиса? Ладно, твоя победа, нас теперь четверо. Пара на пару. Но после Нового года будет небольшой отпуск, ладно? Только для нас двоих. Отдохнуть не мешает — впереди очень хлопотный месяц.— Он нахмурился, наворачивая на вилку ломтик семги.— Боюсь, предстоит серьезная запарка. Если верить последним опросам, во всем мире одиннадцать процентов взрослых до сих пор сомневаются в целесообразности повсеместного зажжения свечей в полночь. Представляешь? Надо срочно что-то предпринять. А тут еще этот выпуск с параноиками-атеистами. По поводу его завтра в три у нас собрание. Тебя время устраивает? Крейг, Диана и Хэнк. Может, еще и Сэнди: у нее бывают хорошие идеи.

— Тебе виднее. Ты их всех знаешь, я — нет.

Он поднял вилок свернутую в рулончик семгу. Розмари пила кофе, сын жевал, глядя на нее.

Она опустила чашку.

— Не делай этого.

— Чего не делать?

— Оставайся кареглазым, мистер умник. Энди, я серьезно. И не говори, что у меня слишком буйное воображение.

Рассудив, что на собрании могут пригодиться кое-какие интересные сведения о типичных представителях атеистов-параноиков, в понедельник Розмари на цыпочках прокралась в комнату, где шло утреннее совещание телевизионного отдела. Кивнув Крейгу, Кевину, Ванессе, Подли и отращивающему бороду и усы Лону Чейни-младшему — «Привет!» — она двинулась напрямик туда, где, скорее всего, находился ее офис. Сюзанна, помощница Крейга, должна была объявиться в первый же понедельник нового года, но Розмари надеялась ужиться с ней — благо столов два.

Она просмотрела репортажи и документальные фильмы и уже была готова прибегнуть к помощи компьютерного каталога, когда обнаружила годичной давности пленку Пи-би-эс* под названием «Анти-Энди».

Просматривая фильм, Розмари ловила себя на некоторых сомнениях в его объективности. Диктор, симпатичный, хоть и излишне словоохотливый южанин, носил большой значок «Я люблю Энди», но материал, до которого в конце концов дошло дело, говорил сам за себя. Чего в нем только не было — от абсурдного до жуткого.

На чемпионский титул абсурдной части претендовала «Бригада Эйн Рэнд». Полдюжины болезненно желтых, стриженных под ежик членов «бригады» носили тенниски с большими изображениями долларовых купюр, и такие же доллары, только маленькие, были выгатуированы под эластичными банданами. «Бригада» ратовала за отмену налоговых льгот для религиозных организаций и требовала, чтобы на всех бумажных деньгах, не только на американских, печатали девиз: «Веруем в Здравомыслие»**.

Они захватили в Питтсбурге товарный поезд, привязали к бокам локомотива флаги со словами «Энди и прочие колдуны, платите налоги!» и поехали по стране. Управляла поездом единственная в организации женщина. Но эта символическая параллель с одним из романов Рэнд*** для широкой общественности выглядела полной бессмыслицей. В Монтане «бригада» бросила поезд и, по слухам,

* Частная некоммерческая американская корпорация, объединяющая телестанции США, Пуэрто-Рико, Виргинских островов, Гуама и американского Самоа.

** Вместо девиза «Веруем в Бога», который можно увидеть на американских купюрах любого достоинства.

*** Американская писательница (1905–1982), автор бестселлеров, насыщенных философией объективизма. Доказывала, что в основе всех подлинных достижений человечества лежат способности и труд индивидуума, что эгоизм есть благо, а альтуизм — зло.

спряталась под крылышком капиталистов — сторонников невмешательства государства в экономику.

Центристский же толк антиэндистов наилучшим образом представлял Американский союз в защиту гражданских свобод. Он еще не сошел со сцены — напротив, довольно энергично вел боевые действия. Его делегат ясно дал понять, что он любит Энди и высоко ценит все сделанное им для улучшения межрасовых отношений, снятия проблемы абортов, решения ирландского вопроса и возвращения арабов и израильтян к столу переговоров. Если на то пошло, разве он сам не носит целых два значка «Я люблю Энди»? Но раз уж призывы Энди обращены к сильным мира сего, таким как Комитет начальников штабов и правители всех государств, то «БД» следует переименовать в «ВК», или «Всесмирные Крошки», а если проблема — в Европе, то вполне подойдет «ЕБ» — «Европейские Беби». И надо ли Энди так сильно напирать на свое сходство с Иисусом Христом?

Грубо и глупо. От АСЗГС Розмари такого не ожидала.

Страшные антиэндисты «Братья Смит» страшными были только для нее. Некоторые их акции, приведенные южанином в пример, украсили бы собой репертуар любого комика из ночного клуба. Четверо горцев с бородами под стать своим прозвищам нашли хижину в теннессийской глуши и заняли глухую оборону. Вооруженные до зубов новинками военного «железа», они трубили на весь мир о том, что Энди — сын сатаны, антихрист, и что без боя они не сдадутся.

Но ФБР их персхитрило, и теперь братья Смиты — обритые, перевязанные и продезинфицированные — подвергались психиатрическому освидетельствованию в федеральной больнице.

Собрание оказалось в высшей степени результативным и закончилось, пожалуй, еще до того, как началось. Участников было семеро: Энди, Джуди (с электронным блокнотом), Диана, Крейг, Сэнди, Хэнк и Розмари. Они сидели в офисе Энди, выходящем окнами на южную часть Сентрал-парка и деловой центр города. Кофейный столик ломился под тяжестью овощей и орехов. Собравшиеся расположились вокруг него на черном кожаном диване и стульях; Хэнк сидел в своем моторизованном кресле.

— Розмари, ты была права! — прошептала Джуди, на ее сари в лютиках сиял значок «Я люблю Энди». — Сегодня ночью воссоединились любящие сердца.

Розмари порадовалась за девушку. И за Энди, лживого прохвоста: «Мама, меня к ней больше не влечет, и тут я ничего не могу поделать. Хотел бы, да не могу». Она улыбнулась ему и взяла морковку с протянутого ей блюда. Сын улыбнулся в ответ.

Все согласились с тем, что лучшее — враг хорошего и что каждому хочется эффективности и быстрой отдачи. Само собой родилось решение воспользоваться испытанной методикой — той самой, с помощью которой созданы десять лучших рекламных роликов Энди. Иными словами, Энди и Диане предстояло занять два кресла на сцене в амфитеатре этажом ниже и потренироваться часок-другой о параноиках-атеистах и их правах, а тем временем Мухаммед и Кевин поработают с портативными кинокамерами. Потом Диана засядет за отснятый материал уже как редактор: резать, резать и снова резать.

Из испытанной методики сделали одно исключение: поболтать с Энди Диана предложила Розмари: судя по всему, тема волновала Рип ван Рози гораздо больше, чем Диану. Розмари была убеждена, что всех психов-атеистов необходимо сослать на Северный полюс. Кроме того, в разговоре с ней Энди поведет себя гораздо эмоциональнее.

— Она излучает искренность и чистосердечие, — подчеркнула Диана.

— А ведь правда, Розмари, — подхватил Крейт, — не хочешь ли сняться? Мы ведь ничем не рискуем, кроме завтрашнего утра. Энди, надеюсь, ты не против?

Затем устроили небольшой отдых. Энди откупорил бутылку вина, Уильям и Ванесса принесли другую. Уильям, при трех президентах служивший послом в Финляндии, выглядел настоящим красавчиком: светлые волосы, красный галстук, белая рубашка, синий костюм. А судя по тому, что его ладонь не упускала случая дотронуться до обтянутого мини-юбкой зада Ванессы, был еще и большим шутником.

Пришли Юрико и Полли — Розмари едва успела перекинуться словечком с каждым из них, — а Мухаммед с Квином притащили кинокамеру. Затем налетел Джей, и вскоре здесь оказалось все ядро «БД», вся разномастная команда: и те, кто оборонял крепость, и те, кто коротал щедрый предновогодний отпуск. Все тринадцать.

Глос Розмари. Потягивая имбирное пиво и обсуждая с Хэнком и Энди театральный сезон на Бродвее, она увидела Джуди. Та, находясь неподалеку, посмотрела на нее печально, а потом снова радостно; девушка вцепилась в руку Энди и улыбалась ему, а разговаривала с Джеем, взволнованным донельзя: он ждал в январе града счетов. Розмари тоже не удержалась от улыбки, глядя, как Энди приглаживает Джею перышки и, воздев правую руку, дает торжественное обещание в первый же рабочий день января предоставить в его распоряжение суммы, достаточные для того, чтобы «БД» выполнили все свои обязательства перед законом.

Диана позвонила вниз и заказала пироги с крабами и четыре порции картофельных оладий.

Розмари поговорила с Ванессой о мотивационной психологии, с Юрико — о компьютерах, с Энди и Полли — о креме для кожи.

Когда засветились окна в домах и вечеринка пошла на убыль, Диана отправила Мухаммеда, Кевина и Полли вниз — позаботиться, чтобы на девятом этаже остался безупречный порядок.

Джо Маффия — настоящий франт в смокинге — перекинулся парой фраз с руководителем оркестра и вернулся по краю переполненной танцевальной площадки к расположенному в центре зала столу на двенадцать персон. «Ча-ча-ча» закончился раньше, чем ожидала публика, и к тому времени, когда Джо потянул за собой Розмари, а Энди встал и взял за руку Джуди, музыканты поменяли ноты на пиюпитрах и грянули попури из Ирвинга Берлина.

Когда Энди с Джуди и Розмари с Джо вышли на танцевальную площадку, все остальные расступились — и две пары закружили под теплые, но не чрезмерно, аплодисменты и мелодию «Танцуй и пой». Как в кино.

С улыбкой глядя на Джо, Розмари прошептала:

— Господи, подумать только! Смотрят! Я этого не вынесу!

— Не паникуй, — посоветовал Джо, наклоняясь и заставляя ее сильно прогнуться назад. — И доверься мне, я все сделаю как надо. — Он поднял ее. — Розмари, в этом платье ты настоящая королева. Как раз для балльных танцев, просто высший класс.

Пришлось расслабиться — выбора не оставалось. Сейчас бы в самый раз бокал шампанского...

Джо вел в танце удивительно легко.

— Теперь видишь, что я имел в виду?

— Джо, да ты просто гений...

— Мы с Ронни дважды в неделю ходим в Роузаэнд, — объяснил он. — Хочешь, свожу тебя туда как-нибудь? Можно надеть темные очки, многие так делают.

— Дай подумать.

— Пожалуйста.

Энди тоже оказался хорошим танцором, он элегантно, стильно кружил нарядившуюся в белое сари Джуди. И разве черный галстук — не лучшее у крапление для мужчины? Без него мужская красота несовершенна.

— Я при каждом удобном случае даю ему уроки, — сказал, глядя на Розмари, Джо. — А когда мы начинали, у него обе ноги были левые.

— В последний раз нас даже наградили тухлым яйцом! — прокричал Энди через плечо Джуди.

Зрители рассмеялись, а в следующее мгновение засуетились, возвращаясь на танцевальную площадку. Еще мгновение — и на ней вновь было яблоку негде упасть; лампы уже светили раза в два-три слабее, а оркестр играл «Меняемся партнерами».

Джо улынулся:

— А ведь Энди умеет говорить подходящие слова в подходящее время, правда? Как думаешь, в чем тут дело? В том, что он сын артиста?

Розмари глубоко вздохнула:

— Кто знает?

— Я не имел в виду, что тут обошлось без тебя. Удивительно, почему за все эти годы никто не заинтересовался судьбой твоего бывшего. Похоже, он...

Энди похлопал Джо по плечу:

— Меняемся партнерами — приказ Ирвинга Берлина.

Розмари и Джуди улыбнулись друг другу и подчинились воле Ирвинга Берлина.

Энди предпочел танцевать в обнимку и продекламировал матери на ухо:

— «Разве не видишь, как я хочу поменяться с ним местами? Может быть, сменишь партнера и потанцуешь со мной?»

— Решил в эстрадные певцы податься?

— Это пойдет под рубрикой «великое общение». Как и твоё платье. «Назад, иль ты сошел с ума?»

Он оторвался от Розмари и повел, кивая танцующим рядом парам со словами: «Люблю вас».

Она перевела дух и, когда Энди ее поворачивал, посмотрела ему в глаза.

— Крейг там с ума сходит, не знает, что вырезать, — сказал он. — Из тебя. Меня уже всего выкинул. Ну, почти всего. Назовем этот выпуск «Мама Энди».

— А я вас обоих люблю! — крикнула им девочка лет восьми-девяти; она танцевала, стоя на туфлях отца. — Мы зажжем свечи в Колониальном Вильямсберге*.

— Люблю тебя, милочка, — сказала ей Розмари.

— Люблю тебя, ланочка, — крикнул Энди. И улыбнулся матери. — Хочешь еще выступить? — Он наклонил ее почти до самого пола. — Насчет того, когда зажигать свечи в разных часовых поясах.

— С удовольствием. Вообще-то я уже подумывала, не начать ли карьеру киноактрисы.

— Не надо, — улыбнулся он.

— Почему? Я же великий излучатель искренности и чистосердечия, забыл? С Нового года начинаю новую жизнь, буду излучать самостоятельно в каком-нибудь телешоу. Меня уже пригласили на ленч все телескомпанияи, и я не собираюсь отказываться.

— Не надо слишком уж полагаться на этих людей. Они быстро загораются и быстро остывают, — серьезным тоном проговорил Энди, кружа ее в танце.

Розмари отстранилась и внимательно посмотрела на сына. Энди пожал плечами.

— Просто я не хочу, чтобы в один прекрасный день тебя постигло горькое разочарование. — Он отвернулся.

* Памятник новоанглийской архитектуры XVIII века около ста пятидесяти отреставрированных зданий и парк в городе Вильямсберге, штат Массачусетс.

— Да что ты, Эндрю, брось! Вот увидишь, как они запрыгают, когда я скажу, что заинтересована. И не остынут, не беспокойся. Ты же знаешь, это правда.

Он встретил ее взгляд и кивнул.

— Предполагаю.

— Предполагаешь?

— Мы назовем близнецов Эндрю и Розмари! — пропела рядом с ними женщина с огромным животом, обтянутым зеленым шелком.

— Люблю вас обоих! — вторил ей супруг.

Оркестр заиграл «Синие небеса».

— Благослови их! — воскликнула Розмари, раскачиваясь вместе с Энди. — Скажи «люблю вас!».

Она дернула сына за волосы на затылке, и он посмотрел на танцующую пару. Сказал «люблю вас» и провожал взглядом, пока они не исчезли среди других танцоров.

Розмари глубоко вздохнула, пригладила ему волосы, прильнула щекой к его плечу. И тихо запела, поворачиваясь вместе с ним:

Ничего, кроме синих небес,
Отныне и навек.
Никогда не видал я,
Чтоб солнце сияло так ярко...

Энди потряхивал головой, словно гнал прочь хмель, и улыбался танцующим вокруг.

Они остановились перед дверью ее номера.

Джо выглядел несколько смущенным и растерянным. Его руки потянулись к голым плечам Розмари — и застыли совсем рядом, в одной десятой дюйма от них. Казалось, он не смеет преодолеть эту последнюю десятую часть дюйма, не может решиться на столь дерзостное интимное прикосновение, хотя и понимает, что оно будет ему дозволено... Более того, в данной ситуации неприлично не совершить этой дерзости.

— Мама Энди,— в каком-то священном ужасе произнес он.— Мне даже не верится...

Дежурный в холле отсутствовал. Возможно, парню успели подсказать, что ему самое время прогуляться в туалет и подольше мыть руки.

— Джо,— решительно сказала Розмари,— иногда слава и впрямь ударяет мне в голову. Но вообще-то я хорошо осознаю, что Энди не Иисус, а я не Дева Мария. Меня зовут Розмари, фамилия моя Рейли, и я родом из Омахи. Мужчины в нашей семье университетов не заканчивали, зарабатывали на жизнь физическим трудом, должны мяснику и булочнику. Словом, я не из аристократического рода.

Джо сделал глубокий вдох, выдохнул короткое: «Ясно!» — решительно обнял Розмари и склонился к ее губам. Она с готовностью обвила руками его шею, и они слились в долгом поцелуе.

Когда они оторвались наконец друг от друга, Розмари улыбнулась, достала из сумочки карточку-ключ, вставила ее в прорезь замка и открыла дверь.

Повинуясь указующей ладони, Джо вошел первым. Розмари последовала за ним и заперла за собой дверь.

В гостиной она достала из бара две миниатюрные бутылочки «Реми Мартен» и два бокала. Они сели на софу, чокнулись, выпили, а после долго-долго обнимались и целовались в едва освещенной комнате.

— Должен тебе кое-что сказать...— произнес Джо, нежно глядя ее щеку после очередного поцелуя.— С тех пор как я расстался с Ронни, я вел отнюдь не монашеский образ жизни. А поскольку в мире гуляет страшная зараза, я считаю своим долгом провериться, прежде чем мы... ну, ты понимаешь... Не хочу подвергать тебя риску. Но у меня есть предложение. Буду рад, если ты согласишься.

— Что за предложение?

— Насчет новогодней ночи. Все мы будем торжественно зажигать свечи по случаю наступления двухтысячного

года — и вам с Энди придется делать это перед камерами и при огромном стечении публики. Поскольку это будет в семь часов вечера по нашему времени, то мы с тобой могли бы зажечь свечи еще раз — уже в полночь и только вдвоем. Пару лишних свечей я уж как-нибудь припасу.

— Замечательно придумано, Джо, — с улыбкой согласилась Розмари.

Они снова слились в долгом поцелуе.

— По-моему, это здорово: начать новое тысячелетие с хорошего... м-м-м!

Розмари рассмеялась.

— Давай выпьем за грядущий хороший «м-м-м», — сказала она.

— Полагаю, по количеству секса первая ночь двухтысячного года переплюнет любую ночь в предыдущие десять веков. Как только погаснут свечи, все побегут по койкам — и такой скрип пойдет по всей планете!

Тут они весело чмокнули друг друга в губы и уже на пару расхохотались.

— Вот уж никогда не думал, что между нами может что-нибудь быть. Приятнейшее чудо, черт возьми! — отсмеявшись, сказал Джо.

— А для меня это не сюрприз, — весело заявила Розмари. — Когда я увидела тебя в первый раз, то сразу решила: старичок, но какой сексуальный!

— Ну спасибо, Розмари. Всем комплиментам комплимент!

— Да ты не дуйся. Я ведь тогда по инерции продолжала считать, что мне тридцать один... Впрочем, я и сейчас временами забываю о своем реальном возрасте.

— И правильно делаешь. Целуйся ты как восемнадцатилетняя.

— Правда? — Розмари отставила бокал и поцеловала Джо еще раз.

Глава 10

Несмотря на то что они с Джо промиловались далеко за полночь, следующим утром Розмари проснулась рано и со свежей головой.

А возможно, она проснулась такой бодрой именно оттого, что они с Джо промиловались далеко за полночь. Похоже, она почти позабыла, насколько это приятно: быть в близких отношениях с мужчиной, даже в тех жестких грациях, которые установил милый и деликатный Джо. Она не в обиде на него. Отнюдь. Ей даже по вкусу такое неспешное, поэтапное возвращение к сексуальной жизни: ведь как-никак она не была с мужчиной целых семь лет — и это по ее часам. А если добавить двадцать семь лет комы, то выйдет тридцать четыре года без секса. Тридцать четыре года! От одной мысли рехнуться можно!

Она заранее предвкушала прелесть новогодней ночи с Джо.

Сегодня у нас что? Четверг, девятое декабря. Надо бы поговорить с ним. Сколько времени займет полная медицинская проверка? Точно ли он уложится до Нового года? И какую форму будут иметь их романтические отношения до намеченного свидания в постели? Ведь им, как умудренным жизнью людям, пожалуй, должно вести себя с подобающим достоинством, без юношеских выходов...

А впрочем, о радостях новогоднего секса можно будет подумать и позже, благо время не поджимает. Сейчас есть вещи более насущные. К примеру, поучаствовать в том, чтобы подготовка к зажжению свечей прошла без сучка без задоринки и чтобы нигде в мире не вышло осечки.

И опять, стоило только Розмари подумать о зажжении свечей в новогоднюю ночь, как ее воображению вновь представилось это великолепное событие, красота и символическое значение которого снова и снова потрясали ее до глубины души.

Не далее как во вторник она узнала новые захватывающие дух детали. Оказывается, восемь миллиардов зажженных свечей будут снимать из космоса два спутника! Картинки с орбиты пойдут по телевидению — и одновременно в прямом эфире прозвучит на всю планету концерт, в котором примут участие «Бостон-Попс» и Большой мормонский хор.

Даже если Энди отнюдь не ангел, он, безусловно, величайший художник, ибо это всепланетное зажжение свечей было по сути своей гениальным творением суперсовременного концептуального искусства, понятным и полным значения для всего человечества, а не для группки высококолых ценителей прекрасного.

Конечно, Энди слетка чокнутый...

Но ведь известно, что у редкого настоящего художника крыша на месте.

Только чокнутый позволил бы себе так непристойно прижиматься к матери во время танца. Добрая дюжила людей могла заметить...

Он мог бы по крайней мере не выкидывать свои фокусы где попало!

Хотя бы не на людях!

Нет, очевидно, она просто обязана еще раз переговорить с сыном и попытаться образумить его раз и навсегда.

Розмари раздвинула занавески. В лицо ударили потоки солнечного света. Перед ней, внизу, расстилалась Пятая авеню. Боже, сколько солнца!

Никогда в жизни она не видела такого яркого света!

И такого количества бегунов!

Охота же им всем спозаранку, в холодное декабрьское утро! По дорожкам парка в обоих направлениях трусила люди в спортивной форме, некоторые даже в шортах — с голыми ногами. Бр-р! Самой холодно становится! Как же надо быть сдвинутым на своем здоровье, чтобы так терзать себя перед длинным напряженным трудовым днем!

В следующий момент Розмари уже натягивала теплые леггинсы и свитер. Шарф вокруг шеи, мягкая шапочка с опущенными полями, солнцезащитные очки, чтобы не узнали, — и вперед! Через пять минут она бежала в толпе утренних нью-йоркских безумцев, в глазах которых прочитывалась решимость при необходимости даже умереть в борьбе за свое здоровье. У большинства были на груди значки с надписью «Я люблю Энди». Изредка встречались более оригинальные декларации типа «Я люблю Моцарта» или же признания в любви к шоколаду, сексу или Лонг-Айленду.

Никогда Розмари не чувствовала себя такой умиротворенно-счастливой!

Весело напевая что-то про любовь и кровь, она бежала все дальше и дальше... пока не сообразила, куда несут ее ноги.

Розмари оказалась у западного входа в Сентрал-парк. Неподалеку находился Брэмфорд. Она подняла глаза... И действительно, вот он: край покатой крыши, а дальше башенки, наполовину скрытые ветвями высоких деревьев. Но тот ли это особняк? Как разительно он изменился! Он посветлел — и стал почти неузнаваемым.

Розмари пропустила машины и перебежала через дорогу.

С непривычки она устала, в боку колело — пришлось перейти на быстрый шаг.

Она спустилась по улице, идущей с уклоном вниз, повернула направо, потом налево — и вот он, массивный кирпичный дом в помпезном готическом стиле. Да, это он, до боли знакомый Брэмфорд.

Вблизи стало ясно, что дом не покрасили, а просто каким-то образом почистили, применив какую-то хитрую современную технологию. И он из законченного, мрачного монстра превратился в веселенький особнячок — что-то вроде молодящегося дородного старика, который норovit выглядеть юным козликoм. Темный волчище Брэмфорда превратился в бледно-розового ягненка. Жутковатые гор-

гульи напроочь срезали. На шпиге развевался огромный звездно-полосатый флаг.

Это уже не Брэмфорд.

Это «Дом. Где Вырос Энди». Национальная святыня.

Розмари печально усмехнулась и покачала головой. Во дворе небось вовсю продают футболки с символикой «Божьих Детей», а также с портретами Теодора Драйзера и Айседоры Дункан, которые в свое время жили в этом доме.

Интересно, подумала она с горьким сарказмом, а майки с рожей Адриана Маркато, вызывающего заклинаниями Сатану, здесь тоже продают? Есть ли у них картинки, изображающие сестричек Тренч, которые варят настойку из волчьей ягоды для своих ведьминых надобностей? Ведь эти люди тоже были жильцами Брэмфорда...

За ее спиной раздался громкий женский всхлип.

Она повернулась и увидела низинку за штaketным ограждением и шеренгой кустов. В низинке кружком стояли несколько человек, старуха уводила прочь рыдающую молодую женщину в черном.

Розмари закрыла глаза. Просунула пальцы под очки, с силой надавила на глазные яблоки, покачалась.

Немыслимое. То самое, о чем она запретила себе думать и не думала с того мгновения, когда впервые (ровно месяц назад) увидела на телеэкране Энди. И вот теперь Немыслимое подошло сзади и хлопало ее по плечу.

Она подняла голову, опустила очки, стряхнула руку Немыслимого. Надвинула шапку на глаза, закрыла шарфом рот и пошла искать путь на лужайку.

Ей удалось найти ответвление от проспекта — асфальтовый изгиб под указателем «Земляничные поля». И этот изгиб привел к людям. Их было шестеро или семеро, и они стояли вокруг черно-белого узорчатого диска, врытого в землю, и на том диске лежали цветы и сложенные бумажки. Кое-кто из мужчин и женщин смотрел вверх, как при молитве, другие печально взирали вперед. Несколько че-

ловек в отдалении нацеливали стрекочущие и щелкающие кинокамеры и фотоаппараты и медленно приближались к диску.

Статная женщина левантийской внешности уронила охапку алых роз. Ее веки были смежены, губы шевелились. Вся она была в черном, как и молодица, присевшая со старухой — ее матерью? — поплакать на одну из стоящих неподалеку скамеек.

Розмари решила держать себя в руках. Должно быть, это галлюцинация, видение: Немыслимое как-то сумело прокрасться в ее разум. Сейчас Энди тридцать три года — в таком же возрасте Христа прибили к кресту.

Эти люди из детства Энди собрались вокруг еще не существующей усыпальницы. Но когда-нибудь она появится.

Сделав глубокий вдох и прижав кулаки к бокам, Розмари направилась к диску.

Он представлял собой выложенное черными и белыми плитками мозаичное колесо с причудливо зазубренными спицами. В центре среди красных роз виднелись черные печатные буквы: «МАГИ». Розмари подняла очки — убедиться, что не ошиблась.

Слово ничего ей не говорило. Она не знала, о чем молятся или что предвещают эти умники. Впрочем, разве это важно? Она опустила очки, поправила шапку и шарф и быстро миновала скорбящих. По другой дорожке пошла к проспекту, в конце которого золотилась верхушка стеклянной башни. Налетев на кого-то, она бросила через плечо: «Извините».

Ей вдогонку погрозил кулаком старикашка в бейсболке: — Тоже мне, Грета Гарбо! Смотри, куда идешь!

На проспекте Розмари остановилась, перевела дух и перешла на другую сторону, к улице, огибающей парк с юга.

И с потоком таких же рассеянных, не глядящих, куда идут, людей побрела к Энди, к башне из ослепительного золотого света.

Когда Энди во вторник сообщил матери, что электронная карточка дает ей доступ к его личному сверхскоростному лифту, она и не предполагала, что по своей доброй воле захочет когда-нибудь прокатиться на этой чертовой ракете.

А сегодня выдалось такое странное утро, что Розмари не задумываясь вошла в кабину и нажала кнопку «10». Было еще довольно рано, но, по словам журналистов, рабочий день Энди начинался с восьми утра.

Из-за приоткрытой двери кабинета доносился его голос. Он с кем-то препирался по телефону. Идя по коридору мимо пустых комнат по направлению к кабинету сына, Розмари невольно слышала часть разговора.

— Ну что вы упираетесь! — с жаром говорил Энди неизвестному собеседнику. — Пожалуйста! Ну пожалуйста! Дайте же мне закончить дело! Да, половина заказа в Китае и в Южной Америке еще не готова, но имейте немного терпения — они уже к пятнице выполнят свои обязательства. Паниковать нечего.

Розмари подошла к кабинету и замерла у двери. Она не собиралась подслушивать, но и мешать Энди тоже не хотелось. Теперь она видела его сквозь приоткрытую дверь — он, в джинсах и в голубом свитере с солнцем на груди и на спине, сидел в кресле вполоборота к ней и свободной рукой нервно ерошил волосы.

— Ну... Ну... Да... Касательно телевидения — у нас все схвачено. Начиная с тринадцатого и до самого Нового года запустим два ролика — они будут вертеться на всех каналах по сотне раз в сутки. Те самые два рекламных ролика, что вам очень понравились. Помните, в одном внук и дедушка? Ну да... Да как вам в голову пришло сделать такое? Послушайте, вы меня без ножа режете!

Розмари не понимала, о чем идет речь, но догадывалась, что разговор малоприятный. Она сняла шляпку и темные очки и, держа их в одной руке, другую руку протянула, чтобы толкнуть дверь и войти, как только сын закончит теле-

фонную беседу. Ноздри щекотал запах свежесваренного кофе.

— Да говорю вам, цифры выправляются! Дальше будет еще лучше. Нет, умоляю, не делайте этого — я считаю, что это неуместный и непрактичный шаг... Да, да, разумеется, она не откажется — это я вам гарантирую.

Тут Энди повернул голову и заметил мать.

Она попятилась, виновато замахав руками — дескать, я исчезаю, я не ко времени.

Он мотнул головой, улыбнулся и жестом пригласил ее войти.

— Слушайте, Рене, тут моя мама пришла. Так что извините меня и давайте закрутиться. Значит, мы с вами договорились, хорошо? Ну, ну, не начинайте сначала! Стало быть, я на вас рассчитываю. Приятного вам полета. Передайте Симоне мою личную благодарность за щедрое пожертвование в наш фонд. Желаю ей удачных концертов — завидую тем, кто будет наслаждаться ее великолепным голосом! Привет вашим прелестным внукам. Всего доброго.

Энди повесил трубку и весь перекривился.

— Уфф! — сказал он. — Спасибо тебе, что кстати пришла и выручила меня. Рене — один из моих вернейших и важнейших соратников, но порой он бывает таким шилом в заднице! Вон, даже руки вспотели! — Энди рассмеялся и вытер ладони о джинсы. — А его женулика — худшее в мире сопрано!

Энди вскочил навстречу матери, крепко взял ее за плечи и крепко же поцеловал в щеку.

Она сама продала их объятия — прижалась щекой к его груди, да так и осталась. Сердце в груди преступно заколотилось, но она все не отстранялась.

— Э-э, да ты вся холодная! — воскликнул Энди. — Не иначе как занималась бегом?

— Угу, — только и промолвила Розмари, отогреваясь на его груди.

- Вместе с Джо?
- Нет, одна.
- И никто не цеплялся?

Она молча тряхнула рукой со шляпкой и темными очками.

Теперь Энди сам отодвинул мать от себя и, держа за плечи на расстоянии вытянутых рук, с тревогой спросил, заглядывая ей в глаза:

— Что случилось? У тебя вид какой-то не такой...

— Я волнуюсь за тебя, — сказала Розмари. — Боюсь, как бы чего не приключилось...

Он вздохнул и неопределенно мотнул головой.

— От судьбы не уйдешь. Всякое может случиться. С ужасными людьми и вещи приключаются ужасные. За примерами далеко ходить не надо: взять того же Стэнли Шанда, которого автомобиль размазал по стене...

— Прекрати! — воскликнула Розмари, довольно чувствительно ударив его по руке. — И слышать не хочу такие мерзости!

Энди пожал плечами.

— Сама начала. У тебя какие-то конкретные опасения? Или просто так?

— Ничего конкретного. Навалился вдруг страх — сама не знаю отчего... Я была возле Брэмфорда...

Розмари осеклась и бросила быстрый взгляд на сына.

— А-а, так ты видела, что с ним сделали!

Она кивнула.

— Чувствую свою вину за то, что я это допустил, — признался Энди. — Но это не могло тебя напугать. Я вижу, ты чем-то очень и очень расстроена. Успокойся. — Он погладил ее по плечам.

— Я видела... — начала она и снова осеклась.

— Что? — с терпеливой улыбкой спросил он.

Розмари передернула плечами, вздохнула и солгала:

— Так... одного человека со значком против тебя.

— Наверное, тилчик из группы «Истинных Сыновей Свободы». Их никто всерьез не воспринимает. Шутовская организация! Тебе вообще не следует всерьез бояться за меня. При такой охране я не в большей опасности, чем любой средний гражданин нашей страны. Скорее даже в меньшей опасности, чем средний гражданин. Не забывай, что меня все любят.

— Все-то все... да не все,— сказала Розмари. Затем потупила глаза и прибавила: — А ну как узнают правду?

— А кто ж им эту правду скажет? — фыркнул Энди. — Ты не проболаешься. Я не проболаюсь. Так что и говорить-то не о чем. Хочешь кофе? У меня тут целый кофейник. Свеженький. Чувствуешь аромат?

Розмари тяжело вздохнула: какой же он все-таки беспечный... и милый!

— Ну давай, наливай.

Он быстро чмокнул мать в лоб и пошел наливать кофе. Она размотала шарф и присела на диванчик, потирая застывшие руки.

— В следующий раз бегай вместе с Джо,— наставительно сказал Энди. — Или со мной. Или на худой конец с охранником. Поверь мне, если кто-нибудь тебя узнает, толпа может на радостях запросто смять столь хрупкую женщину. Не рискуй такими вещами!

— Ладно, убедил,— отозвалась Розмари.

Энди поставил на столик рядом с ней голубую чашку с солнышком на боку и вазочку с фруктозой.

— Я хотел позвонить тебе, да решил, что рано,— сказал он, присаживаясь рядом с матерью. — До разговора с Рене я успел переговорить с Дианой. У нее родилась очередная гра-а-аудиозная идея — ничего мельче она, похоже, никогда не рождает. Однако этот ее проект, как и все прочие, мне вполне по душе. Я надеялся, что ты не откажешься принять участие. Но если ты занята или не расположена, то я, конечно, настаивать не стану...

Индианка настигла ее у дверей в женский туалет и затщила туда.

— Розмари, мне надо с тобой поговорить,— затворяя дверь, сказала она.

Пригнулась, посмотрела, не видно ли чьих-нибудь ног под дверцами кабинок, встала, перевела дух и одернула сари.

— Джуди! Что за черт! — Розмари потеряла руку. — Какая перемена! Давно ли ты годилась на роль в фильме «Я гуляла с зомби»? Рада, что ты пришла в себя.

— Извини,— сказала Джуди. — И за мое поведение — ничего лучше не смогла придумать, чтобы выдержать эту поездку,— и за то, что причинила тебе боль. Так хочется побыстрее убраться отсюда! Я уйду. Пожалуйста, давай сегодня вечером встретимся. Это необходимо!

— Уходишь? — спросила Розмари.

Джуди кивнула:

— Из «БД». И уезжаю из Нью-Йорка.

— О Джуди! Я знала, у вас с Энди проблемы...

— Были,— сказала Джуди. — Все кончено. Я это поняла в Дублине уже на вторую ночь. Помнишь? В тот вечер у него поднялась температура, после того как вы с ним уютились под дождь. Где это случилось, в парке?

Розмари кивнула.

Джуди глубоко вздохнула.

— Ему нравилось, когда я с ним играла в няньку или мамочку. Я слышала, это всем мужчинам нравится. Но в ту ночь... Ладно, потом. Пожалуйста, найди для меня время. Столько надо тебе рассказать, я просто обязана это сделать, прежде чем уйду. И еще я хочу кое о чем посоветоваться.

— Джуди,— сказала Розмари. — я росла в Омахе и воспитывалась по-простому. Меня не тянет совать нос в личную жизнь сына.

— Личная жизнь тут ни при чем,— возразила Джуди. — Я имею в виду совсем другое. То, о чем ты и сама скоро прочтешь в газетах. В апреле или мае, а может, и раньше.

Розмари пристально посмотрела на индианку.

— И что же ты имеешь в виду?

— Потом все объясню,— пообещала Джуди.— И умоляю, не говори Энди, что я ухожу. Завтра или даже сегодня вечером я ему сама позвоню, но если встречу с ним, не выдержу. Всякий раз от его проникновенных взоров и романтических слов я превращаюсь в медузу — а потом презираю себя.

Розмари глубоко вздохнула:

— Ладно. Сегодня вечером. В восемь устраивает?

— Спасибо.— Джуди пылко сжала ее руки.— Спасибо.

Они вышли в просторный коридор. В нескольких ярдах от дверей ждал в кресле Хэнк, его луноподобное лицо сияло, глаза за очками блеснули.

— Ну ладно, Розмари,— сказал он,— давай похвастай, что там у тебя было с его величеством.

— О да, пожалуйста,— подхватила Джуди.— Я и сама хотела спросить.

— Хвастать совершенно нечем,— ответила Розмари.— Вы же знаете этих так называемых английских репортеров. Король мне поцеловал руку. А чего вы ожидали? Что он меня отшлепает?

— Ну что ж,— кивнул Хэнк,— занятные новости. А у меня уже есть результаты субботнего опроса.

— Хорошие? — поинтересовалась Розмари.

Джуди коснулась ее плеча.

— Отличные. До встречи.— Она поцеловала Розмари в щеку.— Хэнк...

— Позабочусь,— пообещала Розмари и двинулась к Хэнку.

— Во-первых, всю неделю крутили ролик «Они у нас зажгут свечи!»,— сообщил Хэнк.— Количество отрицательных ответов упало с двадцати двух процентов до тринадцати. Гляди.

— Не верю.— Розмари склонилась над распечаткой. И присвистнула.

Хэнк, глядя на нее, улыбался. И вдруг, покачав головой, сказал:

— Привет.

Розмари повернулась, выпрямилась и тоже сказала:

— Привет.

В дверях женского туалета стояла Сэнди, невозмутимая блондинка в бежевом костюме с высоким воротом. Должно быть, она была в одной из дальних кабинок и, конечно, не слышала, о чем говорила Джуди.

Сэнди с улыбкой вышла в коридор.

— Здравствуй. С возвращением. Надеюсь, ты не слишком устала от полета через несколько часовых поясов. Наверное, восхитительное путешествие?

— Увидимся.— Хэнк развернул кресло и поехал по коридору.

— Ладно, милая, колись! — Сэнди вцепилась в Розмари наманикюренными ногтями.— Что там за шашни с его величеством?

— Совершенно ничего не было,— ответила Розмари.— Ты же знаешь, на что способны английские репортеры.

Они шагали вслед за креслом Хэнка, склонив головы друг к другу.

Навстречу вышел Крейг. Они с Хэнком поиграли: Хэнк прорывался, Крейг не пускал... Затем Хэнк показал ему распечатку, и минуту-другую все, нагнувшись, читали.

Потом Розмари помахала остальным рукой и пошла на телестудию. Хэнк поехал дальше по коридору, а Крейг направился в мужскую уборную. Сэнди осталась на месте.

— Крейг,— сказала она,— когда управишься, надо будет поговорить.

Многое показалось странным незамыленным глазам и ушам Рипа ван Рози. Например, то, как в тысяча девятьсот девяносто девятом году средства массовой информации писали и говорили о террористах, берущих на себя ответ-

ственность за злодеяния. Сестра Агнес расколола бы указку и углубила борозды на своем столе: «Мы заявляем, что это хорошо! — Бац! — Ответственность подразумевает зрелость и сознательность! — Бац! — Они признают свою вину! — Бац! — Позор тем, кто скажет иначе!»

Стараниями Энди терроризм, достигший в прошлом году жуткого пика, пошел на спад, но варварские злодеяния все еще случались, и не только на Ближнем Востоке. В то утро, когда Энди, Розмари и Джуди высадились в белфастском аэропорту, они узнали, что в Гамбурге от новой разновидности газа, давно облюбованного террористами, погибли свыше шестисот человек. И никто пока не «взял на себя ответственность». На пострадавшей территории — в десятках припортовых кварталов — в воздухе еще витал ядовитый газ. Подробностей не сообщалось.

На обратном пути Розмари подбросила Энди идею. Почему бы не снять ролик или не выступить в телепередаче с призывом ко всему человечеству: давайте сами перестанем говорить как террористы, и тогда немногие отщепенцы останутся без питательной среды и волей-неволей начнут думать «цивилизованно». Энди признал, что мысль неплохая и в будущем году может пригодиться, однако особого энтузиазма в его голосе Розмари не уловила, так что решила испробовать иные подходы и записала кое-какие мысли в электронный блокнот. Либо придется расшевелить сына, либо предпринять что-нибудь самостоятельно.

Впрочем, не на этом было сосредоточено ее внимание, пока она звонила ему, чтобы поговорить о снижении числа отрицательных ответов после ролика «Они у нас зажгут свечи!» на девять пунктов. (Вот оно, ее излучение!)

Занято: Энди с кем-то разговаривает по телефону. Нет, ему обязательно надо сейчас же увидеть распечатку.

Она позвонила еще раз через полчаса — автоответчик.

Она позвонила Хэнку и снова услышала записанный на пленку голос.

Розмари встала — пойти поговорить с Крейгом. Отворила дверь и выпучила глаза от изумления.

Телевизионный отдел пуст!

Ни Крейга, ни Кевина — никого...

На экранах трех телевизоров — ничего. Мистика, да и только! Она прошла мимо безлюдных кабинок, где до сих пор всегда можно было уловить признаки жизни — если не в этих кабинках, то в центральном коридоре и расположенном сразу за ним юридическом отделе: смену освещенности, звук шагов, далекую канонаду компьютерной игры... А сегодня — тишина.

И нерушимая неподвижность.

Розмари вернулась в офис. Позвонила Сэнди, услышала ее голос на автоответчике.

Взяла «Таймс», посмотрела дату: понедельник, 20 декабря 1999 года («Число жертв в Гамбурге достигает...») — и поняла наконец, почему все так таинственно исчезли.

И почему ей тоже следует исчезнуть. Сейчас же.

На предрождественскую беготню по магазинам осталось всего пять дней.

Неузнаваемая в головном платке, темном свитере, слаксах и солнцезащитных очках, Розмари неспешно разглядывала принаряженные к Рождеству витрины бутиков в вестибюле. Коридорные помахали руками в белых перчатках, она помахала в ответ, остановилась, чтобы посмеяться и сказать: «Вы же знаете этих английских репортеров...»

Привезенные из Дублина свитеры почти уносила всем ее родным братьям и сестрам, двоюродным братьям и сестрам, племянникам и племянницам, но предстояло одарить еще уйму народа: персонал «БД» (семеро мужчин, пять женщин), несколько человек из гостиничного штата, которые заслуживали не только чаевых в конвертиках (двое мужчин, две женщины), Энди и Джо.

Разумеется, с Энди дело обстояло совсем непросто.

В прошлое Рождество легче легкого было найти для него подарки: трехколесный велосипед, составные картинки-загадки и две книжки Доктора Сьюса*. Но теперь, спустя чуть больше шести месяцев, перед Розмари встала серьезная проблема. Ведь Энди на двадцать восемь лет старше и знает, кто его настоящий отец. Вопрос не в том, что ему купить, а в том, по какому поводу.

Сделать ему подарок к Его дню рождения?

Да, решила она. Что-то вроде заговора молчания против террористов: надо поставить Энди в безальтернативную ситуацию.

Розмари приценилась к перчаткам в бутике «Гуччи», к мужским украшениям в «Аорде и Тейлоре», к одеколону в «Шанели». В бутике фирмы «Гермес» она выбрала полдюжины платков и шарф. Шарф она сегодня вечером подарит Джуди — эх, если бы можно было ее уговорить, чтобы не уходила, чтобы они с Энди остались друзьями... Кстати, что имела в виду Джуд, говоря о какой-то информации в газетах, которая появится в апреле или мае?

Розмари расплатилась кредитной карточкой. Не важно, напомнила она себе, кто задумал и сделал первые шаги для создания «БД» (да и не стоит поминать его в это время года!). Организацию сейчас субсидируют в основном плутократы вроде Рене-как-его-там, который вдобавок жертвует на личные нужды Энди; сын рассказал об этом, вручая Розмари карточку перед вылетом в Ирландию. «Нынче никто в здравом уме не верит, что люди встанут под знамена тех, у кого в кармане ветер. Будем реалистами, мама. Что же касается поступающих в офисы “БД” центов, долларов, песо и тэ пэ, то они без остатка идут на местные социальные программы и прочие нужды; за этим следит Департамент налогов и сборов и его зарубежные аналоги».

* Псевдоним американского писателя и иллюстратора Теодора Сьюса Гейзеля, автора популярнейших детских книг.

Ладно. Но уж на следующий год она пойдет за рождественскими покупками со своими собственными деньгами.

В бутике «Салка» Розмари долго рассматривала красивый халат из черного атласа с ярко-синей отделкой — на Энди он бы выглядел сногшибательно. Цена, конечно, выше крыши, и, пожалуй, слишком уж интимно, но почему бы и...

Спустя чуть более часа она возвратилась в апартаменты. На два тридцать у нее была назначена встреча с парикмахером — чтобы привести в порядок прическу и ответить на вопросы о короле.

Едва Розмари успела снять очки, ожил телефон. Звонили по «секретному» номеру. Энди?

— Привет! Не хотела тебя беспокоить, да тут вдруг вспомнила: «Лютер» не та ли пьеса, в которой играл на Бродвее отец Энди?

Диана. Уверена, что се должны узнавать по голосу.

— Да...

— Я так и думала. Не захочешь помочь ребятам? Они пытаются воскресить пьесу, правда, не на Бродвее, а на задворках. Только начали репетировать, а хозяин театра оказался лютеранином, заявил, что это ересь, и вышибает их за какую-то формальную провинность. Чек на две секунды опоздал, представляешь?

— Если он лютеранин, почему считает пьесу ересью? — спросила Розмари. — Она же пролютеранская.

— Почем я знаю, что у него в башке творится? Мне лишь известно, что у ребят до вылета на панель осталось два дня. У них будет что-то вроде собрания, и председателем на нем — внучка моей старой подруги. Если выкроишь для них пять минут и поговоришь о чем угодно, они попадут в газеты и теленовости, и день не пропадет. Это, конечно, в теории. Если честно, я не думаю, что хозяин театра пойдет на попятный. Он уже и раньше проделывал такие номера, и ему сходило с рук.

— Где и когда собрание? — спросила Розмари.

Она позвонила Джуди домой. Услышала ее голос на автоответчике, дождалась гудка и сказала:

— Джуди, это Розмари. Нельзя ли нам...

— Розмари, это я.

— Привет. Нельзя ли нам сегодня встретиться попозже? У меня встреча с какими-то ребятами, они ставят спектакль...

Она вкратце объяснила, о чем идет речь.

— Ну конечно! Помоги им. Как это ужасно, когда людям не позволяют воплотить в жизнь хорошие идеи! Хотя, если чек опоздал и хозяин театра не арендатор, а владелец...

— Если верить Диане, я вернусь к девяти,— сказала Розмари.— Но вообще-то театр в Виллидже, на Кармин-стрит, так что для верности пусть будет половина десятого.

— Устраивает. Мне пока есть чем заняться: собираю вещи.

— Да не спеши ты так. Давай поговорим.

— Я уже решила. И наговорила. Да и что ребята скажут, если передумаю? Счастливо.

Розмари позвонила Диане. Вымолвила одно-единственное слово: «Договорились».

— Отлично. Может, что и получится. Правда ведь, это будет здорово? Я закажу машину. В полвосьмого?

— Я собираюсь поговорить с Джо,— сказала Розмари.— Может, захочет проверить в деле собственную машину. Я тебе перезвоню. Ты сегодня не видела Энди?

— Никого я сегодня не видела, кроме моей горничной. Я в койке, с пояснично-крестцовым радикулитом.

— Ой! Прости, Диана.

Она позвонила Джо.

— Да, конечно. Можем на моей машине. А он там будет?

— Энди?

— Лютеранин.

— Джо! — воскликнула она.

— Не удивляйся, у нас же с тобой общие друзья. И я знаком с владельцами театров. В котором часу?

Она позвонила Диане и взяла адрес.

— Тебе там надо встретиться с помрежем, его зовут Фил, фамилию не помню. Да, мои поздравления насчет опросов!

Позвонили в дверь. Розмари безошибочно узнала звонок сына.

— Энди пришел, — сказала она. — Я тебе потом расскажу, как все было.

— Передай ему мои...

Энди снова позвонил, Розмари ткнула пальцем в клавишу отбоя и поспешила к двери. Отворила, и на нее двинулись розы — пахучие, круглые, красные. Энди лучезарно улыбался. Не слишком ли лучезарно?

— Сосчитай, — велел он, вручая ей пучок стеблей, обернутый золотой бумагой. Точно такую же бумагу Розмари видела в цветочном ларьке в вестибюле гостиницы.

— Прелесть. — Она прижала букет к груди. — Спасибо. — Она не сводила глаз с его лица, пока он возвращался в прихожую и затворял дверь. — Что-нибудь не так?

— Шутишь? Сосчитай.

— Девять.

— В честь девяти пунктов, — объяснил он. — Вот это излучение!

— Так я и думала! — Они поприжимались друг к другу щеками и поцеловались — целомудренно. — Спасибо, милый, они просто прекрасны. — Розмари опустила лицо в лепестки.

— У тебя волосы другие, — заметил Энди, расстегивая молнию на куртке.

— Тебе нравится? На Эрни нашло вдохновение. — Она повертела головой.

Он посмотрел, сощурясь и свесив голову набок.

— М-м... Надо чуточку привыкнуть.

— А мне нравится.— Пока он сбрасывал куртку, Розмари отворила дверь в кухню.— Где тебя носило весь день? — Она открыла буфет.

— Мэр всю нашу компанию отправил на самолете в Олбани,— ответил Энди,— упрощивать губернатора насчет финансирования больницы.

Розмари достала вазу из резного стекла.

— И ты был в этой одежде?

— Ага,— кивнул он.— Губернатор чуть не лопнул от злости.

Мать и сын улыбнулись друг другу. Прислонясь к кухонному столу, Энди смотрел, как она ставит розы в вазу.

— У меня на сегодняшний вечер было кое-что назначено, но я отменил. Не махнуть ли в кино?

— Не могу.— Розмари выпрямила спину, искоса посмотрела на него. И пояснила, расправляя букет в вазе: — Мне сегодня ораторствовать. Правда, недолго.

— Хотелось бы послушать.

— Поехали со мной. Только Джо повезет меня на своей машине. Она, кажется, двухместная.

— Трихместная.

Розмари опустила в вазу шланг и, наполняя ее водой, посмотрела на сына.

— Одно условие.

— Какое?

— Никаких «старичок», «старина», «дружище»,— потребовала она.— Ни одного за весь вечер!

— Что ты имеешь в виду? Я не...

— Энди! — вытирая вазу, сказала она.— Не притворяйся! Ты прекрасно знаешь, что я имею в виду.

— Ладно.— Он направился к телевизору.— Ладно, ладно...

— Я пошла в комнату.— Розмари переставила вазу на кофейный столик.— Надо отдохнуть и кое-что записать.

Если хочешь посидеть, в холодильнике половина пирога с ветчиной и швейцарским сыром. Или заberi его с собой. Я часам к шести что-нибудь закажу. Джо подойдет к половине восьмого.

— Ван Бурена показывают. — Энди с пультом дистанционного управления стоял перед телевизором. — Слышишь? Он вырезал из своей зажигательной речи все огнестрельное.

— Из-за ролика? — спросила Розмари.

— Да уж, следит за опросами.

На фоне небесной синевы Майк ван Бурен в ковбойской шляпе дышал инеем на несколько «журавлей».

— Сторонам не мешало бы чуток поостыть, верно я говорю? Вот что решили «Истинные Сыновья Свободы»: если их не будут «грузить», они, может, и передумают насчет зажжения свечей. Похоже, благодаря мудрому и сердечному посланию Розмари, ну и, конечно, Энди, мы снова объединяемся в нацию.

Энди хлопнул себя по груди и вскричал:

— Конец моей карьеры!

Розмари рассмеялась.

— Господи Боже! Он сдвигается к центру! Из-за нас он станет следующим президентом.

Энди хмыкнул и переключил канал.

— Этому не бывать, я тебе обещаю.

— Ты никогда не разбирался в политике.

— Сейчас можешь мне поверить.

Глава 12

Весь вечер творилась какая-то чертовщина.

Пожалуй, только выступление прошло благополучно. Аудитория, вопреки ожиданиям Розмари, оказалась маленькой: около тридцати молодых мужчин и женщин — артистов и их друзей. Правда, в недостатке ответственно-

сти и целеустремленности их было не упрекнуть. Они вели себя так, будто все наравне с Розмари участвовали в публичном чтении, репетиции или хэппенинге. Театр располагался в четырехъярусном зале на первом этаже особняка, сцена уступала размерами амфитеатру «БД». Попытка втиснуть на такие крошечные подмостки «Лютера», даже максимально урезанного, — настоящий вызов обстоятельствам. Должно быть, внучка Дианиной подружки не из робкого десятка. Розмари ее не увидела: по словам помрежа Фила, бедняжка легла в сент-винсентскую клинику — лечить отслоившуюся сетчатку.

Благодаря содействию телефонной справочной службы Нью-Йоркской публичной библиотеки Розмари удалось дословно цитировать Томаса Пейна* и Томаса Джефферсона**. Ее проповедь, адресованная новообращенным Зажигателям Свечей, заслужила бурные аплодисменты, после чего все толпились вокруг Розмари, просили автографы, поздравляли и говорили, что она прекрасно выступила и тому подобное. Энди сидел в последнем ряду на складном пластмассовом стуле, скрестив вытянутые ноги, сложив руки на груди и опустив голову. Джо, пристроившийся рядом с ним, улыбнулся Розмари и пихнул Энди локтем в бок.

Чертовщина творилась до и после.

Сначала в нескольких кварталах восточнее по Кармин-стрит возник пожар — достаточно серьезный, чтобы привлечь к себе все ближайшие мобильные бригады телевидения.

В восемь тридцать Фил сказал, что ждать больше нельзя и они будут сами записывать собрание на видеопленку. Ед-

* Томас Пейн (1737—1809) — философ, просветитель радикального направления, участник Войны за независимость в Северной Америке и Великой французской революции.

** Томас Джефферсон (1743—1826) — американский просветитель, идеолог в период Войны за независимость в Северной Америке. Автор проекта Декларации независимости США.

ва все расселись и он поднял руки, призывая к тишине, — приехали полицейские машины.

И грузовик с подразделением саперов и собаками.

Оказывается, позвонил некий представитель организации со странным названием «Лютеране против Лютера» и взял на себя ответственность за взрыв бомбы, назначенный на девять часов. Голос был женский, вдобавок записанный на пленку. С вероятностью девяносто девять процентов это была ложная тревога, но пришлось немедленно освободить здание и обыскать его от подвала до крыши. Что поделаешь...

Джо был уже готов подогнать машину, но Розмари не на шутку завелась: подумать только, какой возмутительный эгоизм со стороны людей, называющих себя христианами! Взяв себя в руки и глядя на сочувственно настроенную публику, она решила, что речь послужит неплохим разогревающим упражнением, репетицией будущих длинных выступлений перед более трудной аудиторией.

Энди пожал плечами.

— Ты начальник, — сказал Джо. Ей сказал, не ему.

Розмари позаимствовала у Фила телефон (помреж был молод, бодр, с широко посаженными синими глазами, как у Лии Фаунтэн, и таким же безвольным подбородком) и перешла на другую сторону перестроженной турникетам, запруженной народом улицы — под прикрытие витрины гастронома. Все остальные — Энди, Джо, Фил, артисты, половина жителей окрестных домов — считали мужчин и женщин, спускающихся с двух верхних этажей здания, которые арендовал «Доминикс Данджен».

«Двойная мораль? Ах ты домовладелец, подлая крыса». Розмари гневно тряхнула головой. Она ждала, когда отговорит автоответчик Джуди.

— Это Розмари, — сказала она. — Ты дома?

Должна быть дома. От башни до ее квартиры на Вест-Энд-авеню рукой подать.

— Мне к половине десятого никак не вернуться. — Розмари вытянула шею — посмотреть, кого там приветствует толпа. — Нас тут бомбами пугают. Десять — это вероятнее. Я позвоню портье, они передадут смене, которая заступает в семь, чтобы тебя пустили, если задержусь.

Она позвонила портье.

Но уже далеко за поддесятого она наконец уселась перед сочувствующей, отзывчивой, благожелательной аудиторией.

А потом снова началась чертовщина. Энди, собираясь втиснуться в черный «альфа-ромео» Джо, обнаружил новехонькую трехдвоймовую царапину на левом крыле, в самом низу. Молчаливый и хмурый Джо обогнул квартал, въехал в гараж, вышел из машины, вновь представился охраннику — бритоголовому здоровяку с золотой серьгой в ухе — и предложил взглянуть на царапину. Охранник сказал, что видит ее впервые в жизни, однако Джо его уверения счел малоубедительными. В десять с лишком (и каким лишком!) Розмари наконец втолковала ему, что очень хочет в гостиницу, и если эта царапина так важна, то следует не препираться и угрожать, а звонить адвокату.

— Если?! — возмущенно переспросил Джо. — Если?!

Примерно в это же время на перекрестке Восьмой авеню и Тридцать девятой улицы прорвало водопроводную магистраль.

— Рози, уверяю, ты была великолепна, — начал Джо, когда они застряли в транспортной пробке между Тридцать второй и Тридцать третьей улицами. — Ни на секунду их не выпускала из кулачка.

— Я тебя умоляю! — отмахнулась Розмари. — Это самая дружелюбная публика в мире. Мне исключительно повезло. Я бы могла просто читать им телефонную книгу.

— Да брось, ты молодчина. — Джо постучал по приборной доске тыльной стороной ладони. — Правда, Энди?

— Правда.

Розмари повернула голову, покосилась на сына — тот сидел сзади, согнувшись в три погибели. По его шевелюре, скулам, бороде пробегали отблески фонарей.

— Ты хорошо себя чувствуешь?

Он ответил не сразу:

— Вообще-то не совсем. Надо бы перекусить..... Энди потерял ладонью живот.

— Ох! — Розмари потянулась через спинку сиденья, дотронулась до другой его руки, лежащей на колене. — Надеюсь, это не из-за пирога с ветчиной и сыром?

— Думаю, нет.

— С ветчиной надо поосторожнее, — наставительно заявил Джо, вставляя кассету в плеер.

Вместе с медленным потоком транспорта они пересекали Тридцать третью улицу и поехали по Десятой авеню. Элла Фитцджеральд исполняла «Песенник Ирвинга Берлина»; Розмари прослушала больше половины кассеты. В одиннадцать с лишним «альфа-ромео» выбрался на Восьмую авеню и поехал через Сороковые. О Джуди Розмари не слишком беспокоилась — индианка спит на диване или, что вероятнее, возится с костяшками скрэббла, составляет анаграммы. «Жареные мулы»! Надо у нее выпялнить ответ, сегодня же, хоть на коленях, а то еще, чего доброго, Джуди исчезнет без следа. Обидно, столько времени пропало из-за этих дурацких десяти косточек!

— Ну, дальше все пойдет как по маслу, — с облегчением вздохнул Джо.

— Попаюй через плечо.

— Сама попаюй. — Глядя в зеркальце заднего вида, он прижался к тротуару, затормозил. С воем, разбрасывая красные и белые сполохи, мимо промчалась полицейская машина, за ней вторая, тоже крутя мигалкой. Вой стих вдалеке. Элла Фитцджеральд пела, что, на ее взгляд, денек выдался прекрасный и все хорошо.

— Нет, Элла, вовсе не прекрасный, а черт знает какой, — произнесла Розмари, глядя на тающие вдали огни полицейской машины.

Разве не чудесный день?
Хлепет дождик в окно.
Уходить мешала лень,
А теперь все равно...

— Давайте послушаем новости, — предложила Розмари.

— А мне нравится это.

— Мне тоже. — Джо, глядя в зеркало, снова принял вправо и притормозил.

Розмари потыкала в приборную доску пальцем, понажимала кнопки.

— О-о! — простонал Джо. — Ладно. Средняя кнопка. И поаккуратнее.

Мимо с воем пронеслась «скорая помощь».

Розмари глубоко вздохнула и расслабилась на ковшеобразном сиденье.

Дикторша рассказывала о залитых водой подвалах Адской Кухни*, об остановленных поездах метро. О пожаре на Уэст-Хьюстон-стрит: за четыре дня до Рождества два человека погибли, десять семей остались без крова.

Розмари печально вздохнула и покачала головой. Мимо, сверкая мигалкой, проехала еще одна полицейская машина.

— Ты как?

— Да так себе.

— Энди... — Розмари положила руку на спинку сиденья и опустила на ладонь подбородок, — Фил тебе никого не напомнил?

Он промолчал.

* В прошлом — портовый район Нью-Йорка на берегу Гудзонова залива, ныне там расположены благоустроенные кварталы Манхэттена.

— Лия Фаунтэн. Глаза, челюсть...

— Да, ты права.

— Ого-го!

Розмари оглянулась. «Альфа-ромео» остановился у светофора перед Коламбус-серкл. Впереди и слева кружились, мигали, сверкали красно-бело-янтарные огни.

— О Боже... — прошептала она.

Джо похлопал ее по бедру, прикрытому полкой плаща.

— Возможно, ничего серьезного, — сказал он. И не убрал руку.

Энди рассмеялся:

— Бомбы боятся. «Лютеране против Лютера».

— Рада, что тебе лучше, — проговорила Розмари, косясь на полыхающие огни.

Джо убрал руку с ее бедра и врубил первую передачу.

— Что происходит? — спросил Джо через окно.

Полицейский, пропустивший машину к воротам гаража, склонился к окну машины и ответил:

— Убийство. Больше ничего не знаю. Люблю вас, Розмари!

Они поехали по спиральному спуску — вниз, вниз, вниз... Джо остановил машину перед охранницей в форме, та обошла вокруг «альфа-ромео» и отворила дверцу со стороны Розмари:

— Здравствуйте, Розмари. Вы так хорошо выглядите!

— Спасибо. — Опираясь на руку охранницы, Розмари вышла из до смешного низкой, подчеркнуто спортивной машины.

«Странно. Казалось бы, мужчина в годах...»

Прочитав вышитое на груди имя, она сказала:

— Спасибо, Киша. — И показала наверх. — Вы ничего не знаете о...

Карие глаза Киши округлились.

— Убита женщина,— сказала она.— В вестибюле, в бу-
тике. Столько крови!

У Розмари перехватило дыхание.

— Где, говорите? — Энди, наполовину выбравшийся из
своей щели, смотрел вверх.

Розмари протянула ему руку.

— В бутике,— хором ответили они с Кишей.

Он выпрямился, нахмурился.

— Что случилось? — спросил Джо, стоя по другую сто-
рону машины.

— Женщину убили,— ответила Киша, обходя вокруг
капота «альфа-ромео». — В бутике. А в чем, не знаю.

— Хочу подняться,— проговорила Розмари.— Энди, ты
иди прямо к себе, прими лекарство и ложись в постель.
Очень плохо выглядишь. У тебя есть что-нибудь от боли в
желудке?

— Ничего, и так оклемаюсь,— беспечно бросил он.

Розмари дотронулась до его лба, подержала ладонь, гля-
дя в сторону и хмурясь. Он стоял неподвижно и смотрел
на нее.

— Температуры нет.— Розмари огустила руку.— Но все
равно, прими пару таблеток аспирина. Чай у тебя хоть най-
дется? Завари или закажи внизу.

— Ты и правда была на высоте. Даже и не такую доб-
рую публику проняло бы.

— Похвала мастера,— улыбнулась она.— Дорогого сто-
ит, мерси. Сделай, как я сказала.

Она проводила сына до двери с табличкой «Вход только
по служебным пропускам», поцеловала в щеку. Он вставил
карточку в щель электронного замка. Джо встал у косяка и
удерживал дверь, пока Энди вызывал лифт.

В кабине Энди повернулся к матери и шоферу.

— Малыш Джо, спасибо за колеса,— сказал он. И улыб-
нулся матери.

Дверные створки лифта сомкнулись.

— Ну и вечерок,— вздохнула Розмари.— Я с ног валяюсь.

— Я тоже,— кивнул Джо.

Они взялись за руки и пошли к лифтам.

— Такая медленная езда — просто убийство,— сказал Джо.— Чудовищно действует на нервы.

— Интересно, кто она. эта бедная женщина? — Розмари содрогнулась.

— Завтра узнаем. Хотел бы я знать, в чем бутике это случилось? Торговцам такая известность только на пользу.

Джо дотронулся до кнопки вызова лифта. Они поцеловались.

— Ты молодчина,— сказал он.

— Спасибо. И спасибо за то, что нас возил. А за царапину прости.

— Ну вот, напомнила!..

Выйдя из кабины лифта, Розмари увидела Луиса — он сидел за конторкой, прижимал к уху телефон, давил на кнопки и отрицательно покачивал головой.

— Такое впервые,— пожаловался он Розмари, кладя телефон и вставая.— Все линии заняты. Это правда? Убийство в модной лавке?

— Я не видела,— сказала она.— Говорят, женщина.

Он перекрестился.

— Вы ко мне пустили Джуди Харьят? — спросила Розмари.

— Дэннис передавал, но она еще не показывалась.

Секунду Розмари непонимающе смотрела на него, затем поблагодарила, повернулась и пошла по коридору, держа карточку из ридикюля.

— Вы ее еще ждете?

— Да! — крикнула она и прибавила шаг.

Войдя в номер, Розмари первым делом направилась в гостиную, к автоответчику.

Ни одного сообщения.

Розмари взяла телефон, набрала номер Джуди. Закрывает глаза, выслушала запись. Открывает глаза.

— Джуди, это Розмари. Если ты дома, отзовись... это важно. Джуди? Пожалуйста, возьми трубку.

Ожидание.

Она положила трубку. Сбросила плащ на стул, оставшись в спортивной хлопчатобумажной фуфайке со значком «Я люблю Энди» и джинсах.

А может, внизу — Джуди? Может, по дороге на нее набросился маньяк?

Или она каким-то образом попала в один из остановленных поездов метро? Или, что вполне вероятно, застряла в лифте у себя дома? Опаздывает мисс Пунктуальность... Ничего, с минуты на минуту объявится с типичным городским «ужасником» наперевес. И сегодня это будет вполне в порядке вещей.

Розмари решила узнать городские новости — и по радио, и по телевизору. Громкость установила минимальную.

Прислонясь к оконной раме, она глядела вниз, на крыши легковушек, автофургонов, машин «скорой помощи» в водоворотах красного, белого и янтарного света. Ну и черок, черт бы его побрал.

Глава 13

Жителям Нью-Йорка — и постоянным читателям таблоидов, и тем, кто лишь косится на газетные киоски, — выпадают изредка милые деньки, когда два ведущих издательства выпускают свою продукцию под одинаковыми заголовками. Одним из таких деньков был вторник, двадцать первое декабря. Передние полосы-близнецы могли бы украсить чью-нибудь коллекцию.

И не только одинаковые заголовки являли собой образчик «склочного, вульгарного стиля», позволившего обеим

газетам дотянуть до порога нового столетия, но и сами сенсационные факты на каждой из этих первых полос подавались в одинаковом порядке: двумя маленькими врезками вверху. Слова во врезках были разные, но мы же не верим в чудеса, верно?

Чудовищное преступление, дело рук безумца, свирепое нападение на несчастную женщину совершено с причудливой театральностью. А что за декорации! Такое здание, такой отдел известной торговой фирмы! Просто мечта издателя бульварной газеты. Заголовок сам себя предлагал на серебряном блюде: «КРОВАВЫЙ ПИР В “ТИФФАНИ”».

Большой, черный, в три строки.

Передовицы и по содержанию не слишком отличались. В одной сообщали, что собаки, учуявшие запах неостывшей крови, — веймарские гончие обитателя апартаментов на одном из верхних этажей. Другая утверждала, что это были волкодавы владельца здания.

Но таблоиды сходились в том, что обнаженная жертва лежала на центральном прилавке бутика; руки были вытянуты вдоль туловища, как у пациента на операционном столе, если верить одной передовице, или, согласно другой, как у жертвы, предназначенной варварскому богу.

Оба репортера упоминали семь столовых ножей и нож для колки льда. Один писал, что вокруг покойницы лежали и другие предметы кухонной утвари; другой их перечислил. Первый еще сообщил о незначительном ограблении: пропали несколько браслетов и часы, дешевая штамповка.

Обе статьи дополнялись одной и той же фотографией в блеклых газетных цветах. Снимок был сделан с помощью телеобъектива и передан по компьютерной сети. Он показывал жертву сбоку; там, где нужно, изображение было расплывчатым. Убитая лежала на стеклянном прилавке, заполненном сверкающими дорогими вещами и испещренным потеками крови. Серебряные рукоятки ножей были обве-

дены белым. На снимке можно было различить несколько ложек и вилок, а на заднем плане — ветки остролиста.

Согласно обеим газетам, к минуте их выпуска злополучная жертва оставалась неопознанной. Судя по внешности, ей лет двадцать и она уроженка Индии; длинный тонкий нож для колки льда вошел ей в красное, размером с десятицентовик, пятно на лбу.

Только когда помощники coronera закончили осмотр места происшествия и приготовились убрать труп, кто-то предположил, что убитая — индианка, та самая цыпочка Энди. Наверняка утверждать это невозможно, даже коридорные не возьмутся, ведь на людях она почти все время носила вуаль. Да и не так уж редки в Нью-Йорке индианки, особенно в гостинице с международной клиентурой. Но ведь Энди снимает здесь пентхаус, и у покойницы подходящий возраст... Может, кто-нибудь ему все-таки звякнет?

В полночь Розмари позвонила портье и спросила, не опознана ли еще убитая. Портье попросил ее не покидать номер: к ней поднимается Энди.

Чертовщина номер два. Или уже номер три?

Энди явился на взводе, на втором дыхании и в смятении. Да какое там смятение — он был в ярости, в бешенстве. Попадись ему только этот безумный убийца!

Он посвятил Розмари в то небольшое, что удалось выяснить. Никаких сомнений, поработал кто-то из своих. Убийца — или убийцы — не только знали, как обезвредить охранную сигнализацию в магазине, — им даже было известно, где расположен пульт управления шторами. Они ухитрились проникнуть (хотя это лишь предположение — возможно, им просто повезло), что в начале девятого, сразу после закрытия бутика, весь его персонал ушел готовиться к похоронам одного из сотрудников, умершего в этот день.

Утром начнется опрос служащих гостиницы и магазина, постояльцев, сотрудников расположенных в башне

фирм, владельцев апартаментов и их гостей. Полиции предстоит опросить тысячи людей.

Розмари плакала, жалея Джуди — такую молодую, умную, решительную во всем, кроме своих отношений с Энди. А еще на душе кошки скребли: на пороге двухтысячного года, несмотря на Рождество, несмотря на Энди, несмотря на грядущее зажжение свечей в центре города, считающегося столицей цивилизованного мира, одинокая женщина все еще не может быть уверена в собственной безопасности.

Вполне понятно, что Энди в ярости — Джуди не была ему чужой.

К трем ночи Розмари наконец задремала, но перед этим не переставая гадала, о какой информации в апреле или мае говорила Джуди... Энди в гостиную по телефону описывал кому-то место преступления, употребляя крепкие словечки, самыми пристойными из которых были «запредельное безумие». И кипел при этом так, словно держал за горло настоящего убийцу. Господи, да если это способно ему помочь...

— Дело рук чертовой театральной гильдии!

В девять пришел Джо с газетами и коробкой пышек — побыть с Розмари, пока Энди с Уильямом и Полли не вернутся из муниципалитета, где у них назначена встреча с мэром, комиссаром полиции и представителями масс-медиа. Вести машину Энди попросил Мухаммеда, так что Джо был свободен.

Очевидно, Энди всю ночь «просидел на телефоне», говорил с главными попечителями «БД». Они опасались, что известия о Джуди — его Джуди, злополучной жертве преступления, — на рассвете по всему миру разнесут желтые газеты и телепередачи (спасибо невероятной, безумной, запредельной театральности убийства) и средства массовой информации упомянут Энди и ядро «БД» в таком непри-

ятном контексте, что за неделю, оставшуюся до Зажжения, многие от них отвернутся. В частности, мусульмане правого крыла. И аманиты. И тогда вместо запланированного полного трансцендентального единения получится нечто рваное и убогое.

Энди не сомневался, что убедит мэра и остальных до первого января не разглашать имя убитой. Им тоже нужно безупречное Зажжение, ведь в подготовку празднования Рождества вложено немало труда и денег. Уильям подыскал веский аргумент на случай, если кто-то заартачится. Полли, ветреная вдова сенатора штата и судья по наследственным делам и опеке, запаслась компроматом на всех.

Потягивая черный кофе из чашки с гостиничной эмблемой, Розмари в тонком ирландском свитере из натуральной шерсти стояла и глядела на десять паршивых овечек, отделенных от своего стада. Поделом вам, вшивые ублюдки. Она составила из них слово «LOUSETRASM», а потом — «LOSTMAUSER». Проблема немецкого солдата*.

— Почему семь пожей? — проговорила она.

— Спроси убийцу, когда его найдут. — Джо сидел на диване, на коленях — газета, на носу — модные узкие очки, рука — на подлокотнике дивана.

Розмари, держа чашку обеими руками и хмурясь, повернулась и медленно пошла в сторону прихожей.

Джо следил за ней поверх очков.

— Присядь.

Она остановилась, глянула на другую газету, что лежала на кофейном столике. Отрицательно покачала головой:

— Думают, они такие умные... Мерзкие, гнусные шакалы! Да как их не тошнит от самих себя? Позор!

— В «Тиффани» тоже так считают.

* Слово «lousestrasm» переводу не поддается, но в нем содержится намек на вшивость: «louse». А «lostmauser» — действительно проблема немецкого солдата, который «потерял маузер».

Розмари вышла в прихожую. Остановилась.

— Почему именно «Тиффани»? — спросила она. — Там ведь неудобно: много народу, кругом уйма полицейских. Почему не магазинчик поменьше, на другой стороне вестибюля? И почему вообще бутик?

— Милая, — Джо перевернула страницу, — бесполезно задавать такие логичные вопросы такому извращенцу. Или извращенцам. — Он тяжело вздохнул.

Потягивая кофе и хмурясь, Розмари медленно пошла обратно к столику для скрэббла, там повернулась к Джо.

— Скажи, там еще что-нибудь было? Кроме ножей?

— Угу, — ответил он. — На снимках вилки и ложки. Погоди-ка...

Джо полистал газетные страницы.

Розмари подошла к нему, поставила чашку на журнальный столик, пальцами, точно расческой, провела по волосам.

Невнятно бормоча, Джо пробежал глазами колонку и прочитал вслух:

— «Еще он утверждает, что на теле жертвы и вокруг были и другие предметы кухонной утвари».

— Что именно? Сколько?

— Не сказано.

— Может быть, в «Тайме»... — Она огляделась.

— Побереги силы, — сказал он. — Вот, страница девятнадцать, статья «В бутике убита женщина».

— Ну так посмотри.

Джо отложил газету, опустил ногу на пол, наклонился к Розмари и уперся локтями в колени. Со спортивной майки улыбался Энди.

— Рози, — произнес Джо, — Джуди мертва. И совершенно не важно, сколько ложек было вокруг нее. Психи, что с них взять! Им необходимо, чтобы все устраивалось так, как они себе навоображали. Дорогая, пожалуйста, не заикливайся. Пользы не будет.

— И все-таки посмотри. сделай одолжение,— попросила Розмари.— Не хочу прикасаться к этой гадости.

Он тяжело вздохнул и взял другой таблоид:

— А по мне, довольно бойкая газетка.

— Ну еще бы.— Розмари ждала.

— Сукины дети,— сказал Джо.— Вся посуда в одном стиле. В эдвардианском. Одиннадцать ложек, столько же вилок.

— Одиннадцать.— Она постояла неподвижно. Затем повернулась и пошла к столику.

Джо смотрел на нее.

Розмари помешала косточки и замерла, постукивая по одной из них ногтем и глядя в окно.

— Ты, случайно, не знаешь ее второе имя?

— Второе имя Джуди?

Она повернулась и кивнула.

— Я даже не знал, было ли оно у нее,— произнес Джо.— Так все-таки объяснишь, какое это имеет значение?

— Здесь, в выдвижном ящике, телефонный справочник,— сказала Розмари.— Может, вместо второго имени там инициал... Харьят. Ха, а, эр, мягкий знак, я, тэ. Уэст-Энд-авеню.

— Ее инициал может иметь какое-то значение? — проговорил он, глядя на Розмари.

— Огромное.

Джо глубоко вздохнул, протянул руку, выдвинул ящик, вынул толстую манхэттенскую телефонную книгу в бордовой обложке.

— Почему я сейчас кажусь себе доктором Ватсоном? — пробормотал он.

Розмари ждала.

Джо нашел букву «Х», полистал. Розмари следила за ним, стуча ногтем по косточке скрэббла.

— Такая фамилия только одна,— сказал он, придерживая очки.— Харьят Дэ Эс.

Розмари протянула руку над цветами, резко растопырила пальцы; Джо поймал косточку, посмотрел на нее, потом на Розмари.

— Как тебе это удалось?

— Я чокнутая,— сказала она.— У меня бывают видения.

Она повернулась и пересекла комнату. Постояла, разглядывая майоликового Энди на телевизоре. Все видит и сам на виду...

Повернулась кругом и сказала:

— Одиннадцать ложек.

Джо с пабытым ртом, держа в руке белую дугу пончика, смотрел на нее.

— Одиннадцать вилок. Семь столовых ножей. Один нож для колки льда. Что все это значит?

Джо судорожно сглотнул:

— А что все это значит?

Она подошла к нему поближе:

— В «Тиффани».

— А что, там они особенные?

— Возможно. В других магазинах посуда по большей части из нержавеющей стали или алюминия. В «Тиффани» — серебряная.

Розмари сцепила руки на затылке.

— Тридцать предметов.— Она смотрела на Джо запавшими глазами.— Тридцать серебряных предметов.

У него отвисла челюсть, изо рта вывалились крошки.

Розмари шагнула к нему.

— Тридцать серебряных вещей. На теле Джудит Эс Харьят. И внутри.

Часто моргая, Джо отложил недоеденный пончик. Она подступила еще ближе.

— Джудит Эс Харьят.— Склонилась над розами, поворошила их.— Джудитэсхарьят.

— Иуда Искарот?

Розмари кивнула.

Они смотрели друг на друга.

— Подозреваю, что при рождении ей дали другое имя.—

Она выпрямилась, закрыла глаза и отвернулась, положив ладонь на лоб. Потом медленно пошла по широкому кругу.

— Это правда? Насчет видений? — спросил Джо, следя за ней пристальным взглядом.

— Иногда бывает.— Розмари не останавливалась, не убираала ладони со лба, не открывала глаз.

Джо смотрел на нее, подпирая нижнюю челюсть тыльной стороной ладони.

Она остановилась и повернулась к нему, перевела дыхание.

— Ей понадобилось имя с индусским звучанием,— сказала Розмари.— «Вассар-колледж», кафедра языка хинди. Она там научилась всему необходимому. Она умница, храни Господь ее душу. И любит... любила игры в слова, головоломки.— Розмари постояла несколько секунд, часто моргая, плотно сжав губы, стиснув руки.— Она вышла на Энди. Хотела раскопать компромат на него и на «БД», выставить их мошенниками, а его... шарлатаном, что ли?.. Все мы знаем, на кого он похож, поэтому она взяла имя Джудит Эс Харьят, Джуди Харьят. Должно быть, надеялась, что никто не обратит внимания. Так оно и вышло. Наверное, собиралась провести здесь не больше месяца, но Энди ее очаровал...— Розмари откашлялась.— И она влюбилась в него. Не смогла выйти из образа. Она говорила, что Энди ее сглазил. Дура я, дура, могла ведь уже тогда все связать.

— Что связать? — огоропело спросил Джо.

— Готова спорить с тобой на что угодно,— сказала Розмари, нагибаясь и выбирая пончик,— что на самом деле она Элис Розенбаум. Все сходится. Должно быть, патологоанатом, или кто там проводил вскрытие, уже знает.

— Господи, да о чем ты? — спросил Джо. — Кто такая Элис Розенбаум? Никогда не слышал этого имени.

— Может, слышал несколько лет назад, да забыл. — Розмари, оттопырив локоть, поднесла ко рту пончик, откусила. — Я сама его услышала недели две назад, когда просматривала видеоархивы Пи-би-эс. Один из моих братьев в средней школе встречался с девочкой по имени Элис Розенбаум и ссорился из-за нее с нашим отцом, вот я и запомнила. А Элис Розенбаум из архива Пи-би-эс — член «Бригады Эйн Рэнд», та самая, которая вела похищенный поезд. Очевидно, она была неравнодушна к поездкам.

— Джуди... параноик-атеист?

Розмари кивнула.

— Да, я уверена. Все сходится. — Она оторвала зубами еще кусочек пончика. — Имя наверняка ненастоящее, и никакая другая женщина не выставяла бы напоказ свое индийское происхождение.

— Что-то я не пойму, к чему ты клонишь? — Джо встал. — Ей что, необходимо было притвориться индианкой? Зачем? Почему недостаточно очков и Элис Джи. Смит или Джонс?

Розмари постучала пальцем по лбу.

— Татуировка, — сказала она. — У индианок на лбах красные кружочки. Что ей было делать — целый месяц пластырь носить? Помнишь метку? Ей понадобилось пятно, чтобы спрятать татуировку — знак доллара.

Розмари доела пончик, стряхнула сахар с губ и пальцев, облизала их.

Джо схватился за голову:

— Боже, я тону! Выходит, кто-то... заплатил ей тридцать серебреников? — Он опустил руку, посмотрел на Розмари. — Хотел показать, что она — Иуда? Что предала Энди?

Розмари отвернулась.

— Как же так? — продолжал Джо. — По твоим словам, она его любила. Конечно, на прошлой неделе у них случи-

лась маленькая размолвка или что-то в этом роде, но ведь он не... Да как ты могла такое вообразить?.. Он все время был с нами!

Розмари повернулась кругом, глаза, окаймленные черным, впились в его зрачки.

— С нами не было остальных, — сказала она.

Подав голос дверной звонок. Почерк Энди.

Секунду-другую они стояли, глядя друг на друга, потом она выпустила из легких воздух и направилась в прихожую. Энди снова позвонил. Чем ближе к двери, тем медленнее шла Розмари. Джо, встав из-за кофейного столика, смотрел на нее.

Она отворила дверь.

Энди кивнул:

— Задание выполнено.

Они обнялись, он спросил: «Как ты?» — поцеловал мать в висок, провел ладонью по ее волосам.

— Хорошо, — ответила она и поцеловала его в щеку. — Ты быстро управился.

— Погоди!

Энди затворил за собой дверь, и рука об руку они прошли в гостиную.

— Джо?!

— Энди... — Джо осекся и смотрел на него.

— Да садитесь вы! — сказал ему и Розмари Энди, убирая руку с ее плеч. — Сейчас я вам такое расскажу — попадаете.

Розмари и Джо переглянулись.

— Я серьезно. — Энди переводил взгляд с матери на шофера и обратно. — Хотите садитесь, хотите падайте — дело ваше.

— Это насчет татуировки? — спросил Джо.

Энди изумленно посмотрел на него и тяжело слотнул.

— Кто звонил? Я должен знать, кто у нас такой разговорчивый.

— Твоя мать вычислила. — Джо кивком указал на Розмари.

Энди резко повернулся к ней:

— Что Джуди — Элис Розенбаум?

Розмари молча кивнула.

— Как?

— Тридцать серебряных предметов и имя, — глядя сыну в глаза, ответила она.

— Имя?

— Джудит Эс Харьят...

— Произнеси скороговоркой, — сказал Джо.

У Энди зашевелились губы. Он посмотрел на мать, на шофера и хлопнул себя по лбу:

— Даже об этом подумали!.. А я и не сообразил! Она говорила, что ее второе имя длинное, индийское... Ты еще не поняла, кто это сделал? Кто за этим стоит?

— Нет...

Он повернулся к Джо.

Шофер отрицательно покачал головой.

— «Бригада», ее сообщники! — заявил Энди. — Может, не все пятеро, но кто-то из них — наверняка. Перед самым нашим приездом в мэрию комиссар установил личность Джуди. Я сразу понял, к чему это все, какая цель: ее внедри-ли к нам, чтобы она шпионила. Потом, когда она... поменяла команду, ей решили отомстить, а заодно сорвать Зажжение, изобразив убийство Джуди так, будто она поплатилась за то, что предала меня! Сыграли на моем обликe — вот откуда появились тридцать серебряных вещей и это имя! Вот почему ее убили так театрально — чтобы привлечь внимание. Правда, кто еще мог связать все воедино — я имею в виду «Тиффани», наготу, кровь, серебро? Только тот, кому нужна всемирная шумиха!

Громко выдохнув, Джо покачал головой:

— Да, малыш, должен признать, мы с твоей матушкой тут маленько подсержались, во всяком случае я — за Розы говорить не буду. Слава Богу, все выяснилось. Уф! — Он помахал рукой, хлопнул себя по груди.

— Это кажется логичным...— сказала Розмари.

Энди поднял указательный палец.

— Я ведь даже слова не успел сказать, мэр сам все состыковал. Не забыл и тридцать сребреников. Как только он все разложил по полочкам, остальные сразу согласились. Ее имя — оба имени — пока не будут разглашены, до Зажжения, точнее, до третьего января. Фэбээровцы берут форт как-его-там, в Монтане, под наблюдение, их компьютер уже нашел связь между одним из членов «бригады» и адвокатом, живущим здесь, на восемнадцатом этаже.

— Слава Богу,— повторил Джо, выбирая пончик.

Энди повернулся к Розмари, положил руки ей на плечи. Глубоко вздохнул, заглянул в глаза.

— По крайней мере, мы теперь знаем, кто это сделал,— сказал он.— Надеюсь, это немного поможет.

— Поможет, дорогой,— откликнулась Розмари.

— Ох, бедняжка...— Он поцеловал ее в нос, обнял.— Не переживай. Ты словно постарела... в матери мне годишься!

Она ткнула его кулачком в грудь, он хихикнул.

Джо, глядя на них, ел и улыбался.

— Ангел мой, это действительно поможет,— сказала Розмари.— Наверное, я бы и сама додумалась, что за всем этим стоит «бригада», будь у меня побольше времени. Я ведь поняла, кто такая Джуди, буквально за несколько минут до твоего прихода. Рада, что ФБР не канителится; не сомневаюсь, преступников скоро найдут.

Она улынулась, изучая правдивость и искренность.

Антииуды...

Получалось, что Джуди была в числе его двенадцати антиапостолов.

Сейчас их уже одиннадцать.

Близился вечер. Розмари укладывала костяшки скрэббла. Она уже приняла на ночь душ и сидела теперь за столом. Легкая свободная пижама, легкий джаз по радио, легкий снежок за окном.

«ULTRAMESSO»*. С намеком на комнату подростка.

Слово не такое уж распространенное, чтобы им пользовались пяти- и шестилетние.

Может, Джуди-Элис солгала и о «жареных мулах», чтобы цену себе набить? Может, и нет никакого слова из тех десяти букв? Может, это маскировка, наподобие ее сари и пятен на лбу?

Нет... даже параноик-атеист до такого не додумается... К тому же они с Розмари дружили. Нет, это не маскировка.

«MORTUALESS»**.

Хатч не успел рассказать ей об истинном происхождении Романа. Он погиб от злых чар Романа и его ковена***.

И Джуди не дали рассказать Розмари... О чем? О том, что Энди — глава изуверской секты? О том, что Элис Розенбаум пронюхала не только о мошенничестве и уклонении от налогов, но и о колдовстве и сатанизме? За это Энди ее «сглазил»? О чем она предупреждала Розмари? О том, что в мае или апреле «Таймс» или таблоиды разоблачат происки антииуд? Да такая новость была бы опубликована через две секунды, приди Джуди с нею в редакцию! А может, речь шла о книге? Она побывала у издателя, и тот обещал, что книга выйдет в мае или апреле? Что еще могло толкнуть ее убийцу на такое театральное действие? Должно быть, они совсем чокнутые, вроде машущих ножами душегубов из

* Напоминает «сверхбеспорядок».

** Здесь ассоциации со смертью: mortal — смертный, смертельный; mortuary — морг, покойницкая.

*** Здесь: группа сатанистов числом тринадцать человек, то есть сам дьявол и двенадцать его «апостолов», колдунов и ведьм (как пародия на Христа и его учеников).

новейшей истории, — правда, благодаря Энди маньяков теперь гораздо меньше.

А что, если антииуды открыли ей страшную правду?

Нет. Если бы Джуди-Элис знала, кто отец Энди, она бы ни за что не стала откровенничать с его матерью. Ни крупницы правды не выдала бы. Напротив, она попыталась бы вытянуть из Розмари побольше информации. Индийское воспитание — ха! — послужило бы ей предлогом.

Из всего этого следует, что одиннадцать остальных, возможно, еще ни о чем не догадываются. Секта делится своими тайными знаниями с неофитами — у Романа это была одна из любимых приманок, когда он пытался втянуть Розмари...

«STEALORMUS»*...

В последний канун Рождества — ее последний канун, полгода назад — она отпустила Энди одного к Минни и Роману, отпустила впервые в жизни и позволила остаться на ночь. Тогда ему было пять с половиной. Роман сказал, что за полгода до следующего дня рождения Энди необходимо совершить определенные обряды; инструкции она получит. Дескать, они гордятся своими обязательствами, а она должна гордиться своими. У отца Энди тоже есть права. И обряды.

На самом деле она нуждалась в ковене. Когда у вас крошечный сын с прекрасными тигриными глазами, крошечными и, увы, не столь прекрасными рожками и совсем не прекрасными некоторыми другими частями тела... Все это сегодня он, похоже, прячет (она не спрашивала) посредством той самой полусатанинской воли, что перекрашивает его глаза в светло-карий цвет... Когда у вас такой ребенок, вы утром не поведете его в детский сад. И когда вам от-

* В целом непереводимо. Steal — кража, подлог, обман, украденная вещь.

чаянно нужна нянька на несколько дней, вы не позвоните в агентство и не наймете девочку из соседней квартиры.

Ковен платил по счетам. Женщины стали любящими няньками, и Розмари доверяла им ребенка — правда, лишь когда у нее не оставалось другого выбора и со строжайшими условиями, за соблюдением коих она тайком следила. Шайка Романа — и мужчины, и женщины, кроме шлюхи Лауры Луизы, — всячески демонстрировала Розмари свое уважение и готовность помочь.

Так же как и ныне все окружающие.

Роман ей обещал, даже дал клятву, якобы священную для него, что Энди не причинят никакого вреда, что его не будут ни к чему принуждать, что его лишь укрепят духовно и физически — и это пригодится ему на всем жизненном пути. Он получит только радостные, вдохновляющие переживания — как на молитве в любой хорошей церкви. И хотя Розмари не может быть сторонним наблюдателем, ее участию в ритуалах будут рады всегда. Их обществу пригодится молодая кровь — тут старческий глаз мигнул, — и в нем есть два свободных места. Если Розмари согласна, она может сама присматривать за Энди.

Ну уж нет!

Половину того предрождественского дня она просидела на скамеечке для ног в чулане, задней стенкой примыкавшей к чулану их квартиры. Розмари прижималась ухом к дну стакана, приставленного к выкрашенной в белый цвет фанере; то и дело ей слышались слабые отголоски ночи: флейта, молитва, барабан. Через трещины просачивался запах таннисового корня — кислый, но не противный... А вот от запаха серы ее тошнило. Неужели Сатана вышел, или поднялся, или просочился сюда из потустороннего мира — или где там находится ад?

Она плакала. Из-за Энди. Надо было забрать его и бежать — как можно дальше. Ведь могла убежать еще до его рождения, и далеко — в Сан-Франциско или Сиэтл. Села

бы на самолет и улетела куда глаза глядят, а потом разыскала бы агентство или детскую больницу — лучше всего при церкви, — и ей бы помогли.

Запах серы исчез, зато в тесноте чулана быстро окреп аромат танниса, и ей полетчало. Вспомнился привкус танниса в напитке, который стряпала Минни во время беременности Розмари, — это снадобье с материнским молоком доставалось и Энди. Минни с Романом любили малыша, хорошо о нем заботились.

Позже она взбила гоголь-моголь, плеснула туда бурбона и села перед телевизором. Традиционно перед Рождеством показывали «Эту прекрасную жизнь», легкую музыкальную комедию; Розмари смотрела ее во второй раз.

Утром Энди прошел через чуланы, и был он свеж, счастлив, рад видеть (обнимать, целовать) ее. Сразу же убежал в гостиную. Розмари спросила, хорошо ли он провел время. Он кивнул, глядя на елку.

— Чем занимаюсь? — спросила Розмари, опускаясь рядом с ним на козени и с улыбкой глядя на отблески елочных огней в его глазах и на щеках.

— А вот и не скажу. Я что, отчитываться должен?

Держа руку на обтянутом фланелью плече сына, она сказала:

— Если в самом деле не хочешь — не говори. А если все-таки передумаешь — расскажи. Детям это простительно. Поступай, как считаешь нужным.

Он предпочел не рассказывать.

Ее последнее Рождество... У него их было двадцать семь, вернее, это будет двадцать седьмым. И наверняка эти рождественские ночи были похожи на ту. Так же пахло таннисом, так же плакали флейты и нараспев звучали голоса. Черные Рождества...

«TREMULOSA».*

* В целом непереводимо, хотя по звучанию схоже с «дрожью», «бредом».

Он сказал ей, что с сатанизмом покончил. Сказал после того, как посмотрел ей в глаза и пообещал никогда больше не лгать. А если все-таки солгал... Ночь с четверга на пятницу — самое подходящее время, чтобы это выяснить.

В самолете он говорил, что у него с Джуди планы на канун Рождества, а подарками с Розмари и Джо они обменяются в рождественское утро. И Джуди о чем-то повела речь, когда они с Розмари в первый раз играли в скрэббл. О чем-то, что происходит на девятом этаже...

Девятый этаж. Неплохое местечко: амфитеатр, уборные, артистическая студия, конференц-залы — и все устлано коврами, звукоизолировано от пустующих офисов наверху и внизу. Да, неплохое местечко для Черной Мессы. Уж получше, чем гостиная Минни и Романа.

Пять человек содержат его в идеальной чистоте... А разве уборщики не приходят к девяти? «Ultramesso»...

«SOULMASTER»*.

За окном шелестели снежинки — белые, послушные ветру, они срывались с темного неба. Один — ноль в пользу синоптиков, обещавших к полуночи четыре дюйма осадков. И еще от двух до четырех — к утру. Ветер порывистый, со скоростью до сорока миль в час.

Снег, наверное, падает и на радиостанцию. Бинг Кросби мечтательно поет о белом Рождестве.

И оно будет точно таким, как те, из ее прошлого...

* Можно перевести как «повелитель душ».

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Глава 14

Снегопад 1999 года, продлившийся два с половиной дня и укрывший все Восточное побережье — от мыса Гаттерас до мыса Код — белым одеялом толщиной от двух до пяти футов, намного превзошел пик, вершину, Эверест снегопадов этого столетия и доставил всем рекордную головную боль.

Нью-Йорку повезло: на его долю пришлось лишь около двадцати четырех дюймов. За что Господь Бог получил тысячу благодарностей. Говорили, что Бостону теперь во век не откопаться и что «мать-природа» (Бог в женском платье?) покарала и остальные города: погребены железно-дорожные пути, обрушились крыши супермаркетов, пустыми стоят театры и магазины, не позавидуешь многим путешественникам, и вынуждены сидеть по домам все остальные, кроме детей с санками и любителей лыжных прогулок.

Но наконец упала последняя снежинка и засияло солнце. Случилось это ранним утром в пятницу, как будто природа вняла склочному, вульгарному призыву одной из бульварных газет: «Бинг, завязывай!». Центр Манхэттена превратился в клочок тундры: там протапывали дорожки,

разбрасывали снег, катались на лыжах, играли в снежки, резвились с собаками, возили детей на пластмассовых «ледяшках», а владельцы магазинов улыбались, глядя на все это из дверных проемов.

Лишь магазин «Тиффани» был набит посетителями, машущими кредитными карточками, — и не только головной салон на Пятой авеню и его бутики в других универмагах и гостиницах, но и филиалы на Уайт-Плейнз и Шорт-Хиллз. Все верно. Очередное доказательство, что дурной славы не существует, пока название выговаривают правильно.

— Привет. Пошли, глянем на елку.

Они не виделись и не разговаривали друг с другом с утра вторника, когда предельное изнеможение дало Розмари законный предлог проститься с сыном и Джо, поцеловав обоих в щеку. Джо унес несъеденные пончики и обе газеты — «Спасибо, дорогой». Энди сказал, что собирается «удалиться от мира», но на позднем завтраке в рождественское утро будет как штык.

Розмари обрадовалась, когда он ушел. Излучать — это вам не шутки. Но все же гадала: уж не печаль ли, а может, вина или смесь того и другого вынуждает его «удалиться от мира» и в чьем обществе он намерен это сделать? Или он предпочитает одиночество? Она представила его (или их) на обложке «Плейбой»: саманная хижина с воловьими рогами вместо стропил, кругом — пустыня.

— Ты дома?

— Да. — С телефоном в руке она направилась к окну спальни. — А ты где?

— На сорок пять этажей выше. Только что вошел.

— Как это? — спросила Розмари, глядя вниз, на белое неровное одеяло, укутавшее парк.

— Самолет, вертолет и метро. На центральных улицах снег в основном убран, на расчистку брошена муниципальная техника. Совсем по-рождественски.

Она глубоко вздохнула.

— Помню, в прошлое Рождество у нас была своя елка. Тебе было пять с половиной, мы ее вместе наряжали. А ты помнишь?

— Забыла напрочь. Потому-то я все еще в Аризоне. У тебя есть сапоги? Бутики, должно быть, уже все распродали.

— Есть,— ответила она.

Все были в сапогах — коричневых, черных, красных, желтых. Перчатки, варежки, шарфы, шляпы, шапки-ушанки, красные щеки (в другие дни лишь чуть-чуть розоватые), значки «Я люблю Энди», «Я люблю Розмари», широкие улыбки, блестящие солнцезащитные очки или глаза, улыбающиеся прохожим.

— Таким красивым город бывает только после большого снегопада,— сказала Розмари, дыша белым и шагая рука об руку с Энди по Сентрал-парку среди десятков других гордых участников движения «Отвоюем землю у машин». — Это и в самом деле пробуждает в людях самое лучшее.

— Да, пожалуй,— кивнул Энди.

Они остановились на Седьмой авеню — посмотреть на мужчин, женщин и детей, которые помогали муниципальным техникам раскапывать заваленный снегом солеразбрасыватель. Чуть дальше другая группа людей делала то же самое возле чего-то громадного и оранжевого.

Вместе с другими пионерами новоявленной тундры они вышли в район Сентрал-парк-саут. Приходилось то и дело поддерживать друг друга: снеговой покров толщиной в двадцать четыре дюйма еще не успели утоптать.

Розмари была полностью экипирована а-ля Гарбо: новые большие солнцезащитные очки, шарф на шее, шляпа с широкими вислыми полями, пальто от «Ниночки» — возможно, с плеча русского полковника. Впрочем, она уже почти «созрела», чтобы подарить пальто коридорному.

Энди не изменил своему пристрастию к простым нарядам: лыжные очки и громадный значок «Я люблю Энди» мгновенно превратили его в одного из безликих горожан, подражателей Энди, коих на планете легионы. Пожалуй, на одного из лучших.

К ним подошел полицейский в темных очках и поднял большой палец в кожаной перчатке.

— Эй, Энди! — ухмыльнулся он. — Класс! Здорово по-хож!

Энди и Розмари улыбнулись ему.

— Спасибо, люблю тебя, — сказал Энди. И они пошли дальше.

— Еще и голос! — вскричал полицейский. — Скажи еще что-нибудь!

— Да пошел ты!

Полицейский рассмеялся и помахал рукой. Розмари пихнула сына локтем:

— Энди!

— Часть маскировки, — объяснил он. — Разве Энди ответил бы так? Никогда!

— О-о!

— Скажи «дерьмо» — поможет.

— Дерьмо!

Они рассмеялись и по утоптанной тропинке повернули направо — на Шестую авеню. Здесь, насколько охватывал глаз, земля была отвоевана — белая тундра испещрена человеческими силуэтами и окаймлена шеренгами иглу в форме автомобилей.

— А когда отказались от авеню оф Америкас? — спросила Розмари, глядя на табличку с названием улицы.

— Официально — всего лишь несколько месяцев назад, — ответил Энди.

Она улыбнулась:

— Хэтч говорил, что кто-нибудь однажды сосчитает буквы.

Это имя вызвало недоумение.

Пришлось рассказать о Хатче — ее друге, которого убили Роман и его помощники.

Держась за руки, они шли по Шестой авеню, будто оказавшейся на Северном полюсе, и водили по сторонам очками — антеннами локаторов. Пройдя авеню до середины, увидели, как несколько человек разгребают снег вокруг стоящего под углом к тротуару лимузина с залепленными почти целиком окнами.

Энди бросился на помощь, Розмари следом. Когда нашли и отворили незапертую дверь, выяснилось, что в машине никого нет.

Они помахали на прощание спасателям-добровольцам и пошли дальше, отряхивая снег с одежды.

На Западной Пятдесят первой они минповали неоновую вывеску мюзик-холла «Радио-Сити».

— Когда у тебя следующее выступление в прямом эфире? — спросила Розмари. — Жду не дождусь.

Энди перевел дух — из ноздрей вырвались струйки белого пара.

— Думаю, я больше не буду выступать. Во всяком случае, пока.

— Почему? Ведь это очень действенно! Знаешь, мне тут одна женщина, воспитательница из яслей, о тебе рассказывала. Уверяла, что при виде тебя испытала настоящий религиозный экстаз.

Энди отвел взгляд в сторону.

— Не знаю, но у меня такое чувство, что после Зажжения мне надо будет ненадолго отойти от всего этого. Все обдумать и решить, как быть дальше.

— Я тут немного поразмыслила о презентации ток-шоу... — Розмари заглянула в глаза сыну. — И решила просто войти и сказать: а вот и я, мама Энди, прошу любить и жаловать. Есть отличное название — ты его подсказал: «Све-

жий взгляд». Правда здорово? В самый раз для программы, которая сравнивает день сегодняшний и день вчерашний.

— Ага, здорово,— кивнул Энди.

— Я хочу поднимать серьезные темы. Например, стоит ли нам говорить на языке террористов. И не столь серьезные, такие как роликовые коньки с колесами в один ряд. И приглашать людей, так или иначе связанных с темой.

— Не забудь, что мы собираемся ненадолго уехать.

Розмари выдохнула длинную струю белого пара.

— Нет,— сказала она.— Нет, по-моему, это не самая лучшая идея. Сейчас не время.

Энди выпустил воздух из легких, поджал губы.

Держась за руки, мать и сын шли по тротуару.

Свернули направо, на Рокфеллер-плаза,— и застыли на месте.

— Ух ты! — Энди поднял свободную руку.

Розмари присвистнула.

Они приблизились к высоченному конусу разноцветных огней.

— Знаешь, что сразу замечает свежий взгляд? — Розмари повернулась к сыну.— Чрезмерность! Обычно рождественская сака — это дерево, на котором висят украшения, а не просто огромный конус из огней и елочных игрушек. А тут, наверное, внутри пенополистирол.

— Вообще-то, в прошлом году ее укоротили,— признался Энди.— Люди стали жаловаться.

По почти чистому асфальту между валами передвинутого бульдозерами снега, они пробрались сквозь людскую толпу и нашли местечко, с которого были хорошо видны и елка, и каток с фигуристами перед нею.

— Впрочем, что касается блеска... — начала Розмари.

Энди молча кивнул, глядя на елку.

Розмари посмотрела на сына, на огни, блистающие на его очках, на щеки и бородку.

— Поздоровайся с Энди,— потребовал остановившийся перед ними мужчина, обращаясь к мальчику лет семи, которого держал за ручонку в варежке. Мальчик, глядя на Энди, застенчиво покусывал вторую варежку. Мужчина подмигнул.

— Будь лапушкой,— сказала Розмари.

Энди нагнулся, снял очки и улыбнулся мальчику.

— Привет.

Мальчик опустил варежку до подбородка.

— А ты настоящий Энди?

— Если со всей прямой,— ответил Энди,— то сейчас я не уверен. А ты кто?

— Джеймс.

— Здорово, Джеймс.— Энди протянул ему руку.

Мальчик пожал ее.

— Здорово...

— Правда, хорошо, когда столько снега? — спросил Энди.

— Ага,— кивнул Джеймс.— Мы будем лепить снеговика.

Энди хлопнул его по плечу и улыбнулся.

— Не скучай, Джимбо.— И встал.— Славный малыш,— сказал он мужчине, надевая очки.

Мужчина ткнул его пальцем в грудь.

— Ты в десять раз больше похож на Энди, чем тот парень из мини-сериалов. И голос у тебя больше похож, чем у него.

— Годы тренировок,— скромно произнес Энди.

Розмари потеревала его за рукав.

— Счастливого Рождества.— Мужчина потащил Джеймса к елке.

— Счастливого Рождества,— сказала Розмари.

Энди помахал рукой.

Джеймс помахал в ответ.

Они дошли до Седьмой авеню, где тундру изрезали фаланги снегоочистителей, и зашагали дальше, к полупустому ресторану «Стэйдж-дели».

— В углу ваш братец, — сообщил официант, подошедший к столику с блокнотом и карандашом.

Энди посмотрел в угол — оттуда ему помахал другой Энди. Он помахал в ответ, Розмари тоже. Так же поступила и спутница второго Энди — Мэрилин Монро.

— Что будем заказывать? — спросил официант.

— Сандвичи с пастроми и пиво.

Энди жевал. Его лицо было обращено к окну.

Розмари сняла очки и посмотрела на сына.

— Не хочешь поговорить?

Несколько секунд он молчал. Потом глубоко вздохнул и пожал плечами.

— Ирония судьбы, только и всего. — Энди повернулся к столу и взял сандвич. — Я наконец нашел умную и сексуальную женщину, которая действительно предпочитает крошечную тьму, потому что не надо браться за загар. Она говорит, что индианка никогда не позволит мужчине что-либо увидеть... Может, это правда, кто знает.

— Сомневаюсь, — проговорила Розмари. — Они очень открытые... по-моему.

— Во всяком случае, это будоражит воображение.

Надев очки и оглядев блюдо, Розмари сказала:

— Мне все не съесть. Попрошу, чтоб завернули.

Сентрал-парк-саут уже расчистили, и движение перешло на вторую скорость: по серому месиву толщиной в фут пробирались немногочисленные легковушки.

Розмари следом за Энди шла вдоль блестящего сугроба.

— Что делаешь сегодня вечером?

— В подсыхавшей молитве в Святом Патрике, — ответила Розмари. — Джо закажет для нас места. — Она поравнялась с сыном. — А ты чем намерен заняться?

— Пораньше заваляюсь спать. Подустал в дороге. Впрочем, думаю, оно того стоило.

С вырубленной в снегу лесенки ему протянул руку почтальон, и вдвоем они помогли Розмари.

— И правда здорово! — воскликнул Энди.

— Спасибо, люблю тебя.

— Класс!

Они приблизились к парадному входу баини, кивнули швейцару (тот подмигнул в ответ), и Розмари первая вошла через вращающуюся дверь в людный вестибюль отеля, мраморные просторы которого были испещрены зелеными ветвями и золотыми листьями. Между коридорными с багажом, мимо стойки портье, где бил баклауши шейх со своим окружением, через суматошную стайку маленьких французенок в школьной форме и россыпь апельсинов на полу (споткнулся официант с вазой) — к лифтам.

— Я заскочу в аптеку. А ты уверен, что тебе там ничего не нужно? — Розмари протянула сыну пакет с деликатесами.

— Уверен. — Энди пинком отшвырнул апельсин. — Завтра часов в одиннадцать?

— Отлично.

— Я позвоню. — Кладнув очками, они поцеловали друг друга в щеки.

— Счастливого Рождества, — сказали оба, улыбаясь одними губами.

Он направился в угол, к лифтам.

Она пошла в аптеку.

Французские школьницы болтали у газетного лотка, сверкая бижутерией и расточая запах духов.

Розмари купила зубную пасту и фонарик, попросила доставить их в номер, затем прошла в глубь аптеки и поговорила с привставивым фармацевтом. Через минуту он отошел от прилавка.

Розмари осмотрела аптеку, сняла очки и улыбнулась. Продавщица улыбнулась в ответ, поковыряла пальцем в ухе и поморщилась: в двери хлынули школьники.

Вернулся фармацевт, протянул руку над прилавком.

— Всенощная?

— Да, Эл, вы угадали. Счастливого Рождества.

— Хватит полтаблетки, чтобы не уснуть три или четыре часа. Счастливого Рождества, Розмари.

— Привет, Розмари. Это Джо. Как прийдешь, позвони мне, ладно? У меня тут проблема.

Когда Розмари, прослушав сообщение на автоответчике, перезвонила, выяснилось, что проблема связана с Мэри-Элизабет, двадцатитрехлетней дочерью Джо, которая вдруг оказалась лесбиянкой и переселилась к своей любовнице, разменявшей пятый десяток.

— Ронни вздумалось пригласить их на ужин — она у меня цедрая душа, особенно под Рождество. И они согласились. Поезда уже ходят. Если я не поеду, боюсь, Мэри-Элизабет подумает, что...

— Конечно, Джо, поезжай! — сказала Розмари. — И ни о чем не беспокойся. Я рада, что вы побудете вместе.

— Да и я хочу с ней повидаться. В смысле, раз уж она живет с этой... Надо по крайней мере представление иметь...

— Джо, правда, я бы и сама предложила тебе поехать. Честное слово. Я давно не была в церкви — только перед комой, — и, пожалуй, даже лучше, если это будет... более личным. Езжай и не волнуйся. Я все понимаю и целиком тебя поддерживаю.

— Спасибо, Роззи. Входи через парадную дверь на Пятдесят первой, около Мэдисон. Там будет кто-нибудь со списком — достаточно назвать фамилию. А завтра когда встречаемся?

— В одиннадцать.

— Ну, пока. Еще раз спасибо.

Она осталась довольной вдвойне: потому что Джо по-
видается с семьей и потому что ей действительно хотелось
пойти в одиночку. Разумеется, под личиной Гарбо.

До вторника она и не собиралась в церковь, а потом
вдруг решила, где проведет канун Рождества. В соборе яб-
локу будет негде упасть, хотя в Рождество предусмотрены
дополнительные службы, и ей не хотелось присутствовать
на богослужении в солнцезащитных очках, поэтому Розма-
ри спросила Джо, не может ли он обеспечить сидячие ме-
ста. Его она пригласила для приличия — чувствовала, что
откажется. Набожности в нем не больше, чем в ней. Ведь
оба развелись.

И потом, она все равно решила его бросить.

Бедный Джо. Оба они бедные, несчастные. Он прекрас-
но все понял и нашел еще меньше причин откладывать
неизбежное — ведь каждый раз, когда они собирались про-
вести ночь или уикенд вместе, обязательно что-нибудь слу-
чалось и план рушился. Сначала вырубился свет в Дублине,
затем загорелась гостиница в пригороде Белфаста, потом
у Джо было защемление позвоночного нерва, и, наконец,
этот снегопад.

Казалось, где-то во вселенной некий злобный дух поста-
вил себе единственной целью не допустить, чтобы они вме-
сте легли в постель накануне Нового года.

Розмари позвонила братьям и сестрам, отослала послед-
ние рождественские сувениры. Ее подарки для основного
состава «БД» (вероятно, это ковен Энди, но не пойман —
не вор) подождут до завтра. А может, никогда не отправят-
ся по назначению. Будущее покажет.

Шарф для Джуди так и лежал в фирменной упаковке
«Гермеса». Розмари не знала, что с ним делать. Может, ос-
тавить себе? Шарф с индийским узором? Ха!

Она съела вторую половину сэндвича с пастрами, сидя
у окна и размышляя о том, как бы ей во всем разобраться,

выстраивая мысли так, чтобы не тратить Его время попусту, допуская, что... Похоже, Ему предстоит сегодня хлопотная ночь.

Наверное, скелет Хатча переворачивается в «кафе для червей», как выражался Энди. Джуди-Элис тоже паверняка недовольна, хотя ей придется признать, что это своего рода «смещение к центру».

Когда у тебя на руках несомненное доказательство, добытое нелегким путем, — доказательство того, что Сатана существует, — твоя вера в Бога волей-неволей крепнет. Возможно, Он больше в тебя не верит, возможно, даже нервничает, если ты ступаешь на Его порог или смеешь просить Его божественного внимания, так что лучше тебе соблюдать почтительную дистанцию...

Но бывают обстоятельства, когда необходимо любой ценой расставить все по местам.

В семь, ну вылитая Гарбо, она вышла из башни. Швейцар сказал, что на улице полно такси, но Розмари родилась в Небраске, ночь выдалась погожая, и времени было достаточно. Поэтому она решила идти пешком.

Тем же маршрутом она шла с Энди днем — только теперь тротуары были чисты, там и сям высились снежные горы с отдельными проблесками погребенного хрома.

Санта-Клаусы с фальшивыми бородами звонили колокольчиками и вместе с «Шанелью № 5» и сэндвичами из «Стэйдж-дели» шли напрямик в список «доброго старого» — для «Свежего взгляда», выпуск четвертый или пятый, а может, и для еженедельной программы.

Розмари миновала проход на Рокфеллер-плаза, лишь покосившись на конус с яркими ночными огнями (не так уж плохо), — и пошла дальше, на Пятую авеню, где снежные горы были объявлены вне закона и поток транспорта, хоть и негустой, направлен в другое русло. По ту сторону авеню во всем своем готическом великолепии возвышался собор Святого Патрика, каждая деталь его трех фронто-

ных арок и двух шпилей-близнецов была усыпана белым инеем и залита ярким светом прожекторов — ничего красивее представить невозможно.

Еще один большой плюс Нью-Йорка 1999 года — ночная подсветка архитектурных памятников.

Розмари пришла к собору за час с лишним до начала службы. Очередь за синими полицейскими барьерами змеилась до Пятнадцатой улицы, но все же была недостаточно длинна, чтобы заполнить все церковные скамейки. Очевидно, снежные заносы удержали дома многих жителей Лонг-Айленда, Уэстчестера и всех пригородов.

Розмари с самого начала смущало, что для нее закажут место какого-нибудь истинного верующего, поэтому она, перейдя улицу и разглядев кое-кого в очереди — мотоциклистов в коже со стальными фестонами, девушку с фиолетовыми волосами (прости Господи), — решила войти вместе с обычными посетителями. Наряд Гарбо не бросится в глаза, особенно в Его глаза.

Пока Розмари медленно продвигалась через портал и фойе, снег не повалил снова и молния не поразила ее в тот момент, когда она, преклонив колени, перекрестилась. На самой последней скамье места было достаточно. Проскользнув туда, Розмари села, глубоко вдохнула, развязала пояс пальто и расстегнула пуговицы. Откинувшись на скрипучую деревянную спинку, вбирая в себя каскады органичных звуков, поддаваясь чарам красоты и простора под расписными сводами, любясь рядами устремленных ввысь каменных колонн и арок (каждая колонна увешана венками из алых лент, в каждой внешней арке — стеклянные витражи, мерцающие отсветами городских огней). В боковых альковах, где укрыты алтари, светились ряды зажженных свечей; главный престол и бело-золотой алтарь далеко впереди застыли, безлюдные, залитые светом прожекторов.

Слышен кашель — кто-то прочищает горло. Возле церковной скамьи остановилась женщина — полная блондин-

ка в розовой шляпке и костюме, со значками «Я люблю Энди» и «Я люблю Розмари» на плече. Розмари улыбнулась ей и подвинулась вправо, к мужчине. Блондинка поколебалась, улыбнулась и втиснулась на заскрипевшую скамью.

— Они тут все скрипят,— прошептала она.

— Знаю,— прошептала Розмари.

— Счастливого Рождества,— прошептала женщина.

— Счастливого Рождества,— тоже шепотом ответила Розмари.

Они устремили взоры на алтарь.

Женщина поерзала. Сложила пальто на коленях, снова поерзала. Порылась в сумочке. Поерзала. Бедняжка пришла на молитву и оказалась рядом с чучелом в лыжных очках. Она слишком стеснительна или вежлива, чтобы встать и поискать другое свободное сиденье, тем более что неизвестно, есть ли оно.

Розмари наклонилась к ней, постучала по дужке очков.

— Глазная хирургия,— прошептала она.

— А! — шепнула ей женщина и закивала: — Понимаю, понимаю, а то я удивилась. А что у вас было, милочка? Я ведь медсестра, в Святой Кларе работаю.

— Сетчатка отслоилась,— прошептала Розмари.

— А! — кивая, шепнула медсестра. И похлопала Розмари по руке.

Они обменялись улыбками и обратили лица к алтарю.

Лгать в церкви! Медсестре-ирландке! Неплохое начало.

Розмари выпрямила спину.

Орган пел, низвергая на прихожан потоки звуков. Молчалились уже почти все — и старик справа от Розмари, и медсестра слева, она согнула широкую спину и шевелила губами. Сколько голосов возносится ввысь!

Розмари тоже преклонила колени: опустилась на подушечку из красной кожи, положила ладони на край стоящей впереди дубовой скамьи, опустила голову.

Быстрым движением сунув очки в карман, она снова взялась за скамью, закрыла глаза, расслабленно выдохнула. Она и забыла, до чего удобна эта поза. Снова вздохнула...

— Отче небесный, прости меня, ибо я согрешила. Да ты и сам знаешь. Я пришла сюда ради Энди и из-за того, что сейчас происходит. Спасибо, что пустил меня в храм. Понимаю, я слишком много возомнила о себе — наверное, потому, что кругом так много говорят о моем чудесном пробуждении и стремительном выздоровлении, — но в последние дни мне начинает казаться, что это ты приложил руку к гибели Стэна Шанда, чтобы я могла проснуться и сделать то, чего ты от меня ждешь. Беда в том, что я не совсем понимаю, чего ты от меня хочешь, и боюсь, это связано с неприятностями для Энди — возможно, серьезными.

Скамья, на которую опиралась Розмари, задрожала и заскрипела. Не поднимая головы, она дождалась, пока сидящие впереди люди успокоятся.

— Правда, я стараюсь разобраться. Если сегодня ночью я обнаружу то, чего боюсь, — если Энди устроит Черную Мессу, — пожалуйста, помоги мне сделать следующий шаг. Мне было бы достаточно какого-нибудь знамения. Если уж на то пошло, оно мне просто необходимо. Взамен я осмеливаюсь просить только об одном: не забывай, что Энди наполовину человек — надеюсь, даже больше чем наполовину, — и если дело примет для него дурной оборот, молю, прояви к нему хотя бы толику твоего обычного милосердия. Пусть...

И тут, точно стальной диск, брошенный под своды собора, взлетел крик, эхом отскочил от трансептов, удвоенный, промчался в неф. И сразу вслед за ним второй крик — гремя, звеня, дробясь на эхо. На всех скамьях крестообразной церкви (неф, апсида, трансепты) — запрокинуты головы, очи воздеты горе, четки прижаты к закушенным губам, руки второпях творят в воздухе крестные знамения.

Медичка бросила между собою и Розмари пальто и сумочку, схватилась за стоящую впереди скамью, поднялась, выбралась в проход и побежала. Через несколько скамеек впереди бочком пробирался мужчина.

— Пропустите, я врач...

Вдали замерло последнее эхо. Наступившая тишина заполнила церковь от стен до витражей.

Впереди, там, куда умчались медсестра и еще несколько человек, раздался плач. Из-за алтаря выбежал встревоженный священник. Полилась органная музыка, все перевели дух. Склонились в молитвах, зашептали...

Розмари сидела неподвижно, с прямой спиной, прижимая кулак к груди под самым крестиком.

Знамение — яснее некуда. Верно, «Свежий взгляд»?

Она судорожно сглотнула и перевела дыхание. Накинув пальто на плечи, отодвинула вещи медсестры на угол скамьи, встала и пошла к выходу. По пути завязала пояс пальто, надела очки, нахлобучила шляпку.

— Это Розмари! Клянусь, это она!

— Да брось, в таком прикиде? И чтобы ушла в начале службы? Одна? Розмари, как же!..

Глава 15

— Чистой воды совпадение, — говорила она себе, когда, опустив голову и пряча руки в карманы, шла по только что очищенному тротуару Сентрал-парк-саут. — А совпадения возможны даже в соборе Святого Патрика в канун Рождества. Глупо считать припадок какой-то несчастной женщины знамением Божиим для Розмари.

И не только глупо, но и дерзко — мнить себя орудием Господа на Земле. И хотя бы на миг допускать, будто из сотен миллионов прихожан, вызывающих к Нему в эту ночь, Он предпочел выбрать ее, и не только выбрать, но и дать немедленный, эффектный ответ.

Она шла мимо гостиниц и многоквартирных домов, мимо входящих и выходящих людей с рождественскими подарками и рождественскими улыбками. Из потоков нагретого воздуха, исходящих из широких парадных, она попала в холодный сквозняк Шестой авеню.

Приближающаяся башня сияла в городских огнях — снег в парках и на улицах добавлял им яркости. Розмари надеялась увидеть огонек в определенном окне здания «БД»; как раз под ним, в своей спальне, она оставила ориентир: приколола к оконным шторам натянутый синий шарф, а внутри засветила лампу без абажура. Но на сверкающем золотом зеркальном фасаде ей не удалось обнаружить даже синее окно.

Розмари сошла с протоптанной в снегу тропинки и, подняв очки, окинула здание взглядом снизу доверху. Но вышавшийся небоскреб не снял свои лыжные очки: поди различи на его блестящем лице, отражающем огнистую ночь, где освещенное окно, а где темное, где синее, а где фиолетовое.

Она обогнула площадь и перебралась через снежный вал перед входом в башню.

Розмари переделалась: зеленая блузка, черный свитер, слаксы и туфли без каблучков. Вытащила тонкий черный фонарик из пластиковой упаковки, вставила батарейки, надела колючок, проверила выключатель. Тонкий луч, яркий свет. Хорошее повешество.

Розмари сунула фонарик в левый карман, карточку-пропуск — в правый. Больше ей ничего не понадобится. Там, куда она собралась, она пробудет минуту или две. Либо те, кто ее интересуется, окажутся на месте, готовые заняться черт знает чем, либо на всем этаже не будет света.

Она попросила у Эла таблетку; он дал две, но и одна была нужна лишь на тот случай, если Розмари устанет от ходьбы.

Этого не произошло. Она вполне бодрa, голова совершенно ясная — наверное, по жилам качается адреналин.

А может, дело в том, что сейчас только пятнадцать минут десятого. Вероятно, еще слишком рано, и наверху всего два-три человека, и находятся они там по какой-нибудь вполне невинной причине.

Розмари приготовила чашку растворимого кофе и включила телевизор. Передавали новости.

— Мы получили сведения, — сообщил диктор, — что погибших насчитывается уже пятьдесят семь. — Он глубоко вздохнул и сокрушенно покачал головой. — Подводя итоги...

Еще один Гамбург. Но поменьше. На этот раз — Квебек. Канун Рождества...

Розмари сидела в печали, покачивая головой.

Страшное известие передавали по половине каналов.

— Никто не взял на себя ответственность... — продолжал диктор.

Розмари ни секунды не задержалась на танце Джимми Стюарта и Донны Рид на террасе у бассейна — миленький фильм, но двух раз вполне достаточно — и посмотрела отрывок из «Специальной новогодней программы “Божьих Детей”». Когда заговорил Энди, она переключила канал — что-то не хочется сегодня видеть его «в образе».

Опять новости. Число человеческих жертв достигло шестидесяти двух.

Розмари выключила телевизор, постояла, глядя в окно на снежный покров парка: плавные очертания сияющих отраженным светом бугров, каемки тропинок. Интересно, как там у Джо дела в Литл-Неке, за столом с Ронни, Мэри-Элизабет и ее любовницей? Вдруг он задержится, ведь поезд сейчас выбились из графика. Он не изъявлял желания подробно рассказывать о своем браке и разводе, но все же Розмари пришла к выводу, что проблема заключалась вовсе не в физическом аспекте. Возможно, он проведет ночь с

бывшей манекенщицей Ронни? От этой мысли Розмари бросило в жар — с чего бы вдруг?

Внизу завизжали тормоза, ей почудились крики, разбивающиеся о своды собора Святого Патрика. Она задрожала, сложила руки на груди, сдавила ладонями плечи.

В четверть одиннадцатого Розмари освежила макияж и поправила прическу. Энди прав, на Эрни снизошло вдохновение. И все же проглотила полтаблетки — на всякий пожарный.

Потом приотворила дверь в коридор и глянула на стол дежурных по этажу. За столом сидела женщина — с такого расстояния трудно определить, кто именно, — и разговаривала с семейной парой в верхней одежде. Розмари затворила дверь и подождала, рассматривая заключенный в раму план этажа с красными обозначениями аварийных выходов. Она снова приотворила дверь.. Тут в коридор из номера напротив вышли несколько человек, и Розмари отступила в комнату. Но оставила щель, дождалась, пока двое мужчин и женщина встанут перед столом дежурной по этажу, заслонив ее, вышла, повесила табличку «*I le беспокоить*», пересекла коридор, толкнула стеклянную створку с надписью «аварийный выход», прошла на лестничную площадку.

Освещенные лампами дневного света ступени уходили вниз между белеными стенами из шлакобетонных блоков. Розмари, держась за черные металлические перила, поднялась на площадку восьмого этажа.

Прислонилась щекой к стеклянной двери.

Отворила ее и глянула в тускло освещенный коридор: зеленый, как тропический лес, винил и небесно-голубые стены. Такой же коридор, только вдвое шире и с окнами, располагался на десятом этаже, а в этом были всего лишь две большие двери напротив — к лифтам и туалетам.

Туда-то Розмари и направилась — к двустворчатой ореховой двери с гигантской медной эмблемой «БД». И на полированной поверхности увидела себя — всю в черном, с искаженными пропорциями.

Она опустила на короточки, уперлась ладонями в пол и прикинула взглядом к щели под медной табличкой.

Потом встала, перевела дыхание, вынула из кармана фонарик и карточку. Вставила карточку в щель электронного замка на косяке и провела. Если эта карточка позволяет Розмари войти в личный лифт Энди, она должна отпереть и входную дверь его офиса.

Протянула руку к медной эмблеме, но дотронуться не успела — табличка раскололась надвое, створки двери отворились во тьму.

Луч фонарика и свет из коридора выхватили из мрака большую приемную — престижная мебель, дорогие журналы, кругом — двери.

Розмари вошла в комнату и повернулась к лифтам. Постояла, прижимая ко лбу ладонь, пытаясь вспомнить планировку девятого этажа, где она побывала больше двух недель назад, в день съемки, и еще дня через два — на собрании в одном из конференц-залов.

Окна конференц-залов смотрят на парк, значит, амфитеатр расположен за лифтами. Да, возвращаться приходилось вдоль круговой стены, огибающей сцену сзади и идущей параллельно наружной, бродвейской, стене здания. Отсюда следует, что винтовая лестница между артистическими уборными и туалетами должна быть там, где-то за северо-западным углом приемной, почти в самом конце обратного пути.

Розмари двинулась вслед за непоседливым диском света направо, за дверь, и по лесному винилу — между шеренгами кабинетных дверей с номерами, начинавшимися с цифры 8. На развилке она повернула влево, опять по винилу цвета джунглей, мимо оцифрованных дверей. Числа росли. Как

раз там, где и рассчитывала, Розмари обнаружила справа альков, а в нем — черную чугунную винтовую лестницу, ведущую на этаж выше.

Она медленно пошла по клинообразным ступенькам, держась за перила, то и дело останавливаясь, чтобы прислушаться. Тишина. Светя фонариком под ноги, она вышла в зеленый коридор, где паласы закрывали пол и стены. Справа — две двери в нескольких ярдах друг от друга, между ними на изогнутой стене — таксофон, слева — две двери бок о бок, обе, судя по табличкам, в туалеты. Под обеими темно. Зато двери в артистические уборные подчеркнуты светом; ближайшая, в дамскую гардеробную, чуть приотворена, в щели эмалево поблескивает лесная зелень.

Розмари сошла с винтовой лестницы и остановилась на паласе. Принюхалась.

Таннис?

Есть тут кто-нибудь?

Она смотрела через щель в уборную.

Ни движения, ни звука.

Розмари отворила дверь шире. Шесть кабинок — по три в ряд, напротив друг друга, шторы собраны в гармошки. В кабинке справа на стенном крюке висят Дианины пятьсот убитых норок, рядом — одна из ее бархатных палаток. На полочке лежат часики с алмазами и кольца, черная кожаная сумочка со пинурком на горловине — на скамье, под нею стоят черные сапоги. На другом конце скамьи спутанным клубком лежат черные гольфы.

Из артистической студии доносился звучный голос Крейга — дверь за пустыми стульями и туалетными столиками была приотворена. Судя по интонации, Крейг задавал вопросы.

Держась одной рукой за косяк, а другой за дверную ручку, Розмари заглянула в уборную, напрягла слух. Не разобрала ни вопросов, ни ответов, но уловила щелчок в кори-

доре. Она вошла в уборную и затворила за собой дверь — как раз в тот момент, когда начала отвориться дверь мужской гардеробной. Розмари попятилась в кабинку Дианы. Сердце стучало бешено.

В кабинке напротив она увидела костюм цвета морской волны, убитенных бобров, коричневые сапоги, сак от «Гуччи». Полли.

В артистической студии воцарилась тишина.

Розмари ждала. И припохивалась. Казалось, запах танниса крепнет, вплетается в джунгли парфюма... А может, это таблетка усилила обоняние. Да и краски кажутся ярче обычного.

Наклоняясь вперед, вправо, влево, Розмари осмотрела другие кабинки. Ванесса: цвета электрик пальто свободного покроя, с капшоном и деревянными пуговицами, джинсы, малиновый свитер, коричневые ботинки на шнуровке, черные пангалоны.

Розмари вытянула шею. Рядом с кабинкой Полли — кабинка Сэнди: койоты, белые кожаные сапоги, платье фисташкового цвета. Белья нет.

Теперь можно уходить. Какая разница, здесь Энди или нет? Эта публика не для того разделась, чтобы обсуждать программу «Божьих Детей», направленную на оздоровление общества в двухтысячном году. В фойе по меньшей мере двое мужчин — как это прикажете понимать? А запах танниса — это запах танниса, его ни с чем не спутаешь.

Для пущей уверенности она сделала глубокий вдох.

Таннис, что же еще...

А в фойе по-прежнему тишина.

Розмари вышла из кабинки и затагнула в последние две, те, что за кабинками Сэнди и Ванессы. Обе оказались пусты, если не считать длинного коричневого балахона, висящего на боковой стенке.

Она рассмотрела щедро прокрашенную ткань. Шелк грубый, в узелках, ведешь ногтем — застревает. Потянула

к себе широкий рукав — балахон оказался с капюшоном и веревочным пояском.

Сутана. Легкая, изящного покроя, швы прострочены дважды. Вот и ярлык на изнанке ворота: «Мадам Дельфин, театральный костюмер».

Розмари сняла с ярлычка волос, растянула на всю длину. Поддержала перед незамысленными глазами, изучила ультра-свежим взглядом гладкую черную нить длиной в фут...

Затем положила волос на плечо сутаны.

Прошла между стульями и туалетными столиками с выпуклыми зеркалами к приотворенной двери. Держась за ручку, заглянула в щелочку под верхней петлей.

Чуть ли не прямо перед нею, слегка левее, на середине дивана восседала Сэнди в сутане цвета ржавчины и рассматривала карты, разложенные на старинном платяном сундуке, — карты Таро, что же еще? Передвинула одну из них, вгляделась в рисунок, глубоко вздохнула. Дурные вести из потустороннего мира.

Через щель между дверью и косяком сочился дымок танниса — наверное, его жгли вместо благовоний в фойе или на сцене.

Левее Сэнди проплыло ржавое пятно.

— Пол-одинадцатого уже давно прошло! А ведь я его просила начать вовремя.

Полли.

— Терпеть не могу задерживаться до рассвета, у меня напрочь сбиваются внутренние часы!

Сэнди собрала карты, быстро перетасовала, принялась раскладывать вновь. Вернулась Полли, села на подлокотник дивана, откусила кусочек пирожного. Выпростила из сутаны и скрестила голые ноги с красным педикюром — неплохие ножки для ее лет. Свесила над сундуком светлые кудри, закусила губу. Поцокала языком.

Сэнди печально вздохнула:

— Вечно этот хаос, бессмысленный хаос...

Слева в поле зрения Розмари вошла третья ведьма.

— Кто-нибудь видел Энди? Только что был здесь, а теперь куда-то исчез.

— Десять тридцать давно миновало, — промолвила Полли.

— Я знаю. — Диана подошла к Сэнди с другой стороны. — Мальчишки уже беспокоятся. — На ней была фиолетовая сутана, наверняка специально выкрашенная под цвет глаз. Она посмотрела, как Сэнди тасует карты, и спросила: — Что такое «LOUSETRASM»?

— Ничего, — ответила Сэнди. — Хаос. Это головоломка, мне ее Джуди дала.

— В смысле, Элис? — спросила Полли.

— Все еще не могу в это поверить, — проговорила Сэнди, тасуя карты.

Со словами «меня от этих словесных игр с души ворожит» Диана уплыла вправо.

Розмари отстранилась от щели. Вот так да! Сэнди тоже на крючке?

Она обернулась — перед ней стоял Энди, поднеся палец к губам.

— Тсс!

У Розмари отвисла челюсть, и он прикрыл ей рот ладонью.

— Я уж было решил, что ты мне поверила. — Он ухмыльнулся и поцеловал ее в нос.

Энди отнял пальцы от ее рта, но руку не опустил — дескать, молчи. Подмигнув, взялся за дверную ручку, потянул на себя, оттесняя дверью мать.

— Дамы, вы не в претензии? Мне на несколько минут понадобится эта комната.

— Зачем? — осведомилась Диана справа.

— Для глубокой медитации. Устраивает такой ответ? Выходите. Всем спасибо.

На нем была черная сутана с такими же узорами, как у других, с капюшоном за плечами и веревочным поясом. Лежащий внизу халат от «Салки» в подарочной упаковке был бы здесь неуместен. Что ж, тем меньше причин отдавать его этому самоуверенному и лживому сыну... Сатаны!

— Что ты там делаешь? — спросила Сэнди, собирая карты.

— Сапоги примерял.

— Ты говорил, мы начнем...

— Начинайте без меня. Я серьезно, приступайте. Эй, Кевин, давай звук! Скажите ему.

Он затворил дверь на сцену, а Розмари прошла в артистическую студию — пригибаясь, глядя на свое отражение, которое в ответ не сводило с нее глаз.

В театрах или на телестудиях помещение зеленого цвета — редкость. А тут все было зелено: не театр, а настоящие джунгли. Визуальный оксюморон. Низкий зеркальный потолок удваивал странность комнаты. Пространство за кулисами было поделено на ярусы. Наверху, совсем рядом, находилась режиссерская с пультами управления осветительной и звуковой системами, виднелись перевернутые отражения всех, кто ходил, сидел или трепался — или чем еще принято заниматься в артистических студиях цвета тропического леса?

Розмари выбрала стул возле дивана, села, выпрямив спину, опустив локти на подлокотники, соединив руки и сплетя пальцы перед грудью. Вытянула ноги в черных слаксах, уперлась в ковер подошвами черных туфель.

Энди шел по фойе, и вплотную за ним следовало его отражение в черной облегающей сутане, подпоясанной веревкой. Остановился возле аппарата, запрограммированного кофе и чаем, и гигантской красной машины с логотипом «Кока-колы».

— Кофе будешь?

Секунду или две Розмари молчала.

— Черный, пожалуйста.

Энди налил кофе, дал красной машине тумака. Внутри щелкнуло.

Он принес матери черпый кофе в чашке с клеймом «БД», ложку и пакетик подсластителя. Сел рядом с ней на край дивана, откупорил красную банку. Глотнул.

Розмари поставила чашку на сундук и поменяла кофе, глядя на «карты» Сэнди — листочки бумаги для записей размером три на четыре под округлым серебряным пресс-папье.

— Хочешь ответ?

Розмари посмотрела на сына:

— Насчет «жареных мулов»?

Он улыбнулся.

— Я нашел его с неделю назад.

— Не смей мне говорить! Сама найду.

Энди хихикнул:

— Теперь ты у меня на крючке. Берегись, а не то скажу!

Розмари положила ложечку на сундук и выпрямила спину. Держа чашку в обеих руках и глядя вперед, глубоко вздохнула и сделала глоток кофе.

Энди поставил банку с колой на ковер, подальше от своей босой ноги, и наклонился к матери.

— Мне не следовало шутить. Понимаю, ты беспокоишься. Не надо. Я ведь солгал совсем чуть-чуть. Прости. Боялся, что опять тебя перепугаю после такой долгой разлуки. Мама, посмотри на меня. Пожалуйста.

Она повернулась лицом к сыну.

— То, что здесь происходит, вовсе не сатанизм, — сказал Энди, не сводя с нее ясных светло-карих глаз. — Поверь, я Сатане не поклоняюсь. Это... мишура. Я с нею вырос, и она мне нравится, только и всего. Никаких других вечеринок и праздников я не знал. Тут и колдовства никакого нет, мы не наводим чары, все вполне невинно. На древнюю религию Минни и Романа все это похоже не больше, чем

рождественская вечеринка в офисе Роба Паттерсона. Да ты сама послушай.

Началось молитвенное пение — оно исходило из динамика, что выглядывало из зеленого паласа между притолоками дверей в уборные. Звуки пакувались воанами, в них вплетались необычные дрожащие ноты.

— Узнаешь?

Розмари направила на динамик ухо.

— А ты когда-нибудь... участвовала в...

Она отрицательно покачала головой:

— Нет. Но слушала. Из чулана через стену. Да ты знаешь.

Энди кивнул и улыбнулся.

— Разница есть... — сказала она.

— Один из старых гимнов. Хэнк пропустил его через компьютер — он увлекается электронной музыкой. Именно это я и имел в виду: псалом записывается на пленку и обрабатывается с помощью электроники. Если воспроизводить вслух, услышишь «Отче наш».

Она улыбнулась, глотнула кофе. Посмотрела на сына. Он поднес к губам банку; кадык задвигался.

Розмари поставила чашку на сундук, откинулась на спинку кресла, опустила руки на подлокотники, устремила взор вперед. Принюхалась. Помахала ладонью перед лицом.

— Самая обычная рождественская вечеринка в офисе, — сказал он, опуская банку на пол, — просто во вкусе Энди. Считается занятным и не столь уж редким бзиком, вполне простительным для парня, который день-деньской вынужден строить из себя образец добродетели. Энди каким-то способом внушает каждому, что с этим бзиком всем по пути — у каждого находится своя причина.

Он наклонился еще ближе к Розмари.

— На свете есть талантливые люди, они трудятся, чтобы сделать мир хорошим. И снимают нервное напряжение, выпускают пар не совсем обычными способами. Они

такие же сатанисты, как и ты, каждый второй регулярно ходит в церковь. Джей, например, служка в синагоге.— Энди положил руку на тыльную сторону ее ладони.— Они не убийцы, мама. И я не приказываю им убивать. Ты ведь этого больше всего боишься?

— Да.

Он откинулся на спинку дивана и сокрушенно покачал головой, взъерошив пятерней рыжеватые волосы.

— Не понимаю... Почему? Допустим, ты скажешь, что Джуди собиралась меня предать. Но ведь мы даже не подозревали, кто она на самом деле.

— Она шла ко мне, чтобы о чем-то рассказать,— ответила Розмари.— А не ради партии в скрэббл.

Энди отвернулся, снова покачал головой и тяжело вздохнул.

— Наверное, о том, что решила порвать со мной. В Дублине у нас с ней все разладилось. Угадай, в которую ночь.— Он поднял банку, глотнул.

— Об этом она мне говорила.— Розмари смотрела сыну в лицо.— Думаю, собиралась рассказать подробнее.

— Мама, все это обычная забава,— с чувством произнес Энди.— Да ты сама посмотри, побудь с нами несколько минут! Здесь сутана Джуди. Надень капюшон — и никто тебя не узнает. Решат, что я кого-то привел со стороны, как уже не раз делал. Увидишь — это всего лишь вечеринка с гимнами друидов, старинными песнями и доброй едой. Ну, черные свечи вместо красных и зеленых, таннис вместо остролиста — подумаешь, разница!

Она посмотрела ему в глаза.

— Спасибо, нет.

— Никто тебя не будет принуждать. Ни к чему.

— Я говорю — нет! Даже если все это невинно, как...

— Я не сказал «невинно».— Энди улыбнулся.— Я сказал, что это не сатанизм и что принуждения не будет. Не

исключено, что Уильям вздумает тебя лапаты, но если дашь ему по рукам, он больше не полезет. Вот Мухаммед понастойчивее.

— А если бы Джуди со всем этим пошла к журналистам? — спросила Розмари. — С друидскими рождественскими вечеринками в «БД»?

Несколько секунд он молчал, потом встал и направился к двери уборной. По пути осушил банку — и точно так же поступило перевернутое отражение у него над головой.

Энди смял банку в кулаке, бросил в мусорную корзину и повернулся к Розмари.

— Да, это вызвало бы шум. Но поверь, мама, я бы и пальцем не шевельнул, чтобы ее остановить. Я ее правда любил, даже после Дня благодарения.

Она отвела взгляд. К пению добавился медленный, размеренный бой барабана.

— Да и не верю я, что она решилась бы на такое, — продолжил Энди, возвращаясь к матери. — Ей все это нравилось не меньше, чем любому из нас. От нее мы узнали некоторые идеи йоги и добавили их к ритуалу. — Он опустился на корточки рядом с креслом, сжал руку Розмари. — Да ладно тебе! Задержись на несколько минут. Ради нас — тебя и меня. А иначе так и будешь кукситься и думать, что я неисправимый ажец, а ребята тут цыпляют головы рубят.

Она глубоко вздохнула.

— Я вовсе так не думала.

— А что ты себе вообразила?

Розмари взглянула на сына, поморгала, пожала плечами.

— Наверное, ожидала увидеть Черную Мессу. А впрочем, не знаю...

— Да кто ты такая? — спросил он с улыбкой. — Кардинал, осуждающий фильмы, которых не видел? Книги, которых не читал?

— О Господи... Ладно, Энди, ты победил.

Розмари поднялась с кресла. Энди встал во весь рост, улыбнулся, обнял ее за плечи.

— Рад, что все уладилось. Так ты мне показывала Ирландию. Здесь мои корни — не все, но некоторые. Никогда не думал, что смогу тебе объяснить.

Он поцеловал мать в щеку, она тоже его поцеловала — в то место, откуда начиналась борода.

— Только две минуты. День выдался тяжелый, я очень устала.

Энди посмотрел на нее, улыбнулся, расправил на себе сутану, подтянул поясок. Когда Розмари входила в женскую гардеробную, ее изображение наверху шагало вверх ногами под барабанный бой.

Глава 16

Держа Энди за руку, она стояла у стены на краю сцены, вглядываясь в даль, в сумрак с огоньками свечей, пастельными лучами юпитеров, тусклыми красными табличками «Выход». В десяти футах от нее медленно проплывали фигуры в сутанах, рукав к рукаву — по кругу против часовой стрелки. Живые голоса вторили то высокому, то низкому пению динамика. Барабан удерживал ритм, играла дудка или флейта, и все это слеталось с многократными эхо. В тени винилового леса было не отличить сутаны цвета ржавчины от коричневых — все они покачивались и шествовали бок о бок. Одно не вызывало вопроса: кому принадлежит фиолетовая сутана.

И кому — самая короткая. Джею. А самая длинная — Кевину.

За соприкасающимися рукавами Розмари мельком увидела темные контуры кресла. И прошептала, наклоняясь к Энди:

— В центре — Хэнк?

— Нет,— шепотом ответил он.— Там сижу я. Он — в круге.

Розмари отпустила его руку, повернула голову, отвела в сторону край капюшона, чтобы посмотреть на сына. Его бородатое лицо тонуло в сумраке.

— Только в таких случаях он способен провести на ногах больше двух-трех минут. И сначала я ему говорю зажигательную речь.— Энди улыбнулся.— Подожди до конца, ладно? Максимум минут десять. Они не выйдут из круга.— Он поцеловал мать, повернулся и пошел; подол сутаны вихрился вокруг его босых ног — его ахиллесовых пят.

Темные рукава разлаучились и поднялись, чтобы пропустить черную сутану; рукава соскользнули с бледных рук, и слева на изящном запястье сверкнул широкий серебряный браслет. Капюшон повернулся в сторону Розмари, на лицо падала густая тень. Люди стояли парами, глядя друг на друга; тот, кто смотрел на Розмари, медленно кивнул, а в следующий миг танцоры снова двинулись по кругу против часовой стрелки.

Энди уже сидел в центре сцены, лицом к залу; юпитеры над его головой раскрашивали сутану в мягкие оттенки черного. Он весь был черен, кроме кончика бороды и левой руки, лежавшей на подлокотнике. Фиолетовая сутана расположилась перед ним на полу. Капюшон против капюшона, рукава соприкасаются, а бой барабана задает ритм движениям. Фиолетовый и черный капюшоны коснулись друг друга и разделились. Энди протянул руку фиолетовой сутане, та поднялась. Он поманил к себе кого-то. От кольца отделилась темная сутана — коричневая. Поменялась местами с фиолетовой.

Поющие двигались в танце, бил барабан.

Розмари покачивалась, разведя руки в стороны, чтобы шелк щекотал кожу. Непередаваемое ощущение. Может, дело в таблетке? Или в танниси? Или в сочетании того и другого? Оставалось лишь надеяться, что это не опасно.

Но чувствовала она себя превосходно: ощущала бодрость и раскрепощенность, как в давние времена на дискотеках с ублюдком Ги.

Затененные лица повернулись к ней; Розмари улыбнулась, зная, что она так же близка, как они, если не более, ведь на нее не падают лучи юпитеров, а ближайшая свеча в нескольких ярдах сбоку. Интересно, они догадались, кто эта незнакомка? Или решили, что Энди нашел себе новую девушку (поразительная спешка для образца добродетели)?

Под пение и барабан Розмари закачалась еще свободнее; пусть считают ее иностранкой, которую Энди подцепил в вестибюле. Итальянкой. Нет, гречанкой. Мелинда Меркюри.

Из двух или трех рукавов в круге вынырнули пальцы, поманили ее. Улыбаясь и раскачиваясь, она отрицательно покачала головой. В Рождество? Ни за что!

Танец был несложен — два шага вперед, один назад, поворот на каждый четвертый удар барабана. Неторопливый, солидный фольклорный пляс. Вряд ли это вызов Джинджер Роджерс.

А будь здесь Джо — что бы он подумал? Что пора звонить в полицию нравов? Возможно... А может, и нет. Розмари легко представила, как он ищет себе сутану. В нем есть авантюрная жилка — та самая, которая очень нравится Розмари и которой ей самой недостает. Ведь не случайно он купил «альфа-ромео».

А впрочем, какого черта?!

Она поправила сутану, завязала пояс, подтянула капюшон, чтобы надежно прятал лицо. Глубоко вздохнула и медленно-медленно, под ритм барабана, пошла в круг танцоров. Два рукава разлучились, теплые ладони взяли ее за руки.

Розмари танцевала под барабан и флейту, повторяла шаги людей в сутанах, смотрела, как Энди в черном и женщина в ржаво-коричневом разговаривают, держась за ру-

ки. Двигаясь мелкими шажками вбок, она миновала их, держась за шоколадную, а сейчас отливающую зеленым руку Ванессы; ее ногти, обычно некрашенные, были покрыты черным, или почти черным, лаком. Руки поднимались и опускались, и браслет из круглых больших серебряных звеньев взлетал и падал под коричневым Ванессиним рукавом. Следом шел высокий танцор в коричневом — Уильям или Крейг. Розмари закрыла глаза и невнятно подпевала, не стараясь точно повторять звуки, и блаженно танцевала, повинаясь некоему инстинкту стадного млекопитающего. Но ее чувства не дремали...

— Э! — Ванесса сжала и отпустила ее руку. — Тебя Энди зовет.

Он поманил. Ступая в ритме барабана, Розмари приблизилась к черной банкетке, подобрала подол сутаны, села на ровную нагретую поверхность.

Сын и мать соприкоснулись коленями; она подала ему руки, посмотрела на улыбающееся лицо под черным капюшоном.

— Я надеялся, — сказал он.

— Негодяй, ты прекрасно знал.

— Чтобы моя родная мать? Позор...

— Что ты говоришь тому, кто здесь садится?

С его лица исчезла улыбка.

— Благодарю, — ответил Энди. — За все, что он сделал для «БД» и для меня. Еще говорю, как все мы рады, что он в кругу. А он рассказывает о том, что чувствует: делится досадой на ошибку или тоже благодарит. В ковене было принято опускаться на колени перед Романом, клясться в вечной верности Сатане и ему, а он колол палец кинжалом, и остальные выпивали по капле его крови. Понимаешь, почему меня в это не затянуло?

Она сидела молча, держа сына за руки, глядя ему в лицо. Он снова улыбнулся.

— А мы целуемся в губы,— сказал Энди.— Целомудренно. Ну вот, мяч на твоей половине корта.

— Целомудренно? Запросто! — Она наклонилась, чмокнула его в губы, высвободила руки и быстро встала.

После танца люди в сутанах цвета ржавчины расставили тарелки с «доброй едой» на первой ступеньке амфитеатра. На самом деле еда оказалась так себе — подогретые дежурные блюда из расположенной внизу кухни и малоаппетитная на вид выпечка. Еще был жуткий коктейль: го-голь-моголь с ромом, пряностями и привкусом тапнуса. Его принесли и поставили на сцену в красивой серебряной чаше для пунша, а не в штампованной гостиничной посудине. Несомненно, чаша — настоящий антиквариат, что называется, красота в простоте; серебро высокой пробы сверкало в пастельных лучах шести или семи юпитеров, направленных на скатерть цвета зеленого леса.

Во главе стола сидел Энди. Прислуживала Диана в фиолетовой сутане. С ее взъерошенных темных (недавно перекрасилась) волос свалился капюшон; раскрасневшаяся в танце, она выглядела сногшибательно. Очевидно, вполне оправилась от приступа пояснично-крестцового радикулита. Серебряным черпаком Диана разложила взбитые сливки по серебряным кубкам. Тем временем остальные неприужденно расхаживали по залу и болтали, все капюшоны были откинuty. Краснощекий Хэнк сидел в инвалидном кресле и смеялся, внимая Уильяму; оба держали серебряные кубки.

Розмари притаилась в почти крошечной тьме на верхней ступеньке амфитеатра. Капюшон она не снимала, хотя в нем, пожалуй, не было нужды. С тех пор как кончился танец и Энди отвел ее сюда, никто на нее даже не взглянул. Они ели вдвоем, тарелки принес Энди. Оба проголодались — все-таки за весь день крошки не было во рту: сандавич с пастроами не в счет.

Потом Энди горным козлом взбежал по ступенькам с добавкой — в руках по кубку, весь черен на фоне огней рампы. Впрочем, Розмари на него не смотрела.

Он подал матери серебряный кубок, сел на ступеньку несколькими футами ниже, поближе к середине дуги, подобрал подол сутаны.

— Если хочешь, сними капюшон. Ты почти невидима, да и все равно они знают. Никто не поверит, что я могу так сразу привести сюда новую приятельницу, а значит — кто остается? Ванесса уже догадалась.

Розмари сняла капюшон, поправила прическу.

— И как реагируют?

— Рады, что ты здесь. И понимают твоё нежелание втягиваться в действо. Надеются, что ты ещё с нами станцуешь, ну а на нет и суда не нет.

Она глотнула коктейля.

— И когда будет этот танец? Сегодня или в следующий раз?

— Сегодня, — ответил Энди. — Ещё два или три. Но другие. Побыстрее. — Он поднес кубок ко рту. — Если устала, могу предложить таблетку.

— Нет-нет, я в полном порядке.

— Да это безвредно! Я внизу купил, у Эла.

— Не надо, все хорошо. Второе дыхание.

— Энди! — На краю сцены стояла Сэнди и глядела вверх, на них. — Можно тебя на минутку? — В её голосе звучало недовольство.

Он застонал, поставил кубок, поднялся.

— Надеюсь, только на минутку. — Придерживая подол, он поскакал вниз.

Розмари встала, оправила шелковую сутану, подобрала подол, села поудобнее на ковер и к коврику же прислонилась спиной. Затем взяла кубок, пригубила. Энди на неярко освещенной сцене внимал спору Сэнди и Дианы. Потом обнял за плечи обеих, направился к противоположному краю

подмостков и вслед за женщинами вышел в дверь, что вела к офисам и кладовым.

Розмари поглощала густой, сладкий, пряный, сдобренный таннисом коктейль, поглощала мерцающую старую-новую музыку, от которой по всему телу шел зуд, поглощала букет первобытного друидского лсса... Юпитеры погасли, когда двое в темных сутанах — Кевин и Крейг — подняли стол с красивой серебряной чашей для пунша — кстати, чьей, Дианиной или бэдэшней? — и перенесли в угол. Расчистили сцену для следующего танца. Для другого, более быстрого...

Очень хорошо сказал Джимми Дюран: «С тобой когда-нибудь бывало, чтобы хотелось уйти и при этом хотелось остаться?»

Вспомнив его, Розмари хихикнула.

Кайф. «Ты под кайфом». Правда, под легким. Ром? Или водка? Или что там добавили в коктейль? А может, дело в танниси — он ведь и в питье, и в воздухе. Она уже почти не чувствовала запаха, но по углам сцены курился над жаровнями дымок, его завитки поднимались в снопах пастельного света. Красота...

Как в тот раз, когда они с Ги разожгли кадило. Да, тогда у нее были точно такие же ощущения: сверхчистое звучание музыки, невероятный зуд по всему телу, остро ощущавшему шелк и сквозь него — ковер. Но в этот раз ее ум абсолютно ясен, отточен, как сапожный гвоздь.

Двумя ступеньками ниже остановился темный восходитель. Низкий поклон.

— Розмари, прошу прощения. — Юрико. — Я так счастлив видеть вас здесь. Пока Энди нет, можно с вами поговорить?

Розмари выпрямила спину, поставила кубок и улыбнулась:

— Ну конечно, Юрико. Пожалуйста, садитесь. — Она прикрыла ноги подолом сутаны. — Я сама надеялась, что у нас будет возможность побеседовать.

— Спасибо, я тоже надеялся.— Он уселся на ступеньку сразу под Розмари, несколькими футами левее; острые скулы и подбородок заблестели в огнях сцены.

Потрясающе красив. Сорок девять, разведен, двое женатых детей. Об этом Розмари узнала от Джуди на следующий день после импровизированной вечеринки в офисе у Энди.

Не так давно (или это заблуждение?) она смотрела фильм «Хиросима, моя любовь». Герой фильма — тоже архитектор. Именно Юрико построил этот амфитеатр: он курирует строительство всех объектов «БД» в мире и возглавляет собственную фирму. В своем ремесле он считается профессионалом высочайшего класса.

— Как успехи с освоением компьютера?

— Это у меня в планах на будущий год,— ответила Розмари.— Первым номером в списке.

— А в моем списке только один пункт,— произнес он.— Нажать на тормоз. В будущем году мне пятьдесят исполнится. Наводит на мысли, верно? У «БД» нет для меня многообещающих проектов, вдобавок я предусмотрительно подыскал способных помощников. Поэтому решил на время отойти от дел и наслаждаться ароматом роз.

— Полностью одобряю.— Розмари улыбнулась, наклонилась вперед, положила руки на колени.

— Я сегодня смотрел по телевизору «Праздничный специальный», — глядя на нее снизу вверх, продолжал Юрико.— Отрывок с Энди. Я всегда так делаю, хотя есть записи; как-то все иначе, правда? И знаете, у меня только усилилось чувство, будто он и впрямь небожитель, хоть и прикидывается простым смертным. И конечно, от того, что мы этой ночью здесь, с ним, ощущение только крепнет. Чего бы я для него не сделал! — Он глубоко вздохнул.— Уверен, что его причислят к лику святых. Думаю, Зажжение станет переломным событием в истории человечества и при

этом — величественным произведением искусства, самым грандиозным в силу своей мимолетности.

— Юрико, я чувствую то же самое.— Розмари наклонилась еще ближе к нему.— И говорила об этом Энди. Я так рада, что вы со мной согласны.

— Увидев сегодня здесь вас,— произнес он,— я еще больше уверовал, что он и вы истинные святые. Я это говорю от чистого сердца. Да разве простой смертный мог бы привести сюда родную мать? — Юрико повел рукой вокруг.— Да разве мать простого смертного смогла бы это понять? — Он ослепительно улыбнулся.— Вы обрастаете мифами. Вам, должно быть, это кажется несусветной чепухой?

Розмари тоже улыбнулась. И тоже ослепительно.

— Да.

— Наверное, за нас говорит таннис,— улыбаясь, произнес Юрико.

— Таннис? — переспросила она.

— Благовоние.— Он указал на жаровню.— Добывается из листьев египетского растения, родственника индийской конопли.

— Так и думала, что я немного под кайфом.

— Все мы чуть-чуть под кайфом,— пожал плечами Юрико.— Но и на трезвую голову я скажу, что для меня вы небожительница. Потому я и сел ниже вас. У ваших ног.— Голова с шевелюрой цвета воронова крыла почтительно склонилась.

От изумления Розмари открыла рот: Юрико целовал ей ноги. С ней это случилось впервые в жизни. И было довольно приятно.

Юрико встал и с улыбкой протянул руку:

— Пойдемте танцевать. На этот раз будет весело.

В сиянии свечей, в пронизанном пастельными лучами сумраке фиолетовые и черные суганы образовали на сцене круг. Энди стояла и смотрел на мать.

Приподняв подола сутаны, глядя под ноги, опираясь на руку Юрико, она спустилась по высоким ступенькам. Музыка звучала все громче, будоражащие удары в барабан участились.

Когда Юрико и Розмари добрались до угла сцены и встали лицом к лицу (он был чуть выше), она произнесла:

— Юрико, искушение очень велико, но я устала, ужасно устала. У меня была невероятно долгий день.

Он поклонился и поцеловал ей руку, и что-то неживое дотронулось до ее пальцев. Когда он выпрямился, Розмари сказала:

— Какой симпатичный кулон.

— Правда? — Юрико вынул кулон из выреза сутаны. Серебряное кольцо, а в нем — продолговатая слезинка. Черный шнурок.

Она наклонилась, напрягла зрение.

— Что-нибудь означает?

— Не знаю, что хотел сказать ювелир. Лично для меня это символизирует продолжительность жизни, продолжительность всего сущего. — Он отпустил кулон, и тот упал на грудь.

— Симпатичный, — повторила Розмари.

— Мне он сразу бросился в глаза. Между прочим, теперь в моем плане на будущий год еще одно дело: пригласить вас на ужин.

Она улыбнулась:

— А в моем плане — согласиться.

Они обменялись улыбками, и Юрико, кланяясь, попятился к кругу.

Розмари поискала взглядом черную сутану Энди. В этот раз все танцевали с опущенными капюшонами, и каждый держался обеими руками за бледно-зеленую веревку — или это была стебель ползучего растения?

Ни Энди, ни его черной сутаны. Но видна фиолетовая среди коричневых.

Барабан забил громче, в его ритме лиана и держащиеся за нее люди двинулись по часовой стрелке. Несколько секунд Розмари не отрывала взгляда от танцующих, затем повернулась и пошла в артистическую студию; яркий свет заставил ее поморщиться. Музыка теперь звучала из динамика справа от нее.

Энди в черной рясе сидел на диване с печеньем в руке и смотрел на мать.

— А я думал, ты с Юрико...

Часто моргая, Розмари отрицательно покачала головой. Глянула вверх, направилась к сервировочному столику.

— А ты почему не там?

Он пожал плечами:

— Можно дойти до распутства, Диана, похоже, перестаралась с ромом. Я собирался тебя увести, а потом увидел, как ты с ним спускаешься, и почувствовал... — Он снова пожал плечами. — Решил подождать.

Она взяла горсть печенья и направилась к дивану.

Энди подвинулся.

Розмари села, аккуратной горкой положила печенье на сундук между собой и сыном. Откинулась на спинку дивана, откусила кусочек печенья.

— А ты знаешь, что таннис сродни марихуане?

— Ты меня разыгрываешь, — сказал он. — Неужели? Я поражен!

Она посмотрела на него в упор.

— Не удивительно, что тебе удалось зацепить всю эту компанию. Нет, все-таки нельзя, нельзя было отпускать тебя тогда, в первый раз, к Минни и Роману.

— Никого я не успаял. — Энди повернулся к матери. — И тебе не в чем себя винить. У тебя не было выбора. — Он несколько секунд смотрел на мать, пока она переводила дыхание. Затем дотронулся до ее плеча. — Любая другая женщина на твоём месте оставила бы меня кодаунам и удрала со всех ног.

Розмари тяжело вздохнула:

— Так уж и любая...

— Любая.— Он поцеловал ее в висок. Она дотронулась до его руки, лежащей у нее на плече. Они улыбнулись друг другу.

Розмари потрясла головой, словно хотела избавиться от наркотического опьянения.

— Теперь ты удовлетворена? — Энди откинулся на спинку дивана, взял мать за руки.— Нашла тут хоть что-нибудь из сатанизма? Из колдовства? Тебя принуждали к чему-нибудь непотребному?

— Нет...— Она тоже откинулась на спинку дивана. Барабанный бой стал громче и быстрее, звуки не только рвались из динамика, но и проникали сквозь дверь.— Музыка Хэнка?

— Нет,— ответил Энди.— Кажется, какая-то французская группа.

Они посидели, послушали. Удерживая ее руки одной рукой, другой Энди положил ей на плечи. Она прижалась к нему, глубоко вздохнула. Закрыла глаза. Он поцеловал ее в висок. В щеку. В уголок рта.

— Энди...

— Один целомудренный поцелуй...

Вознесенная барабанным боем на гребень волны блаженства, она открыла глаза и поняла, что лежит на диване: предплечья прижаты к черному шелку на спине Энди, пальцы — в его кудрях. Закрыла глаза... Закричала птица джунглей. Розмари посмотрела на динамик — и похолодела, обнаружив знамение.

Она видела знамения прямо сквозь зеркальный потолок. Единственный клочок небесной синевы среди всей этой тропической зелени. Прямоугольничек с черными буквами в центре.

Под смятой красной балкой кока-колы.

Прицепившись к внутренней поверхности ведра из плетеного тростника, он висел у косяка перевернутой двери.

Надпись была искажена зеркалом и находилась в добрых двадцати футах от Розмари, но прочитывалась мгновенно — настолько отчетливы были буквы, настолько своевременны.

И в этот краткий миг она увидела то, чего до сих пор не видела в тумане танниса и пастельных пятнах: значение кулона Юрико, браслетов, чаши для пунша, кубка, из которого она пила. Надпись все сделала прозрачно-ясным.

«Тиффани».

Поднялась голова Энди — с тигриными глазами, с рогами.

— Я думал, ты уже готова, — сказал он под бой барабана и крики птиц.

Она отрицательно покачала головой.

Он передвинулся, опустил ногу на пол; Розмари уперлась ладонью ему в голову, толкнула.

— Нет, Энди, мне надо побыть одной. Хотя бы несколько минут. Пожалуйста.

Он встал на колени, посмотрел на нее. Рога втягивались в череп, глаза превращались в олени.

— Сейчас.

— Пожалуйста, — повторила Розмари.

Он перевел дух. Встал с дивана, запахнул полы сутаны.

— Как скажете, мисс Гарбо. — Затянул шнурок на поясе. Улыбнулся светло-кариими оленьими глазами. Выступы на лбу бесследно исчезли начисто. — Ты ведь не собираешься сбежать?

— Нет. Мне надо только... собраться с мыслями. Двух минут хватит. Пожалуйста.

Энди кивнул, взял печенье и вышел на сцену под хлопанье ладоней, синхронное бою барабана. И закрыл за собой дверь.

Розмари села, запахнула сутану, опустила ноги на ковер, потрясла головой. Медленно набрала воздух в легкие, медленно выдохнула. Еще раз глубоко вдохнула.

Взяла банку, встряхнула, жадно допила последние капли кока-колы. Подняла серебряное пресс-папье, взвесила на руке, посмотрела на нижнюю грань. Опустила.

Встала, подошла к мусорной корзине, плотнее запахнула сутану, затянула пояс. В корзине валялся сложенный втрое лист мелованной бумаги с черной надписью «Тиффани» на небесно-голубом фоне. Внутри — курсивом поздравление с покупкой зажигалки фирмы «Тиффани», уведомление о том, что ремонтная мастерская принимает любые рекламации, а еще фотоснимки золотых и серебряных портсигаров и ларчиков для сигар с тем же рельефным логотипом.

Уильям курит сигареты, Крейг — сигары.

Розмари прошла в мужскую гардеробную.

Уильям в выборе одежды неприхотлив: темно-синий блейзер со значком «Я люблю Энди», серые брюки из шерстяной фланели. На его полке стояла золотая зажигалка, во внутреннем кармане блейзера оказался золотой портсигар.

Еще одна золотая зажигалка лежала на полке Крейга, рядом стоял серебряный ларчик для сигар. Белая ворона в стае золотых. Какой стыд.

На двух полках лежали multifunctional часы «Тиффани», возле одних — буклетик с инструкциями.

Динамик исторгал что-то вроде фонограммы для Кинг-Конга. Прихватив рекламный листок, Розмари вышла в женскую раздевалку.

Стараясь не дрожать, она торопливо переоделась в свое, сунула рекламный листок в карман и взяла фонарик. По пути заметила золотые, с алмазами, часики Дианы. «Кортье». Нет, не все под одну гребенку.

Она почти бегом спустилась по черной винтовой лестнице и вслед за круглым пятнышком света пошла по винилово-зеленому коридору.

Глава 17

Рождественским утром Розмари позвонила Джо и сказала, что всю ночь провела на ногах и у нее жуткая головная боль. Нельзя ли перенести встречу на более поздний час?

Он был разочарован, но посочувствовал. У него тоже ночь выдалась не из лучших. На обратном пути поезда на несколько часов задержали; домой удалось добраться только под утро.

— Ох,— сказала Розмари.— Какой кошмар. Ну и как прошел ужин?

На том конце линии — тяжелый вздох.

— Не знаю. Ведет она себя очень мило, но у меня сложилось впечатление, что, независимо от своей ориентации, она обожает манипулировать людьми. Да и в годах уже... А как ты сходила в церковь? Нормально?

— Все хорошо. Я тебе позвоню попозже, ладно?

Она набрала номер Энди. Послушала автоответчик.

Позвонила по секретному номеру, поговорила с автосекретарем.

Попила кофе за кофейным столиком, просмотрела первую полосу «Таймс»: бедствие в Квебеке, шестьдесят шесть погибших; ниже на полосе — врезки о приготовлениях к торжественному Зажжению в Белом доме и особняке Грейси.

Зазвонил телефон, Розмари сняла трубку.

— Прежде чем ты что-нибудь скажешь...

— Нет,— перебила она.— Прежде чем ты что-нибудь скажешь. Спускайся ко мне. У тебя десять минут. И не утруждай себя рождественскими подарками.— Она повесила трубку.

Около девяти — звонок в дверь. Наверняка это он, кто же еще будет звонить, если на дверной ручке висит табличка «Не беспокоить».

— Входи,— скомандовала Розмари, стоя со сложенными на груди руками перед столиком для скрэббла у задрапированного шифоном окна. На ней был велюровый кафтан цвета кобальта, тот самый, в котором она встречала сына в номере гостиницы «Уолдорф»; только отсутствовал значок «Я люблю Энди».

Энди посмотрел на нее и укоризненно покачал головой, затем медленно выдохнул и затворил за собой дверь. Идя через прихожую, он заметил рекламный листок фирмы «Тиффани» и майоликового ангела на кофейном столике — голубые, под стать друг другу; правда, ангел чуть потемнее.

— Привет,— сказал Энди.— В новых джинсах и снежно-белой безэшной футболке он являл собой воплощение чистоты. Несомненно, только что из душа: волосы влажные, не успел высушить под феном.— По-моему, ты реагируешь неадекватно.

Он глядел ей прямо в лицо, белки карих глаз чистотой не уступали футболке. Поразительная сила воли. Весь в отца, никаких сомнений.

— Брось! Ты ведь нас остановила, правда? Причем отметить, ты тоже не осталась в стороне, так что давай не будем строить из себя...— Он глубоко вздохнул и посмотрел на нее.— Послушай, мы оба нанюхались танниса, оба пили коктейль...

Энди повернул ладони кверху, пожал плечами.

— Из кубков от «Тиффани»,— сказала она.

На его лице отразилось недоумение. Очень убедительное.

Розмари указала на рекламный листок.

А он все прикидывался дурачком. Посмотрел на листок, потом на нее — ни дать ни взять растерянный Иисус.

— Энди,— сказала она,— опять бутик. Чаша для пунша, кубки, brasлеты, часы, зажигалки...

Он хлопнул себя по лбу, закрыл глаза. Прошептал:

— А-а, твою растак...

Убедительно. И впрямь поверишь, что он — ни сном ни духом.

Розмари подошла к сыну, положила ладони на снежно-белые плечи. И сжала изо всех сил — так крепко, что ему не пришлось изображать удивление. Он схватил ее за запястья, брови полезли на лоб.

— Посмотри мне в глаза. Только, пожалуйста, настоящими глазами. И скажи, что твоя секта, или ковен, или круг избранных... что вы не убивали Джуди.

Они держали друг друга: он ее — за запястья, она его — за плечи. Глаза Энди постепенно становились тигриными.

Розмари смотрела в черные щелки зрачков.

— Ну, говори же: «Нет, мама, они этого не делали. Об этом позаботились пятеро из “Бригады”». Давай, гни свою линию.

Тигриные глаза не моргали. Губы были плотно сжаты.

— Ну же,— настаивала Розмари, крепко сжимая его плечи.— Скажи, и мы сразу перейдем к делу.— Она кивнула в сторону спальни.

Он оторвал от себя ее руки.

— Да, это сделали они. Но идея была не моя. Я себе не хозяин, у меня есть спонсоры. И тебе это известно. Ты когда-нибудь задумывалась, сколько денег вбухали в Зажжение? Забудь о фабриках, о сбыте, подумай хотя бы о рекламе и эфирном времени, о том, сколько понадобилось труда и средств, чтобы нас увидел каждый. Каждый! — Его глаза оставались тигриными.— Мы говорим о дикарях банту на Серенгете! О пастухах Монголии! О местах, где нам пришлось проложить дороги,— иначе было не завести генераторы,— чтобы тамошние жители впервые в жизни посмотрели телевизор! Миллиарды долларов! Миллиарды! — Он перевел дух.— И те, кто за всем этим стоит, не желают зря рисковать.

— Энди, мир очень сильно изменился, но с каких это пор ангелы ведут шоу? Ты и продюсер, ты и актер, ты и...

Он хохотнул:

— Мама, мои ангелы вовсе не ангелы.— Энди слотнул.— Они бизнесмены. При всем своем альтруизме они очень упрямы, когда речь идет о защите капиталовложений. Послушай меня! Что случилось, то случилось.— Он шагнул к ней, блеснул тигриными глазами.— Как мне теперь быть? В машине меня действительно тошнило, я не притворялся. И никто никому не приказывал обставить все именно так, это Диана придумала. Она не в своем уме. Шуточное ли дело — тридцать пять лет в гильдии театральных критиков! Для нее весь мир — театр. Из Крейга она веревки вьет, он гавкает, а остальные подчиняются.

— И все-таки главный приказ отдал ты,— сказала Розмари.— Это благодаря тебе они на такое способны. Точно так же, как Хэнк благодаря тебе способен ходить.

Он глубоко вздохнул.

— Не совсем так, но похоже. Да. Я один за все в ответе. Да. У меня не было выбора.— Энди подошел к кофейному столику, снова глубоко вздохнул и поглядел на рекламный листок и майолику. Сунул руки в карманы.

Розмари стояла, сложив руки на груди.

— Я возвращаюсь в «Уолдорф».

Он перевел на нее тигринный взор.

— О, мама...

— Здесь не останусь,— отрезала она.— Возьму в банке ссуду до раскрутки «Свежего взгляда» и переберусь. Уверена, с кредитом у меня сейчас проблем не будет.

— Лучше возьми ссуду и оставайся.

— Нет. Я не знаю, что будет, когда начнется следствие, что я скажу полицейским, если они захотят меня допросить. Даже думать об этом страшно. А еще, Энди, я хочу, чтобы между нами была дистанция.

Он наполнил легкие воздухом, медленно выдохнул и опустил голову.

— Я тоже не желаю подвергать риску Зажжение, хотя я и не такая фанатичка, как эти твои неангелы. Не хочу, чтобы в оставшиеся дни нам задали слишком много неприятных вопросов. Сейчас это ни к чему, если учесть, как хорошо поработали ирландцы и какие высокие у нас рейтинги.

Энди поднял голову и посмотрел на мать в упор. Его глаза превращались в оленьи.

— Так что я подожду до следующей субботы, — сказала Розмари. — До первого января. Но прежде мне на глаза не попадайся. А там, глядишь, все как-нибудь само уладится.

— А мы... зажжем свечи вместе? — спросил Энди.

— В парке? — после нескольких секунд молчания спросила она.

— Нет. И не в церкви абиссинских баптистов или где-нибудь еще. Я не хочу никакой шумихи... Думаю, лучше всего будет подняться наверх, ко мне. И Джо там будет — я ведь знаю, ты иначе не согласишься. Оттуда, с высоты птичьего полета, увидим весь праздник. У меня большая телестудия — ты, должно быть, видела рекламу, — можно смотреть все каналы. Честно, это самый лучший способ увидеть все и вся.

Розмари глубоко вздохнула.

— Я тебе позвоню.

Он кивнул, повернулся и направился в прихожую.

— Забери майолику, — бросила вслед она.

— О, мама...

— Забери, Энди. Это ведь не ты покупал, а они. А мне такие подарки не нужны. Ни от них, ни от тебя.

Он подошел к кофейному столику, одной ладонью смахнул «Энди» на другую. Зажал майолику под мышкой и вышел из номера, затворив за собой дверь.

Розмари выпустила воздух из легких и бессильно опустила руки.

Она наклонила кофейник из фальшивого серебра над чашкой и перестаралась — налила «с верхом». Тогда Розмари взяла с подноса чистую чашку и наполнила примерно на три четверти. Сливки и подсластитель решила не добавлять.

Медленно расхаживала взад-вперед между прихожей и столиком для скрэббла, держа чашку обеими руками, хмурилась и мелкими глотками пила кофе...

Странно. Странно и подозрительно он смеялся, когда говорил о своих ангелах-неангелах. Конечно, никакие они не ангелы, эти плутократы, всегда готовые на убийство из благородных побуждений. Что ж, едва ли такая психология не имеет аналогов в истории человечества.

Но где «БД» нашли столько тупоголовых альтруистов, чтобы собрать миллиарды? Им что, тысячи меценатов отдали по миллиону? Или сотни — по десятку миллионов? Розмари никогда не пыталась хотя бы приблизительно оценить затраты на Зажжение, не говоря уже обо всех остальных проектах «БД».

Энди говорил с нею так, словно Зажжение будет единственным, решающим и неповторимым. Впрочем, естественно, что сейчас, за неделю, ему это видится именно так...

Она глотала кофе и ходила...

Почему ей не довелось познакомиться ни с кем из основных спонсоров? Она встречалась с людьми, ежегодно отдававшими тысячи на благотворительные цели: в Нью-Йорке и Ирландии, у Майка ван Бурена в День благодарения. Да, Христианский консорциум Роба Паттерсона — щедрый жертвователь, но чтобы десятки миллионов... Нет, у нее не возникло впечатления, что организация Паттерсона способна на такие траты. Ну, может быть, несколько миллионов в общей сложности за последние три года...

Кроме того, разве не захотел бы кто-нибудь из этих основных спонсоров познакомиться с ней? И Энди разве не захотел бы оказать им такую услугу? А может, тот пожи-

лой француз в аэропорту, Рене, и его спутник?.. Рукопожатие и несколько слов — вот и весь ее контакт с неангельскими ангелами из «БД». Наверняка именно Рене так долго говорил с Энди по телефону в то утро, когда она без предупреждения вошла в его офис; судя по тону Энди, он хорошо научился успокаивать стариков...

Розмари остановилась посреди комнаты. Постояла несколько секунд неподвижно.

Закрывает глаза, прижала ладонь ко лбу.

Глубоко вздохнула и открыла глаза. Повернулась к кофейному столику, поставила на него дрожащую чашку, перевернула «Таймс» первой полосой к себе.

Постояла, глядя в газету.

Потерла лоб. Медленно подошла к столику для скрэббла.

Зазвонили церковные колокола.

Она поморщилась — сквозь шифон проникали усиленные белизной лежащего повсюду снега лучи солнца.

Розмари смотрела на стол с рассыпанными на нем косточками скрэббла — лицевой стороной вверх.

Колокола зазвонили «О, город Вифлеем...».

Она уперла палец в косточку, выдвинула ее из стайки на край полированного стола. Опустила палец на другую косточку, передвинула и ее. Потом еще одну.

«БИОХИМИ».

Розмари вернулась к кофейному столику, взяла телефон, набрала номер.

Поздоровалась.

— Немного лучше, Джо, — сказала она. — Давай встретимся, ладно? Где-нибудь, где можно поговорить, только не здесь, меня от башни уже мутит. Я приеду к тебе. Ничего, не бойся — что я, свиарников не видала?

Она глубоко вздохнула:

— Ну хорошо, где тот китайский ресторан?.. Да наплевать! Кормят там, кажется, сносно. Где он?

— Дыра,— резюмировал Джо.

Тусклый ресторанный на двенадцать столиков, в стороне от Девятой авеню, с неподвижными лопастями вентиляторов на потолке и репродукциями картин Эдварда Хоппера* на стенах. Занятых столиков было только два; за одним из них, в боковой кабинке, Розмари с Джо выпили за Рождество китайского пива и обменялись подарками.

Джо досталась большая книга в роскошном переплете, которую Розмари нашла в гостиничном бутике фирмы «Риц-цолли»: фотографии и чертежи классических итальянских автомобилей, в том числе и «альфа-ромео».

— Господи, какая красота! — восклицал Джо, переворачивая тяжелые страницы. — Я и не знал, что на свете есть эта книга! Bello! Benissimo! **

Он склонился над столом и поцеловал Розмари.

Розмари получила в подарок золотую брошку «Я люблю Энди» с рубиновым сердечком. «Ван Клиф и Арпельс».

Она глубоко вздохнула и со словами: «Напрасно ты это...» — наклонилась и поцеловала его.

— Мне очень нравится, спасибо, Джо.

Розмари приколотла брошь к свитеру, а Джо тем временем помог официантке собрать обертку и, не заглядывая в меню, заказал на двоих.

— Ну, что тебя беспокоит? — спросил он, когда официантка отошла.

— Кое-что серьезное. И не хочется тревожить Энди.

— Опасность?

— Можно и так сказать. — Она посмотрела ему в глаза. — Джуди обронила несколько замечаний, которые меня заставили задуматься. Теперь я знаю, кем она была, а кроме того, знаю, что случилось в Гамбурге, а потом и в Квебеке. И это навело меня на мысль, что ее шайка как-то вме-

* Американский художник-урбанист (1882–1967).

** Красиво! Прекрасно! (ит.)

шалась в процесс производства свечей. Какая-то диверсия. Или диверсию готовят их сообщники на Востоке.

Он привалился спиной к стене кабинки. Несколько раз моргнул, глядя на Розмари:

— Ты имеешь в виду Зажжение?

Она кивнула.

— Те взрывы... Случайность. Кто-то раньше времени зажжет рождественскую свечу. А может, случился пожар в магазине или жилом доме, где хранились свечи.

Джо не отрывал от нее глаз.

— Просто первые два случая,— произнес он.— Уже несколько месяцев свечи расходятся по всему миру, но впервые какие-то из них зажгли. Или они угодили в пожар.

— А может, в них вмонтирован некий таймер,— продолжала Розмари.— В биохимии я ничего не смыслю, но уверена: без нее тут не обошлось. Свеча из двух половин, верно? Из голубой и желтой. Может, на самом деле ее состав сложнее? Может, какое-то химическое вещество до поры до времени сдерживает реакцию, но некоторые свечи оказались бракованными. И какая-то часть таких негодных свечек попала в Гамбург и Квебек...

Они глядели друг на друга. Потягивали пиво из стаканов.

Джо криво улыбнулся.

— А может, это всего лишь, что называется, мандраж перед премьерой? Не приходило в голову? Ты ведь Мама Энди — тебе нужно, чтобы все прошло без сучка без задоринки...

— Не исключено,— кивнула она.— Надеюсь, что так. Но вдруг за всем этим кроется нечто большее? Джо, надо проверить. Ты не подскажешь, кто бы мог этим заняться? Конечно, лаборатории уголовной полиции и ФБР отпадают. Нужно что-то частное, какой-нибудь судебный химик-консультант. С доступом к новейшему оборудованию.

— Джуди и в самом деле что-то сказала? — спросил Джо. — Или тебе было видение?

Она отвела взгляд, помолчала, снова посмотрела на него:

— И то и другое.

Они прервали разговор, пока официантка расставляла на столе тарелки и двумя палочками скупно накладывала китайские пампушки.

Потом ели. Джо — с помощью палочек, Розмари — вилок.

— Ну что, неплохо? — спросил он.

— М-м-м,— промычала она с полным ртом.

— Сейчас самое неподходящее время для расследований. Особенно для таких сложных дел. Все в отпусках. Медфак Нью-Йоркского университета закрыт, а именно там работает первый, кто приходит в голову,— профессор, между прочим, коллекционирует классические автомобили. Если он сам не возьмется, то хоть подскажет, кто способен нам помочь. Вот только он, скорее всего, в Аспене или на другом горнолыжном курорте; и он, и его жена, и дети — заядлые лыжники. Впрочем, если ты настроена серьезно, можно обратиться в ФБР. Я знаю ребят в здешнем отделении. У них есть лаборатории в Арлингтоне. Все сделают качественно и быстро.

Розмари отрицательно покачала головой:

— Я не хочу вовлекать Энди в... целое расследование.— Розмари прикрыла рот ладонью, на глазах навернулись слезы.

— Эй, эй... Он протянул руку над столом, похлопал ее по плечу, погладил по щеке.— Энди останется в стороне. По крайней мере, ничего плохого ему не будет. Я уверен, он бы первым...

— Я не хочу обращаться в ФБР,— повторила Розмари.— Может, ты и прав, мне все мерещится. Тут такой муравейник можно разворошить... Джо, пожалуйста!

Он выпрямился, нахмурился, пристально посмотрел на Розмари. Она прижимала к глазам бумажную салфетку.

— Ладно,— сказал он.— Сегодня после обеда свяжусь с этим парнем, доктором Джорджем Стамосом. В биохимии он кое-что смыслил. В его лаборатории одна ассистентка синтезировала психоделические наркотики, прямо на рабочем месте, пока ее не пристрелил ее же дружок. Это было в девяносто четвертом. У Джорджа две «альфы», но моей они и в подметки не годятся.

Джо позвонил ей в тот же день около пяти вечера. Стамос вместе со всей семьей в отъезде, но автоответчик сообщил, что утром в понедельник они будут дома.

— Я не сказал, зачем он мне нужен. Джордж решит, что я готов продать тачку, и сразу по возвращении обязательно позвонит. Да и нерсально что-нибудь проверить до понедельника. И все-таки, Рози, чем больше я об этом думаю... Если Гамбург — образец, то так недолго стереть с лица земли всю человеческую расу. По-моему, на всей планете не сыщется маньяка, который на такое способен.

Она глубоко вздохнула:

— Джо, надеюсь, ты прав. И все равно спасибо за помощь.

— Не беспокойся. Скоро тебе полегчает.

Розмари вернулась к чтению научно-популярной книжки, купленной только что в магазине «Даблдэй» на Пятой авеню. «Биохимия — палка о двух концах». Она добралась до главы, где рассказывалось о нервных газах и поедающих органику вирусах.

В понедельник утром семья Стамоса возвратилась с лыжного курорта — вся, кроме Джорджа, который лег в цюрихскую клинику на вытяжение. Объяснив Эллен Стамос, что речь идет не о машине, а об услуге для матери Энди, Джо добыл номер его телефона, но из-за разницы во времени дозвонился только на следующее утро.

Таковы были плохие новости, изложенные им Розмари по телефону во вторник. Хорошие новости заключались в том, что Стамос немедленно связался со своим коллегой и партнером. Работая в лаборатории Сайоссета, что на Лонг-Айленде, этот джентльмен осуществляет платные консультации в области судмедэкспертизы. Джо сказал ему, что до него, наемного работника «БД», дошли слухи об испорченных свечах и он исключительно ради собственного спокойствия хочет их проверить. Скорее всего, опасения совершенно беспочвенны, и все же...

— Он проверит несколько свечек. И завтра к утру даст ответ.

— Ты ему сказал насчет биохимии? — спросила Розмари.

— Да. Он говорит, это в пределах возможного, хотя маловероятно, что шайка атеистов-психопатов способна на такие ухищрения.

Потом Розмари смотрела телевизор, не выпуская из руки пульт дистанционного управления и часто переключая каналы. То и дело в десяти- и тридцатисекундных роликах Энди и она сама твердили о том, как Зажжение вдохновит и подвигнет, и как будет славно, когда вся человеческая раса пустится в величественный, символический, высокохудожественный хэппенинг, и что здесь, в этом часовом поясе, надо распаковать свечу в семь вечера ближайшей пятницы, при включенном на любом канале телевизоре, и не пропустить в шесть «разминку», и помнить, что свечи надо держать подальше от детей...

Энди подмигнул ей с экрана.

— Что, небось уже мутит от всего этого?

Он хихикнул, она — нет.

— Ничего не поделаешь, это очень важно, — сказал он. — Я вас прошу: пожалуйста, позаботьтесь, чтобы все ваши знакомые зажгли свечи в надлежащее время. Вы ведь не откажете мне в таком пустяке? Спасибо. Люблю вас.

А может, к тому, что он делает, что намеревается сделать, Розмари обладает иммунитетом по причине родства с ним? Это казалось столь же вероятным, как применение газов, способных за пятнадцать минут превратить человека в студень.

Джо удалось заказать билеты на первый приличный хит бродвейского сезона: новую версию провалившегося в 1965-м мюзикла. Ирония судьбы: на роль в этой пьесе пробовался Ги — еще до того, как они с Розмари переселились в Брэмфорд. В то счастливое время они жили в однокомнатной квартирке на Третьей авеню, в доме без лифта.

Как и ожидала Розмари, спектакль оказался довольно миленьким, но первый акт она смотрела вполглаза и слушала вполуха — Джо еще не получил ответ из сайоссетской лаборатории.

В антракте он пошел звонить своему автоответчику. Розмари одарила несколько соседей улыбками и надписями на фотографиях, потом сидела, глядя в театральную программку.

Джо вернулся, когда погасли юпитеры и началась увертюра ко второму акту.

— Чисто, — прошептал он, садясь рядом.

Она посмотрела на него широко раскрытыми глазами. Он кивнул:

— Совершенно чисто. Никакой биохимии.

— Тсс! — раздалось позади.

Следить за вторым актом тоже было не легко, но в конце она неистово хлопала и даже встала поаплодировать вместе с Джо и остальными зрителями.

Потом они протолкались в ближайший бар и нашли в углу свободный столик.

— Он все проверил, — сказал Джо. — Воск, фитили, красители, целлофан. Четыре свечи: две отсюда, одна из другого штата, и еще одна — заграничная. Полный порядок, на сто

процентов. Никакой биохимии. И никакой химии. Даже ароматизаторов нет.

— Ты с ним говорил? — спросила Розмари.

— Он надиктовал сообщение на автоответчик, — ответил Джо. — Подробный отчет придет факсом.

— Фу! — выдохнула она. — Гора с плеч.

— А знаешь, неприятно говорить, но это ничего не доказывает. Не забывай, свечи производятся на четырнадцати заводах. Может, брак гонят на одном заводе, а эти свечи — с другого.

— Нет, — сказала она. — У меня было... подозрение, что испорчены все свечи.

— Все? Со всех четырнадцати заводов? Ты это всерьез?

Она улыбнулась и пожала плечами:

— Мандраж перед премьерой.

Официант принес ей мартини, ему — шотландское виски.

— Будем здоровы. — Они чокнулись и глотнули.

— Джо, спасибо огромное, — сказала она. — Я тебе так благодарна. — И поцеловала его.

— А где мы зажжем свечи?

— У Энди, — ответила Розмари. — Наверное. Втроем. Тебя устраивает?

— А почему меня это не должно устраивать? Лучшего места все равно не найти. — Джо улыбнулся. — Я имею в виду, для наших первых свечей.

— Верно. — Она улыбнулась.

— Так, значит, подкатить за тобой к шести — поедем вместе?

— Я как раз об этом и думала, — сказала она.

— С Новым годом! — Они чмокнули друг друга в губы. — Можешь считать меня романтиком, но я рад, что мы ждали. Канун Нового года получится что надо.

Какое бремя свалилось с ее души! Пускай Энди позволил одержимым спонсорам «БД» впутать его в убийство Джуди — за это, разумеется, ему нет и не может быть прощения, но все же у этих одержимых благородная цель, не то что у его «папаши», которому Энди нужен, чтобы выиграть молниеносный Армагеддон.

Розмари долго стояла под горячим душем. Потом хорошенько выпалась. Давно ей не удавалось спокойно провести ночь. Сначала — поездка, потом — Джуди...

Она позвонила в бюро обслуживания, заказала горячий шоколад и булочки. Потом пила и жевала на атласных подушках и смотрела по телевизору подготовку к Зажжению в аргентинской школе, в Академии военно-воздушных сил, у Стены Плача, на буровой вышке в Северном море.

Когда она выключила «ящик» и угнездилась в теплом атласном коконе, Розмари беспокоило только одно: чувство, будто ее зовет Энди. Как в тот раз, когда его голова застряла между рейками детской кроватки и он заходился в немоном крике.

Ее рука выползла из-под одеяла и подняла трубку телефона — живую и гудящую. Потом рука вернулась на место.

Черт, надо было принять не горячий душ, а холодный.
Мама!

Ее разбудил голос сына — голос, искаженный болью. Сквозь шторы сочился свет.

Она лежала и слушала.

Розмари чувствовала его. Не слышала, это точно, но чувствовала. Очень явственно.

Она удержалась от соблазна сразу позвонить. После завтрака пошла в спортзал, потрудились на велотренажере, попрыгала через скакалку, поплавала — плеск в бассейне со стеклянными стенами заглушал все остальные звуки.

Постепенно тревога улеглась. Розмари сидела в гостиной, ела сандвич с клубникой и смотрела, как Зажжение наконец становится явью. Роскошной явью, не сравнимой даже с ее ожиданиями.

Отменены все регулярные программы. На каждом канале — музыка Зажжения, логотип Зажжения, обратный отсчет времени до Зажжения: секунды мелькали, минуты таяли. Все каналы показывали свечи для Зажжения: небесно-голубые с золотом, в целлофане. Они стояли рядами на столах и стойках баров, а над ними — флаги Зажжения. Тоже небесно-голубые с золотом.

В Принстонском кампусе. В женской тюрьме Гонконга. В коннектикутском казино, в чадской больнице, на борту океанского лайнера, в универмаге Осло, в детском саду Солт-Лейк-Сити...

На экране говорили о красоте и важности Зажжения и о разладе, боли и печали, неизбежно омрачивших бы планету на этой космической веке, если бы не Энди, сын Розмари, ведущий людей, благодарение Господу, в двухтысячный год — Год Гуманизации, Обновления и Оздоровления.

Потрясая микрофонами, репортеры задавали наводящие вопросы на обувной фабрике в Боливии, в хасидской коммуне на севере штата Нью-Йорк, в пожарном депо австралийского города Куинсленд, на площади Святого Петра, на станции метро в Бэйцзине*, в Диснейленде, где Микки и Минни махали свечками в целлофане.

Энди сейчас заверху, тоже смотрит телевизор. Розмари тяжело вздохнула — надо бы помириться, несмотря ни на что. Завтра ночью ей предстоит вместе с ним смотреть репортажи в прямом эфире, и это будет самым великим событием в ее жизни.

Она перепрыгивала с канала на канал, потягивала кока-колу, и книжка по биохимии служила подставкой для банки. Момбаса, Ирак, Тибет, Юкатан...

Каждый человек на планете зажжет чистую, безопасную свечу «БД»!

* Автор возвращает историческое название Пекину. Бэйцзином столица Китая называлась с 1421 по 1927 год, а затем была переименована в Бэйпин и под этим именем простояла до 1949 года.

Амониты любят телевидение: они охотно говорили в микрофон об Энди, Розмари, Зажжении и прелестях езды на тракторах.

Даже психи, дожидаящиеся, когда их заберут пришельцы на летающую тарелку, перед расставанием с планетой Земля зажгут свечи. Времени на это у них будет в обрез, если верить предводительнице калифорнийского контингента, в котором насчитывается триста человек; Нострадамус предсказал, что их заберут на второй минуте двухтысячного года, даже не на первой. Два идут с двумя, неужели не ясно?

Глава 6 + 6 + 6

В пятницу утром нашлась причина позвонить сыну: надо закончить приготовления, ведь она, собственно, даже не сказала ему твердое «да».

Ей больше не чудилось, будто он ее зовет; что ж, по крайней мере она хорошо выпалась. И с удовольствием позавтракала на атласной постели: дыня, кофе и круассан. Мария, доставившая поднос, волновалась сильнее, чем Розмари.

— У меня такое чувство, будто сегодня вечером я выхожу замуж за всех на свете! — Девушка смеялась, раздвигая шторы перед хмурым небом.

Розмари набрала номер телефона Энди и, глядя, как идут праздничные приготовления за кулисами «Метрополитен-опера», дождалась, пока отговорит автоответчик.

— Энди, хочу обсудить с тобой сегодняшний вечер. — Она подождала, глядя на стадион «Янки».

Длинный гудок.

Она набрала секретный номер, поговорила с автосекретарем.

Ну вот, теперь у нее совесть чиста.

Еще больше полегчало, когда Розмари решила кроссворд. «По горизонтали: 1. Знаменитая мать, семь букв». Чего про-

ще? Зажжение — главная тема дня. Остальное (кроме «знаменитого сына, пять букв») было посложнее и похитрее — дело обычное, по пятницам в газетах самые трудные головоломки. На кроссворда ушло почти сорок минут.

Энди не звонил. Она снова набрала номер сотового телефона.

«Если вы хотите передать Энди сообщение, нажмите кнопку “два”».

Розмари нажала кнопку с цифрой «два».

— Пожалуйста, продиктуйте ваше сообщение для Энди.— Гудок.

— Привет. Хочу обсудить сегодняшний вечер. К шести за мной придет Джо — ты в курсе? Позвони поскорее, ладно? В половине двенадцатого я должна быть в парикмахерской.

Она дождалась ответа:

— Спасибо, Розмари. Скоро Энди получит ваше сообщение. Можете повесить трубку.

К тому времени, когда она отправилась в парикмахерскую, Энди так и не позвонил.

По возвращении она увидела на дисплее автоответчика двузначное число записанных посланий по общей линии и одно — по секретной.

— Привет, ты не знаешь, где твой сын? — Диана.— Я его со вторника не видела, а нам все звонят и звонят. Не мешало бы ответить кое-кому, к примеру Папе и президенту. Не знаю, куда вы с ним собрались на Зажжение, предлагаю встречать в парке, с нами со всеми. Ты передай ему, чтобы позвонил мне, или сама позвони, если узнаешь, где он, ладно? И угадай, кто о тебе сочиняет хайку. Пока.

Розмари стерла эту запись.

Включила телевизор. Говорящие головы.

Между дверцами шкафа торчала выдвижная вешалка, на ней висел полиэтиленовый мешок из гостиничной хим-

чистки. Розмари порвала полиэтилен, освободила небесно-голубой креп, разложила на кровати женский брючный костюм. Достала блузу из золотистого шелка и золотистые же сандалии на высоких каблуках. Их тоже положила на кровать. Потом скатала полиэтиленовый мешок и сунула в мусорную корзину. Постояла. Хмурясь, сунула руку в карман слаксов. Карточка на месте.

Надела темные очки и головной платок.

Спустилась в заполненный народом, шумный вестибюль и, опустив голову, прошла от лифтов за угол, к двери с табличкой «Вход только по служебным пропускам». Провела карточкой по замку.

Створки раздвинулись — кабина оказалась на этом этаже. Похоже, Энди на месте нет. Может, умер от сердечного приступа, так и не дождавшись ее отклика на молебны о помощи?

Все-таки она вошла в кабину лифта, приготовилась к стремительному рывку и нажала кнопку «52». Замелькали цифры. Розмари сняла очки и платок, распустила волосы, подвигала нижней челюстью, пока не щелкнуло в ушах.

Она вспомнила, как была в этом лифте с Энди, глядела на его заросший подбородок и неслась вверх гораздо быстрее, чем ей хотелось. Навстречу красивым видам.

Со звоном зажглась красная кнопка «52», дверные створки раздвинулись.

За черной с медью гостиной серело зимнее небо. К трем часам дня уже стемнело, над далеким Квинсом ступились тучи. Опять повалит снег?

— Энди? — позвала она, когда закрылся медный цилиндр.

Слева и сзади плавно звучал знакомый женский голос:

— ...наш постоянный репортаж о Заключении. До него осталось меньше четырех часов, и везде, в каждом часовом поясе, люди переживают новое, торжественное...

— Энди? — повторила Розмари и пошла на голос — к отворенным дверям.

В комнате сияли телевизионные экраны и мелькали изображения, четыре больших экрана были видны целиком и еще два — частично. Всего три сверху и три снизу.

— Энди? — позвала Розмари вместе с детьми в классе на экране.

Она распахнула двери настежь, сунула голову в проем, окинула комнату взглядом.

Энди был прибит к стене — руки раскинуты, голова свисает, окровавленные ладони пронзены гвоздями. На нем были белая футболка «БД» и джинсы. Он висел, зажатый между темной деревянной стеной и спинкой черного кожаного дивана.

Розмари закрыла глаза, пошатнулась, схватилась за косяк.

Распахнула глаза и в мерцающем свете увидела не видение, а распятого Энди. Из окровавленных волос торчали бледные рожки.

Мертв?

Розмари оттолкнулась от косяка, бросилась к дивану, упала на него на колени, приложила руку к груди сына, другую — к его шее у ключицы.

Тепло.

И пульс есть.

Слабый, медленный.

Да, у основания шеи ошутимо биение. Она затаила дыхание и, кривясь, посмотрела на его правую руку: ногти превратились в когти, из окровавленной ладони торчат четыре дюйма толстого, как карандаш, гвоздя со шляпкой. Что за безумец это содеял? На темной стенной панели подсыхала кровавая дорожка.

Лодыжки тоже прибиты? Розмари выгнула шею, чтобы заглянуть за спинку дивана, но в темноте ничего не рассматривала. Вероятно, он стоит на полу, судя по его росту и

не слишком сильному напряжению мускулов рук. Она почувствовала, как вздымается его грудь.

— Энди?

Позади нее с экранов он говорил о Зажжении.

Его голова шевельнулась, повернулась к ней. На темени торчали кривые рожки величиной с большой палец. Розмари, морщась, как от боли, погладила его по щеке. Смеженные веки поднялись. Она улыбнулась.

— Я здесь. Я тебя слышала. Я думала, мерещится! Милый, прости!

Он открыл рот, захрипел; тигриные глаза смотрели с мольбой.

Розмари повернулась к низкому черному пристенному столику, опустила ногу на пол, вынула из ведерка покрытую влагой бутылку пампанского. Взяла ведерко, перенесла на диван и, стоя перед сыном на коленях, окунула руку в талую воду. Смочила ему губы.

Капли попадали Энди на язык, в рот; он слизывал воду с материнских пальцев, глотал.

— Я тебя сниму, — говорила она. — Я тебя сниму...

Он слизывал и глотал. Тигриные очи смотрели с благодарностью.

— О, мой ангел, — сказала Розмари, — кто это сделал? Что за зверь способен на такое?

У него задрожала нижняя губа.

— П-п-папа...

Розмари изумленно посмотрела на него.

— Твой... отец? — Она вытерла слезы тыльной стороной ладони, крушено покачала головой. — Он был здесь, это он сделал?

— Он здесь... — прошептал Энди. — Здесь...

Веки смежились, рогатая голова безвольно повисла.

Вероятно, у него были галлюцинации... но кто еще способен на такую жестокость? Неужели отец решил отомстить Энди за измену? За то, что свечи оказались безвредными?

Когда Розмари нашла кухню, оттуда не выскочил Сатана. Не прятался он и в холодильнике.

Она вынула лоток с ледяными кубиками и отправилась на поиски ванной. Та оказалась рядом со спальней; окно спальни тоже смотрело на зимнее небо. В обеих комнатах царило *ultramesso*. В ванной ей посчастливилось найти несколько довольно чистых полотенец, парикмахерские ножницы и бутылку медицинского спирта; в спальне с вешалки открытого шкафа она сдернула два галстука.

Розмари снова забралась на диван и, стоя на коленях, прижала полотенце со льдом к когтистой правой ладони. Гвоздь был неколебим — оставалось лишь гадать, насколько глубоко он засел в панели красного дерева и не загнулся ли его конец. Розмари надеялась, что лед остудит металл и частично снимет страшную боль. Боже, какая, должно быть, это мука!

Она заставила себя ждать, глядя на его лицо, даже в беспомощности искаженное ужасом. Вроде бы рожки чуть-чуть втянулись? Или просто она к ним привыкает?

Розмари подвигала озябшими руками — полотенце промокло насквозь, — удостоверилась, что лед совсем рядом с гвоздем и ладонью. Господи, каким надо быть жестоким, чтобы поступить так с живым существом, не говоря уж о родном сыне. «Своей жизнью оправдывает свое имя», — так однажды выразился Энди. С лихвой оправдывает. Насколько помнится, Библия называет его отцом лжи. А как насчет того, чтобы назвать его отцом зверской жестокости?

Она содрогнулась, вновь увидев — впервые за долгое время — желтое адское пламя в глазах, промелькнувшее в ту далекую ночь, когда Ги насиловал ее на виду у всего ковена. Когда Энди был еще в колыбели, она решила, что его тигриные глаза — золотая середина между теми откровенно дьявольскими и ее собственными, человеческими; сейчас ее осенило, что наименее привлекательные свойства и та-

ланты сына, такие как умение агать и манипулировать людьми, возможно, всего лишь наполовину отцовские. Интересная мысль.

Розмари положила мокрое полотенце в пластиковый выдвижной ящик стола, слезла с дивана, вытерла ладони о слаксы. Затем отодвинула от стены правый край дивана. Лодыжки не прибиты. Для пущей уверенности она их ощутила: носки, теннисные туфли. Гвоздей нет.

Она постояла, прижимаясь боком к бедру сына, плечом упираясь ему под мышку. Длинным лоскутом, оторванным от сухого полотенца, обмотала холодный гвоздь, торчащий из его ладони. Ухватилась за него обеими руками.

— Вылезай, — велела Розмари гвоздю и потянула на себя — медленно, не слишком сильно.

Энди застонал, но ладони потекла струйка свежей крови.

— Другого выхода нет, — сказала Розмари.

Гвоздь шевельнулся. Она одной рукой качала и тянула гвоздь, а другой придерживала руку Энди. С предельной осторожностью, бережно она вытаскивала, выкручивала гвоздь из пронзенной руки, а саму руку прижимала к стене.

Проклятый гвоздь удлинялся — семь, восемь, девять дюймов. Наконец Розмари вырвала его, и он глухо ударился о ковер.

Она намотала сыну на руку другой лоскут полотенца, туго обвязала ее галстуком; теперь надо было придумать, как удержать Энди на ногах, когда она заберется на диван и займется другой рукой.

Вдруг его кисть поднялась и двинулась влево, и Розмари присела. Она глядела на сына и поддерживала его у стены, пока он поворачивался и тянулся к гвоздю, торчавшему из левой ладони.

— Сначала — лед, — сказала Розмари, но он вцепился в гвоздь обмотанной полотенцем рукой и, зажмурясь, рванул.

Розмари поморщилась. Гвоздь заскрипел в дереве и штукатурке. Она едва успела подхватить Энди и чуть не упала вместе с ним. Опустила его поперек спинки дивана. Гвоздь звякнул о пристенный столик. Розмари наклонилась, обхватила ноги в джинсах, приподняла, перевалила через спинку, сама оббежала диван сбоку и потянула за ноги, чтобы лодыжки легли на обитый подлокотник, а макушка прислонилась к противоположному.

Розмари обмотала кровоточащую левую руку сына куском полотенца, завязала и положила вдоль туловища: устроила поудобнее и вторую руку. Постояла, глядя, как на его груди поднимается и опускается футболка с буквами «БД».

Сама глубоко вздохнула, откинула волосы с лица.

Развязала шнурки его теннисных туфель, сняла их, помассировала ноги в носках.

Взяла в ванной мыло, на кухне — миску теплой воды, вернулась к сыну, сняла повязки с рук, стерла застывшую кровь с обеих ран, промыла, накапала спирта, туго перебинтовала руки чистыми лоскутами полотенца и обвязала галстуками.

Теперь ему нужен укол против столбняка, помощь хирурга и больничный уход; но как быть с рогами, когтями и светящимися глазами?

Придется открыть правду Джо. Быть может, он знает надежного врача, который согласится помалкивать — если не из дружеских побуждений, то за деньги. А может, Джо подскажет адрес какой-нибудь частной клиники?

Она умыла Энди лицо, смыла кровь с волос, расчесала их на пробор и обнаружила на темени свежий струп длиной в дюйм. Его Розмари трогать не стала.

Она отнесла в кухню посуду и окровавленные тряпки, вымыла руки, удалила кровь со своего свитера, заполнила лоток для ледяных кубиков водой, поставила в морозильник, налила стакан холодной воды, выпила, налила снова.

Розмари прислонилась к дивану спиной — головой к подлокотнику, рядом с головой сына. Глубоко вздохнула, закрыла глаза. Услышала протяжный, переливчатый клич муэдзина. Оперный тенор. На молитву зовет..

Она открыла глаза и увидела шесть разных сцен на шести экранах: храмы-близнецы, стадион с египетскими рекламными, огромные сходни океанского лайнера, на двух экранах — одинаковые ракурсы запруженного народом Шип-Медоуз. Электронные часы на пристенном столике мигали красными цифрами: 5.29.

Господи, уже так поздно. Пока рвала полотенце, пока промывала раны... Джо, скорее всего, в пути, звонить ему нет смысла. Наверняка предположил, что она собралась рано, и прибудет вовремя.

Розмари посмотрела на экраны, послушала дикторов, ведущих, церковный хор мормонов.

Энди повернул голову. Его тигриные глаза смотрели на экраны.

— Здравствуй, — сказала она. — Ты снова с нами, и это прекрасно.

Он молчал и смотрел.

— Пить хочешь?

Он коротко промычал.

Розмари встала на колени, приподняла его голову, поднесла к губам стакан.

— Скоро здесь будет Джо. Есть шанс, что он знает местечко, где тобой займутся врачи. Ты поправишься.

Она опустила его голову, поставила стакан.

Энди смотрел на экраны.

— Пока все идет прекрасно. — Она снова прислонилась спиной к подлокотнику кожаного дивана.

Их головы покоились рядом. Розмари и Энди смотрели, слушали.

— О, гляди...

Он откашлялся.

— Через три минуты после Зажжения начнут освобождаться летучие вирусы. Они распространятся...

Розмари резко повернулась к нему:

— В лаборатории сказали, что свечи чисты...

— Наверное, не знали, что надо искать. Потому-то он меня и приколотил. Чтобы я тебе не рассказал, пока есть время всех оповестить. Я собирался... — Он судорожно сглотнул, посмотрел на нее. — Мне было так мерзко. Я все думал о малыше Джеймсе...

Розмари посмотрела ему в глаза. Музыка Зажжения набирала силу, пел хор.

— Рози? Ты здесь?

— Джо! — крикнула она. — Подожди секунду!

Она попыталась встать, но Энди забинтованной рукой схватил ее за предплечье.

— Мама, я так виноват! — На тигриных глазах выступили слезы. — Я лгал тебе, все скрывал... о свечах, о нем... Аучше бы я умер!

Розмари повернулась к дверному проему — там уже появился Джо, рослый, франтоватый, настоящий денди. Ультраденди: котелок, белые галстук и перчатки, фалды, рулон золотисто-голубого шелка в одной руке и корзина для пикников в другой.

— Забавно, — сказал он, роняя рулон на кресло. — Я всегда думал, что будет настоящий праздник, но теперь, когда наконец наступил этот момент, у меня вдруг появилось ощущение... что самое подходящее слово для него — похороны. Гм.

Джо поставил корзину на столик, снял котелок, положил рядом с корзиной полями кверху.

— Тебе очень повезло, — указал он пальцем в белой перчатке на Энди, — что у тебя такая любящая матушка. Если бы не она, ты бы до конца вечности повисел на стене.

Стоя на коленях, держась за край пристенного столика, Розмари подняла голову и посмотрела на него:

— Джо?

— Привет, киска.— Дергая перчатки за пальцы, он улыбнулся. И подмигнул ей желтым адским глазом.

Он улыбался, пока она, не сводя с него глаз, под бормотание Энди поднималась на ноги.

Он бросил перчатку в котелок, принялся снимать вторую.

— За ним нужен глаз да глаз. Разве можно доверить ему шоу, разве мог я оставить в живых наполовину человека, то есть способного размякнуть? никоим образом — слишком уж многое поставлено на кон. И был я прав или не прав, позволь тебя спросить?

В котелок упала вторая перчатка.

Розмари не сводила с него глаз.

— Я предвидел, что на дантиста наедет такси или что-нибудь в этом роде,— сказал Джо, подтягивая белый галстук.— Я знаю, как это делается. Мегашахматы, бесконечная игра: он белый, я черный. Первый шаг за ним, но сегодня я смахну с доски его пешки. А также коней, и слонов, и короля. А королеву приберегу.— Он поклонился Розмари и подмигнул.— Чисто сработано, правда? Ты — его логически закономерный шаг, твоя задача — добиться, чтобы наш котенок распустил сопли. Поэтому я держал в руке Джо и ждал своего часа.

Розмари не сводила с него глаз.

— К кому скорее всего обратится попавшая в беду дамочка? — продолжал он, расправляя на животе рубашку.— К кому, если не к бывшему полицейскому, якобы имеющему связи с гангстерами? А если, к примеру, дамочке понадобится химик-эксперт? Или билеты на хит сезона, или места в церкви на молитве? Кстати, сердечный привет от

Мэри-Элизабет и ее любовницы-лесбиянки! — Он ухмыльнулся. — Детка, когда я вхожу в собор, у всех начинаются схватки. Но довольно о моих дьявольских махинациях.

Он развернул золотисто-голубой рулон, достал ее брючный костюм и блузу, вынул сандалии, протянул ей.

Розмари посмотрела на свои вещи.

— Переодевайся. И приведи себя в порядок. У него в ванной для гостей полный комплект косметики от «Элизабет Арден»... Ну, давай же! Мы немного потанцуем. Танцы лучше разогревают, чем все это дерьмо. Здесь есть большой зал, именно там я его учил. У вас, ребята, мало что получается прилично, но на этот балльный зал посмотреть стоит.

Она перевела дыхание и сказала:

— Я лучше умру. Честное слово. Я серьезно.

— О? — Он опустил руки, кивнул. — Понимаю, что ты чувствуешь. Это наследственное. Плюс церковное воспитание. — Он снова кивнул и покосился на гвоздь, лежащий на ковре.

Окровавленный стальной гвоздь взмыл в воздух, качнулся в сторону, поднялся еще выше и приклеился шляпкой к потолку футов в девяти или десяти над лицом Энди.

Энди лежал и смотрел на гвоздь.

— В какой глазик? — Джо-Сатана поглядел на Розмари.

Она подняла руки.

— Расслабься. Помнишь? Я все делаю сам.

Они танцевали на скользком черном полу перед мерцающей диорамой — Ист-сайд, мост Уайтстоун, Квинс — под светящимися днищами облаков.

Он пел вместе с Фредом Астером: «Пока не грянул час расплаты и не сбежали музыканты, танцуй и пой!» — и прижимал ее к себе. Держал за талию, за руку.

— Послушай, извини, что я так нехорошо себя вел. Ты должна понять: у меня сегодня совершенно особенная ночь

и я чуток мандражирую. И я не привык выслушивать грубости, разве что от него в последнее время.

— И за это ты прибил его к стене? — не глядя на Джо-Сатану, спросила Розмари.

Они танцевали под пианино, духовые инструменты, тарелки и барабаны.

— Слушай, Рози, я ведь мог приказать, чтобы с тобой разобрались, однако не сделал этого. Я ограничился комой и позаботился о том, чтобы ты лежала в хорошей клинике и твои счета вовремя оплачивались.

Розмари глядела в сторону, и он заставил ее повернуться.

— В эту ночь мы будем смотреть в глаза друг другу. И не говори, что не помнишь. Должно быть, ты очень испугана, даже в ужасе. Не буду к тебе слишком строг. Но для меня это волнующий и прекрасный момент. Единственный в жизни — в одной из моих жизней, а не в твоей; надеюсь, ты понимаешь, о чем я говорю. Лучше будет, если поймешь. И кто знает, возможно, я даже умнее, чем кажусь самому себе. Возможно, я знал — или всего лишь надеялся где-то в глубине души, — что, если ты доживешь до той поры, когда Энди придет время взяться за дело, может случиться, мы снова поглядим друг другу в глаза в более приличной, «цивилизованной» ситуации и у нас, так сказать, появится шанс вернуться туда, откуда мы пошли разными путями.

Она смотрела на него, он улыбался.

— И вот глядим... Тебе нравятся его глаза? Могу сделать такие же. — Он посмотрел на нее тигриными глазами. — Тебе нравится Кларк Гейбл? — В этот момент ее спрашивал и ей улыбался Кларк Гейбл. — Скарлет, я могу всю ночь напролет изображать Ретта Батлера. — С плутоватой улыбкой Гейбл покачивал ее. — Сейчас — наверх, но свет не погаснет. — Джо-Сатана оторвал ее от пола. — Мои спецэффекты весьма специфичны.

Она отвернулась. Продолжая вести в танце, он заставил ее прогнуться, заглянул в глаза, привлек к себе.

— Пока не грянул час расплаты... — пропел Фред Астор. Джо-Сатана поставил ее на ноги.

— А сейчас перейдем к приятной стороне дела. На тот случай, если ты не понимаешь, к чему все идет... Рози, я говорю о вечной юности. Выбери возраст — двадцать три, двадцать четыре, да сколько скажешь! — и он твой навеки. Ни болей, ни хруста в суставах, ни противных коричневых пятнышек, все отлажено, все тикает, как мотор «ролс-ройса».

Розмари посмотрела на него. Он кивнул.

— Я это часто предлагаю, однако редко обеспечиваю. Ты достаточно стара, чтобы оценить предложение, и тебя я не обману. Получишь не только потерянные годы, но и те, что впереди, все до последнего. Проживешь их в приятном окружении — ничего общего с адской сволочью, которая тебе всю жизнь искалечила... Рози, по части обслуживания я дам этой гостинице сто очков форы.

— А ты отменишь Зажжение, если я... — Розмари загнулась.

— Послушай, — сказал он, — давай без этого, а? Нет, не отменю. Да и не могу, уже слишком поздно. Так что — или вечная юность, или смерть, как только спустишься на несколько этажей. Газ сюда не достанет, он тяжелее воздуха. Вот почему мы с тобой наверху.

Она попятилась от него.

— А как же Энди?

Он покачал головой.

— Я в нем больше не нуждаюсь, да и не верю ему, тем более когда дело касается тебя. У нас еще будут дети. Сколько захочешь. Вечная юность, помнишь? Розмари, подумай! Я понимаю, такое решение принимать нелегко, учитывая твоё прошлое и прочие обстоятельства, но ты умная женщина и способна помножить два на два. Ты ведь меня лихо сделала, когда расколола загадку Джуди. Так что наверняка ты поймешь: это единственный выход.

Они танцевали на фоне блеска и облаков. Он вертел ее, удерживал, прижимался щекой к ее щеке.

— Я в раю... Я в раю... Сердце бьется так сильно — не могу говорить... — пел Фред Астор.

В свете мерцающих экранов Розмари сторбилась в кресле, сложив руки на груди и опустив голову.

Энди полулежал на диване, упиравшись локтем в подлокотник. Коврик был отброшен. Тигриные глаза смотрели на Розмари, рогатая голова покачивалась, губы обнимали соломинку из банки с кока-колой, которую он держал между когтистыми большим и указательным пальцем обмотанной полотенцем руки.

Джо-Сатана сидел в кресле, откинувшись на спинку; ноги в черных шелковых носках лежали на пристенном столике. Дьявольские очи (умеренные до тигриных) поглядывали то на жену, то на сына. Он ел икру, черпая ее ложкой из фунтовой банки. Не боясь испачкаться, перевернул банку, глянул на многофункциональные часы.

— О, черт! Три минуты двенадцать секунд, а уже началось. Смотрите, парень на лестнице! Видите? А там, вон там, женщина. Хо-хо, глядите, куда упала свеча. — Он покачал головой из стороны в сторону, отвесно воткнул ложку в икру. — Поразительная точность! — Он поднял бокал с шампанским. Глотнул. — Молодцы были эти ребята. Ты куда?

Розмари вышла из комнаты. Приблизилась к окну.

Постояла, прижимаясь лбом к стеклу.

Пятьюдесятью двумя этажами ниже в парке искрилась золотая пыль. Золотая пыль на игровых площадках, золотая пыль на Шип-Медоуз. На севере, насколько охватывает глаз, мерцает золотая пыль — где-то ярче, где-то тусклее. Где-то она сменяется темными пятнами. Должно быть, половина населения города (и в том числе ядро «БД») собралась там, внизу, под голыми зимними деревьями, что-

бы зажечь свечи. Может быть, людей влекла туда память предков-друидов?

В двух окнах высокого, как утес, здания на Пятой авеню вспыхнул огонь. В Квинсе облака окрасились багрянцем. В вышине на фоне звездного неба медленно проплыли несколько огней — самолет одной из немногочисленных международных авиакомпаний, которым не удалось отменить все рейсы на этот час. Но пилот вернется и зажжет прихваченную с собой свечку за всех пассажиров и членов экипажа, которые тоже затеплят свечи после посадки.

Далеко внизу в искрящейся золотом парковой части Централ-парк-саут завалился набок крошечный конь и увлек за собой карету. За ним рядом лежали другие кони и экипажи. Легковые машины и автобусы стоят — их окружает золотая пыль и черные крапинки.

Розмари плакала.

Если бы она поднялась сюда в пятницу вечером, когда впервые услышала призыв Энди... Если бы стыд не заглушил остальные чувства...

Она содрогнулась всем телом.

Глубоко вздохнула. Вытерла щеки тыльными сторонами ладоней.

Услышала за спиной шаги.

— Я остаюсь с Энди, — сказала она.

— А я думал, ты умнec, — сказал Энди.

Она повернулась к нему. Они посмотрели друг на друга.

— Уходи.

— Как? — спросила она. — Я ведь не заслужила даже вечную старость. Даже еще одного дня жизни.

— Уходи, — повторил Энди. — Поверь, так надо. Все будет хорошо.

— Хорошо? — Ее глаза наполнились слезами. — У меня все будет хорошо? Когда в целом мире все умрут, и ты умрешь, и я останусь с ним? Да ты обезумел от голода! Ты сумасшедший!

— Посмотри на меня,— сказал он.

Она заглянула в тигриные глаза.

— На этот раз ты можешь мне поверить.

Розмари вглядывалась в его лицо.

— В самом деле?

— Какая мне выгода лгать? — Энди улыбнулся.

Она тоже улыбнулась и погладила его по щеке. Они поцеловались в губы. Целомудренно.

Улыбнулись друг другу.

Он шагнул в сторону, протянул перевязанную руку в сторону Джо-Сатаны, который во фраке и белом галстук, с котелком в руках ждал у открытого медного цилиндра.

Розмари постояла секунду-другую и пошла: креп покачивается из стороны в сторону, высокие каблуки щелкают по скользкому черному полу.

Джо-Сатана галантно пропустил ее в кабину из красной кожи и меди. Она повернулась и мельком увидела Энди, стоящего на фоне мерцания и облаков с поднятой рукой, затем Джо-Сатана приблизился к ней вплотную, и за его спиной затворилась дверь лифта.

Они стремительно полетели вниз.

Он надел ей на голову свой котелок, сдвинул его на затылок, распушил несколько локонов.

— Прелесть!

Розмари посмотрела на его белый галстук. Настоящий узел, никаких резинок с застежками.

— Как мы пройдем через газ?

— Об этом не беспокойся.

Он улыбался, а она посмотрела вверх, на красные буквы и цифры, мелькающие над его головой: 10, 9, 8... 1, -1, -2...

Кабина помчалась еще быстрее.

Стало жарко.

— Скорей бы избавиться от этого обезьяньего наряда,— сказал он.— Я имею в виду тот, что внутри. Я ведь его таскаю уже три проклятых года.

Он вонзил когти — когти! — в галстук и ворот сорочки, дернул, сорвал вместе с кожей шеи. Обнажилась черная с прозеленью чешуя; клочки материи и плоти полетели на медь и красную кожу.

Розмари посмотрела в адские глаза, на кривые белые рога.

— Ты же говорил, ада не будет.

— Розмари, деточка моя, — прохрипел он, срывая пиджак, рубашку с влажной черно-зеленой чешуи, — я алал! Неужели ты этого еще не поняла?

Извиваясь, к ее лицу потянулся огромный язык.

Она закрыла глаза и закричала...

А в следующий миг ее обхватили руки.

— Ро! Ро! — кричал он, держа ее, сжимая ее, целуя ее в лоб. — Все хорошо! Все хорошо!

Хрипя, задыхаясь, она открыла глаза.

— Все хорошо, — твердил он. — Все хорошо, все хорошо...

Она вцепилась в свою пеструю пижамную рубашку, окинула диким взором залитую светом раннего утра комнату.

Увидела афиши из Парижа и Вероны, желтый полноформатный плакат со словом «Лютер» и красным кольцом у нижнего края.

И, хрипя, всхлипывая, хватая ртом воздух, упала на мужскую грудь.

— О, Ги! Это было ужасно! И все не кончалось!..

— О, моя бедная девочка. — Он прижал ее к себе и поцеловал в лоб.

— Совсем как наяву!

— Вот что бывает, когда читаешь на ночь «Дракулу»...

Она отстранилась от него и посмотрела на пол. Там лежала книжка в бумажной обложке.

— Брэм Стокер! — вскричала она. — Ну конечно!

Пока она переводила дыхание, он сел на постели.

— Мы снимаем жилье в этом старом доме, а он называется Брэмфорд! Сначала он стоял в центре города, потом — в Сентрал-парк-уэст, сначала он был черным, потом розовым, сначала с горгульями, потом без... Сначала это была «Дакота», только квартирную плату там брали...

— Ну разве не мило? — Он лег, зевнул, почесал кожу под резинкой пестрых пижамных штанов.

Розмари повернулась и ударила его кулаком по плечу.

— А ты, подлый предатель! — воскликнула она. — Отдал меня шайке ведьм и колдунов!

— Выдумки! Выдумки! — Он со смехом поймал ее кулак.

— И у меня был ребенок от Сатаны!

— Ого! Если речь зашла о детях, то мне пора.

Он слез с кровати и пошел в ванную, оставив дверь полуотворенной. Розмари подобралась на коленях к зеркалу в золоченой оправе, что висело на стене в изножье постели.

— О Господи! — Она погладила себя по груди, провела ладонями по щекам, схватила за волосы — огненно-рыжие, — поцеловала их, посмотрела в глаза своему отражению, пощупала кожу вокруг глазных яблок, погладила щеки, горло, руки. — Мне было пятьдесят восемь! Правда, я выглядела чуть моложе, но мне было пятьдесят восемь! Чудовищно! Я походила на тетю Пэг!

— Разве она не милашка?

— Да, но все-таки... Пятьдесят восемь... — Розмари присвистнула. — До чего же здорово снова оказаться молодой! А ведь это было так реально! Все! От и до! — Она села и нахмурилась. — Год тысяча девятьсот девяносто девятый. И в нем творится всякая чертовщина. Мы с сыном как... Иисус и Мария... только совсем иначе...

Розмари тряхнула головой, снова встала на колени и пригляделась к своим щекам. Хорошенько пригляделась. Заметила крохотное пятнышко.

— Надо будет лучше заботиться о коже...

— Хорошо, что я рано встал. Я решил попробоваться на роль в «Брысь, кошка!».

— В тысяча девятьсот девяносто девятом она будет хитом,— сказала Розмари, вглядываясь в свой левый глаз.— Воскресят.

— Ага, я расскажу — народ на уши встанет! Правда, здорово будет, если я приду и выдам: «Джентльмены, счастлив заявить, что вы сотворили шедевр. Моей чокнутой женошке сегодня ночью приснилось, что в тысяча девятьсот девяносто девятом ваша пьеска получит новую жизнь».

— С каких это пор я чокнутая? — Розмари смотрела в зеркало, приподнимала и опускала локон на виске.

— Ты что, забыла? Шоу-бизнес!

— У роликовых коньков все четыре колеса будут в один ряд,— проговорила она.

— Этой тайны я никому не выдам.

Она хихикнула.

— А на Коламбус-серкл стоит большая золотая башня.— Розмари принялась рассматривать другую половину лица, сжимая локон двумя пальцами почти у самых корней.— Я там жила, когда была старая.

— А я где был?

— То ли в могиле, то ли прозябал в неизвестности.

— Один черт.

Эта шутка вызвала у нее улыбку.

— Пускай Эрни подстрижет меня, что ли..

Зазвонил телефон, Розмари нагнулась, нащупала на полу аппарат, подняла черную трубку.

— Алло?

— Ал-ло, мой ангел! Извини, если разбудил.

— Хатч! — Розмари повалилась на спину и расправила провод.— Ты даже не представляешь, как я рада тебя слышать! У меня был самый жуткий сон в жизни, и в нем на тебя навела порчу дюжина чернокнижников.

— Сон в руку. Именно это я и чувствую: будто на мне порча. Вчера вечером я заложил за галстук и сейчас в теннисном клубе борюсь с похмельем. Здесь Джеральд Рейнольдс. Скажи-ка, вы с Ги еще не подыскиали новую берлогу?

— Нет. И почти в отчаянии. В конце месяца надо съезжать, а к этому времени все будет занято.

— Дитя мое, твое счастье, что на свете есть я. Помнишь, я тебе говорил об апартаментах Джеральда? С джунглями и попугаями? В «Дакоте»?

— Да мало ли таких разговоров! То есть о «Дакоте». Не об апартаментах... — Розмари смотрела вперед и навивала на палец локон, а в другой руке держала трубку телефона.

— Ему нужно, чтобы там год, а то и больше кто-нибудь пожил. Он домой собирается, сниматься у Дэвида Лина. И с ног сбился в поисках серьезного, ответственного человека, способного позаботиться о флоре и фауне. Улетать собирается послезавтра. У него был уговор с племянницей, но вчера ее сбило такси: бедняжка по меньшей мере полгода проведет в больнице.

Из-за двери ванной высунулось лицо в мыльной пене.

— Апартаменты? — изобразил Ги губами.

Розмари кивнула.

— Эй, ты меня слышишь?

— Да. — Она взяла телефонную трубку в другую руку, потому что рядом сел Ги. Не выпуская из руки бритву, он наклонился к Розмари — послушать.

— Ангел мой, это бесплатно! Четыре комнаты в «Дакоте» с видом на парк! Будете жить среди знаменитостей: Леонард Бернстайн! Лорен Баколл!* А к соседним апартаментам приценивался один из «Битлов»!

* Леонард Бернстайн (1918–1990) — американский дирижер, пианист и композитор. Лорен Баколл (р. 1924 г.) — американская киноактриса.

Розмари и Ги переглянулись.

Потом, поигрывая локоном, она устремила взгляд вперед.

— Хочешь обсудить с Ги? Впрочем, что обсуждать? Лови момент! Тут один парень топчется за моей спиной, тоже решил кого-то порадовать. Я подожду, десятицентовик есть, но он уже во мне дыру прожиг глазами! Да, пока не забыл: «жареные мулы»! Ровно три минуты двенадцать секунд. Засекал по часам.

Розмари опустила трубку телефона на несколько дюймов.

— Послушай,— сказал Ги,— ты ведь не позволишь какому-то сну тебя доставать? Еще чего! «Дакота»! Бесплатно! Она молча глядела прямо перед собой..

СОДЕРЖАНИЕ

РЕБЕНОК РОЗМАРИ	5

Перевод с англ. С. Алукард и В. Терещенко

СЫН РОЗМАРИ	227

Перевод с англ. В. Задорожного и Г. Корчагина

Литературно-художественное издание

Айра Левин

РЕБЕНОК РОЗМАРИ

Ответственный редактор *И. Шефановская*

Художественный редактор *А. Сауков*

Технический редактор *О. Шубик*

Компьютерная верстка *Н. Шабунина*

Корректоры *К. Шефановская, М. Ахметова*

В оформлении переплета использована иллюстрация художника *Таргете*

ООО «Издательство «Домино», 197198, Санкт-Петербург,
ул.Блохина, 20/7. Тел./факс (812)325-13-28

ООО «Издательство «Эксмо»

127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел.: 411-68-86, 956-39-21.

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

**По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»
обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.**

Оптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-кэнц»:

ООО «ТД «Эксмо», 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменный ш., д. 1. Тел./факс: (095) 378-84-74, 378-82-61, 745-89-16.

Многоканальный тел. 411-50-74. E-mail: reception@eksmo-sale.ru

Мелкооптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-кэнц»:

117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (095) 932-74-71.

127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел.: (095) 745-89-15, 780-58-34.

www.eksmo-kanc.ru e-mail: kanc@eksmo-sale.ru

**Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо» в Москве
в сети магазинов «Новый книжный»:**

Центральный магазин — Москва, Сухаревская пл., 12

(м. «Сухаревская», ТЦ «Садовая галерея»). Тел. 937-85-81.

Информация о других магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:

«Книжный супермаркет» на Загородном, д. 35. Тел. (812) 312-67-34

и «Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо»:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.

Тел. отдела реализации (812) 265-44-80/81/82/83.

В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.

Тел. (8312) 72-36-70.

В Казани: ООО «НКП Казань», ул. Фрезерная, д. 5. Тел. (8432) 70-40-45/46.

В Киеве: ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Луговая, д. 9.

Тел. (044) 531-42-54, факс 419-87-49; e-mail: sale@eksmo.com.ua

Подписано в печать 14.09.2005

Формат 84×108¹/₃₂. Печать офсетная. Бумага тип. Усл. печ. л. 24,36.

Тираж 5000 экз. Заказ 8011.

ОАО «Тверской полиграфический комбинат»

170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5. Телефон: (0822) 44-42-15

Интернет/Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) - sales@tverpk.ru

ШЕДЕВРЫ МУСЫКАШЫ ШЕДЕВРЫ МУСЫКАШЫ

АБРА
ЛЕВИН

Abram Levin

ISBN 5-699-13800-5

9 785699 138005 >

ШЕДЕВРЫ МУСЫКАШЫ ШЕДЕВРЫ МУСЫКАШЫ